

Е. КИРИЛЮК

Матвеев
Матвеев

Е. КИРИЛЮК

Старас
Шевченко

*Критико-
биографический
очерк*

Перевод с украинского

МОСКВА
« ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА »

1988

ББК 83.3Р1
К 43

Перевод автора—
Е. КИРИЛЮКА

Рецензент
канд. филолог. наук
И. АЙЗЕНШТОК

Оформление художника
Р. ВЕЙЛЕРТА

К $\frac{4603010201-157}{028 (01)-88}$ 204-88
ISBN 5-280-00400-6

© Перевод, оформление. Изда-
тельство «Художественная лите-
ратура», 1988 г.

НАЧАЛО

1

«Жизнь нашего поэта так удивительна, что, слушая о ней, можно было бы сказать, что это легенда, если бы все это не происходило на наших глазах». Так начал свою повесть о Шевченко украинский писатель Степан Васильченко. Действительно, родиться в убогой сельской хате в семье крепостного и стать великим народным поэтом, художником, борцом и революционным мыслителем, имя которого ныне известно во всем мире,— для этого необходимо было обладать незаурядным талантом, мужеством, стойкостью духа. Неимоверно тяжелой была судьба поэта, но он преодолел все невзгоды и создал бессмертные, гениальные произведения. Ему суждено было стать основоположником новой украинской литературы.

Тарас Григорьевич Шевченко родился 9 марта (25 февраля ст. ст.) 1814 года в с. Моринцы¹ Звенигородского уезда Киевской губ. (ныне Черкасская обл.). Отец — Григорий Иванович (1781—1825) был родом из села Кирилловка, мать Катерина Акимовна Бойко (1783—1823) — из села Моринцы. До 1810 года семья жила в селе Кирилловке, а затем переехала в село Моринцы в хату крепостного крестьянина Копия, сосланного в Сибирь. Они были крепостными В. В. Энгельгардта, бывшего псковского и смоленского генерал-губернатора, обладавшего поместьями во многих губер-

¹ В автобиографии Шевченко ошибочно написал, что родился в с. Кирилловка.

ниях России (ему принадлежало около 160 тыс. десятин земли и 50 тыс. крепостных). Семья была очень большая — в маленькой хате жило одно время тринадцать душ! В Моринцах родился старший брат Тараса — Никита (1811 — около 1870). По воспоминаниям родственников поэта, его современников, Тарас родился в хате деда по матери Акима Бойко. Хата эта не сохранилась. На ее месте установлена мемориальная доска, с надписью: «Здесь стояла хата, в которой родился великий поэт и художник, революционный демократ Т. Г. Шевченко».

Вскоре Шевченки переехали в Кирилловку в хату деда Ивана. Затем они купили хату у крестьянина Тетерюка и поселились в ней.

Село Кирилловка (ныне село Шевченково), его живописные окрестности на всю жизнь запечатлелись в памяти и сердце поэта. Зеленые холмы и долины не раз воскрешались в его стихах. Сохранялись еще древние курганы, вблизи которых проходил чумацкий путь в Крым и Одессу. Неповторимые картины украинской природы в стихах, созданных в Петербурге и в ссылке, отражали впечатления детских и ранних юношеских лет.

Уже в детстве обнаружилась необычайная любознательность Тараса. В повести «Княгиня» он создал автобиографический образ крестьянского мальчика, ищущего «железные столбы», которые, по рассказам старших, «поддерживают небо».

Воспоминания Тараса о своем детстве всегда были очень печальными:

Доныне вспоминаю с дрожью
Ту хату на краю села...

Родители до изнурения работали на барщине, дети оставались на произвол судьбы. За маленьким Тарасом присматривала старшая сестра Катерина (1804—1848). Всю жизнь поэт вспоминал свою нежную, терпеливую няню. Но мальчику не исполнилось еще десяти лет, как Катерина вышла замуж за крепостного Антона Красицкого в соседнее село Зеленая Диброва. Когда Тарас подрос, отец стал брать его с собой в далекую дорогу. В автобиографическом отступлении повести «Наймичка» упомянуты города и села, оставшиеся в его памяти: Гуляй-Поле, Новомиргород, Девятая Рота, Дидова Балка, Грузовка, Елисавет (ныне Кировоград). Эти путе-

шествия расширяли кругозор любознательного мальчика.

Отец Тараса, в отличие от большинства крепостных, был грамотным, научился грамоте у местного дьячка. В поэме «Гайдамаки» говорится о том, как по праздникам в семейном кругу читал он «Четьи-Минеи» — жития святых, расположенные для чтения по дням. На восьмом году жизни Тараса отдали в науку к дьячку Павлу Рубану (по кличке «Совгирь»). Грамоте в ту пору обучали по церковнославянским книгам. В автобиографии поэт упоминал: «По многотяжком двухлетнем испытании прошел он Граматку, Ча[со]словец и, наконец, Псалтырь».

В 1823 году, когда Тарасу исполнилось всего девять лет, обессиленная изнурительным трудом на барщине, умерла мать. Оставшись с малыми детьми (Катерина уже вышла замуж), отец вынужден был жениться на вдове, у которой было своих трое детей. Через два года, в 1825 году, когда Тарасу едва минуло одиннадцать, умер и отец.

Тяжела была судьба сирот. В повести «Княгиня» Шевченко писал: «Кто видел хоть издали мачеху и так называемых сведенных детей, тот, значит, видел ад в самом его отвратительном торжестве». Особенно невыносимой стала жизнь после смерти отца. Вот лишь один из эпизодов. Сын мачехи Степан украл у солдата мелкую монету. В краже обвинили Тараса и жестоко избили. Позже, уже в ссылке, поэт имел все основания писать:

В том краю
Я вырос в хате, и в раю —
Я видел ад...

Тарас вынужден был оставить родной дом. Некоторое время он батрачил у своего дяди, затем у дьячка Петра Богорского. В автобиографии поэт вспоминал: «Дьячок, убедившись в досужестве своего школяра-попыхача, посылал его вместо себя читать Псалтырь по усопшим крепостным душам, за что и платил ему десятую копейку яко поощрение». Богорский был жестоким человеком, к тому же пьяницей, школяров он часто порол, по субботам избивал — всех без исключения.

Внешний вид Тараса можно себе представить по автобиографическому описанию в повести «Княгиня»: «Ходил я постоянно в серенькой дырявой свитке и в вечно грязной бессменной рубашке, а о шапке и о сапо-

гах и помину не было ни летом, ни зимой. Однажды дал мне какой-то мужик за прочтение Псалтыря на пришиви¹ ремню, да и тот от меня отобрал, как свою собственность».

В конце концов терпение Тараса кончилось, и он бежал. В автобиографии об этом сказано так: «Найдя его <Богорского> однажды бесчувственно пьяным, я употребил против него собственное его оружие — розги и, насколько хватило детских сил, оплатил ему за все его жестокости».

Бежал Тарас в местечко Лысянку к дьякону-богомазу, но и тут выполнял тяжелую работу. Обратимся снова к автобиографии Шевченко: «Три дня я терпеливо таскал на гору ведрами воду из речки Тикача и рстирал на железном листе краску медянку. На четвертый день терпенье мне изменило, и я бежал в село Тарасовку к дьячку-маляру, славившемуся в околотке изображением великомученика Никиты и Ивана Воина». В рукописи была еще одна весьма характерная фраза: «У последнего для большего эффекта рисовал он на левом рукаве две солдатские нашивки». Дьячок внимательно всмотрелся в левую ладонь ученика и отказал ему, «не находя в нем таланта, не только к малярству или шевству, ниже к бондарству».

Тарас вынужден был возвратиться в Кирилловку и стать пастухом общинного стада, некоторое время он служил у священника Григория Кошица. Сначала был «креденсовим» (буфетчиком — мыл посуду, топил печи), а потом стал кучером — возил поповича в Богуславскую бурсу и Киевскую семинарию. Возил он также сливы, яблоки и дыни на ярмарку в местечки Бурты и Шполу. Недолго он жил у своего брата Никиты, помогая ему по хозяйству.

От учителей-дьячков он выучился чтению. В автобиографическом стихотворении «А. О. Козачковскому» он вспоминает, как в детские годы переписывал в самодельную книжечку произведения Сквороды и «Три царие со дары». Последнее стихотворение — колядка, составленная киевскими бурсаками. Что касается Сквороды, то известно, что его стихотворение «Всякому городу нрав и права» входило в репертуар кобзарей и лирников.

Трудно сказать, не является ли фантазией упоми-

¹ Пришиви (укр.) — материал для нижней части сапог.

вание о чтении еще в детстве «Энеиды» Котляревского. В автобиографической повести «Художник» мы читаем: «Давно, очень давно, еще в приходском училище украдкою от учителя читал я знаменитую перелицованную «Энеиду» Котляревского».

Любил Шевченко украинскую народную песню. Много песен слышал он в детстве — от матери, сестер, отца. Песня сопровождала Шевченко всю жизнь. Современники вспоминали, как прекрасно, приятным мягким баритоном исполнял их сам Шевченко. Позже он собирал песни и записывал их с точностью фольклориста.

Рано проявилась у Шевченко страсть к рисованию. Об этом свидетельствовал один из первых его биографов Александр Лазаревский: «Где только можно было — на стенах, дверях, воротах Шевченко постоянно малевал углем или мелом. В школе, когда уже он мог достать бумагу и карандаш, — страсть эта развилась в нем еще сильнее»¹. Рисунки поэта украшали хаты односельчан. Так, у школьного товарища Шевченко — Гончаренко на стенах хаты висели рисунки Шевченко на грубой серой бумаге, изображавшие лошадей и солдат².

Пытаясь найти себе учителя рисования, Тарас отправился в село Хлыпивку, где прожил две недели. Местный художник, убедившись в способностях Тараса, потребовал от него разрешения помещика — Тарасу тогда исполнилось четырнадцать лет.

За разрешением на учебу у художника Тарас отправился в село Вильшана к управляющему.

Село Кирилловка принадлежало к Вильшанскому «ключу» (группе имений). В 1828 году умер Василий Энгельгардт, и его угодья разделили между наследниками. Кирилловка, Моринцы и еще некоторые села достались внебрачному сыну Павлу Васильевичу Энгельгардту, поручику гвардии, адъютанту виленского губернатора А. М. Римского-Корсакова.

Управляющим Вильшанского «ключа» был Д. Дмитренко, а его помощником Ян Станиславович Дымовский. Тарас обратился к самому управляющему. В это именно время Дмитренко набирал челядь для молодого помещика. Поэтому разрешения Шевченко он не дал. В автобиографии сказано так: «Помещику, Павлу Ва-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников. Гослитиздат. М., 1962, с. 23—24.

² Там же, с. 25.

сильевичу Энгельгардту, только что наследовавшему достояние побочного отца своего, понадобился расторопный мальчик, и оборванный школяр-бродяга попал прямо в тиковую куртку, в такие же шаровары и, наконец, в комнатные козачки».

Но в козачки Тарас попал не сразу. Вначале его послали на кухню. Из кухни он убежал в сад и рисовал. Сочувственно к Тарасу относился помощник управляющего Я. Дымовский. Не случайно в письмах из Петербурга Шевченко часто просил передать ему привет.

Тарас начал выполнять обязанности козачка. Об этом позже сказано в автобиографии: «Мой помещик... вменил мне в обязанность только молчание и неподвижность в уголку передней, пока не раздастся его голос, повелевающий подать стоящую тут же возле него трубку или налить у него перед носом стакан воды».

Но превратить молодого художника в бессловесного слугу было не так-то легко. В том же тексте мы читаем: «...сделать казака ручным с самого детства — это то же самое, что в Лапландии покорить произволу человека быстроногого оленя... По врожденной мне дерзости характера, я нарушал барский наказ, напевая чуть слышным голосом гайдамацкие унылые песни и срисовывая украдкой картины суздальской школы, украшавшие панские покои».

По воспоминаниям друга поэта И. М. Сошенко, записанным М. Чалым, можно предположить, что Шевченко учился в Вильшане у местного художника Степана Превлоцкого¹. Во всяком случае в списке дворовых, отправляемых в Вильно, около фамилии Шевченко отмечено: «Годится на комнатного живописца». Это в конце концов и решило судьбу художника.

Осенью 1829 года в обозе П. Энгельгардта Шевченко был отправлен из Вильшаны через Киев в Вильно — место службы Энгельгардта.

Крепостному художнику, когда он покинул свои родные места, шел шестнадцатый год. С юных лет любил он их красоту. Но среди этого земного «рая» жизнь крепостных крестьян была настоящим адом. Еще в детстве Тарас знал о борьбе крестьянских масс против помещиков-феодалов. В поэме «Гайдамаки» молодой поэт воспроизвел детские впечатления от рассказов деда о Колиивщине, восстании в 1768 году крестьянско-ка-

¹ См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 41.

зацких масс во главе с Зализняком и Гонтой против польских феодалов. Рассказы эти производили на мальчика сильное впечатление:

Никто и не видел, как маленький плакал.

Тарас исходил все места, где действовали гайдамаки: кроме родных сел побывал он на Боровиковом хуторе, в Будищах, Майдановке, Лысянке, Лебедине. В поэме «Гайдамаки» Шевченко ссылался на воспоминания стариков, с которыми ему приходилось беседовать. Не раз он слушал кобзарей и лирников, их неисчерпаемые исторические песни и думы, повествующие об этих событиях. Образы украинских народных певцов, создателей дум, носителей героических традиций украинского народа Шевченко позже не раз воссоздавал в своем творчестве. Поэтому и свой первый сборник стихов он назвал «Кобзарь».

Нет сомнения в том, что уже в юные годы зарождалось социальное и национальное самосознание Шевченко — уже тогда он начинал понимать то, что выразил четко позже: «Я по плоти и духу сын и родной брат нашего обездоленного народа».

Со всеми этими впечатлениями выехал Тарас с Украины в далекий путь...

2

Дорога из Киева до Вильно (Вильнюса) проходила через Чернигов, белорусские города Лоев, Жлобин, Бобруйск и Минск. Белоруссия поразила Шевченко своим убожеством. Позже в повести «Музыкант» он дал такой невеселый образ: «Они приближались к стране постоянно голодной, то есть к Белоруссии... Трогательные картины случалось ему видеть в сей убогой стране... голод, нищета...»

В некоторых дореволюционных биографиях указывалось, что Шевченко вместе с Энгельгардтом находился в Варшаве и даже учился у художника Франца Лампи. Такой большой город, как Варшава, не мог не оставить след в его памяти. Между тем в автобиографии он точно указал города, в которых ему приходилось бывать, «странствуя с обозом за своим дидычем¹ в Киев, Вильно и Петербург...».

¹ Д и д ы ч — помещик (укр.).

Осенью 1829 года Тарас прибыл в старинный литовский город Вильно. Архитектура большого города поразила его. В поэме, написанной в ссылке, «У Вільні, городі преславнім», он упомянул университет, Острую Брамму, замок Любск, предместье Закрет, реку Вилию (Нерис). Часть населения города составляли поляки. Тарас слышал здесь литовскую и польскую речь. Вообще впечатлений было много — все это расширяло горизонт молодого художника.

У Шевченко была собственная коллекция лубочных картин с изображением исторических и легендарных героев: Кутузова, Кульнева, казака Платова, Соловья-разбойника и др. 6 декабря 1829 года — в день тезоименитства Николая I, когда хозяева ушли в гости и Тарас остался в доме один, он зажег свечу, развернул свои сокровища и, «...выбрав из них казака Платова, принялся благоговейно-тщательно копировать. Уже дошел до маленьких казачков, гарцующих около дюжих копыт коня казака Платова, как растворилась дверь, пан и пани возвратились с балу. Пан с остервенением выдрал его за уши, надавал пощечин за то, дескать, что он мог не только дом, город сжечь. На другой день пан велел кучеру Сидорке выпороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо».

Тяжело перенес молодой художник унижительное наказание и долго помнил об этом.

И все же это печальное событие повлекло некоторые изменения в судьбе Тараса. Энгельгардт решил сделать из казачка домашнего художника. В помещичьих имениях было тогда немало крепостных музыкантов, артистов, художников. Известны труппы Трощинского, Скоропадского, хоры и оркестры Галагана и Тарновского.

Мы не знаем, кто был первым учителем Шевченко в Вильно. Возможно — Ян Рустем (Рустемас). Последнего Шевченко упомянул в одном из писем периода ссылки к Бр. Залесскому: «Теперь я могу тебе сказать только, что говаривал когда-то ученикам своим старик Рустем, профессор рисования при бывшем Виленском университете: «Шесть лет рисуй и шесть месяцев малой и будешь мастером». И я нахожу совет его весьма основательным». Правда, это упоминание не дает еще оснований считать Рустема непосредственным учителем Шевченко. Совет этот он мог услышать и от кого-либо из учеников художника. Во всяком случае на здании

Вильнюсского университета установлена мемориальная доска с текстом на литовском, русском и украинском языках: «В этом здании, в мастерской художника Я. Рустема, учился великий украинский поэт-революционер Тарас Шевченко».

Рисунки Тараса того времени, в частности, рисунок-копия итальянским карандашом «Бюст женщины», свидетельствует о том, что он учился у опытного мастера.

Шевченко хорошо знал город и его окраины. В одном из писем периода ссылки к Бр. Залесскому упомянута река Вилия (Нерис): «Как бы я желал поплавать по этой матери литовских рек».

Тогда же он познакомился с девушкой-швеей Дзюней (Дуней) Гусиковской. На всю жизнь сохранил Шевченко воспоминания об этом знакомстве. Позже, уже в Петербурге, он поделился со своим другом Иваном Сошенко: «Я в первый раз пришел тогда к мысли — отчего и нам, несчастным крепачкам, не быть такими же людьми, как и прочие свободные сословия?»¹

В конце ссылки он записал в «Дневнике»: «Во сне видел церковь святых Анны в Вильне и в этой церкви молящуюся милую Дуню, чернобровую Гусиковскую». Очевидно, этим вызвана и фраза в письме к Бр. Залесскому: «Вильно так же дорого моему сердцу, как и твоему».

В Вильне Шевченко стал впервые свидетелем революционных событий. 29 ноября 1830 года в Варшаве началось польское восстание против царизма. В Вильно также действовали польские революционные кружки. Незадолго до этого в Виленском университете учился Адам Мицкевич, преподавал в нем один из идеологов польского революционного движения Иоахим Лелевель, о котором Шевченко упомянул позже в повести «Художник».

Вполне возможно, что именно в связи с восстанием П. Энгельгардт решил выйти в отставку и переехать в Петербург. Известна точная дата прибытия его в столицу — 9 февраля 1831 года. Шевченко, с другими слугами и вещами Энгельгардта задержавшийся в Вильно, мог наблюдать разворот революционных событий, мог читать расклеенные на стенах прокламации, в частности и на русском языке: «Страдающие в железных веригах самодержавия, согбенные под тяжким и постыдным игом

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 49.

рабства, восстаньте с нами, россияне! Настало время освобождения страждущей России. Внемлите призывающему вас гласу двухсот тысяч вооруженных поляков, готовых жертвовать собою, чтобы искупить свободу и независимость...»¹

Кратковременным было пребывание Шевченко в Вильно, но и оно содействовало росту его самосознания и художественных навыков.

В конце февраля или в начале марта 1831 года Шевченко прибыл в Петербург. Вероятно, прибыл он с барским обозом.

3

С прибытием в Петербург начался новый, весьма важный этап в жизни Шевченко.

Петербург был центром феодально-крепостнического гнета. Вместе с тем «град Петра» был средоточием культуры своего времени, революционно-освободительного движения. Этот Петербург Шевченко не мог не оценить. Ведь именно здесь, в этом городе, он был освобожден от крепостного состояния, здесь получил высшее художественное образование, здесь начал писать и печатать свои стихи, здесь сформировались его революционные взгляды.

Первое время и в Петербурге Шевченко оставался слугой, козачком. Но в 1832 году, когда ему исполнилось восемнадцать лет, как сказано в автобиографии, «...по неотступной его просьбе, помещик законтрактовал его на четыре года разных живописных дел цеховому мастеру, некоему Ширяеву».

Василию Григорьевичу Ширяеву было тогда 37 лет. Он происходил из крепостных крестьян, учился в Арзамасской художественной школе академика Ступина. В повести «Художник» Шевченко писал о Ширяеве: «Он был цеховой мастер живописного и малярного цеха. Держал постоянно трех, иногда и более замарашек в тиковых халатах под именем учеников и, смотря по надобности, от одного до десяти нанимал подневно и помесячно костромских мужичков — маляров и стекольщиков, — следовательно, он был в своем цеху не последний мастер и по искусству, и по капиталу».

¹ Попов П. Революционные прокламации польских повстанцев 1831 г. — В сб.: Декабристы на Україні, т. 2, Київ, 1930, с. 139.

Поскольку сам Ширяев прошел тяжелый жизненный путь, ученикам его также жилось не легко. В автобиографии Шевченко отмечал: «Ширяев был ретивее всякого дьячка-спартанца».

Известный украинский художник М. Бурачек, автор монографии о Шевченко-художнике, отмечал положительную роль Ширяева, научившего Шевченко «орнаментации геометрической, растительной; кроме того, он должен был рисовать головы и целые фигуры амуров, богинь и муз, выполняя все это в псевдоклассическом стиле, тогда господствовавшем. Возможно, что для того, чтобы приобрести опыт, Шевченко по собственной инициативе бегал в Летний сад делать зарисовки, но, возможно, сам Ширяев требовал от своего подмастерья таких рисунков. Ширяев хорошо понимал, что значит рисовать с натуры»¹.

Шевченко изучал картины и гравюры, висевшие в помещении Ширяева, а также много читал, в частности, русский перевод «Путешествия молодого Анахарсиса по Греции» французского ученого и писателя Жан Жака Бартеlemi.

Известно, что Ширяев выполнял сложные работы по внутренней отделке Сената, Большого театра и обращался в Совет Академии художеств с просьбой присвоить ему звание художника. Отказали ему лишь ввиду отсутствия надлежащей теоретической подготовки.

У Ширяева происходили своеобразные литературные чтения.

«Я нередко бывал там. Мы беседовали по вечерам; иногда я читал и декламировал поэтические произведения Пушкина и Жуковского, и в это время в соседней комнате у растворенных дверей постоянно стояли, слушали и смотрели на меня двое учеников г. Ширяева. Они у него были в ученье, и кое-как рисовали, и были на побегушках, терли краски. Потом учитель их доставил им возможность посещать академические классы. Им было тогда лет по шестнадцать или семнадцать.

Для чего же, ты спросишь меня, я распространяюсь с такими подробностями о каких-то мальчишках? А для того, мой друг, что один из мальчишков этих впослед-

¹ Бурачек М. Великий народный художник. Київ, Мистецтво, 1939, с. 12.

ствии оказался любимым твоим поэтом Шевченко, а другой — Ткаченко, который впоследствии в полтавской гимназии был учителем рисования»¹, — вспоминал об этом И. К. Зайцев, который учился в это время в Академии художеств.

Таким образом годы, проведенные Шевченко в мастерской Ширяева, не прошли для него даром — в эти годы он безусловно совершенствовал свои художественные способности. Об этом свидетельствуют автобиографические моменты в повести «Художник», в частности посещение Большого театра после ремонта: «В ожидании увертюры я любовался произведениями моего protégé. (Для всех орнаментов и арабесок, украшающих плафон Большого театра, рисунки были сделаны им по указаниям архитектора Кавоса. Это сообщил мне не сам он и не честолюбивый его хозяин, а машинист Карташов, который присутствовал постоянно при работах и по утрам рано угощал чаем моего протеже».)

В это время Шевченко написал небольшой акварельный портрет Павла Васильевича Энгельгардта. Поскольку помещик вышел в отставку, на портрете он изображен в штатском. Другой работой петербургского периода является «Портрет женщины». Возможно, это один из тех портретов, о которых упоминается в автобиографии Шевченко: «Однажды тот же Энгельгардт увидел у Нечипоренко² работу своего крепостного артиста, которая ему, верно, очень понравилась, потому что он начал употреблять его для снятия портретов с своих любимых любовниц, за которые иногда и награждал рублем серебра, не более».

4

Новым поворотом в судьбе Шевченко было знакомство в Летнем саду с И. Сошенко. В повести «Художник», где рассказ ведется от имени Сошенко, события эти изложены так: «Приближаясь к тому месту, где большую аллею пересекает поперечная аллея и где в кругу богинь и богов Сатурн пожирает свое дитя, я

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 45.

² *Нечипоренко* — крепостной слуга Энгельгардта. В той же автобиографии сказано: «Для многочисленных проб терпеливо служил ему моделью его земляк и друг козак Нечипоренко, дворовый человек того же Энгельгардта».

чуть было не наткнулся на живого человека в тиковом грязном халате, сидящего на ведре, как раз против Сатурна.

Я остановился. Мальчик (потому что это действительно был мальчик лет четырнадцати или пятнадцати) оглянулся и начал что-то прятать за пазуху. Я подошел к нему ближе и спросил, что он здесь делает.

— Я ничего не делаю,— отвечал он застенчиво.— Иду на работу, да по дороге в сад зашел.— И, немного помолчав, прибавил: — Я рисовал.

— Покажи, что ты рисовал.— И он вынул из-за пазухи четвертку серой писчей бумаги и робко подал мне. На четвертке был назначен довольно верно контур Сатурна.

Долго я держал рисунок в руках и любовался запачканным лицом автора. В неправильном и худощавом лице его было что-то привлекательное, особенно в глазах, умных и кротких, как у девочки.

— Ты часто ходишь сюда рисовать? — спросил я его.

— Каждое воскресенье,— отвечал он.— А если близко где работаю, то и в будни захожу.

— Ты учишься малярному мастерству?

— И живописному,— прибавил он.

— У кого же ты находишься в ученье?

— У комнатного живописца Ширяева.

Я хотел расспросить его подробнее, но он взял в одну руку ведро с желтой краской, а в другую желтую же обтертую большую кисть и хотел идти.

— Куда ты торопишься?

— На работу. Я и то уж опоздал, хозяин придет, так достанется мне.

— Зайди ко мне в воскресенье поутру, и если есть у тебя какие-нибудь рисунки своей работы, то принеси мне показать.

Я записал ему адрес на его же рисунке, и мы расстались».

На основании сопоставления различных источников ленинградский исследователь П. Жур пришел к выводу, что знакомство Шевченко с Сошенко произошло в пятницу 3 июля 1836 года¹.

Но нельзя не упомянуть о некоторых противоречиях, связанных с этими вполне достоверными данными.

¹ Жур П. Шевченковский Петербург, Л., 1964, с. 81.

Известен протокол заседания Комитета Общества поощрения художников от 4 октября 1835 года, на котором присутствовали: председатель граф В. Мусин-Пушкин-Брюс; члены Комитета: граф, член Государственного совета, действительный тайный советник П. Кутайсов; известный скульптор и живописец, вице-президент Академии художеств граф Ф. Толстой, который впоследствии сыграл большую роль в жизни Шевченко; Андрей Сапожников, художник-гравер; казначей Общества, композитор, граф Михаил Виельгорский, который впоследствии принял участие в выкупе поэта и, наконец, земляк поэта, конференц-секретарь Академии художеств В. Григорович, также принявший ближайшее участие в выкупе поэта. В журнале заседания Комитета 12-м пунктом записано: «По рассмотрении рисунков постороннего ученика Шевченко, Комитет нашел оные заслуживающими похвалу, и положил иметь его в виду на будущее время»¹.

К сожалению, мы не знаем, какие именно рисунки представил Шевченко на рассмотрение Комитета Общества поощрения художников. Сохранился лишь один рисунок, датированный 1835 годом: «Смерть Лукреции». Тема его принадлежит к распространенным в те времена в Академии художеств темам так называемой «исторической живописи». Лукреция — легендарная героиня Древнего Рима. Обесчещенная Секстом Тарквинием, сыном царя Тарквиния Гордого, Лукреция лишает себя жизни. На рисунке изображена смерть Лукреции, вокруг нее — муж, отец, их друзья, среди них — Люций Брут. Вынимая меч из груди Лукреции, он клянется отомстить.

Выходит, что за десять месяцев до знакомства с Сошенко члены Комитета уже рассматривали рисунки юноши-крепостного. Кто именно представил их Комитету, мы пока не знаем: это могли быть и Григорович, и Толстой, и Сапожников, и Виельгорский. Правда, в повести «Художник» Шевченко даже не упомянул о рассмотрении его рисунков Комитетом.

Шевченко придавал исключительно большое значение роли Сошенко в своем освобождении от крепостной зависимости. Фактически именно своего старшего друга он и считает своим первым настоящим учителем. Впе-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали до біографії. Київ, 1975, с. 17.

чатление Сошенко от увиденных рисунков Шевченко в повести «Художник» описано таким образом: «Одно, что меня поразило в этих более нежели слабых контурах, это необыкновенное сходство с оригиналами, особенно контуры Франклина и Гераклита. Они выразительнее своих подлинников, правда и уродливее, но все-таки на рисунки нельзя было смотреть равнодушно».

Если судить по повести «Художник», Сошенко познакомил своего подопечного прежде всего с Венециановым. Это вполне возможно, так как Венецианов особенно помогал выходцам из крепостных, и его ученикам были известны «все его великодушные подвиги на поприще искусства».

Сошенко познакомил Шевченко и с Е. Гребинкой, у которого была богатая библиотека. Здесь он читал книги об истории Украины, фольклорные сборники, в частности М. Максимовича, произведения русской литературы: Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя; украинских писателей: Котляревского, Гребинку. Новый широкий мир раскрывался перед Шевченко.

Очевидно, с разрешения В. Григоровича Шевченко начал посещать рисовальные классы Общества поощрения художников, где программа имела много общего с программой Академии художеств. Об этом говорят сохранившиеся работы Шевченко 1836 года на исторические и античные темы, обязательные для всех учеников Академии художеств. На рисунке «Смерть Олега, князя древлянского» (тушь, перо) изображена гибель древлянского князя Олега во время нападения на него киевского князя Ярополка вследствие навета воеводы Свенелда. Содержание, детали рисунка соответствуют рассказу Н. Карамзина в «Истории государства Российского».

На рисунке «Александр Македонский выражает доверие своему врачу Филиппу» (тема была дана в том году ученикам Академии художеств на соискание золотой медали) больной Александр, невзирая на полученную записку, в которой говорилось, что врач намерен отравить его, передает записку врачу и пьет его лекарство.

Сюжет рисунка «Смерть Виргинии» взят из истории Древнего Рима (V век до н. э.). Виргиния — дочь плебея Люция. Один из децемвиров Аппий Клавдий, чтобы овладеть Виргинией, объявляет ее рабыней своего кли-

ента Марка. Отец Виргинии убивает ее, римское войско смещает дещемвиров.

К этой группе принадлежит более поздний (1837) рисунок «Смерть Сократа». Осужденный мыслитель, держа в руке чашу с ядом, обращается с речью к своим ученикам.

В повести «Художник» упоминаются еще некоторые «античные» рисунки, будто бы выполненные Шевченко, но, поскольку они не сохранились, трудно сказать, были ли они действительно.

Молодой художник обращается также к темам и сюжетам, далеким от античности, в частности, к сюжетам из украинской истории. Так, в эти же годы появился рисунок «Смерть Богдана Хмельницкого», на котором изображена передача умирающим гетманом булавы — сыну Юрию. По своему характеру близок к нему рисунок конца 1838 года «Казацкий банкет», на котором, по мнению некоторых исследователей, изображен прием Б. Хмельницким польского посольства во главе с Адамом Киселем в феврале 1649 года в Переяславе. Знаменателен сам факт обращения молодого художника к образу великого сына украинского народа, осуществившего воссоединение Украины с Россией.

Известно, что Шевченко посещал рисовальные классы Академии художеств. Его работы были известны членам Комитета Общества поощрения художников. На заседании Комитета с участием Ф. Толстого, В. Григоровича и др. 21 февраля 1837 года рассматривался вопрос о помощи «молодым художникам: Г. Борисову, П. Петровскому, С. Нерсесову (Нерсесяну), А. Басину и Шевченко». Комитет решил прежде всего определить «правила касательно вспоможений, оказываемых художникам»¹.

Вскоре такие правила были выработаны и в отчете Общества за 28 апреля 1837 года записано: «Пансионерам: Агину, Алексееву и Шевченко на художественные пособия 100 руб. 85 коп.»².

Правда, «пансионером» (стипендиатом) Общества в то время Шевченко еще не являлся, так как он не был еще освобожден от крепостной зависимости, но руководители Общества считали уже его художником, которому в первую очередь следует оказать финансовую помощь.

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 21.

² Там же.

Во время болезни ему также была оказана помощь на лекарства. В отчете Общества за 30 мая 1837 года указано: «Пансионеру Алексееву и ученику Шевченко на лекарства — 50 руб.»¹.

Очевидно, значительную роль в этом сыграл В. И. Григорович, которому впоследствии Шевченко посвятил поэму «Гайдамаки», и в посвящении назвал его «щирим батьком» (великодушным отцом).

И. Сошенко составил план освобождения Шевченко от крепостной зависимости и рассказал о нем многим профессорам и ученикам Академии художеств. Это отражено, в частности, в дневнике земляка Шевченко из Пирятина, впоследствии известного художника-академика Аполлона Мокрицкого. Благодарность к И. Сошенко Шевченко сохранил до конца своих дней. В автобиографии, написанной незадолго до смерти, Шевченко тепло упомянул о Сошенко — «с которым и до сих пор в самых искренних отношениях».

Круг друзей молодого художника-крепостного постепенно расширялся. При содействии Сошенко, Григоровича, Венецианова, Мокрицкого произошло знакомство Шевченко с Карлом Брюлловым, сыгравшее огромную роль в жизни Шевченко. Брюллов находился в зените своей славы. На весь мир прославилась его картина «Последний день Помпеи». Высокую оценку этому шедевру дали Пушкин, Гоголь, Герцен. В своем творчестве Брюллов прошел путь от классицизма через романтизм к реализму.

Обстоятельства знакомства с Шевченко, его выкупа мы можем себе представить приблизительно по повести «Художник». Однажды К. Брюллов зашел к Сошенко, когда у него был Тарас. Внешность молодого художника понравилась Брюллову. После ухода Шевченко он посмотрел его рисунки, спросил фамилию его хозяина и при этом сказал: «О Вашем ученике нужно хорошенько подумать». Уходя, он добавил: «Приведите его когда-нибудь ко мне».

Тарас посетил квартиру-мастерскую Брюллова: «Красная комната, увешанная большею частью восточным дорогим оружием, сквозь прозрачные красные занавеси освещенная солнцем, меня, привыкшего к этой декорации, на минуту поразила, а ему она осталась памятною до гроба».

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 22.

Весьма важна запись в дневнике художника А. Мокрицкого от 18 марта 1837 года. В этот день у Брюллова в гостях были: его брат Федор, Венецианов, А. Краевский, читавший новые стихи Пушкина. «Когда все ушли, — пишет Мокрицкий, — я остался один, говорил Брюллову насчет Шевченко, старался подвигнуть его на доброе дело; кажется, это будет единственное средство — через Брюллова избавить его от тяжких, ненавистных цепей рабства, — шутка ли: человек с талантом страдает в неволе по прихоти грубого господина»¹.

В записи от 31 марта Мокрицкий рассказал, что он пришел к Брюллову и в присутствии В. Григоровича прочитал стихотворение Шевченко: «Брюллов был чрезвычайно доволен и, увидя из одного мысли и чувства молодого человека, решил извлечь его из податного состояния, и для этого велел мне завтра же отправиться к Жуковскому, просить его приехать к нему»². Во время этой встречи, очевидно, обсуждался план освобождения Шевченко.

Молодого художника также познакомили с В. Жуковским, который, по воспоминаниям Сошенко, записанным М. Чалым, дал Шевченко «однажды тему: описать жизнь художника». К сожалению, произведение это не сохранилось, но оно, очевидно, очень понравилось Жуковскому, который с этого времени принял активное участие в хлопотах о выкупе Шевченко.

Успехи Шевченко поражали его друзей. Это отметил позже М. Чалый со слов Сошенко: «Масса приобретаемых сведений не задавила его способностей: светлый природный ум поэта систематизировал эти сведения, отличая между ними важное от неважного, не обременяя памяти беспорядочным хламом»³.

Сошенко по-прежнему руководил художественным воспитанием своего друга. В автобиографии Шевченко отмечал, что по совету Сошенко начал писать акварельные портреты с натуры. Нам известны некоторые портреты Шевченко 1837—1838 годов — портрет Екатерины Абазы, урожденной Нахимовой, портрет Е. Гребинки⁴.

К этому времени относятся и первые поэтические

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 56.

² Там же.

³ Там же, с. 51.

⁴ Высказывалось необоснованное предположение, что на портрете изображен В. Ф. Одоевский.

опыты Шевченко. Упомянув в автобиографии о своих рисунках в Летнем саду, он продолжал: «В этом саду и в то же время начал он делать этюды в стихотворном искусстве; из многочисленных попыток он впоследствии напечатал только одну балладу «Порченная». Одна из этих попыток не так давно нам стала известна. В авторитетном списке стихов Шевченко, переписанных И. Левченко, найдено одно из наиболее ранних его стихотворений «Нудно мені, тяжко — що маю робити?»¹.

Дело с освобождением Шевченко из крепостного состояния подвигалось медленно. Первый реальный шаг сделал К. Брюллов. Узнав от Сошенко адрес П. Энгельгардта, он вступил с ним в переговоры. О первом визите упоминается в повести «Художник»: «Это самая крупная свинья в торжковских туфлях», — так сказал Брюллов о помещике и просил Сошенко выяснить у Энгельгардта реальную цену, за которую он мог бы отпустить Шевченко на волю. В переговоры с помещиком вступил и А. Венецианов. И об этом визите упомянуто в повести «Художник»: Венецианов, так же как и Брюллов, разговор начал издали, но Энгельгардт прервал его:

« — Да вы скажите прямо, просто, чего вы хотите от меня с вашим Брюлловым? Одолжил он меня вчера. Это настоящий американский дикарь!

И он громко захохотал. Я было сконфузился, но вскоре справился и хладнокровно, просто объяснил ему дело.

— Вот так бы давно сказали. А то филантропия! — какая тут филантропия! Деньги и больше ничего! — прибавил он самодовольно... — Так вот же вам моя решительная цена: 2500 рублей!.. Он человек ремесленный... при доме необходимый...»

Не зная, как в конце концов разрешится вопрос о выкупе, Шевченко очень волновался. Об этом рассказал позже И. Сошенко М. Чалому².

Сумма 2500 рублей для того времени была довольно крупная. Как отмечал Шевченко в автобиографии, В. Жуковский «просил К. П. Брюллова написать его портрет для императорской фамилии с целью разыграть

¹ Впервые опубликовано в газ.: Радянська Україна, 1963, 1 октября. Научная публикация В. Бородина.— Збірник праць одинадцяті наукової шевченківської конференції. Київ, 1963.

² См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 53 и след.

его в лотерею в царском семействе. Великий Брюллов охотно согласился. Портрет написан. В. А. Жуковский с помощью графа М. Ю. Виельгорского устроил лотерею в 2500 рублей ассигнациями, и этою ценою была куплена свобода Т. Шевченко, в 1838 году, апреля 22».

Длительное время существовала легенда, будто бы Шевченко был выкуплен царем. Исследователи Н. Моренец, и в особенности П. Жур, выяснили до деталей все обстоятельства лотереи. Состоялась она в Аничковом дворце (теперь Дворец пионеров на Невском проспекте). Царица дала всего 400 рублей, великая княжна Мария Николаевна внесла 300 рублей и такую же сумму — наследник Александр. Таким образом необходимая сумма не была собрана. Тогда М. Виельгорский заказал художнику Н. Д. Быкову копию портрета за 1000 рублей. Состоялась вторая лотерея, и была собрана необходимая сумма для вручения П. Энгельгардту¹.

Вот текст отпускной, полученной Шевченко:

«Тысяча восемьсот тридцать восьмого года апреля двадцать второго дня я, нижеподписавшийся уволенный от службы гвардии полковник Павел Васильев сын Энгельгардт, отпустил вечно на волю крепостного моего человека Тараса Григорьева сына Шевченка, доставшего мне по наследству после покойного родителя моего действительного тайного советника Василия Васильевича Энгельгардта, записанного по ревизии Киевской губернии Звенигородского уезда в селе Кирилловке, до которого человека мне Энгельгардту и наследникам моим впредь дела нет и ни во что не вступаться, а волен он, Шевченко, избрать себе род жизни какой пожелает...»².

Подпись Энгельгардта засвидетельствовали В. Жуковский, К. Брюллов и М. Виельгорский.

Отпускную вручили Шевченко на квартире К. Брюллова 25 апреля 1838 года. Как отмечено в дневнике А. Мокрицкого, в два часа дня пришли В. Жуковский и М. Виельгорский. Василий Андреевич вручил отпускную. Свои переживания вольноотпущенный отразил позже в повести «Художник»: «Восторги его сменились тихой, улыбающейся радостью. Во все эти дни хотя он и принимался за работу, но работа ему не давалась, и он было положит свой рисунок в портфель, вынет

¹ См.: Жур П. Шевченковский Петербург, с. 122.

² Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 22.

из кармана *отпускную*, прочитает ее чуть не по складам, перекрестится, поцелует и заплачет».

Интересна судьба портрета Жуковского, созданного Брюлловым.

Поскольку лотерея в царском дворце не собрала нужную сумму денег, портрет не был передан во дворец. Автор продолжал над ним работу и закончил лишь в 1841 году. Видели его в мастерской Брюллова еще в 1849 году. После смерти художника в 1852 году он перешел к его брату Александру, а затем к известному коллекционеру В. Кокореву, от него — в Третьяковскую галерею. В наше время портрет экспонируется в Государственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве.

Версия Н. Д. Быкова, что в Третьяковке была его копия, искусствоведами не подтверждается. Судьба копии неизвестна¹.

¹ См.: Жур П. Шевченковский Петербург, с. 122.

**«ХОТЯ И ВОЛИ, СКАЗАТЬ ПО ПРАВДЕ,
НЕ БЫЛО...»**

1

Получив отпускную, Шевченко стал учеником (студентом) Академии художеств, сблизился с К. Брюлловым. Начался новый, важный период его жизни. В автобиографии он писал: «С того же дня начал он посещать классы Академии художеств, и вскоре сделался одним из любимых учеников-товарищей великого Карла Брюллова». В слове «товарищей» не было преувеличения. Брюллов по своей природе был демократом, «истинным социалистом», как выразился Шевченко в повести «Художник». Никогда, до конца своих дней не мог Тарас забыть тех разительных перемен, которые произошли в его жизни в апреле 1838 года. Перед освобождением из десятилетней ссылки он записал в «Дневнике»: «Быстрый переход с чердака грубого мужика-маляра в великолепную мастерскую величайшего живописца нашего века. Самому теперь не верится, а действительно так было. Я из грязного чердака, я, ничтожный замарашка, на крыльях перелетел в волшебные залы Академии художеств».

Историки Академии художеств во времена, когда ее президентом был Оленин, называют ее «мрачной казармой», «казенным учреждением», но вместе с тем отмечают борьбу в ее стенах против мертвящего академизма, рутины. В этой борьбе вырастали яркие художественные таланты, сумевшие отразить в своем творчестве реальную жизнь.

Крупнейшей фигурой среди профессуры Академии художеств того времени был Карл Брюллов.

«Великий Брюллов черты одной не позволял себе провести без модели, а ему, как исполненному силою творчества, казалось бы это позволительным. Но он как пламенный поэт и глубокий мудрец-сердцеведец облакал свои выпренные светлые фантазии в формы непорочной вечной истины. И потому-то его идеалы, полные красоты и жизни, кажутся нам такими милыми, такими близкими, родными».

Учеба у Брюллова, общение с ним, дали Шевченко очень много. Брюллов принадлежал к передовым, мыслящим людям своего времени, его влияние нельзя ограничивать профессиональной сферой. Великий художник стремился расширить умственный кругозор учеников, не приглушал их творческой индивидуальности. Он резко отрицательно относился к крепостничеству — и бравировал этим. Оппозиционно он был настроен и против самодержавия — так и не написал заказанные ему портреты Николая I и императрицы Александры Федоровны. Во время своего чествования в Академии художеств Брюллов снял со своей головы лавровый венок и возложил его на голову А. Иванова, уволенного из Академии по распоряжению Николая I. Вольнодумно был настроен Брюллов и по отношению к религии. В картинах на религиозные темы он, по существу, решал светские задачи.

У Шевченко было много друзей среди учеников Академии: кроме Сошенко и Мокрицкого можно назвать П. Федотова, А. Агина, Г. Михайлова, Ф. Пономарева, Ф. Ткаченко, П. Петровского и др. Особенно близким его другом стал Василий Штернберг, возвратившийся осенью 1838 года с Украины с большой коллекцией рисунков и поселившийся в квартире Тараса Григорьевича на Пятой линии Васильевского острова. Шевченко посвятил ему стихотворения «Иван Подкова» и «На память Штернбергу».

За успехи в рисовании Комитет Общества поощрения художников с 1 января 1839 года зачислил Шевченко пансионером (стипендиатом), назначил стипендию 30 рублей в месяц. На годовых испытаниях в апреле 1839 года за рисунок с натуры Шевченко отмечен серебряной медалью второго достоинства. К сожалению, рисунок не сохранился, нам неизвестна даже его тема.

Вместе с Брюлловым Шевченко не раз посещал Эрмитаж, и каждое такое посещение Карл Павлович превращал в лекцию по истории живописи. Постепенно у

Шевченко вырабатывались свои эстетические взгляды. В 1839 году Жуковский привез из Германии большую коллекцию репродукций произведений мюнхенской школы живописи (Корнелиуса, Гессе и др.). Шевченко и Штернберг отнеслись к рисункам отрицательно, чем вызвали неудовольствие Жуковского: «Мы были тогда...— вспоминал Шевченко,— едва оперившиеся юноши и, рассматривая эту единственную коллекцию идеального безобразия, высказывали вслух свое мнение и своим простодушием довели до того кроткого, деликатного Василия Андреевича, что он назвал нас испорченными учениками Карла Павловича...»

В это же время Шевченко начал писать портреты. Сохранились его автопортреты, портрет А. Лагоды и др. В повести «Художник» он позже отмечал: «Я начал рисовать акварельные портреты, сначала по-приятельски, а потом и за деньги, только Карлу Павловичу еще не показываю, боюсь. Я больше придерживаюсь Соколова».

За успехи в живописи масляными красками (картину «Мальчик-нищий дает хлеб собаке») на испытаниях 1840 года Шевченко был вторично отмечен серебряной медалью второго достоинства. Эта картина тоже до нас не дошла.

26 сентября 1841 года за акварель «Цыганка-гадалка» Шевченко отмечен в третий раз серебряной медалью второго достоинства. Картина была выставлена на академической выставке и быстро продана. Положительно картину оценили «Литературная газета» (1841, № 113) и польская газета «Тыгодник Петербургски» (1842, № 36, статья Ромуальда Подберезского).

Шевченко много работает в области книжной иллюстрации. Ему принадлежат: акварель «Мария» (к «Полтаве» Пушкина), гравюра «Католический монах» к рассказу Н. Надеждина «Сила воли» (сборник «Сто русских литераторов», т. II. СПб., 1841), иллюстрация к рассказу Г. Квитки-Основьяненко «Знахарь» (сборник «Наши, списанные с натуры русскими», вып. 13, 1842). Оригинал не сохранился, но, кроме иллюстрации в сборнике, имеется и вариант оригинала. В наше время разыскана иллюстрация (сепия) «Встреча Тараса Бульбы с сыновьями» — первая иллюстрация к произведениям Гоголя.

Вместе с художниками Р. Жуковским и А. Коцебу Шевченко иллюстрировал книгу Н. Полевого

«История Суворова, генералиссимуса российских войск» (1843). Иллюстрировал он также книгу «Русские полководцы...» Н. Полевого (1845). Для книги Ф. Кобелля «Гальванография, или Способ производить гальванические медные доски...» (СПб., 1843) он дал композицию «Король Лир» по одноименной трагедии Шекспира техникой гальванокаустики, что было тогда новшеством.

Уделяя очень много времени и внимания рисованию, Шевченко все больше чувствовал свое второе, основное призвание, призвание поэта. Его друг и наставник Сошенко бывал недоволен, когда заставлял Тараса за сочинением стихов: «Почему ты делом не занимаешься?» Позже, в ссылке, он вспоминал роскошную мастерскую Брюллова: «И что же я делал? Чем занимался я в этом святилище? Странно подумать. Я занимался тогда сочинением малороссийских стихов, которые впоследствии упали такой страшной тяжестью на мою убогую душу. Перед его дивными произведениями я задумывался и лелеял в своем сердце слепца Кобзаря и своих кровожадных гайдамаков. В тени его изящно-роскошной мастерской, как в знойной степи надднепровской, передо мною мелькали мученические тени наших бедных гетманов. Передо мною расстилалась степь, усеянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бедная Украина во всей непорочной меланхолической красоте своей. И я задумывался, я не мог отвести своих духовных очей от этой родной чарующей прелести. Призвание и ничего больше».

2

Как мы отмечали, Шевченко начал писать еще до освобождения из крепостной неволи. И теперь он по-прежнему пишет свободолюбивые стихи и, что особенно важно отметить, сам стремится к их публикации. Этим он отличался от многих своих предшественников и современников. Так почти все литературное наследие Г. Сковороды осталось в рукописях. Творец украинской «Энеиды» И. Котляревский осуществил первое авторское издание поэмы (1809) после двух изданий, напечатанных без его ведома и согласия (1798 и 1808 гг.). Современник Шевченко поэт-романтик Д. Боровиковский издал свои басни через два десятилетия после их

создания. Его лирика увидела свет через несколько десятилетий после смерти автора. Шевченко же с первых шагов в литературе стремится напечатать все свои стихи в альманахах, журналах, отдельными изданиями. Издатель первого «Кобзаря» П. Мартос в своих воспоминаниях, опубликованных уже после смерти поэта, пишет, что он будто бы первый обратил внимание на исписанные листы бумаги и уговорил автора издать сборник стихов. Это не соответствует действительности.

Первые свои стихи поэт передал Е. Гребинке для его альманаха «Ластівка» («Ласточка»), в редактировании которого сам принимал участие. Но они увидели свет позже, чем сборник «Кобзарь», который вышел в 1840 году.

В сборник вошло лишь восемь произведений, в том числе знаменитая «Катерина». Выход этого сборника ознаменовал начало новой эпохи в развитии украинской литературы. Позже И. Франко писал, что «эта маленькая книжечка сразу открыла словно новый мир поэзии, прорвалась, словно источник чистой, холодной воды, засверкала неведомой до этого в украинской литературе ясностью, простотой и поэтической грацией выражения»¹.

Цензор П. Корсаков, известный писатель и переводчик, отнесся довольно снисходительно к первым стихам Шевченко и разрешил их к печати с немногими изъятиями. Об этом свидетельствует найденный в 60-е годы текущего столетия в библиотеке Ленинградского университета им. А. Жданова экземпляр «Кобзаря» 1840 года, в котором цензурных купюр значительно меньше, чем в книгах, получивших широкое распространение. Остальные купюры, как выяснил исследователь этой находки В. Бородин, были сделаны самим Мартосом, испуганным произведенным первыми экземплярами «Кобзаря» впечатлением².

Вслед за «Кобзарем» в печати стали появляться и другие произведения Шевченко. В 1841 году отдельным изданием вышла историческая поэма «Гайдамаки».

Три произведения Шевченко напечатаны в харьковском альманахе «Молодик на 1843 год» («молодик» — молодой месяц) И. Бецкого.

¹ Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури до 1890 р. Львів, с. 107.

² См.: Большаков Л. Н., Бородин В. С. Путь «Кобзаря». Судьба книги Т. Шевченко, М., 1978.

В 1844 году отдельным изданием вышла историческая поэма «Гамалия».

Таким образом, большая часть ранних произведений Шевченко была в свое время опубликована.

Первые стихи Шевченко поражали читателя и слушателя своей свежестью и новизной. Это было совершенно новое явление в литературе, хотя и тесно связанное с устным народным творчеством. Стихам Шевченко, начиная с первых нам известных строк, присуща подлинная глубокая народность, гуманизм, патриотизм. Все свои мысли и чувства поэт отдавал родному краю, его народу, простым труженикам.

Уже в первой романтической балладе «Порченая» (1837) мы видим страдания крестьянской девушки-сироты, которую разлучили с ее милым. Мотив разлуки часто встречается в украинских народных песнях. Баллада волнует читателя или слушателя своей необыкновенной эмоциональностью в передаче чувств обездоленных людей.

Особенностью стиля баллады, как и многих других баллад и стихов, является глубокий лиризм. Сочувствие автора своим героям выражается во взволнованном языке, в лирических отступлениях. Вступление к поэме «Ревет та стогне Дніпр широкий» («Широкий Днепр ревет и стонет...») стало излюбленной песней украинского народа.

Жанровыми особенностями баллады Шевченко близки к произведениям украинских романтиков. Родоначальником украинского романтизма считается Л. Боровиковский (баллада «Маруся», 1829), который в этом жанре отошел от бурлескно-травестийного стиля. Романтический характер баллады Шевченко выражается прежде всего в элементах фантастики, но эта фантастика — фольклорного происхождения.

Язык, образность баллады совершенно народны. Эмоциональное влияние на читателя или слушателя достигается звуковой организацией стиха. Это раскрыл И. Франко в исследовании «Из секретов поэтического творчества», построенном главным образом на поэзии Шевченко. Ритмика баллады богата и разнообразна. Уже при первом взгляде на текст мы видим различную конфигурацию отдельных частей баллады. Еще больше это ритмическое разнообразие ощущается при чтении произведения. Вступление-пейзаж — «Широкий Днепр ревет и стонет» — написано четырехстопным ямбом. Да-

лее Шевченко переходит к ритму украинских народных песен. Условно его называют «коломыйковым ритмом». Ф. Колесса в исследовании «Фольклорный элемент в поэзии Т. Шевченко» (1939) показал своеобразие этого ритма в повествовательной части баллады: размещение ударений в стихе — свободное, в каждой силлабической группе имеются основные и второстепенные ударения. Особенностью ритмики этой части баллады М. Рыльский считал «хореическую тенденцию», о чем он говорил в докладе на юбилейном шевченковском пленуме 1939 года.

Ритмика лирического отступления, сменившего повествовательную часть, — силлабический стих, связанный уже не с народной песней, а с украинской литературной традицией. Свообразие силлабического стиха в данном случае — его амфибрахическая тенденция¹.

Все это, вместе взятое, — народность содержания и формы, полное единство поэта со своими героями из народа, эмоциональность языка, богатство, песенность звуковой организации, разнообразие ритмики, — свидетельство необыкновенной силы таланта Шевченко, проявившейся уже в первом его поэтическом произведении, написанном до освобождения из крепостного состояния.

Народны и лирические стихотворения Шевченко, такие, как «Ветер буйный...», «Течет вода в сине море...», «Тяжко, тяжко жить на свете...». По своему характеру лирика эта — романтическая, но с выразительной социальной тенденцией:

Все богатого встречают,
Кланяясь поспешно,
А меня в лицо не знают,
Словно я не здешний.
Ведь богатый, хоть горбатый, —
Девушка приветит,
На мою ж любовь насмешкой
Свысока ответит.

(Перевод А. Твардовского)

«Катерина» (1838) — первая лиро-эпическая поэма Шевченко. Тема униженной и оскорбленной девушки широко разрабатывалась в русской и мировой литературе. В повести на русском языке «Близнецы», написанной в ссылке, рассказав о знакомстве офицера Сокиры с дочерью мещанина Макухи, Шевченко пишет: «Продолжение и конец повести вам известен, терпеливые

¹ См. так же: Сидоренко Г. К. Ритмика Шевченка. Київ, 1967.

читатели. И я не намерен утруждать вас повторением тысячи и одной, к несчастью не вымышленной, повести или поэмы в этом плачевном роде, начиная с «Эды» Баратынского и кончая «Катериной» Шевченко и «Сердешной Оксаной» Основьяненко. Продолжение и конец решительно один и тот же».

Шевченко, несомненно, читал «Эду» Баратынского, к которой Белинский отнесся критически. В «Литературных мечтаниях» он назвал «Эду» «плохой поэмой» — «Бедной Лизой» в стихах¹. Не изменил Белинский своего мнения и позже, рецензируя в 1842 году произведения Баратынского. Он полагал, что «такого рода поэмы, подобно драмам, требуют для своего содержания *трагической коллизии*»².

Мысль Белинского очень важна и точна. Она дает возможность понять основное отличие «Катерины» от «Эды». У Шевченко именно есть та трагическая коллизия, которой не было в «Эде» — это трагедия совращенной девушки, от которой отвернулись все окружающие, и прежде всего ее мать и отец.

Наряду с «Эдой» Шевченко вспомнил «Сердешную Оксану» Г. Квитки-Основьяненко. Он вспоминал ее и раньше в повести «Наймичка», также написанной в ссылке. Несмотря на все достоинства «Сердешной Оксаны», в ней есть элементы дидактизма, морализаторства, которых нет в поэме «Катерина», хотя она также начинается предостережением девушке — в нем выражен протест против морали крепостнического общества.

Судьба Оксаны драматична, но не трагична. Она много пережила, но возвращается в родное село, где ее принимает мать и она находит свое счастье с Петром, который и раньше любил ее.

Судьба Катерины — трагична. Она полюбила, не думая о том, кто ее милый. Отвергнутая семьей, обществом, она кончает счеты с жизнью. Сочувственно изображая страдания и гибель соблазненной девушки-матери, горе ее родителей, поэт-гуманист становился на защиту естественных прав женщины и обличал людей, не считавшихся с естественными человеческими чувствами.

К теме раскрытия трагедии женщины-матери Шев-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. I. М., Изд-во АН СССР, 1953, с. 74.

² Там же, т. VI, с. 481.

ченко неоднократно возвращался не только в поэзии, но и в живописи. Летом 1842 года он написал картину (масло) «Катерина».

Эта картина — не автоиллюстрация к поэме. Картина — самостоятельное произведение на тему, общую с поэмой, по мастерству она значительно выше «Цыганки-гадалки», отмеченной серебряной медалью. Молодой художник отдал в ней известную дань академической манере, но, поставив в центре беременную женщину, он смело нарушил академические каноны своего времени. Всем своим содержанием картина представляла собой протест против попрания девичьей чести, оскорбления женщины. По сути это та же тема социальной трагедии женщины-матери, что и в поэме, но выполненная другими художественными средствами. Если акварельные портреты раннего Шевченко с выраженными реалистическими тенденциями предшествовали его первым поэтическим попыткам, то реалистические тенденции поэмы помогали решению новых художественных задач в живописи.

Шевченко и в дальнейшем разрабатывает жанр романтической баллады. Некоторые исследователи связывали «Тополь» (1839) с балладами А. Мицкевича («Бегство»), В. Жуковского («Людмила»), Л. Боровиковского («Маруся»). Но общего у них мало. Баллады Шевченко лишены романтических «ужасов», мистики.

Реалистические картины природы, обрамляющие сюжет, жизненность социального конфликта, правдивость человеческих чувств, лиризм повествования — все это отличало балладу «Тополь» от баллад предшественников Шевченко, что отметил в свое время И. Франко, сравнивая эту балладу с патетической «Ленорой» и демонической «Бегство»: «...против таких взглядов, которые проявляются еще в балладах Бюргера и Мицкевича, Шевченко как подлинный апостол нового человеческого евангелия провозглашает всем нам свое *meumto vivege...*»¹ Указал И. Франко и на конкретное отличие, в частности на отсутствие образов упырей: «Здоровая, светлая и человеколюбивая натура нашего поэта отворачивалась от омерзительного порождения темноты и ненависти к натуре человеческой. Нигде в своих произведениях Шевченко ни разу не употребил слово «упырь»,

¹ Франко І. Твори в 20-ти томах, т. 17. Київ, 1955, с. 79—80.

не ввел его изображения, хотя представление о нем в народе очень распространено и хотя Шевченко жил и воспитывался в разгар романтизма, польского и русского, который без упырей шагу не мог сделать»¹.

Единственным фантастическим моментом в балладе является превращение девушки в тополь. Но и об этом говорится весьма просто, без всякой мистики. В данном случае Шевченко шел не за литературными образцами, а использовал фольклорные источники: в диссертации Н. Костомарова о значении народной поэзии, опубликованной уже после напечатания баллады, приведена украинская народная песня о чудодейственной силе «розмай-зілля» (волшебного зелья) и превращении девушки в тополь. Аналогичные украинские народные песни и предания опубликовали позже Я. Головацкий, П. Чубинский и др. Доказательством того, что Шевченко знал песни на эти темы, является упоминание об одной из них в стихотворении «Перебендя».

Баллада «Тополь» построена на реальной, жизненной основе. Здесь поэт открыто говорит о социальном неравенстве. Девушку, которую оставил милый, мать хочет выдать за старого богача:

Выйди замуж! — мать сказала,—
Я тебя пристрою.
Он богатый, одинокий,
Будешь госпожою!

(Перевод А. Безыменского)

Отказ девушки таким образом «устроить» судьбу и является причиной трагедии. Сочувствие поэта-гуманиста на стороне бедных, обездоленных людей. Особенно это подчеркнуто в лирических отступлениях, в которых отстаивается право на свободное, естественное чувство, независимое от имущественных расчетов.

Будучи смелым новатором, Шевченко понимал значение литературных традиций, высоко ценил своих предшественников, в частности украинских писателей — своих современников. Еще в библиотеке Гребинки он познакомился с «Энеидой» И. Котляревского (с четырьмя частями, полностью она тогда не вышла). Много строк из этого классического произведения Шевченко знал наизусть, так как в повестях «Наймичка» и «Художник», написанных в ссылке, он цитировал «Энеиду»,

¹ Франко І. Твори в 20-ти томах, т. 17, с. 78.

не имея текста под рукой. Когда в Петербурге стало известно о кончине автора «Энеиды», Шевченко под свежим впечатлением написал элегию «На вечную память Котляревскому» (1838).

В повести «Близнецы», написанной в ссылке, Шевченко писал о Котляревском как об учителе-гуманисте. Возможно, что в последние годы жизни отношение Шевченко к автору «Энеиды» несколько изменилось. Вряд ли случайно он не включил в издание «Кобзаря» 1860 года элегию «На вічну пам'ть Котляревському». В элегии речь идет о Котляревском лишь как об авторе «Энеиды», неизвестно, видел ли Шевченко на сцене в то время «Наталку Полтавку», читал ли он ее текст в «Украинском сборнике» И. Срезневского (1838). Оценку классической поэмы Шевченко дает сквозь призму восприятия ее народом. Используя по принципу параллелизма народнопоэтический образ соловья, автор элегии сравнивает с ним Котляревского. Шевченко ценит «Энеиду» за изображение украинской действительности, за ее национальный характер, за народность. В элегии впервые широко выражены литературно-эстетические взгляды молодого Шевченко.

Ценил Шевченко и прозу Г. Квитки-Основьяненко, старейшего после Котляревского украинского писателя. Еще в 1834 году он обратился к автору «Сердешной Оксаны» со стихотворным посланием «До Основьяненка»¹.

Непосредственным поводом для создания послания был очерк писателя об Антоне Головатом в журнале «Отечественные записки» (1839, № 10). А. Головатый (умер в 1796 г.) был кошевым атаманом казацкого Черноморского войска (остатков Запорожской Сечи). Еще в детстве Квитка видел его в имении своего отца, когда Головатый явился неожиданно и всех перепугал своим «сечевым» видом. Очерк о Головатом заинтересовал Шевченко. Он собирался написать портрет Головатого и просил Квитку прислать ему костюм для натурщика (нарисовал эскиз «Антон Головатый около Невы»).

В первоначальной редакции послания «К Основьяненко» Головатому были посвящены строки:

¹ В «Чигиринском Кобзаре» 1844 г. название послания изменено: «До украинского писаки», но в «Кобзаре» 1860 г. восстановлено прежнее название.

Наш завзятий Головатий
Не вмере, не загине...
От де, люди, наша слава.
Слава Україні¹,

В поэтическом послании Шевченко высказал глубокое уважение к писателю, называя его «батьком», «голубем», «орлом», призывая и далее писать о славном гайдамацком прошлом Украины.

Батько! Грянь же, чтобы стало
Слышно всему свету:
Как рубилась Украина
За волю и право,
Как по свету полетела
Казацкая слава.

(Перевод В. Державина)

Но, как известно, задачи, поставленные в послании, Шевченко пришлось в дальнейшем решать самому.

Литературно-эстетические взгляды молодого поэта выражены в стихотворении «Перебендя» (1839). В. Даль слово «перебендивать» объяснял как «причудничать», «привередничать». Б. Гринченко переводил слово «перебендя» как «балагур», «привередник». В первом «Кобзаре» стихотворение посвящено Е. Гребинке, человеку, много сделавшему для Шевченко в бытность его крепостным и в первое время по его освобождению. Однако позднее Шевченко отдалился от Гребинки из-за консервативных взглядов последнего. Этим, вероятно, и объясняется, почему в последующих изданиях «посвящение» снято.

Перебендя — старый, слепой кобзарь, народный поэт, стремящийся облегчить людям жизнь, развеять горе:

Он тоску им разгоняет,
Хоть и сам страдает.

(Перевод П. Карабана)

Сам же он «чужак», «странный», люди его не понимают, он в конфликте с обществом, он уединяется на кургане и беседует с ветром, небом, солнцем:

Слепой, старый хочет,
Чтоб людям было его не слышать.

В образе Кобзаря, по словам Ивана Франко, воплотились взгляды Шевченко на общество и на роль поэта

¹ После ссылки, по совету П. Кулиша, Шевченко изменил эти строки следующим образом: «Наша дума, наша пісня не вмере, не загине...»

в этом обществе¹. И. Франко считал, что идея противопоставления поэта обществу не свойственна народной поэзии, и указывал на ее литературное происхождение, в частности на связь с некоторыми произведениями Пушкина и Мицкевича. Ученый не преувеличивал роль литературных влияний. Стихотворение «Перебендя» служило для него примером того, как «гениальная натура нашего поэта умела счастливо переплавить влияния в одно глубоко поэтическое целое».

При наличии некоторых общих черт с отдельными мотивами Пушкина и Мицкевича, стихотворение «Перебендя» является совершенно оригинальным произведением, отражающим собственные взгляды Шевченко на жизнь.

Шевченко дает правдивый образ народного певца, на что справедливо указал в свое время тот же Франко: «Тут имеем дело с фигурой совершенно реальной, живо выхваченной из современной украинской жизни, целиком национальной, типично украинской в каждой детали».

Аналогичные взгляды на задачи искусства, поэзии развиваются в поэтическом программном предисловии к первому изданию «Кобзаря» 1840 года — «Думы мои, думы мои» (1839). Не случайно мысли поэта воплощены в форме, созвучной народным думам. Они порождены горем, политы народными слезами. Как и в «Перебенде», поэт выражает свое недовольство жизнью: «проклинаю долю».

Здесь, как и в «Перебенде», конфликт не с людьми вообще, а с господствующей частью общества. Свои размышления поэт посылает на Украину, адресуется непосредственно народу:

Чистую найдете правду,
А, может, и славу...

Может, девичье найдется
Сердце, кари очи,
Что заплачут с вами, думы,—
Большого ли хочешь?
Лишь одна б слеза скатилась...
И — пан над панами...

(Перевод А. Суркова)

Шевченко глубоко уважал своего читателя, был уверен, что его думы найдут отклик в сердцах народа.

¹ Франко І. Твори в 20-ти томах, т. XVII, с. 63.

Эту уверенность высказал позже и Добролюбов. Рецензируя «Кобзарь» 1860 года, критик пишет: «...он не мог не обратиться к своей Украине, не мог не посвятить себя тому, что... освежало и обогревало его в самые трудные и темные минуты жизни... Оттого-то он так близок к малороссийским думам и песням, оттого-то в нем так и слышно веяние народности. Он смело мог сказать о своих думмах:

Думи мої, думи мої,
Квіти мої, діти!
Виростав вас, доглядав вас —
Де ж мені вас діти?
В Україну ідїть діти!..

...И мы не сомневаемся, что Украина с восторгом примет «Кобзаря», давно уж ей, впрочем, знакомого»¹.

В поэтическом вступлении к «Кобзарю» выражены патриотические чувства Шевченко, его протест против социального и национального угнетения Украины царизмом.

Уже в первые годы поэтического творчества Шевченко разрабатывает исторические темы. В послании «К Основьяненко» он призывал писателя обратиться к прошлому Украины. В минувшем родного края поэта прежде всего привлекала героика — «воля», «слава казацкая». В отличие от тех романтиков, которые сентиментально воспринимали прошлое и мирились с гнетущей действительностью, Шевченко воспевал героическое прошлое, чтобы противопоставить его современному положению Украины, поработенной царизмом и помещиками:

Убогая, сиротою
Над Днепром рыдаєт;
Мук ее никто не видит,
Слез не замечает...

(Перевод
В. Державина)

Консервативные романтики считали историю Украины, ее народа уже законченной. П. Кулиш писал об украинском народе: «Он исчез как сверхъестественный призрак, почти у нас на глазах»². Шевченко верил, что

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6. М., Гослитиздат, 1963, с. 146.

² Михайло Чарышенко, или Малороссия восемьдесят лет назад, сочинение П. Кулиша, ч. I. Киев, 1843, с. 11.

народ бессмертен, что настоящая его история не в прошлом, а в будущем. Стихи Шевченко пронизаны пафосом борьбы за это будущее:

Смейся, враг лукавый,
Да не очень: знай — все гибнет,
Но не гибнет слава!
Встанет слава и расскажет,
Что было на свете,
И где правда, и где кривда,
Скажет — чьи мы дети.

(«К. Основьяненко».)

Перевод В. Державина)

Царская цензура почувствовала революционную направленность этих строк и вычеркнула их.

Призывая Квитку-Основьяненко и других писателей разрабатывать историческую тему, Шевченко и сам взял на себя эту задачу. В библиотеке Гребинки он, очевидно, и познакомился с двенадцатитомной историей России Н. М. Карамзина, «Историей Малой России» Д. Бантыш-Каменского. Читал он в рукописи и «Историю русов», о чем свидетельствует освещение многих исторических фактов в ранних стихах Шевченко. Позже (апрель 1840 года) поэт познакомился с историком Украины, поэтом Николаем Маркевичем, работавшим в это время над пятитомной «Историей Малой России»¹, и посвятил ему стихотворение «Н. Маркевичу» («Хорошо тебе, орел мой...» 1840). Шевченко был знаком с «Полтавой» Пушкина и «Тарасом Бульбой» Гоголя, ему были известны стихи украинских поэтов-романтиков на исторические темы. Особое значение он придавал думам и историческим песням.

Первым поэтическим произведением Шевченко на историческую тему является поэма «Иван Подкова» (1839), посвященная В. Штернбергу. Раньше полагали, что поэт использовал думу И. Срезневского о походе Ивана Серпяги, напечатанную в первом выпуске сборника «Запорожская старина» (1833). Но в наше время опубликованы письма Т. Шевченко к П. Королеву, из которых следует, что поэт прочитал «Запорожскую старину» лишь в 1842 году. А, впрочем, не исключена возможность, что он мог видеть сборник и раньше, в библиотеке Гребинки.

¹ 1-й том вышел из печати в 1842 г., но цензурное разрешение дано еще в мае 1840 г.

Иван Подкова — лицо историческое, украинский казак, возглавивший национально-освободительную борьбу молдавского народа против турецких поработителей. После победы над Яссами он овладел молдавским престолом, но позже вынужден был отступить на Украину, и был казнен во Львове по приказу короля Батория. О морских походах Подковы ничего неизвестно.

Казачьи походы в Турцию, характерные для начала XVII века, были ответом на турецко-татарские набеги на Украину. Широко известны успешные походы во главе с Петром Конашевич-Сагайдачным. В поэме Шевченко упомянут город Синоп, захваченный казаками в 1614 году. В следующем году состоялся поход на Царьград (Стамбул).

Какую цель преследовал Шевченко, воскрешая в памяти потомков героическую страницу истории украинского народа? Основным в поэме является мотив воли, свободы. «Славу и волю» добывали в прошлом запорожцы. Теперь от прошлого остались лишь курганы, что «с ветром перелетным шепчутся про волю». Героическое прошлое Шевченко сопоставляет с гнетущей современностью:

И теперь вспомнешь —
Как-то легче сердцу станет,
Веселее взглянешь.

(Перевод М. Михайлова)

Не случайно позже, когда поэт был арестован и попал в III Отделение, начальник штаба корпуса жандармов Дубельт в письменном докладе Николаю пересказывал содержание именно этого места поэмы: «Умели запорожцы господствовать, — восклицает Шевченко, — умели добывать волю и славу! Хорошо было на Украине, но прошло некоторое время, остались лишь могилы!»¹

Этой же теме борьбы украинского народа против социального и национального гнета посвящена поэма «Тарасова ночь» (1839). «Тарасовой ночью» в «Истории русов» была названа победа украинского казачества под руководством Тараса Федоровича, прозванного запорожцами Трясилом, над польским войском во главе с Конецпольским под Переяславом 25 мая 1630 го-

¹ См.: Україна, 1925, № 1—2, с. 91.

да. Рассказ в «Истории русов» перекликается с народными песнями о событиях тех лет. Но Шевченко не шел слепо за «Историей русов». Там сопротивление украинского народа польским захватчикам объяснялось прежде всего религиозными причинами. Шевченко давал свое освещение исторических событий, подчеркивая социальный характер борьбы:

Пробудились ляшки-панки,
Бежать не успели!
Пробудились ляшки-панки,
А встать — и не встали:
Взошло солнце — ляшки-панки
Повалом лежали.

(Перевод Б. Турганова)

Характерная особенность трактовки поэтом исторической темы состояла в том, что прошлое, как правило, он проецировал на современность. В песне-рассказе кобзаря выражен протест против угнетения украинского народа:

Гнутя дети казацкие
Под вражьей рукою.

Цензура, чувствуя революционную направленность поэмы, вычеркнула из нее довольно много строк. Дубельт в уже упомянутом «обзоре» писал: «Эта пьеса написана с явной целью сравнить прошлый быт Малороссии с современным»¹.

Поэма сохраняла свое революционное значение и в последующие десятилетия. Так уже после захоронения Шевченко вблизи Канева киевский генерал-губернатор 21 июля 1861 года докладывал в III Отделение, что приятель Шевченко Г. Честаховский сближается с народом, говорит на украинском языке и раздает поэму «Тарасова ночь» (была издана в Петербурге отдельным изданием в серии «Сельская библиотека»).

Таким образом, уже в ранних произведениях Шевченко проявились основные черты его творчества: подлинная народность, патриотизм, гуманизм, революционная романтика наряду с реалистическими тенденциями.

Оценка первого «Кобзаря» в русской прессе была

¹ Україна, 1925, № 1—2, с. 91.

противоречивой. Украинские националисты и в то время и теперь утверждают, будто бы большинство критиков отрицали право на существование украинской литературы, высмеивали украинский язык и т. д. Факты говорят о другом. Отрицательная рецензия появилась в журнале «Сын отечества» — но журнал отрицательно относился и к передовой русской литературе — Пушкину, Лермонтову, Гоголю, Кольцову. Не была положительной в целом и рецензия в журнале «Библиотека для чтения», но автор рецензии не отрицал одаренности поэта: «на каждом его произведении лежит печать поэзии, идущей прямо к сердцу». Рецензент газеты «Северная пчела» действительно не признавал будущего за украинской литературой.

Положительной была рецензия в журнале «Маяк». Автором ее был цензор «Кобзаря» П. Корсаков. Краткий, но положительный отзыв мы находим в журнале «Современник».

В журнале «Отечественные записки» появилась рецензия Белинского: «Имя г. Шевченка, — писал критик, — если не ошибаемся, в первый раз еще появляется в русской литературе, и нам тем приятнее было встретить его на книжке, в полной мере заслуживающей одобрение критики»¹.

Положительной была рецензия в «Литературной газете»: «В стихах Шевченко много огня, много чувства глубокого, везде дышит в них пламенная любовь к родине. Его картины верны с натурой и блещут яркими, живыми красками»².

Первые стихи Шевченко с особым энтузиазмом были встречены на Украине. Об этом свидетельствует, например, восторженное письмо Г. Квитки-Основьяненко к Шевченко³ и первый обзор украинской литературы, помещенный Н. Костомаровым в альманахе «Молодик» на 1844 год.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 171.

² Известный знаток текстов Белинского, редактор первого научного издания его сочинений проф. В. С. Спиридонов в письме к автору этих строк высказал твердое убеждение, что автором этой рецензии также был Белинский. Об этом я писал в журн. «Вітчизна», 1951, № 3, с. 139.

³ См.: Листи до Т. Г. Шевченко. Київ, Вид-во АН УРСР, 1962, с. 9.

Как художник и поэт Шевченко становится известным в Петербурге. Расширяется круг его знакомых.

Бывал Шевченко на литературных вечерах Гребинки, которые посещали И. Панаев, В. Белинский, В. Даль, В. Бенедиктов, П. Ершов и др. Бывали здесь будущие петрашевцы Н. Момбелли и А. Пальм. Но, видимо, отношение его к Гребинке изменилось. Во всяком случае, Ф. Прийма высказал предположение, что здесь могло сыграть роль посвящение Гребинкой поэмы «Богдан» наследнику престола¹.

Из воспоминаний редактора «Художественной газеты» А. Струговщикова известно, что у него собирались художники и писатели. 27 апреля 1840 года у него собрались: «М. И. Глинка, граф Ф. П. Толстой, А. П. и К. П. Брюлловы... поэт Шевченко, только что приехавший из Москвы скульптор Витали, В. Г. Белинский, А. В. Никитенко, И. И. Панаев...»² и др. Упомянув некоторых лиц, отсутствовавших в тот вечер, А. Струговщиков добавил: «С ними сохранившийся у меня список приехавших дал бы полный персонал нашего кружка...»³ Эти слова доказывают, что Шевченко не был случайным человеком в этом кругу.

Ближе, чем с другими, Шевченко был знаком с вице-президентом Академии художеств Ф. П. Толстым, бывал у него дома. Хорошо знал он историка и поэта Николая Андреевича Маркевича, приятеля М. Глинки, близко знакомого с В. Кюхельбекером, Рылеевым, Пушкиным. Уезжая на юг, Пушкин подарил ему автографы некоторых своих стихотворений. В письмах к Рылееву Н. Маркевич восхищался его поэмами из украинской жизни «Войнаровским» и «Наливайко». После казни Рылеева он сохранил к нему чувство глубокого уважения и не побоялся упомянуть его имя в своем сборнике стихотворений «Украинские мелодии» (1831, с. 120). Шевченко посвятил Маркевичу стихотворение «Хорошо тебе, орел мой, бандурист мой милый...». Вероятно, это объясняется тем, что в сборнике «Украинские мелодии» было стихотворение Маркевича «Бандурист», а также

¹ См.: Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века. М.—Л., 1961, с. 38.

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 74.

³ Там же.

благодарностью за подаренный ему автором сборник «Народные украинские напевы, положенные на фортепиано» (1840).

В это время Маркевич работал над пятитомной «Историей Малороссии». Он знакомил Шевченко с историческими источниками, с идеями декабристов, с декабристской литературой.

Через учеников Академии художеств — поляков Шевченко установил связи с польскими кругами Петербурга.

В повести «Художник» фигурирует образ студента университета Леонарда Демского. Все попытки разыскать в архивах материалы о нем успехом не увенчались. Реальный прототип образа должен был существовать, но Шевченко, вероятно, сознательно изменил его фамилию. При содействии этого человека поэт узнал о деятельности одного из активнейших участников польского восстания 1830—1831 годов, Иоахима Лелевеля, о творчестве Адама Мицкевича.

Другом Шевченко был Рудольф Казимирович Жуковский. Вместе они иллюстрировали книги о Суворове и издание «Русские полководцы». Академию Жуковский закончил немного раньше, был связан с петрашевцами.

Хорошо знаком был Шевченко с редактором еженедельника «Тыгодник Петербургски» Ромуальдом Подберезским, который писал о его художественных работах.

Через польских друзей Шевченко познакомился с белорусами, жившими в Петербурге. В белорусском журнале «Наша нива» (печатался латинским шрифтом) в 1911 году напечатана статья Ромуальда Земкевича «Тарас Шевченко и белорусы», в которой на основе письма польского поэта Винцента Реутта к Игнатию Легатовичу говорилось: «Первым из украинцев, который заинтересовался началом белорусского литературного возрождения, был великий Кобзарь Украины Тарас Шевченко». Живя в Петербурге, познакомился Шевченко в 1839 году с белорусским писателем Яном Борщевским. Вокруг Борщевского сосредоточились в то время и другие белорусы, и все они под влиянием Борщевского стали интересоваться белорусским языком и культурой и решили печатать свои произведения. Шевченко познакомился со всеми этими белорусами, просил их читать ему свои произведения на белорусском языке и особенно заинтересовался народными белорусскими

песнями. Один из молодых белорусов, Ромуальд Подбездский, знал много песен: он пел их для Шевченко и, кроме того, читал ему все белорусские произведения Борщевского и перевод на белорусский язык украинской «Энеиды» Котляревского, выполненный Маньковским»¹. Народные песни Шевченко нравились, а искусственные литературные произведения белорусских писателей он критиковал, так как находил в них мало чисто народного элемента. С этой точки зрения ему наиболее интересна была «Энеида» Маньковского. Шевченко говорил белорусским писателям, что их обязанность — трудиться для народа².

Став известным поэтом и художником, Шевченко не порывал связей со своими родными. Сохранились его письма к брату Никите 1839—1840 годов, написанные на украинском языке. «Большое счастье быть вольным человеком, делаешь что хочешь, никто тебя не остановит», — пишет он в одном письме. Посылая брату деньги, он просит писать ему на украинском языке: «Пусть же я хоть на бумаге услышу родное слово, пусть хоть раз поплачу веселыми слезами, так как мне тут так скучно, что каждую ночь только и вижу во сне что тебя, Кирилловку, да родных, да бурьяны».

4

В течение 1839—1841 годов Шевченко работал над поэмой «Гайдамаки». Начата она в конце 1839 года, так как первая глава напечатана в альманахе «Ластівка» (цензурное разрешение 12.III.1840). Вступление к поэме имеет дату 7.IV.1841 года — это, очевидно, дата окончания всей поэмы (цензурное разрешение 29.XI.1841). Поэма посвящена В. И. Григоровичу: «На память о 22 апреля 1838 года» (дата освобождения поэта от крепостной зависимости). Этим посвящением Шевченко выражал Григоровичу благодарность за участие в осво-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 68.

Белорусские исследователи считают это издание «Энеиды» Котляревского не переводом, а оригинальным произведением. См.: Энеида навыварат. Тарас на Парнасе. Мінск, 1953. Авторство белорусской «Энеиды» окончательно не установлено. После Маньковского его приписывали Мысловскому и В. Ревинскому.

² См.: Прийма Ф. Я. Шевченко и русская литература XIX века, с. 63. См. также: Шубравський В. С. Шевченко і народи Росії.—Радянське літературознавство, 1962, № 2, с. 95.

бождении, за помощь, полученную от Общества поощрения художников, за высокую оценку его работ (три серебряных медали).

В. Григорович читал в Академии курс истории искусств. Он рекомендовал учащимся труд А. Галича «Опыт науки изящного». Шевченко уже тогда не разделял идеалистических эстетических взглядов Галича и Григоровича. Позже, 5 июля 1857 года, в конце ссылки, он записал в «Дневнике»: «Я, несмотря на мою искреннюю любовь к прекрасному в искусстве и в природе, чувствую непреодолимую антипатию к философиям и эстетикам, и этим чувством я обязан сначала Галичу и окончательно почтеннейшему Василию Ивановичу Григоровичу, читавшему нам когда-то лекции о теории изящных искусств, девизом которых было: *«побольше рассуждать и поменьше критиковать»*. Чисто платоновское изречение».

Философские, эстетические взгляды Шевченко постепенно формировались как материалистические. Во вступлении к поэме «Гайдамаки» поэт говорил о своем понимании мира и природы, где все находится в состоянии непрерывного движения, развития, обновления:

Все в мире проходит. Живет — умирает...
Куда оно делось? Откуда взялось?
Ни глупый, ни мудрый про это не знает.
Извечно ведется: одно зацвело —
Другое увяло, навеки увяло...

(Перевод А. Твардовского)

Хотя поэт грустит, он не чувствует себя одиноким, оторванным от народа, с думами и чаяниями которого связано все его творчество:

...в мире великом я не одинок...

...Я не одинокий, людьми не забыт...

Поэт полемизировал с реакционными критиками, которые отрицали само существование украинского языка. Он заявлял, что и в дальнейшем будет писать на родном языке.

Пока жив, с меня довольно
И мертвого слова.

Во вступлении Шевченко говорит о своем желании и в дальнейшем воспевать «народ в сермягах», «в лаптях». Реализацией замысла была сама поэма, где вос-

созданы события 1768 года, борьба украинского народа против угнетателей.

«Гайдамаки» — крупнейшее по размерам произведение во всем поэтическом наследии Шевченко. Можно только удивляться, как Шевченко во время напряженной учебы в Академии, выполняя еще и некоторые заказы, смог за такой короткий срок закончить поэму. Уже в самом названии подчеркнута основная идея. Слово «гайдамак» тюркского происхождения, *гайдамачить* означает «гнать», «беспокоить», «своевольничать». Так польские феодалы в начале XVIII века прозвали украинских мстителей, главным образом из крестьян, боровшихся против помещичьего гнета. Со временем и сами восставшие приняли это название.

Шевченко хотел показать не всю историю гайдамацкого движения, а лишь один яркий эпизод — восстание, известное под названием Колиивщины (колий — боец с пикой, а иногда просто с заостренной дубинкой). В предисловии к поэме (обычно печатается как послесловие) он писал: «О том, что происходило на Украине в 1768 году, рассказываю так, как слышал от старых людей; напечатанного и критического ничего не читал, ведь, кажется, и нет ничего».

Слова поэта не следует понимать буквально. В примечаниях, которыми он сопроводил «Гайдамаков», он ссылается на пятый том «Энциклопедического лексикона» Плюшара, где помещена статья «Барская конфедерация», на книгу, изданную на польском языке, «История королевства Польского» Бандтке. В главе «Праздник в Чигирине», упоминая Б. Хмельницкого, Остряницу, Наливайко, Богуна, поэт ссылается на псевдо-Конисского, то есть на «Историю русов», которая впервые была издана под именем Георгия Конисского, и на Д. Бантыш-Каменского, автора «Истории Малой России».

Приведенные слова Шевченко следует понимать так, что события Колиивщины он воспроизводит не по печатным источникам (очень часто тенденциозным, шляхетским), а исходя из устной народной традиции. В этом прежде всего состоит принципиальное отличие поэмы Шевченко от всех предыдущих и современных ему печатных произведений в славянских литературах, посвященных Колиивщине.

Наиболее широко тема Колиивщины разработана в польской литературе (И. Каминский, С. Витвицкий,

С. Гощинский, Л. Семенский, М. Чайковский и др.). Даже прогрессивные писатели (С. Гощинский) иногда находились под влиянием тенденциозных шляхетских мемуаров. В русской литературе о гайдамаках писали К. Рылеев, Орест Сомов (П. Байский), А. Подолинский, Ф. Булгарин и др., но хотя они подходили к этой теме с разных позиций, все они были далеки от объективного ее изображения. Далеки от объективности были и украинские романтики (А. Метлинский, Л. Боровиковский).

Шевченко хорошо знал места, связанные с событиями 1768 года. В главе «Гупаливщина» упомянута встреча гайдамаков с подростком из села Кирилловка, в котором прошли детские годы поэта. К этому месту Шевченко делает примечание: «Червонец, который дал Зализняк пареньку, и до сих пор хранится у сына этого паренька, я сам его видел». Многие события 1768 года происходили в селе Вильшаны (Ольшаны) и на Боровиковском хуторе, о них говорится в главах «Галайда», «Конфедераты», «Ктитор». Шевченко жил в Ольшане в доме Энгельгардта, бывал и в других местах, и имел полное право сказать в эпилоге, что он исходил своими ногами все места, в которых происходили эти события.

Во времена Шевченко бытовали многочисленные предания о событиях 1768 года. Многое он слышал от деда Ивана, живого свидетеля Колиивщины. С благодарностью вспоминал о нем поэт в эпилоге к поэме:

Спасибо, дедуся, что ты приберег
В памяти столетней славу гайдамаков —
А я ее внукам передал как мог.

Есть ссылка на деда и в предисловии, в примечаниях ссылается Шевченко на рассказы других очевидцев. Хорошо знал поэт и многочисленные народные песни, посвященные Колиивщине, — это нашло свое отражение в поэме.

Шевченко и позже интересовался песнями о гайдамаках. В ссылке им написано стихотворение «Швачка» (1848) об одном из героев гайдамацкого движения. Позже в «Дневнике» он называет одной из своих любимых гайдамацкую песню: «Ой, разъезжает по Украине да казак Швачка». Уже после выхода в свет «Кобзаря» 1860 года, где помещена и поэма «Гайдамаки», Шевчен-

ко внес в один из экземпляров дополнения: к главе «Гонта в Умани» он добавил эпиграф из народной песни о Швачке. В свое время песни о Швачке были очень распространены, некоторые из них печатались в сборниках Лукашевича, Кулиша, Лысенко. Но Шевченко взял строки из только ему известного варианта, который ближе всего к тому, что был напечатан в открытом письме Максимовича к Кулишу (Русская беседа, 1857, № 1, с. 38).

«Интродукция», идущая вслед за вступлением — своеобразная картина политического строя в Польше (Правобережная Украина находилась тогда в составе польского государства). Одно из главных противоречий в Польше — разногласия между магнатами и королевской властью. Несмотря на некоторые неточности (Пац не стоял во главе Барской конфедерации), Шевченко правильно определил одну из основных причин развала Польши — деморализацию магнатов. Энгельс писал о реакционной роли польских магнатов: «Постепенная деморализация правящей аристократии, недостаток сил для развития буржуазии и постоянные войны, опустошавшие страну, сломили, наконец, мощь Польши... Аристократия действительно довела Польшу до упадка»¹. В этой же статье упоминались социальные, национальные и религиозные противоречия, раздиравшие Польшу того времени. Эти противоречия своеобразно отражены и в поэме «Гайдамаки». События 1768 года были восстанием крестьянства Правобережной Украины против польско-шляхетского гнета. Колиивщина была классово-народной борьбой крестьянства, поддержанного другими слоями населения, в частности запорожскими казаками, против польских феодалов, аристократии.

В поэме раскрыты социальные причины, породившие события 1768 года. Уже во второй главе («Конфедераты») в словах шинкаря и одного из шляхтичей показана крайняя нищета крестьян, не имевших не только земли, но даже и собственной хаты:

«...В Ольшане,
Там живут схизматы...»
Да! Живут по три семейства
На каждую хату?
Знаем, знаем! Мы их сами
Туда посогнали.

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 164.

В этой и следующей главе («Ктитор») изображен дикий разгул шляхты, зверская расправа с ктитором, учиненная в Ольшанах. Случай в Ольшане не зарегистрирован, но известно, что за два года до восстания аналогичный случай был в местечке Млиев¹.

В последующих главах, в которых изображено само восстание, поэт постоянно подчеркивает, что оно является *карой* господствующим классам.

Но поскольку социальный гнет сочетался с гнетом национальным и религиозным, движение восставших крестьян приобретало вместе с тем и национальную окраску. Поэтому Шевченко употребляет параллельно, почти в равной доле, понятия «шляхта» и «поляки», вкладывая в последнее понятие конкретное социальное содержание. Поэт-демократ был далек от пропаганды национальной вражды. Шевченко напоминал читателям, что украинцы и поляки являются братскими славянскими народами:

...За что ж люди
Губили друг друга?
Поглядеть — такие ж люди,
Жить, водить бы дружбу,
Не умели, не хотели —
Разделиться нужно!

Поэт справедливо указывал на реакционную роль в истории Польши Ватикана, в особенности воинствующего ордена иезуитов.

Православное духовенство выступало в этой борьбе на стороне восставших, и это нашло отражение в поэме в волнующей, патриотической проповеди благочинного, проповеди, которая была непосредственным призывом к восстанию. Благочинный напоминает о героическом прошлом, о борьбе против польской шляхты, подвигах Наливайко, Тараса Трясила, Острияницы, Б. Хмельницкого, его сподвижника Ивана Богуна. Известно, что восстание началось с молебна в Мотронинском монастыре вблизи Черкасс. Известно, что Зализняк находился в монастыре до начала восстания. Сам молебен состо-

¹ Об этом поэт узнал после выхода «Кобзаря» 1860 года. Продолжая работу над текстом поэмы, Шевченко в семи местах название «Ольшаны» заменил на «Млиев». Поскольку эта работа не была доведена до конца, в академическом издании сочинений Шевченко текст поэмы печатается по «Кобзарю» 1860 года, но в вариантах отмечаются и все последующие изменения.

ялся не 1 августа, как об этом сказано в поэме, а значительно раньше, во второй половине мая. В дальнейшем духовенство никакой роли в движении не играло.

В поэме правдиво отображен массовый, стихийный характер крестьянского движения 1768 года. Антишляхетское движение приобретало общенародный характер.

Вместе с тем в главе «Праздник в Чигирине» Шевченко довольно выразительно показал и внутренние противоречия в лагере восставших, противоречия между казацкой старшиной, с одной стороны, и гайдамаками, рядовыми запорожцами — с другой. Старшины держатся в стороне от народной массы, они потихоньку ведут между собой разговоры о будущем гетмане, презрительно отзываются о народном певце — кобзаре Волохе («старый дурень», «старая собака»). Характерна в этом плане вся сцена, в которой восставшие собрались вокруг кобзаря и внимательно слушают его пение.

Шевченко создал образы народных героев, руководителей восстания, Гонты и Зализняка. Гонта в начальных главах только упоминается. В его образе преобладают романтические черты: необыкновенная сила характера, верность присяге восставшему народу, на сторону которого он перешел из враждебного шляхетского лагеря. Во имя народа он приносит в жертву даже собственных детей, воспитанных матерью-католичкой.

Исторические данные не подтверждают легенды об убийстве Гонтой своих детей. В примечаниях Шевченко ссылался на мемуары П. Младановича. Поскольку в то время они не были еще опубликованы, он, видимо, познакомился с ними по примечаниям к роману польского писателя М. Чайковского «Вернигора». О том, что поэт читал этот роман, упомянул П. Мартос в своих воспоминаниях. Но мотивация здесь совершенно иная. У Чайковского Гонта — романтический злодей, не останавливающийся ни перед каким преступлением. У Шевченко — он патриот, безгранично преданный делу народа. О его поступке поэт пишет с глубокой сердечной болью. Именно поэтому сцена похорон Гонтой своих детей одна из сильнейших, наиболее волнующих во всей поэме.

Общепризнанным руководителем народного восста-

ния изображен Максим Зализняк. Поэт приводит песни, которые о нем поются: «Ой, валахи...», «Летит орел, летит сизый...». (Эти песни не вошли в сборники Максимовича и Лукашевича). В первой песне, призывающей к восстанию, кобзарь напоминает о славном предшественнике восставших — Богдане Хмельницком. Во второй рассказывается о происхождении Зализняка, его жизни, его характере. У него:

Нет ни хутора, ни хаты,
Ни стада, ни сада...

Смелым и отважным, веселым и жизнерадостным, простым и доступным каждому показан Максим и в главах «Кровавый пир», «Гупаливщина», «Пир в Лысянке». Позднейшие исследования историков подтвердили, что Зализняк действительно был сыном крестьянина-бедняка, что после смерти отца он стал батраком. В исторических источниках он рисуется энергичным, отважным организатором¹.

Реалистически обрисован в поэме и слепой кобзарь Волох. Своими песнями Волох воодушевляет восставших на борьбу, веселит их как победителей. Богат песенный репертуар кобзаря. Это подлинные народные песни в оригинальной интерпретации Шевченко, позже их отдельные образцы были опубликованы в сборниках П. Чубинского, Б. Гринченко и др.

В примечании как на источник сведений о Волохе Шевченко ссылался на своего деда: «За гайдамаками ходил кобзарь, его называли слепым Валахом (дед рассказывал)». В исторических источниках участие кобзарей в движении 1768 года не отмечалось. Но в наше время опубликована «Кодненская книга судебных актов», в которой есть упоминания о том, что к смертной казни после подавления восстания были присуждены три кобзаря и один скрипач².

Основным героем поэмы является восставший народ. Об этом говорит прежде всего название поэмы, многочисленные массовые сцены, а также то, что в центре части трудящихся — батрачества — Ярема. Он не имеет абсолютно ничего, кроме имени. Даже фамилию Ярема получает только в отряде. Зализняк хочет

¹ Гуслистий К. Колі́вщина. Київ, 1947, с. 21—29.

² Український архів, т. 2. Кодненська книга судових справ. Київ, 1931, с. 292—388.

назвать его «Голым», потом «Бедой» и наконец приказывает записать его «Галайдой». Это слово в словаре Б. Гринченко объясняется как «скиталец, бездомный».

В создании образа Яремы проявилось новаторство Шевченко. Мировая литература не знала еще произведения, где бы с такой широтой, глубиной, с такой любовью, так эмоционально был бы воспет герой из народа, наиболее угнетенной и эксплуатируемой его части.

Знакомство с героем начинается бытовой, реалистической сценой: хозяин перечисляет Яреме, что он должен выполнить в течение дня. Далее Шевченко проводит мысль о необходимости народу осознать свои возможности:

Не знал Ярема о другом...
Не знал горемычный, что зрела в нем сила,
Что сможет высоко над небом парить,
Не знал, покорялся...

Этой революционной идее подчиняется все дальнейшее изложение событий — народ, осознавший свою силу, становится грозным могущественным врагом эксплуататоров.

В свое время Шевченко приписывали идеализацию гетманщины; Ярема мечтает, что «оживут гетманы в золотом жупане»! Но и здесь поэт отражал историческую действительность. После захвата Умани Гонта был провозглашен полковником и князем уманским, а Зализняк — князем смиянским и гетманом. На всей территории, освобожденной гайдамаками, устанавливались казацкие порядки. Таким образом другого представления у Яремы в то время и не могло быть.

Образ Яремы в поэме лирически окрашен. Шевченко прерывает эпический рассказ лирическими отступлениями. Белинский в свое время указывал на характерные черты лиризма нового времени: «Лирический поэт нашего времени больше грустит и жалуется, нежели восхищается и радуется, больше вопрошает и исследует, нежели бессознательно восклицает».

Эти черты лиризма присущи и поэме Шевченко.

При создании образа Яремы у Шевченко не было необходимости строго следовать исторической правде, документальных данных о рядовых участниках восстания у нас нет. Но мы имеем косвенные данные о некоторых второстепенных участниках движения, которые

позволяют судить о том, насколько правдив образ Яремы. Так, мы знаем о Семене Неживом, батраке у гончара в селе Мельниковке. Неживой поднимал крестьян именно тех сел, в которых жил или бывал Шевченко — Кирилловки, Тарасовки. Шевченко в детстве мог слышать предания о Неживом, и они легли в основу образа Яремы. Может быть, поэтому Шевченко писал, что Ярема «наполовину выдуман».

Шевченко показал безграничную преданность Яремы делу народа, храбрость в бою, беспощадность к врагам и вместе с тем глубокую нежность к Оксане. Личное и общественное гармонически сливается в характере Яремы. образу Яремы как и всей поэме в целом свойственны романтические черты: необыкновенный герой действует в необыкновенных обстоятельствах. Чтобы показать все могущество, грозную силу, огромный размах крестьянского движения, Шевченко часто прибегает к преувеличениям, гиперболам:

Ад крошечный, а по аду
Казачи гуляют.
А Ярема губит ляхов —
С Максимом бок о бок.
Так и косит.

Узнав, что шляхтичи украли Оксану, Ярема обращается к Зализняку со словами, полными страстной ненависти к врагу. Гиперболические образы не вступали в противоречие с основной тенденцией в освещении исторических событий — правдивым отражением характерных черт действительности.

Воскрешая прошлое, Шевченко ставил перед собой задачу воодушевить народ на новую борьбу за социальное и национальное освобождение — воскресить в памяти потомков «казацкую славу». Поэт выражал недовольство пассивностью крестьянских масс:

Что же внуки? Все равно им —
Панам жито сеют.
Много их, а кто укажет,
Где Гонты могила?
Где легла его святая
Праведная сила?
Зализняк, душа родная,
Где лежит зарытый?
Тяжело! Палач на троне,
А они забыты.

Даже после того, как «Гайдамаки» увидели свет (1841), Шевченко продолжал работать над поэмой, вносил в текст все новые изменения, чтобы усилить его звучание. Так, строку «жито себе сеют» он заменил: «панам жито сеют». Нет сомнения, что под словом «кат» (палач) подразумевался Николай I, очень сурово расправившийся с декабристами, с участниками польского национально-освободительного движения 1830—1831 годов. Таким образом, уже в этой ранней поэме мы видим открытое выступление поэта против царизма. В дальнейшем выступления эти будут приобретать все более резкий революционно-демократический характер.

При публикации поэмы Шевченко пришлось преодолеть цензурные препятствия. 26 марта 1842 года он писал Г. С. Тарновскому: «...было мне с ними горя, насилиу выпустил Цензурный комитет, *возмутительно*¹, да и кончено, насилиу кое-как я их уверил, что я не бунтовщик. Теперь спешу разослать, чтобы не спохватились».

В издании 1841 года цензура вычеркнула лишь отдельные места, пропустив вступление к поэме. Позже, в период обострения революционной ситуации 1859—1861 годов, она изъяла все вступление (268 строк), примечания, послесловие, обращение к подписчикам.

Критические отклики на поэму также были противоречивы. Отрицательный отзыв дал Белинский². Объясняется это тем, что великий критик в это время полемизировал с консервативным журналом «Маяк», который, с позиций официальной народности, пытался привлечь к себе украинских писателей, в частности и Шевченко. В пылу полемики Белинский дал слишком резкую отрицательную рецензию.

Украинская либерально-консервативная критика отрицательно отнеслась к поэме. Так, П. Кулиш в письме к Шевченко (1846) советовал ему переработать поэму: «...драма ваша — кровавая бойня, от которой поневоле отворачиваешься... Дайте побольше человечности вашим гайдамакам!»³.

Но Шевченко не прислушался к советам Кулиша.

¹ Возмутительно — здесь от слов: «возмущение», «бунт».

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 172—174, 731.

³ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 54.

Ошибка Белинского была немного позже исправлена Добролюбовым, который в 1860 году на страницах «Современника» дал высокую оценку поэме «Гайдамаки» — «чудно разнообразной, живой, полной силы и совершенно верной народному характеру, или по крайней мере характеру малороссийских исторических дум. Поэт совершенно проникается настроением эпохи, и только в лирических отступлениях виден современный рассказчик»¹.

Издавая поэму «Гайдамаки», Шевченко в обращении к подписчикам назвал ее «мужицкой книгой». Это выражение точно соответствовало задачам, которые он себе ставил. В одном из писем начала 1843 года Шевченко писал: «Пусть я буду и мужицкий поэт, лишь бы поэт, мне больше ничего и не нужно». В. И. Ленин, характеризуя великих русских революционеров-просветителей, как выразителей стремлений широких масс крестьянства, назвал их демократизм «мужицким». Принципы «мужицкой» демократической эстетики Шевченко последовательно осуществлял во всем своем творчестве, начиная с раннего периода.

5

Продолжая обучение в Академии, Шевченко создавал и новые поэтические произведения. Так, для второй книги харьковского альманаха «Сніп» («Сноп») он написал поэму «Марьяна-черница» (1841), но в свет эта книга не вышла. Сохранилась лишь часть поэмы, напечатанная после смерти автора в петербургском журнале «Основа». Открывалась она посвящением «Оксане К(овален)ко на память о том, что давно минуло» (Оксана Коваленко — подруга детства поэта). В свое время предполагали, что ее судьба была аналогична судьбе Катерины, но П. Жур доказал, что она позже вышла замуж в соседнее село Пединовку². Судя по этому отрывку, конфликт поэмы носит социальный характер. Марьяна, дочь зажиточных родителей, любит Петруся — бедняка. Мать хочет выдать ее замуж за старого богатого сотника. Как дальше должен был развиваться сюжет поэмы, мы не знаем. Название поэмы дает осно-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6, с. 147.

² См.: Жур П. Літо перше, 3 хроніки життя і творчості Тараса Шевченка. Київ, Дніпро, 1979, с. 77.

вание предполагать, что Марьяна, не имея возможности соединить свою судьбу с судьбой Петруся, уйдет в монастырь.

В харьковском альманахе «Молодик» (1843) напечатана баллада «Утопленница». Сюжет ее напоминает сюжет повести Гоголя «Майская ночь, или Утопленница», но основной мотив явно фольклорного происхождения. Элементы фантастики, связанные с фольклором, лишены мистики. Все события даются в реалистическом плане, реалистично и изображение природы.

Шевченко пробовал писать по-русски. Первые робкие попытки немногочисленны. Так, одновременно с балладой «Утопленница» он послал Г. Ф. Квитке и русское стихотворение «Песня караульного у тюрьмы» на сюжет Мицкевича («Дозор», переведенный Пушкиным под заглавием «Воевода»).

В сопроводительном письме Г. Квитке от 8 декабря 1841 года Шевченко объяснял, что «Песня...» взята из драмы «Невеста», написанной на русском языке. Об этой драме мы почти ничего не знаем. А. О. Козачковский вспоминал о «прекрасной повести в стихах «Слепая» и о «мелодраме в прозе» «Невеста» — «образцах... неподражаемого... искусства передавать местным русским языком быт Украины»¹. Сам Шевченко в том же письме Квитке сообщал, что драму «Невеста» он переделал из трагедии «Никита Гайдай».

Из исторической трагедии «Никита Гайдай» до нас дошел лишь отрывок, опубликованный в журнале «Маяк» (1842, № 9). События происходят в эпоху Богдана Хмельницкого. Никита Гайдай — казак, сотник, он собирается в дорогу как посланник гетмана к польскому королю и сейму. В репликах Никиты Шевченко развивает идеи единения и братства славянских народов, впервые провозглашенных в поэме «Гайдамаки»: «Славяне! несчастные славяне! Так нещадно и так много пролито храброй вашей крови междоусобными ножами! Ужели вам вечно суждено быть игралищем иноплеменников? Настанет ли час искупления? Придет мудрый вождь из среды вашей погасить пламенный раздор и слить воедино любовь и братством могущественное племя!» По стилю отрывок приближается к жанру исторической мелодрамы.

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 102.

Редакция журнала «Киевская старина» позже имела или автограф или более авторитетный список пьесы, в котором сохранилось все то, что было изъято цензурой из текста, опубликованного журналом «Маяк», например:

Они обманут, и тогда
Беда Украине, беда!
И вам, кровавые деспоты,
Несдобровать!
Мы цепь неволи разорвем...
И наши вольные законы
В степях широких оживут!

Поэма «Слепая» относится к 1842 году. Шевченко возвращается в ней к теме «Катерины», но разрабатывает ее значительно шире. Он создает два различных образа жизни — матери и дочери, — соблазненных помещиком. Как видно из названия, основной героиней поэмы, по замыслу автора, была мать — сирота, обесчещенная молодым помещиком. Униженная и оскорбляемая всеми, она становится нищей, слепнет.

Если мать терпеливо переносит свое горе, то дочь ее Оксана иначе реагирует на подлость помещика. Шевченко создал здесь образ мстительницы — она убивает злодея и поджигает его дом. В лирических отступлениях даны широкие обобщения, в которых обличается светская чернь.

В идейном плане поэма «Слепая» была значительным шагом вперед по сравнению с «Катериной», но в художественном, стилевом отношении, на общем широком фоне богатейшей русской поэзии, оказалась явлением вторичным, несколько запоздало продолжавшем романтические традиции.

Поэма не была в свое время напечатана и увидела свет лишь в 1886 году на страницах журнала «Киевская старина».

Одновременно Шевченко нарисовал карандашом и сепией иллюстрации к поэме:

Как у кладбища, у ворот
Сидит скорбящая слепая
И псалму грустную поет.
Она поет, а молодая
Дочь несчастливцы моей
Головкой смуглою прильнула
К коленям матери своей;
Тоски не ведая, заснула
Сном непорочной простоты.

Первые произведения Шевченко на русском языке, хотя и несовершенные в художественном отношении, ценны стремлением автора приблизиться к демократическим традициям русской литературы.

6

В первой половине 1842 года материальное положение Шевченко ухудшилось. Член-казначей Комитета Общества поощрения художников художник-гравер А. Сапожников 15 мая 1842 года представил рапорт об увольнении Шевченко из числа пансионеров (стипендиатов). Мотивы: «В течение 7 месяцев не посещал академических классов и никаких трудов своих не представил Комитету»¹.

В годовом отчете Общества за 1842 год лишение Шевченко стипендии мотивируется тем, что он, как и другие воспитанники Общества, «выбыл по окончании художественного курса...»².

Обстоятельства эти до конца не выяснены. Сохранились экзаменационные списки учеников Академии натурного класса. Очередность в экзаменационном списке определялась успехами ученика (наилучший рисунок получал первый номер). Имя Шевченко на 17-м месте (экзаменовалось 53 ученика)³. Сохранились списки 1844 года, 18 марта он получил десятый номер, 29 апреля — шестой, 31 мая — седьмой, 29 октября — третий⁴.

Экзаменационные списки свидетельствуют, что в 1842 году Шевченко не окончил курса. Очевидно, главной причиной лишения стипендии было то, что Шевченко не представлял своих трудов Комитету. Сыграло свою роль и то, что он не присутствовал на восьми-месячных и третних экзаменах, что объясняется тем, что все больше внимания он уделял поэтическому творчеству⁵.

Отсутствие денег заставляло Шевченко брать посто-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 64.

² Там же, с. 67.

³ Там же, с. 62.

⁴ Там же, с. 72, 74, 75, 86.

⁵ Затенацький Я. П. Шевченко і петербурзьке Товариство заохочення художників.—Збірник праць дев'ятої наукової шевченківської конференції, Київ, 1961, с. 178—179.

ронние заказы, он вынужден был также уступить книгопродавцу Лисенкову право на издание «Кобзаря» и «Гайдамаков»: «Ни я сам, Шевченко, ни даже никто из моих наследников сего сочинения печатать права не имеет»¹.

В 1860 году при издании «Кобзаря» Лисенков не решился предъявить свои права, но после смерти Шевченко издателю Кожанчикову пришлось выдержать с ним довольно сложный судебный процесс.

Переписка Шевченко с харьковским учителем П. Королевым, который прислал ему фольклорный сборник «Запорожская старина» (1833—1838) стала известна сравнительно недавно.

18 ноября 1842 года Шевченко писал: «...позавчера вернулся в Петербург. Меня носил проклятуший пароход в Швецию и Данию. Плывая в Стокгольм, я сочинил «Гамалию», небольшую поэму, да так расхворался, что едва привезли меня в Ревель, там немного поправился». Никаких сведений о получении Шевченко заграничного паспорта нет. О нелегальном выезде он не мог и думать, так как не смог бы вернуться. Изучив рейсы пароходов в это время, П. Жур пришел к выводу, что Шевченко совершил рейс на финском пароходе «Финлянд» из Петербурга в Ревель (теперь Таллин). Поскольку Ревель был тогда в составе России, заграничный паспорт Шевченко был не нужен².

П. Жур предполагает, что, задумав поэму о казацких морских походах, Шевченко захотел совершить поездку по морю от Петербурга до Ревеля. Соответственно, исследователь предлагает уточнить датировку поэмы; не октябрь — ноябрь, а 5—7 октября 1842 года.

Некоторые историки литературы связывали поэму «Гамалия» с произведениями польских романтиков, в частности Богдана Залесского и М. Чайковского, но И. Франко полагал, что «Гамалия» является «свободным созданием авторской фантазии, основанным, впрочем, на казацкой традиции»³.

Морские походы казаков не носили захватнического характера. Основная цель похода Гамалии на Царь-

¹ Затепацький Я. П. Шевченко і петербурзьке Товариство захоочення художників. — Збірник праць дев'ятої наукової шевченківської конференції. Київ, 1961, с. 67.

² См.: Жур П. Шевченковский Петербург, с. 176—177.

³ Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури. Львів, 1910, с. 109.

град — освобождение невольников. Не стремясь к исторической точности (сведений о морских походах Гамалии нет), Шевченко воссоздал картину освободительного похода. Безграничная смелость, отвага запорожцев отобразена в ярких, сильных образах:

Ревет, ярится Византия,
Руками берег достает;
Достала, гикнула, встает —
И — на ножи валится злые.

(Перевод Н. Асеева)

Патриотические идеи «Гамалии» пугали жандармов из III Отделения. После пересказа содержания поэмы в уже упомянутом письменном докладе Николаю I, Дубельт обобщил: «Этой пьесой заключаются стихи, помещенные под общим названием «Кобзарь». Автор постоянно придерживается избранного направления: непрерывно жалуется на страдания Украины в современном ее положении... и, вспоминая о минувшей свободе, подвигах и славе казаков, укоряет нынешнее поколение в безразличии»¹.

С самого начала своего пребывания в Петербурге Шевченко увлекался театром. Даже во время ученичества у Ширяева он умудрялся посещать спектакли. Об этом говорится в «Художнике»: «Бывало, промыслишь какую-нибудь эту бедную полтину и несешь ее в раёк, не выбирая спектакля. И за полтину, бывало, так чистосердечно нахохочуся и горько наплачуся, что иному и во всю жизнь свою не приведется так плакать и так смеяться».

После освобождения он сохранил любовь к театру, но стал более требовательным: «Теперь... я уже иначе не иду в театр, как в кресла, и редко когда в места за креслами, и иду смотреть не что попало, а норовлю попасть или на бенефис, или на повторение бенефиса, или хоть и старое что-нибудь, то всегда с выбором. Правда, что я утратил уже тот непритворный смех и искренние слезы, но мне их почти не жаль».

Интерес к театру вызвал желание и самому писать пьесы. Мы уже упоминали о первых попытках: пьесе

¹ Украина, 1925, № 1—2, с. 92.

«Никита Гайдай», переделанной позже в «Невесту». В письме Квитке упомянута также драма «Слепая красавица». Но больше никаких сведений о ней у нас нет. В письме Я. Кухаренко в сентябре 1842 года упомянута драма или трагедия в трех актах «Данило Рева». Есть предположение, что это могла быть первая редакция пьесы «Назар Стодоля». В одном из следующих писем к тому же адресату Шевченко упоминает и драму в трех актах «Назар Стодоля», написанную на русском языке. В ноябре 1844 года Шевченко сообщает Кухаренко, что любительский украинский кружок Петербургской медико-хирургической академии разучивает ее для постановки. Специально для этой постановки она была переведена на украинский язык¹.

Опубликовал пьесу Кулиш после смерти автора в журнале «Основа» (1862) по рукописи, написанной неизвестной рукой, принадлежавшей Н. Белозерскому. В сохранившемся автографе на русском языке, частично выполненном рукой автора, по словам Кулиша, не было второго акта. На основании дат в рукописи Кулиш полагал, что пьеса была переписана под диктовку автора в октябре — ноябре 1844 года.

Драму «Назар Стодоля» нельзя назвать в полном смысле исторической, хотя в ремарке и сказано: «Действие происходит в XVII столетии». Фактически действие происходит позже, так как в тексте упоминается Савва Чалый, живший в XVIII веке. В пьесе нет достоверных исторических событий, реальных исторических лиц. И вместе с тем «Назар Стодоля» — историческая драма, поскольку в ней верно воспроизведен исторический колорит эпохи, характеры героев.

В основном конфликте пьесы отражены социальные противоречия конца XVII — начала XVIII века. Сотник Хома Кичатый — типичный украинский пан. Он мечтает о булаве полковника, о дальнейшем обогащении: «И слава, и почет, и червонцы греби: все твое. А пуще всего червонцы. Их люди по запаху чуют, хоть и не показывай,— все поклонятся». Для этого он готов продать свою родную дочь, пожертвовать ее счастьем. Хорунжий Назар Стодоля — выходец из народа. В его стрем-

¹ См. об этом в кн.: История императорской военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за 100 лет, СПб., 1898, с. 478.

лениях отражены мечты народа о свободной жизни. Он говорит Гале: «Мы поедem туда, где нет и не будет ни полковника, ни твоего отца, где одна только воля. Одна воля, да счастье...» Непримири́м к панам, заменившим польскую шляхту, и его верный друг Гнат Карый. В образах Назара, Гната, Гали выражен протест против социального неравенства.

Драма заканчивается мелодраматической концовкой — раскаянием Хо́мы, собирающегося в монастырь. Но первоначально Шевченко думал иначе закончить драму: в упомянутом примечании Кулиша отмечено, что в русском оригинале «пьеса заканчивалась убиением Хо́мы и готовностью Гната умереть, но это место потом зачеркнуто и рукой автора дописан конец, соответствующий украинскому оригиналу, с небольшими изменениями» (Основа, 1862, № 10, с. 4).

По сравнению с другими пьесами в украинской драматургии того времени «Назар Стодоля» более народен своими характерами, конфликтом, бытовым колоритом, стилем. Неоднократно эта пьеса ставилась на сцене, вошла в классический репертуар советского театра, экранизирована¹.

Драмой «Назар Стодоля» завершается первый, ранний период творчества Шевченко.

¹ См.: Шубравський В. С. Драматургія Т. Г. Шевченка. Київ, Держлітвидав України, 1961.

«НА УКРАИНЕ МИЛОЙ...»

1

Шевченко давно мечтал поехать на Украину, о чем в марте 1840 года писал брату Никите. Но удалось осуществить эту поездку лишь в 1843 году. 13 мая 1843 года он вместе с Гребинкой выехал на Украину по Белорусскому тракту.

Обогащенный уже знанием истории, Шевченко во время путешествия большое внимание уделял памятникам старины. Вот они с Гребинкой остановились в Козельце, и поэт вспомнил, что именно здесь в 1663 году собралась знаменитая «черная рада» (казацкий совет), где низы высказали свой протест против своеволия старшин. С интересом он осмотрел величественный храм, сооруженный архитектором Растрелли в 1742 году для родоначальницы рода Разумовских. А в селе Лемеша в одной из хат он прочитал на «сволоке» (матице), что она сооружена той же «Розумихой» в 1710 году.

23 мая Шевченко прибыл в знаменитую Качановку, имение Тарновского. Тут был дворец с огромной библиотекой и картинной галереей, вокруг дворца был разбит большой парк. Здесь в разное время бывали выдающиеся деятели русской и украинской культуры: Н. В. Гоголь, М. И. Глинка, М. А. Максимович, В. И. Штернберг, С. С. Гулак-Артемовский, Н. М. Забила, Н. И. Костомаров, Л. М. Жемчужников и многие другие. Здесь Глинка написал оперу «Руслан и Людмила» и музыку на стихи Виктора Забила «Не щербечи, соловейку...» и «Гуде вітер вельми в полі...».

Когда Шевченко собирался на Украину, у него не

было четкого представления о том, что его ожидает на родине. Позже в повести «Княгиня» он писал: «В продолжение моего странствования вне моей милой родины я воображал ее такую, какую видел в детстве: прекрасною, грандиозною, а о нравах ее молчаливых обитателей я составил уже свои понятия, гармонируя их, разумеется, с пейзажем. Да мне и в голову не приходило, чтобы это могло быть иначе. А выходит, что иначе». Эти слова не вполне соответствуют тому, что Шевченко ожидал увидеть. Еще в феврале 1840 года он писал Я. Кухаренко: «В Малороссию не поеду, ну ее,— там, кроме плача, ничего не услышу». Теперь он собственными глазами наблюдал суровую, жестокую крепостническую действительность.

Уже в Качановке Шевченко увидел, какая пропасть отделяет жизнь хозяев и гостей от жизни крепостных. В повести «Музыкант», написанной в ссылке, он вернулся к воспоминаниям об этом времени: «О, если бы я имел великое искусство писать! Я написал бы огромную книгу о гнусностях, совершающихся в селе Качановке.

Не помню, в какой именно книге я прочитал такое изречение,— что если мы видим подлеца и не показываем на него пальцами, то и мы почти такие же подлецы. Правда ли это? Мне кажется, что правда!» И Шевченко рассказал омерзительную историю о пане Арновском (читай: Г. Тарновском), создал трагический образ его жертвы — талантливой артистки Марии Тарасевич.

Из Качановки Шевченко поехал в Киев, где познакомился с П. Кулишом. Сам Кулиш позже отметил глубокую социальную разницу в их взглядах. Дружбы между ними не возникло. Познакомился Шевченко также с известным ученым, профессором Киевского университета, издателем сборников украинских народных песен М. А. Максимовичем. Шевченко осмотрел киевские памятники старины и нарисовал Выдубецкий монастырь (рисунок вошел в серию «Живописная Украина»).

Далее путь Шевченко лежал в имение Гребинки, а затем в село Мосевку, в имение Т. Г. Волховской. Прибыли они туда в конце июля 1843 года. К Т. Г. Волховской съехалось около 200 гостей из разных губерний — Полтавской, Черниговской и Киевской. Среди гостей были прогрессивно настроенные люди, в частности сын известного русского писателя А. Капнист, ху-

дожник и офицер Яков де Бальмен, братья Закревские. Эти люди составляли особый кружок, в котором охотно проводил время Шевченко. Об их передовых взглядах может свидетельствовать эпизод, происшедший в имении Т. Г. Волховской в 1848 году: братья Закревские за столом провозгласили тост за Французскую республику. Дело дошло до III Отделения и даже до Николая I. Закревские и де Бальмен были арестованы и доставлены в III Отделение, но здесь делу не придали серьезного политического характера и отпустили всех на волю, установив за всеми строгий политический надзор.

Шевченко бывал в имении Закревских Березовская Рудка, написал портреты обоих братьев и жены Платона Ганны Закревской.

Бывал Шевченко в селе Ковалевка, в имении декабриста А. Капниста, который после декабрьского восстания был арестован и уволен с военной службы.

Первые сведения о декабристах Шевченко получил еще в Петербурге, в кругу Брюллова и Н. Маркевича. На Украине он узнал о деятельности Южного Общества, о том, что крестьяне сочувствовали декабристам, в частности во время восстания Черниговского полка в районе Василькова. Значительно позже М. Драгоманов вспоминал, что еще в детстве, в 50-х годах он много слышал о либерализме Капниста и тогда-то впервые прочитал запрещенные стихи Шевченко «Сон», «Кавказ» и др., которые распространялись из кружка Капниста.

Капнист был первый декабрист, с которым познакомился Шевченко.

Капнист привез Шевченко в Яготин Киевской губернии в имение Репниных. Владельцем имения был Н. Г. Волконский, родной брат декабриста С. Г. Волконского. Поскольку женой Н. Г. Волконского была Репнина, а в этом старинном боярском роде не было продолжателей по мужской линии, Александр I разрешил Николаю Волконскому принять фамилию жены. Именно в этой семье М. Н. Волконская, уезжая за мужем в Сибирь, оставила маленького сына. Н. Г. Репнин был выдающимся государственным деятелем, участником Отечественной войны 1812 года, позже — вице-королем Саксонии, военным губернатором Малороссии (Черниговской и Полтавской губерний). После выхода в отставку он до 1842 года жил за границей.

Поскольку Репнин поддерживал связь с С. Г. Вол-

конским и его женой, шеф III Отделения Бенкендорф угрожал конфисковать его имения. Репнин вынужден был вернуться на родину, но находился в опале и жил в Яготине.

В Яготине была большая библиотека и картинная галерея. Шевченко были заказаны две копии с портрета Репнина работы швейцарского художника Горнунга, портреты Варвары Репниной и детей, поэтому он пробыл в Яготине довольно долго.

Атмосфера в Яготине была насыщена идеями декабризма, полна воспоминаний о близких людях. Тут Шевченко шире и глубже познакомился с историей декабристского движения, с творчеством Рылеева. Здесь была им задумана и написана поэма на русском языке «Тризна», овеянная памятью о декабристах.

Из Яготина Шевченко вместе с Афанасьевым-Чужбинским выезжал в окрестные села — к Закревским в село Вейсбаховка, к Н. Маркевичу в село Туровка, к де Бальменам в село Линовица.

Где бы ни был поэт, он внимательно присматривался к жизни крепостных крестьян, остро реагировал на жестокое отношение к ним помещиков. Чужбинский вспоминает, что их однажды пригласили к одному помещику, они пришли раньше положенного времени. В прихожей дремал слуга. Помещик, заглянув в прихожую, разбудил его грубо, как пишет Чужбинский, «по-своему... не стесняясь нашим присутствием... Тарас покраснел, надел шапку и ушел домой. Никакие просьбы не могли его заставить возвратиться». Помещик также не остался в долгу и причинил поэту немало неприятностей. «Мысль о тогдашнем положении простолюдина постоянно мучила Шевченко и нередко отравляла лучшие минуты»¹.

В начале сентября Шевченко совершил поездку в Запорожье. Об этом поэт писал Я. Кухаренко, упоминая остров Хортицу. Шевченко, как и все историки его времени, считал, что именно на этом острове в свое время была расположена Запорожская Сечь. Позже поэт в таком контексте упоминает исторический остров:

А на Сечи мудрый немец
Вырастил картошку...

(Перевод
В. Державина)

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 79.

Дело в том, что после разорения Сечи тогда же, в 1789 году, на острове расположились немецкие колонисты, которые развели здесь сады и плантации картофеля¹.

После Хортицы Шевченко посетил село Покровское, где в свое время была расположена Новая Сечь, и нарисовал церковь, построенную запорожцами.

В середине сентября он прибыл в родные места. Трогательной была встреча после четырнадцати лет разлуки. Собственными глазами увидел он, как страдают его братья и сестры, все крепостные. 20 сентября Шевченко был на крестинах у своего брата Иосифа. Крестными были поэт и его сестра Ярина. Тогда же Шевченко нарисовал хату, в которой провел свое детство.

Из Кирилловки Шевченко возвратился в Яготин, откуда по-прежнему выезжал в окрестные села. Бывал он в селе Исковцы у Чужбинского, в воспоминаниях которого рассказывается, как вместе они читали в оригинале стихи А. Мицкевича, поэму «Дзяды». «Читая великолепные переводы Мицкевича из Байрона, он приходил всегда в восторг, в особенности от «Доброй ночи» из «Чайльд Гарольда». Свидетельствовал Чужбинский также, что Шевченко пытался переводить Мицкевича на украинский язык, но не оканчивал и разрывал на мелкие куски, чтобы и «памяти не осталось»². Интересно, что в архиве биографа поэта М. Чалого сохранилась рукопись перевода двух сонетов Мицкевича на русский язык. Переводчик остался неизвестен, но рукопись эта побывала в руках Шевченко, так как название сонета «Американские степи» исправлено его рукой на «Аккерманские степи»³.

Бывал Шевченко в селе Березань в имении Платона Лукашевича, который знакомил поэта с развитием украинской культуры на западноукраинских землях. Известно письмо П. Лукашевича к западноукраинскому поэту Ивану Вагилевичу от 21 сентября 1843 года, в котором были такие строки: «Ваше письмо получил во время чтения с господином Шевченко Вашего «Мадея»,

¹См.: Жур П. Літо перше, с. 150.

Ранее считалось, что поездку в Запорожье Шевченко совершил летом. П. Жур доказал, что это неверно (см.: Жур П. Літо перше, с. 142 и след.).

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 79.

³ См.: Збірник праць першої і другої шевченківських конференцій. Київ, 1954, с. 260, 261.

которого напечатали в Будине. Жаль, что таковая поэзия народная забыта»¹.

Упомянутая поэма И. Вагилевича «Мадей» была напечатана в сборнике «Русалка Дністровая» в 1837 году в Будапеште. Основной ее тираж был конфискован львовской цензурой, но некоторые экземпляры разошлись и, очевидно, один из этих экземпляров был у Лукашевича. Из письма также видно, что Вагилевич просил прислать ему произведения Шевченко, и что в разговоре Лукашевича с поэтом шла речь о возможности использования некоторых западноукраинских слов и форм в общеукраинском литературном языке. И наконец в том же письме Лукашевич сообщал, что имеет намерение рукопись Вагилевича «Літопись Львовская» передать через Шевченко для представления в Петербургскую цензуру. К сожалению, об этом факте больше ничего не известно.

В гостях у Лукашевича Шевченко написал 9 октября 1843 года стихотворение «Разрытая могила», первое произведение на украинском языке этого периода, которое позже было переписано в рукописный альбом «Три літа» («Три года»).

Платон Лукашевич, известный фольклорист, был в то же время ярким крепостником. Возможно, что во время пребывания Шевченко в его имении поэту не бросилась в глаза эта сторона жизни хозяина, но вскоре произошел инцидент, глубоко оскорбивший Шевченко. Об этом рассказал М. Чалый. Зимой того же года, во время очень сильного мороза, Лукашевич послал своего крепостного с письмом к Шевченко в Яготин (за 30 верст) с приказом возвратиться с ответом в тот же день. Не имея права задерживать крепостного, возмущенный поэт написал, что прекращает свое знакомство с Лукашевичем навсегда. «Крепостник Лукашевич не уgomонился и ответил Тарасу Григорьевичу письмом, в котором все вертелось на том, что у него триста душ таких... как Шевченко»².

Шевченко был чрезвычайно взволнован подлой выходкой крепостника. Об этом писала В. Репнина: «...мой милый Шевченко, такой добрый и сердечный, что, каза-

¹ См.: Возняк М. У століття «Зорі» Маркіяна Шашкевича (1834—1934). Львів, 1936, с. 310; «Мадей» — поэма И. Вагилевича; Будин, Буда — Будапешт.

² Чалый М. Жизнь и произведения Тараса Шевченко. Київ, 1882, с. 39, 40.

лось бы, никто не решился бы причинить ему боль, рассказал мне ужасную обиду, которую нанесло ему письмо этого ложного друга, и, рассказывая, плакал от боли.

Видеть мужчину плачущим, особенно если горячо любишь его, чувствовать, что его унизили,— это очень больно; я не знала, что сказать, что сделать, чтобы утешить его; я прижала его голову к моей груди, обняла его, поцеловала его руку, целовала бы его ноги...»¹

Эпизод с Лукашевичем не был единичным, исключительным случаем. Все, что наблюдал Шевченко во время пребывания на Украине, помогло ему глубже понять социальный антагонизм в феодально-крепостническом обществе. Сам поэт назвал этот процесс «прозреванием»:

И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул —
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые...

(Перевод П. Панченко)

Шевченко пробыл в Яготине до 10 января 1844 года. В. Н. Репнина горячо полюбила его, но ответного чувства не встретила. Вполне возможно, что полюбить ее Шевченко помешала та колоссальная социальная, словесная пропасть, которая лежала между ними. Поэт не мог этого не понимать, но дружеские отношения сохранялись у них и в дальнейшем.

2

Во время восьмимесячного пребывания на Украине Шевченко много рисовал. Путешествуя по родному краю, он постоянно имел при себе альбом для эскизов и записей народных песен. В его изобразительном искусстве появляется новый жанр — пейзаж. В предшествующие годы он лишь периодически обращался к пейзажной живописи («Уголок Смоленского кладбища в Петербурге»). Но «чистых» пейзажей у Шевченко немного. Главным предметом изображения он считал человека. Позже, в ссылке, он напишет: «Много, неисчислимо много прекрасного в божественной, бессмертной

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 120.

природе, но торжество и венец бессмертной красоты — это оживленное счастьем лицо человека. Возвышеннее, прекраснее в природе я ничего не знаю». Поэтому и пейзажные зарисовки, сделанные на Украине, согреты его любовью к родному краю, к нищему, закрепощенному народу.

Посетив родную Кирилловку, он рисует в альбоме хату, в которой провел детские годы. На этом рисунке каждая деталь свидетельствует о бедности.

На другом рисунке — «Вдовья хата на Украине» — изображено еще более убогое жилище, собственно, лишь половина хаты (вторая недостроена или сгорела). Сеной нет, хата почти без кровли. Уродливо торчат кривые решетины, к которым прикреплена стреха. На переднем плане облупленный дымоход. Два маленьких подслеповатых окошечка. На кривых колышках — жалкая посуда.

К этой же группе принадлежат рисунки «Хутор на Украине», «Хата над водой».

Есть в альбоме целый ряд сюжетных работ: «Крестьянская семья», «На пасеке», «Курень Стрючка» и др. Сохранились карандашные эскизы, этюды к картине «Крестьянская семья». Крестьяне на картине Шевченко, как отмечал автор первой монографии о художнике проф. М. Бурачек, не позируют, а как бы взяты из жизни. Чувствуется любовь к народу, теплота, легкий юмор.

Как и раньше, Шевченко пишет много портретов. Так появляются портрет П. Кулиша, Г. и М. Закревских, в которых Шевченко стремится воспроизвести характер портретируемого лица. К этой группе относят и автопортрет, подаренный В. Репниной. Исследователи отмечают мастерство колорита, передачу света и тени. Не случайно Шевченко в Академии называли «русским Рембрандтом»¹.

3

На Украине Шевченко некоторое время не писал стихов. Писать так, как писал раньше в Петербурге, он уже не мог, а писать иначе, по-иному, он еще не умел.

¹ Шевченківський словник, т. 2, 1978, с. 161.

После довольно значительного перерыва, в конце 1843 года Шевченко пишет поэму на русском языке «Бесталаный» (в отдельном издании (1844) «Тризна»). Посвящение к поэме написано 11 ноября 1843 года. Ему предшествует текст: «На память 9 ноября 1843 года, княжне Варваре Николаевне Репниной».

«Посвящение», вспоминает В. Н. Репнина, было написано экспромтом: «Он вскочил с места, побежал за чернильницей, схватил лист бумаги, лежавший на столе, и стал писать, потом подал мне эту бумагу, говоря, что это — посвящение к одному произведению, которое он вручит мне позже»¹.

Поэма написана в Яготине, в атмосфере, насыщенной воспоминаниями о декабристах. Это единственное крупное произведение, написанное в 1843 году. В первом варианте названия — «Бесталаный» — под которым она была напечатана в журнале «Маяк», ударение делалось на судьбе главного героя, во втором и окончательном названии оно переносилось на увековечение его памяти — «Тризна». Литературная традиция связывает поэму с поэзией декабристов, в частности Рылеева, который был близким другом хозяина дома и произведений которого Шевченко не мог не знать.

Некоторые места из поэмы «Войнаровский» он знал наизусть. В письме к В. Репниной из ссылки он цитирует ее по памяти:

О, как неверны наши блага,
Как мы подвержены судьбе...

Пламенные призывы к свободе, содержащиеся в поэме, гневный протест против рабства, тиранов, палачей народа, были продолжением и развитием революционных традиций декабристов следующим поколением крестьянских революционных демократов. Уже в начале поэмы поэт славит *братство* друзей (напомним название возникшего позже тайного политического общества «Кирилло-Мефодиевское братство»), обращая к ним с призывом: «Воспойте свободу *на рабской земле!*» Интересно, что в «Маяке» эта строка была напечатана, а в отдельном издании была заменена другой: «Воспойте свободу *без злобы и крови.*»

Образ главного героя раскрывается в поэме как образ революционера и патриота:

В юдоли рабства радость воли
Безмолвно ты провозгласил.

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 112.

Первая строка в «Маяке» была изменена: «И долю рая всей юдоли», а в издании 1844 года — заменена точками.

При публикации поэмы в ней были вычеркнуты упоминания о «народных палачах», «тиранах». Вычеркнуты пламенные патриотические строки:

...О святая!
Святая родина моя!
Чем помогу тебе, рыдая,
И ты закована, и я.

В образе главного героя ясно просматриваются автобиографические черты:

В семье убогой, неизвестной
Он выросал; и жизни труд,
Как сирота, он встретил рано;
Упреки злые встретил он
За хлеб насущный...

И другие строки поэмы можно отнести к самому Шевченко:

Без малодушной укоризны
Пройти мытарства трудной жизни,
Измерить пропасти страстей,
Понять на деле жизнь людей,
Прочсть все черные страницы,
Все беззаконные дела...
И сохранить полет орла,
И сердце чистой голубицы!
Се человек!..

Хотя в «Тризне» заметны следы романтической поэтики, но в это время Шевченко уже начал критически относиться к романтизму. Об этом говорят строки поэмы, где речь идет о главном герое:

И байронический туман
Он не пускал...

В конце декабря 1843 года Шевченко был в Пирятине, где посетил мать и брата конференц-секретаря Академии художеств В. И. Григоровича. Мы узнаем об этом из письма Шевченко от 28 декабря 1843 года. Он спрашивал Григоровича, следует ли ему возвращаться в Петербург, в Академию художеств, и просил продлить ему «вид» (документ, подтверждающий, что он является учеником Академии) на право проживания на

Украине еще в течение двух месяцев. Шевченко не оставлял мечты о выполнении программы для получения заграничной поездки в Италию, хотя отсутствие стипендии очень осложняло его положение.

Ответ Григоровича нам неизвестен, но поскольку «вид» на два месяца был прислан, очевидно, он посоветовал поэту возвратиться в Петербург для окончания Академии.

В Яготине Шевченко познакомился с тремя сестрами Псел, которые воспитывались в семье Репниных. Глафира Ивановна была художницей, Александра — поэтессой. В предисловии к задуманному изданию «Кобзаря» Шевченко дал довольно высокую оценку ее стихам.

По-прежнему он посещал своих знакомых и друзей: Н. Маркевича в Туровке, Якова де Бальмена в Линовице. Яков Петрович был художником-любителем. Вместе с художником М. Башиловым он иллюстрировал рукописную книгу, написанную на украинском языке, но польско-латинской транскрипцией «Wirszy T. Schevchenka» (1844). Здесь переписаны стихи из «Кобзаря» 1840 года, а также поэмы «Гайдамаки» и «Гамалия». В некоторых местах, в частности в поэме «Тарасова ночь», восстановлены цензурные купюры. Одну цензурную купюру в «Гайдамаках» восстановил сам Шевченко. В конце книги было довольно много чистых листов. На одном из них рукой Шевченко переписаны две строки из поэмы «Кавказ», на другом — четырехстишие «За что мы любим Богдана».

Цель переписывания стихов польской транскрипцией раскрывает письмо Я. де Бальмена Виктору Закревскому от 20 июля 1844 года из Одессы. Письмо сохранилось в архиве III Отделения в деле «О пирятинских помещиках двух братьях Михаиле и Викторе Закревских и гр. де Бальмене, вызвавших подозрение в неблагонадежности». В письме объясняется, что стихи Шевченко переписаны «латинкой» на тот случай, если поэт захочет издать их за границей, чтобы их могли читать поляки. Рисунки выполнены с большим мастерством, знанием истории Украины и пониманием произведений Шевченко¹.

В конце января или в начале февраля 1844 года Шевченко был уже в Киеве, посетил Контрактную яр-

¹ Альбом находится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР.

марку. В первой половине февраля он выехал с Украины в Петербург через Москву. Здесь он был на спектакле в Малом театре и встретился с великим актером, бывшим крепостным, Михаилом Семеновичем Щепкиным. Точная дата их знакомства не зафиксирована. Они могли впервые встретиться еще в Петербурге в 1838 году во время спектаклей или в Киеве в 1843 году. 19 марта 1844 года Шевченко написал стихотворение «Чигрине, Чигрине», которое посвятил Щепкину. С этим посвящением стихотворение печаталось во всех изданиях до 1939 года.

В Москве Шевченко познакомился с известным историком-славистом Осипом Максимовичем Бодянским, украинским писателем, фольклористом и критиком, выступавшим под псевдонимом «Запорожец Исько Материнка» и «Мастак». Беседы с Бодянским имели большое значение для дальнейшего творчества Шевченко. О Бодянский сделал ряд замечаний к тексту поэмы «Гамалия». Об этом свидетельствует письмо Шевченко к Бодянскому от 6—7 мая 1844 года.

В конце февраля Шевченко прибыл в Петербург.

СНОВА В ПЕТЕРБУРГЕ

1

В Петербурге Шевченко вернулся к занятиям в Академии художеств и вскоре ее закончил,— от мысли о получении золотой медали и выполнении необходимой для этого программы он отказался.

Шевченко еще долго находился под впечатлениями от путешествия по родному краю, от встреч и наблюдений. Через десять месяцев после возвращения он писал своему другу офицеру, украинскому писателю Якову Кухаренко на Кубань: «Был я в прошлом году на Украине... везде был и все плакал». Особенно его волновала судьба родных. Он мечтает выкупить их из крепостного состояния и пишет об этом В. Репниной. Письмо это не сохранилось, о его содержании мы лишь знаем из взволнованного ответа Репниной от 19 июня 1844 года¹.

Вероятно, для этой цели предназначались средства от издания серии офортов «Живописная Украина», задуманной им в это время. Впервые об этом грандиозном замысле упомянуто в письме поэта О. Бодянскому 6—7 мая 1844 года: «Я хочу рисовать нашу Украину... Я ее нарисую в трех книгах, в первой будут виды или по красоте своей, или по истории приметные, во второй современный народный быт, а в третьей историю. Три эстампа уже готовы...»

Подробное сообщение напечатано в петербургской газете «Северная пчела» от 25 августа 1844 года.

¹ См.: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 26.

Вскоре первый выпуск «Живописной Украины» вышел в свет. Сюда вошли шесть офортов: «Судный в селе совет», «Дары в Чигирине в 1649 году», «Старосты», «Сказка», «Выдубецкий монастырь» и «В Киеве». Первый и четвертый офорты имели подтекстовки на украинском языке, второй и третий — на украинском и французском языках, две — без текста.

В обращении Шевченко к жанру гравюры, подготовке офортов, с которых печатались эстампы, видна тенденция к демократизации искусства, стремление сделать его доступным широким народным массам.

Историки офорта в России отмечают, что гравюры Шевченко знаменовали собой начало второго этапа в развитии офорта в нашей стране, который характеризуется дальнейшим усилением реалистических тенденций¹.

В жанре офорта в окружении Шевченко работали Р. Жуковский и особенно К. Брюллов. Но реалистические элементы в работах Шевченко выражены сильнее. Все эскизы, по которым они изготовлены, написаны с натуры на Украине.

Прежде всего Шевченко обращается к историческому прошлому. В офорте «Дары в Чигирине в 1649 году» он изобразил один из важнейших поворотных пунктов отечественной истории — воссоединение Украины с Россией. К офорту Шевченко дал такую подтекстовку: «Из Царьграда, из Варшавы и Москвы прибывали послы с большими дарами присоединить Богдана и народ украинский, уже свободный и сильный. Султан, кроме больших сокровищ, прислал Богдану красный бархатный жупан на горностаевом меху по образцу княжеской порфиры, булаву и саблю. Однако совет... присудил воссоединиться с царем московским». Видимо, эти сведения Шевченко заимствовал из «Истории русов», которую он читал в рукописи у Бодянского, ее издателя, там упоминается о прибытии послов трех государств в Чигирин в мае 1650 года. Среди турецких даров там упоминаются булава, сабля, «дулейман, похожий на мантию с горностаевыми оторочками»².

На рисунке изображены палаты гетмана. В центре композиции — дары от трех послов. Наиболее щедры

¹ См.: Корнилов П. Е. Офорт в России XVII—XX веков. М. 1953, с. 52—57.

² История русов или Малой России. М., 1846, с. 96.

дары турецкого султана, более скромны от двух других держав. В этих деталях — глубокое содержание. Во-первых, щедрые дары являются контрастом по отношению к весьма скромной обстановке палат Хмельницкого, мало чем отличающихся от палат зажиточного казака. Во-вторых, несмотря на щедрость даров, надежд на успех посольства у турка мало. Об этом говорит его хмурый, насупленный вид.

За турецким послом, на две трети скрытый его фигурой, сидит польский посол. После неприятных военных событий и поражений в 1648 и 1649 годах он не видит надежд на успех своего посольства.

И наконец, слева от даров, ближе всего к внутренним покоям гетмана, весь освещенный солнцем, сидит в высоком кресле седовласый боярин. Он сидит спокойно и уверенно. Если не сейчас, то позже, но успех его миссии обеспечен. Братские восточнославянские народы, близкие по происхождению, исторической судьбе, обычаям, языку, религии, должны воссоединиться.

У входа во вторую палату, где будет прием, стоят на страже два казака. В палате собрались члены Совета, ожидая выхода гетмана.

Все в этом рисунке говорило о простоте, силе и величии украинского народа. Не случайно в первом письме к О. Бодянскому Шевченко назвал свой офорт: «Дары Богдану и украинскому народу».

В офорте «Выдубецкий монастырь» изображен один из древнейших памятников архитектуры (основан в XI веке, достроен в XVII—XVIII веках). Монастырь изображен в реалистически-бытовом плане: на переднем крае возле куреня — пастух, справа — две коровы, слева виден Днепр, челны с людьми.

Несколько офортов носят жанровый характер. К офорту «Судный совет» Шевченко дал такой текст: «Атаман собирает в селе общину, если случится что-нибудь чрезвычайное, на совет и суд, около «оранды» (шинка) или на майдане. Община, посоветовавшись и посудивши хорошо, дав мир врагам или наказание, расходится, выпивая по рюмке тяжёбной». Такой суд бытовал на Украине с давних пор.

На рисунке возле хаты изображены три старца, в шапках, с киями (посохами). Это — судьи. Старейший, очевидно, голова (председатель), сидит на завалинке. Перед ним стоят без шапок истец с гордо поднятой головой и ответчик с опущенной головой. Композицию

дополняют слева двое крестьян, возвращающиеся домой, и справа «служивый», читающий крестьянину какую-то бумагу. Офорт правдоподобен и реалистичен.

Второй жанровый офорт — «Сваты». В подтекстовке, на украинском и французском языках, Шевченко рассказывает о сватовстве: «Парень к отцу и матери девушки присылает сватов, людей красноречивых и для такой вещи искусных; если отец и мать благословляют, то девушка, перевязав сватам полотенце через плечи, подает помолвленному своему на тарелке приобретенный или самодельный платок».

Вся обстановка, изображенная на офорте, выражение лиц, детали одежды свидетельствуют о глубоком знании художником жизни, быта украинского народа.

По фольклорным мотивам выполнен офорт «Сказка». На рисунке сельская улица, ветряная мельница, хата с садиком. На переднем плане на колоде сидит николаевский солдат-инвалид. За спиной у него ранец, в зубах трубка. Солдат снял сапог с левой ноги и отбросил в сторону. Тут же лежит костыль. В левой руке солдат держит рожок с табаком и угощает смерть, настигшую его у родного села. Смерть изображена юмористически, с косой, в украинском костюме: очипок (чепец), намитка (покрывало) из тонкой кисеи, которой завязывали головы сверженные замужние женщины, плахта, запаска (юбка).

Идея офорта — презрение солдата к смерти, которой он уже не раз смотрел в глаза за двадцать пять лет николаевской солдатчины.

Офорт сопровождается юмористическим диалогом: « — А откуда и куда бог несет, господин солдат? И где именно табачок брали: не чемерицей, случайно?! Так как мы вас знаем, «пиддобрики» (непереводимый неологизм Шевченко: люди, которые хотят задобрить человека — заискивающе).

На офорте «В Киеве» изображен пейзаж: дорога над Днепром между старыми развесистыми деревьями. На реке большой челн. У дороги и на берегу фигуры людей.

Во втором выпуске «Живописной Украины» Шевченко также предполагал дать офорты на исторические и современные, бытовые темы. Его проспект был напечатан на обложке вышедшего альбома.

Шевченко возлагал на «Живописную Украину» большие надежды. Он обращался с письмами ко всем лицам,

которые могли содействовать подписке на это издание. Одно из писем было найдено в фонде черниговского гражданского губернатора П. Гессе. В письме говорилось: «История Южной России изумляет каждого своими происшествиями и полусказочными героями, народ удивительно оригинален, земля прекрасная, и все это никем не представлено пред очи образованного мира, тогда как Малороссия давно имела своих композиторов, и живописцев, и поэтов. Чем они увлеклись, забыв свое родное, не знаю. Мне кажется, будь родина моя самая бедная, ничтожная на земле — и тогда бы она мне казалась краше Швейцарии и всей Италии. Те, которые видели нашу Украину, говорят, что желали бы жить и умереть на ее прекраснейших полях. Что же сказать ее детям? Должно любить и гордиться своею прекраснейшею матерью. Я, как член ее великого семейства, служу ей ежели не на существенную пользу, то по крайней мере на славу имени Украины».

«Живописная Украина» расходилась медленно, и, вероятно, это было главной причиной того, что второй выпуск издания не был осуществлен. И все же первый выпуск «Живописной Украины» является величественным памятником украинского реалистического искусства. Спустя два десятилетия русский художник Лев Жемчужников осуществил подобное издание под тем же названием. Во вступлении он писал: «Много лет тому Тарас Григорьевич Шевченко начал издавать альбом рисунков под названием «Живописная Украина». Любя и уважая Тараса Григорьевича, я решился назвать мое издание тем же именем в память Шевченка. Пусть мой труд служит словно бы продолжением бывшего труда Тараса Григорьевича»¹.

2

Пребывание Шевченко в Петербурге в течение 1844 и в начале 1845 годов дало очень много для его идейно-художественного роста. И это неудивительно. Вся атмосфера петербургской жизни не могла не оказывать на него сильного влияния. На страницах журнала «Отечественные записки» печатались произведения Белинского

¹ Жемчужников Л. Живописная Украина. СПб., 1861, с. 1.

и Герцена, в которых проводились прогрессивные, освободительные идеи, шли споры о произведениях Гоголя. Шевченко, жадно впитывавший в себя все новое, не мог не быть внимательным читателем петербургских журналов. И личные знакомства Шевченко этого периода приобщали его к передовым идеям времени. Он часто встречался с М. С. Щепкиным, от которого мог много слышать о Герцене, сблизился с будущим петрашевцем Н. Момбелли, познакомился с А. Плещеевым, еще раньше на Украине — с Р. Штрандманом. А. Плещеев и Р. Штрандман были членами кружка, во главе которого стоял М. В. Буташевич-Петрашевский. Кружок был довольно разнороден по составу, в нем не было единой программы, но наиболее революционная часть его членов призывала к активной борьбе с крепостным строем. К этим, наиболее революционным членам кружка принадлежал и знакомый Шевченко Н. Момбелли.

Не мог Шевченко не читать «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка», первый выпуск которого подготовили Петрашевский с Валерианом Майковым и Романом Штрандманом. В словаре нашли отражение материалистические, социально утопические и революционные взгляды его составителей.

Неизвестно, был ли знаком Шевченко с самим М. Буташевичем-Петрашевским. Но последний знал об его произведениях (об этом стало известно III Отделению из показаний тайного агента полиции Антонелли, хотя Петрашевский, естественно, отрицал этот факт).

Таким образом, связи Шевченко с будущими петрашевцами несомненны.

Все это вместе содействовало формированию революционно-демократических взглядов Шевченко.

И. Франко писал: «Невозможно, чтобы Шевченко, живший в это время в Петербурге, мог не увлечься... мощной волной прогрессивного движения, чтобы его горячая, молодая душа не обратилась также в новом направлении, тем более, что и его собственные мужицкие симпатии издавна влекли его в ту же сторону. Поэтому не удивительно, что под влиянием этих новых идей его прежние идеалы казацкой старины бледнеют, что его узкая украинская национальная романтика постепенно видоизменяется и в самой себе перерождается в любовь ко всем славянам, угнетаемым иноземцами, а

затем и в любовь ко всем вообще людям, угнетенным цепями общественного неравноправия, неправды и рабства.

С начала 40-х годов Шевченко все более сознательно и решительно вступает на новый путь»¹.

Глубже разобравшись в жизненных явлениях, в социальных противоречиях, Шевченко ставит свое художественное слово на службу непримиримой борьбе против крепостничества и самодержавия. Он не хочет прибегать к эзоповскому языку, не хочет приспосабливаться к цензурным требованиям. Не рассчитывая больше на возможность печатания своих новых революционных стихотворений в условиях цензуры, он читает их своим близким знакомым, дает переписывать, и сам позже аккуратно переписывает их в альбом под названием «Три года».

По названию этого альбома 1843—1845 годы в жизни и творчестве Шевченко именуют периодом «Трех лет».

Произведения, переписанные в альбом «Три года», представляют собой единое целое, они объединены общим названием, эпиграфом, внутренне едины и снабжены общим поэтическим послесловием². Они не предназначались для подцензурной печати, поэтому в большинстве случаев в них непосредственно и ярко выражены революционно-демократические идеи Шевченко.

Стихи переписывались в тетрадь не сразу и не в хронологическом порядке. Переписывались они в конце 1845 или в начале 1846 года. Хронологически первым стихотворением было стихотворение «Разрытая могила» (9.X.1843. Березань; «могила» означает курган). Переписано же оно не первым, а пятым. Возможно, название стихотворения Шевченко заимствовал у малоизвестного поэта Н. Колотенка, сборник которого «Стихотворения» вышел в Одессе в 1843 году. В этом сборнике было стихотворение «Разрытая могила», посвященное Наполеону. Сборник мог быть у П. Лукашевича, в имении которого написано стихотворение Шевченко. Правда,

¹ Франко І. Твори в 20-ти томах, т. XVII, с. 9—11.

² В эти же годы написана поэма «Еретик» (дата окончания 10.X.1845) и вступление к ней «Шафарику» (22.XI.1845). Они переписаны в тетрадь такого же формата, с таким же качеством бумаги, что и альбом «Три года». Вполне обоснованно предположение, что в свое время и «Еретик» входил в состав сборника.

в этих стихотворениях, как справедливо заметил П. Жур, кроме названий нет ничего общего¹.

Более вероятно предположение, что замысел стихотворения связан с археологическими раскопками древних курганов. В собственноручных археологических записках самого Шевченко, сделанных в 1845 году, упоминаются три кургана вблизи Березани. Одна из них называлась «Богданова могила» (в стихотворении есть обращение к Богдану Хмельницкому). Упоминается в записках и Березань: «Между местечками Березань и Яготином в 15 верстах от Переяслава огромное древнее земляное укрепление...»

Образ могилы-кургана — один из наиболее распространенных в раннем творчестве Шевченко. Раскопки курганов ему казались кощунством. Об этом он упоминает во вступлении к поэме «Гайдамаки». В стихотворении «Разрытая могила» образ этот становится центральным. (Правда, летом 1846 года Шевченко как сотрудник археографической комиссии сам примет участие в раскопках кургана Перепятиха вблизи Фастова).

Сборник «Три года» открывается эпитафией, взятым из библейской книги пророка Иеремии. Шевченко вкладывал в эпитафию политический смысл — размышления об ошибках предков, усугубленных потомками, об угнетении народа, о бессилии молодежи, осознающей угнетенное положение народа. С этим эпитафией связана и основная тема первого стихотворения — протест против национального и социального угнетения украинского народа.

Шевченко в своем творчестве не раз положительно оценивал воссоединение Украины с Россией и историческую роль в этом событии Богдана Хмельницкого. В данном стихотворении речь идет о реакционной политике царского самодержавия, к которой резко отрицательно относились все передовые революционно настроенные люди России.

Значение стихотворения «Разрытая могила» состоит в том, что здесь впервые в украинской литературе и украинской общественной мысли со всей откровенностью и резкостью поставлен вопрос о социальном и национальном угнетении украинского народа как русским царизмом, так и «перевертнями» — украинскими помещиками-крепостниками. Когда альбом «Три года» после

¹ См.: Жур П. Літо перше, с. 72.

ареста Шевченко попал в III Отделение, много строк именно этого стихотворения были подчеркнуты жандармским карандашом, как строки «наиболее возмутительного содержания»¹.

Впервые стихотворение напечатано в заграничном, лейпцигском издании 1859 года «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки». В России впервые опубликовано лишь после революции 1905 года.

Как уже говорилось, в Москве, по дороге в Петербург, написано стихотворение «Чигрине, Чигрине» (1844) и позже первым переписано в альбом «Три года». Здесь отражены впечатления от восьмимесячного пребывания поэта на Украине. То, что он там увидел, глубоко взволновало его и пробудило жгучую ненависть к угнетателям. Эти чувства и выражены в стихотворении «Чигрине, Чигрине».

Почему именно этот город привлек внимание поэта? Возможно, он бывал в этом городе еще в детстве. В поэме «Гайдамаки», написанной в Петербурге, целая глава названа «Праздник в Чигирине». Посетив в 1843 году родные места, Шевченко побывал и в Чигирине, и в Суботове. Позже он нарисовал тушью и изготовил офорт «Дары в Чигирине 1649 г.». Вспомним, что переиздание «Кобзаря» названо «Чигиринским...», очевидно, не без согласия автора. Но главное это то, что Чигирин был овеян славой столичного города во времена Хмельницкого и в течение десятилетий являлся резиденцией гетманов, преемников Хмельницкого².

Воспоминания о прошлом этого города вызывают у поэта размышления об исторических судьбах Украины, о борьбе с польскими феодалами, с татарско-турецкими ордами, с царизмом. Народ как будто ничего не добился. Но Шевченко все же надеется... «подрастут гетманы», но надежда теперь не только на них. Сердце поэта болит потому, что «заснула Украина», ему хочется разбудить ее. Он выступает в роли *будителя* (прекрасное чешское слово, которое вошло уже в наш обиход), стремится поднять народ на борьбу с угнетателями за право на землю, за правду «в этом мире». Оружием поэта является слово, из которого он хочет выковать новый крепкий лемех для старого плуга, вспахать им целину, посеять слова-слезы, из которых, меч-

¹ См.: Україна, 1925, № 1—2, с. 95.

² См.: Логвин Г. П. Чигирин, Суботів. Київ, 1954.

тает поэт, вырастут ножи. Последний образ перекликается с образами гайдамацких ножей в поэме о крестьянском восстании. Это — итог раздумий Шевченко.

Появившееся значительно позже за границей, это стихотворение печаталось в России с цензурными купюрами, распространялось в списках.

В 1844 году в Петербурге Шевченко пишет поэму «Сова», в центре которой — образ обездоленной нищей вдовы, матери солдата. Литературная судьба поэмы сложилась иначе, чем у большинства произведений поэта. Она не была известна современникам, не распространялась в списках, а потому не попала и в заграничные издания. Об ее существовании стало известно только в конце прошлого века из опубликованного тогда письма В. Репниной к поэту. Впервые «Сова» напечатана лишь после революции 1905 года.

А между тем удельный вес поэмы весьма значителен. Если в раннем творчестве многие лирические стихотворения создавались на основе воспоминаний детства, фольклорных материалов, то в сборнике «Три года» поэт непосредственно отражает современную жизнь, воссоздает ее во всех деталях.

В литературе отмечалась близость текста поэмы к украинским народным песням, в частности, к рекрутским:

Сидять пани рядами,
Пишуть листи пірами,
Пишуть, пишуть і радять,
Кого в некрути оддать.
— Де п'ять — там не брать!
Де четири — там велять;
Де три — там не ти;
Де два — там нільга
У вдовини один син.
У той пішов під аршин¹.

Совпадения текстуально точны:

В усіх доля мати.
А у вдови один син,
Та й той як раз під аршин.

Шевченко шел не от песни, а от жизни, от своих непосредственных наблюдений. В песне, опубликованной

¹ Украинские народные песни, изданные Михаилом Максимовичем. Київ, 1834, с. 157. См. также песню «Збиралися комісари» (с. 132).

Максимовичем, отражено социальное неравенство, у Шевченко еще глубже, резче раскрываются социальные противоречия: не берут сыновей всех богатых крестьян:

Все то мелки, недомерки,
Все сынки богатых...

В песне у вдовы забирают сначала единственного сына, а потом землю. Дальнейшей судьбы матери мы не знаем. В поэме «Сова» Шевченко рисует трагедию матери художественными средствами, аналогичными его манере художника-портретиста — контрастами света и тени. Сначала идут светлые тона, картины, близкие к идиллии. Трагедия начинается с момента, когда сына забирают в солдаты. Проходят годы, а от сына нет известий. Старая, обессиленная женщина становится нищей, сходит с ума.

Шевченко впервые в украинской литературе вскрывает социальные причины трагедии, классовые противоречия в среде еще закрепощенного крестьянства: между богатой верхушкой и низами. Раскрывается также зло солдатской службы с ее 25-летним сроком, которая забирала много жертв и которую В. И. Ленин назвал «каторгой».

У Шевченко трагедия матери — не только личное горе, а социальная трагедия. Это подчеркнуто названием и композицией поэмы. Образ совы приобретает аллегорический характер. В стихотворении «Три года», давшем название всему сборнику, в образе совы символизируется народное горе:

И теперь я свое сердце
Ядом злым врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совой кричу я.

(Перевод П. Панченко)

В показе социальных противоречий крепостнического общества, противоречий в среде самого крестьянства обнаруживается прозорливость Шевченко, революционного демократа и поэта-реалиста.

3

После глубоко эмоционального лирического стихотворения «Девичьи ночи» (1844) о судьбе красивой, но обездоленной крестьянской девушки, Шевченко создал поэму эпохального значения «Сон» («У всякого своя

доля»). Жанр произведения автор определил в подзаголовке как «комедию», подчеркивая этим его сатирическую природу. Некоторые исследователи связывали этот подзаголовок с появлением первой части русского перевода «Божественной комедии» Данте — «Ад»¹.

Главная идея произведения выражена в эпитафии из Евангелия: «Дух истины, егоже мир не может прияти, яко не видит его, ниже знает его». В свое время были попытки комментировать эпитафию и вступление к поэме в евангельском духе, мол, поэт осуждал «грехи» против «христианской этики». Для этого нет никаких оснований. Атеистическая направленность поэмы выражена совершенно определенно во вступлении:

Нет на небе бога!
Под ярмом вы падаете,
Ждете, умирая,
Райских радостей за гробом,—
Нет за гробом рая!

(Перевод В. Державина)

Точно так же нет никаких оснований видеть во вступлении осуждение «индивидуальных грехов» людей. Шевченко обличает порочность общественной системы, прежде всего крепостничества, самодержавия, но укоряет и народ, который «молчит себе» и покорно терпит страдания.

Молчат люди, как ягнята,
Вытаращив очи...

Композиционная форма (сон) дала возможность Шевченко охватить широкие просторы империи, подвергнуть смелой критике самодержавие. Все три эпизода объединены общей революционно-демократической идеей борьбы против самодержавия и крепостничества, проникнуты пламенным патриотизмом.

Первый эпизод, посвященный Украине, начинается широкоизвестным пейзажем («гляжу — уже светает...»), который дети с раннего возраста заучивают на память. Украина со своей прекрасной природой кажется раем, но для народа, для крепостных крестьян, она была адом.

¹ «Божественная комедия» Данте Алигьери. Ад, перевод с итальянского Ф. Фан-Дима. СПб., 1842. Шевченко читал этот перевод, что следует из его письма О. Бодянскому от 15 ноября 1852 г. «Покойный Данте говорит, что в нашей жизни нет горшего горя, как в несчастье вспоминать о прошлом счастье». Шевченко имел в виду пятую песню «Ада».

А вон — распинают
Вдову за оброки; а сына берут,—
Любимого сына, последнего сына,—
В солдаты опору ее отдают,—
А вон умирает в бурьяне под тыном
Опухший, голодный ребенок! А мать
Угнали пшеницу на барщине жать.

Обличая жестокость крепостников, Шевченко приговождал их к позорному столбу. Безусловно, здесь была известная амплификация («сермягу в заплатках с калек снимают, со шкурой дерут...»). Но резкость была необходимой, так как не только откровенные крепостники, но и либералы приукрашали, идеализировали крепостничество. Можно напомнить такой факт, как издание П. Кулишом, несколькими годами позже вступившем в антикрепостническое Кирилло-Мефодиевское братство, книжки, в которой идеализировалась «гуманность» помещиков¹.

Полемизируя с народниками, В. И. Ленин дал классическое определение крепостнической эксплуатации, которая велась «в самых грубых, азиатских формах»².

Шевченко в поэме «Сон» в критике феодально-крепостнической действительности поднялся до уровня наиболее передовых мыслителей своего времени, глубоко и всесторонне раскрыл все язвы, всю мерзость крепостничества: подушный налог, рекрутчину, нищету крестьян, унижение их человеческого достоинства.

Не ожидая помощи от небесных сил, Шевченко приходит к последовательно революционным выводам:

Спросим: долго ль кровопийцам
Царствовать над нами?

Непосредственного ответа на этот вопрос он пока еще не давал. Но поэт верил в силу всенародного антикрепостнического, революционного движения. Ему хотелось увидеть Украину в огне крестьянских восстаний, землю, освобожденную от помещиков. Образы необыкновенной силы отражали зарево народных бунтов, расправ с помещиками.

Но вместе с тем поэт-революционер возлагал надежды не только на крестьянское движение. Он начинал понимать, что необходимы силы, которые должны раз-

¹ Карманная книжка для помещиков, или Извлеченный из опыта лучший способ управлять имением, издал помещик Черниговской губернии штаб-лекарь Гладкий. СПб., 1846.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 447.

будить народ, принести в массы революционно-освободительные идеи. Не случайно из Украины поэт во сне переносится в Сибирь, где он никогда не был. Но по рассказам знакомых и близких людей он много знал о декабристах, об участниках польского национально-освободительного движения. Во втором эпизоде поэт с глубоким сочувствием пишет о «каторжниках». Он имел в виду не уголовных преступников, а лучших, передовых людей России, пламенных борцов за волю и счастье народа.

Царь всемирный, царь свободы,
Царь, клеймом венчанный!
Цепи носит и не стонет
В муке бесконечной!
Кто согрет любовью к людям,
Не остынет вечно!

Дискутировался вопрос — кого именно имел в виду Шевченко в образе «царя свободы». Это обобщенный, собирательный образ политического борца, персонификация идеи революции, идеи служения народу. Шевченко был уверен, что революционные идеи не умрут, не погибнут, найдут своих продолжателей. Об этом идет речь в обращении к сосланному в Сибирь революционеру, к его думам:

Не прячь! разбросай их, рассыпь их повсюду!
Взойдут, разрастутся, могучими будут!

Преимственность революционно-освободительных идей выражена и в том, что третий и последний эпизоды посвящены Петербургу. У Шевченко не было однозначного отношения к Петербургу. В своих повестях на русском языке он с любовью пишет о нем как о крупном культурном центре, средоточии передовых идей, но в то же время ненавидит его, как оплот монархии, всяческого гнета. Такое же двойное отношение к Петербургу было и у Белинского, и у всех других революционных демократов: «Только в Питере человек может узнать себя — человек он, получеловек или скотина: если будет страдать в нем — человек, если Питер полюбится ему — будет или богат или действительным статским советником»¹, — писал Белинский.

В беспощадной критике самодержавия у Шевченко уже были предшественники в лице Радищева («Путешествие из Петербурга в Москву», ода «Вольность»),

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. XI, с. 418.

Пушкина с его обличением «самовластительных злодеев» на троне («Вольность»), нелегальная, подпольная литература. Но на новом этапе освободительного движения Шевченко как выразитель настроений крепостного крестьянства идет далее своих предшественников. Поэт бичует всю систему крепостнического самодержавного строя, все его звенья, начиная с венценосца Николая I и кончая рядовыми, мелкими представителями царской власти, и бичует настолько резко, что либеральная критика даже через полстолетия видела в поэме «Сон» «чрезмерную карикатурность», которая, мол, не может нравиться «читателю с эстетическим вкусом»¹.

Обличение царизма в поэме выполнено новыми средствами сатиры. Непосредственных предшественников в этом жанре у Шевченко не было. Сатирическая литература конца XVIII — начала XIX века, подпольная сатирическая литература, украинские интермедии и интерлюдии, «Энеида» Котляревского, устное народное творчество сыграли значительную роль в овладении Шевченко средствами сатирического жанра. Но в целом, и по содержанию и по форме, сатира Шевченко — новое и совершенно оригинальное явление.

Белинский в свое время в связи с «Ревизором» писал: «Смешное комедии вытекает из постоянного противоречия явлений с законами высшей разумной действительности». Называя «Ревизор» и «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» комедиями, Белинский подчеркивал: «...и в том, и в другом произведении поэт выразил идею отрицания жизни, идею призрачности, получившую, под его художническим резцом, свою объективную действительность»².

Эти же эстетические принципы положены и в основу сатиры Шевченко. Уже в поэме «Сова» он пользуется сатирическим приемом, вскрывая противоречие между явлениями жизни и законами справедливости:

Все то мелки, недомерки,
Все сынки богатых...
Тот горбатый, тот богатый,
Тех в дому четыре.

(Перевод П. Карабана)

¹ Огляд поемы Т. Г. Шевченко п. з. Сон (з. р. 1844), написав І. Копач. — Зоря. Львів, 1895, № 20, с. 397.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. III, с. 448, 452.

Теперь, во вступлении к комедии «Сон», он обличает «любовь» к отечеству псевдопатриотов:

А уж родину так любит,
Так душой болеет
За нее, так из сердешной
Кровь, что воду, точит!

В стиле первого и второго эпизодов поэмы (Украина, Сибирь) преобладают благородный пафос, гнев, направленные против угнетателей, и лиризм с оттенком элегии по отношению к угнетенным.

В третьем эпизоде основное — сатирический гротеск.

Эпизод с памятником Петру I написан под влиянием «Истории русов», где шла речь о гибели украинских полков на строительстве Петербурга. Влиянием этого же источника объясняется и некоторая идеализация образа наказного гетмана Павла Полуботка. Позже Шевченко изменил свое отношение к гетманам, к казацкой верхушке («И мертвым, и живым...»). Создавая эти образы в поэме «Сон», Шевченко выражал свой протест против национального угнетения украинского народа. Всю силу своего гнева поэт сосредоточил на сатирических образах Петра I и Екатерины II.

Это — *первый*, распинал он
Нашу Украину.
А — *вторая* доконала
Вдову-сиротину!

В литературе отмечались некоторые параллельные моменты поэмы «Сон» с поэмой Мицкевича «Дзяды» («Памятник Петру великому»). Общность здесь не в отдельных образах или приемах, а в общем критическом отношении к самодержавию. В своей ненависти к царизму Шевченко не учитывал многих прогрессивных сторон в деятельности Петра I.

Основная часть третьего эпизода (Петербург) направлена на сатирическое обличение монархии Николая I. Вскрывается основное противоречие между самодержавием и народом. Средства сатиры здесь весьма разнообразны: и гневная ирония, и бичующий сарказм. Образы царя и царицы, царской камарильи снижаются сравнениями и эпитетами из животного и растительного мира: царь и царица — «как сычи надуты», придворная камарилья — «блюдолизы», «все как свиньи толстопузы и все толстоморды». Придворные пииты — «тупорылые виршеплеты...».

Образы враждебного мира снижаются и иными средствами: чиновник-землячок — «мокрица чернильная»; пресмыкательство царской камарильи перед «богами»: «Может быть, получают в морду, // Может быть, оближут // Царский кукиш! // Хоть — вот столько! // Хоть полфиги! // Лишь бы только // Под самое рыло». Сцену, которую И. Франко назвал «картиной генерального мордобития», Шевченко изобразил средствами бурлеска: «облизнулся тут бедняга да младшего — в брюхо».

В известных преувеличениях, даже в элементах фантастики, в гротескных образах, в деталях поэт оставался верным принципам реализма. Этими средствами поэт подчеркивал противоестественность царизма, враждебность его интересам народа. Вот, к примеру, портреты царской четы:

Сам по залам выступает,
Высокий, сердитый,
Прохаживается важно
С тощей, тонконогой,
Словно высохший опенок,
Царицей убогой...
А к тому ж она, бедняжка,
Трясет головою.

Мемуарист, французский эмигрант, маркиз де Кюстин, который не раз видел Александру Федоровну во дворце на приемах, отмечал ее «чрезмерную худобу», «нервные конвульсии», которые заставляли ее «трясти головой»¹.

Некоторые исследователи, например, И. Неупокоева, рассматривают «Сон» как романтическую поэму. В поэме присутствуют некоторые элементы романтизма: в лирических отступлениях, в явном сочувствии жертвам царизма и т. д., но в сатире, в гротеске Шевченко выступает как поэт-реалист, точно так же, как и его современники Гоголь и Салтыков-Щедрин.

Известно, что текст поэмы «Сон» стал одним из основных доказательств при обвинении Шевченко в писании стихов «самого возмутительного содержания», в которых он «с невероятною дерзостью изливал клеветы и желчь на особ императорского дома»².

¹ Де Кюстин. Николаевская Россия. М., 1930, с. 83.

² Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 208.

Текст поэмы был почти весь подчеркнут жандармским карандашом. Главным образом именно за эту поэму Шевченко был отдан в солдаты с запрещением писать и рисовать.

Поэма распространялась в списках. Один из них был передан за границу и в 1865 году напечатан во Львове отдельным изданием западноукраинским писателем Ксенофонтом Климковичем.

В России поэма распространялась нелегально и напечатана лишь после революции 1905 года.

В критической оценке поэмы не раз выражались различные классовые и политические позиции пишущих. Помещик П. Лукашевич предлагал «предать сожжению и вечному проклятию сей мерзкий пасквиль одержимого поэта»¹. Упомянутый уже нами критик И. Копач писал: «Какой же совет дает Шевченко на излечение тех ран, которые сам раскрыл? Если не ошибаюсь, лишь один — кровавую революцию»².

Важное исследование в свое время написал И. Франко. Главу, посвященную поэмам «Сон» и «Кавказ», он назвал вслед за статьей Добролюбова «Темное царство». Оба произведения критик поставил в связь с развитием реализма в русской литературе 30—40-х годов. Идя за Добролюбовым, Франко писал, что Шевченко в своих произведениях нарисовал картину «царства тьмы, которое душит Украину», и дал один из первых в России «образцов политической поэзии», а поэму «Сон» считал выдающимся произведением мировой литературы: «Я не знаю ни в одной европейской литературе такого стихотворения, написанного в таких условиях»³.

Поэма «Сон» является одной из вершин всего поэтического творчества Шевченко. Она свидетельствует о том, что общественно-политические взгляды Шевченко в основном сформировались как революционно-демократические, а художественный метод — как метод критического реализма.

В дальнейшем творчестве поэт неуклонно шел вперед по пути дальнейшего роста и совершенствования.

¹ Поезія Т. Г. Шевченка. Київ, 1934, с. 136.

² Зоря. Львів, 1895, № 2, с. 437.

³ Франко И. Соч. в 10-ти томах, т. 9. М., 1959, с. 184, 187, 191.

Как и ранее, Шевченко разрабатывает социально-политические темы, раскрывая все новые стороны действительности. В стихотворении «В воскресенье не гуляла» (1844) почти та же трагическая коллизия, что и в первой его балладе «Порченая». Крестьянская девушка-сирота напрасно ждет своего милого: ее милый — «бесталаный», нищий чумака заболел в дороге и умер. В стихотворении четко выражен социальный план — страдания обездоленных сирот, батраков. Оно очень близко к украинским народным песням. Укажем только на один пример. Чумака поет песню:

Доля моя, доля!
 Что ж ты не такая,
 Как вон та, чужая?

(Перевод
 М. Комиссаровой)

Добролюбов, не зная стихотворения Шевченко (напечатано лишь в 1881 г.) и разбирая сборник «Южно-русских песен» 1857 года, обратил внимание на весьма близкую украинскую народную песню и процитировал ее:

Доле ж, моя доле! Чом ти не такая,
 Ой, чом ти не такая, як доля чужая?..¹

Это еще один из многочисленных примеров глубокой, подлинной народности творчества Шевченко.

Лирика поэта отражала и страдания народа, и его гнев против «люда ненавистного» — помещиков-крепостников («Что же мне так тяжко...», 1844).

В Петербурге написано стихотворение «Зачаруй меня, волшебник» (1844), посвященное Щепкину. В автографе посвящения нет, как нет и названия «Пустка» (то есть нежилая, заброшенная хата), под которым это стихотворение впервые напечатано при жизни поэта в январском номере журнала «Основа», где есть и посвящение.

Они встретились в Петербурге осенью 1844 года во время гастролей Щепкина, на которых он выступал в пьесах Котляревского «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей». Белинский восторженно писал: «Надобно было присутствовать при этом, чтоб видеть торжество ге-

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 3, с. 238.

ниального артиста... Невозможно описать восторга благодарных зрителей... Семь раз опускался занавес и семь раз поднимался снова: семь раз уходил и снова появлялся тронутый артист перед публикою, встречаемый и сопровождаемый громкими криками и рукоплесканиями»¹.

Великий критик, так же как и Герцен, отмечал демократизм игры Щепкина, умение заинтересовать зрителя судьбою простого, обыкновенного человека. Вполне понятно, что и Шевченко был восхищен и очарован его игрой. Поэтому и обращался к нему как к волшебнику.

Содержание стихотворения тесно связано со всеми произведениями сборника «Три года». Сердце поэта, которое он называет «пусткой», опустошено тяжелыми переживаниями, вызванными страданиями народа. Свои стихи, как и в раннем творчестве, Шевченко называет «думами-детьми», «детками». Он мечтает, что с помощью великого своего друга его сердце оживет, и в нем снова поселится надежда. Щепкин, который свой талант поставил на службу народу, был для него образцом.

Пройдет еще год после пребывания Шевченко на Украине, и он напишет:

Вкруг меня не люди — змеи,
Только змеи злые...

*(Перевод
П. Семьнина)*

Идейному прозреванию поэта содействовала сама действительность, но в значительной мере и передовая русская литература — произведения Пушкина, Рылеева, Грибоедова, Лермонтова, а также непосредственные связи с передовыми, демократически настроенными людьми в Петербурге. Весьма важным документом этих благотворных связей является послание «Гоголю» (1844). Чтобы понять все его значение, следует напомнить, что вокруг «Ревизора» и, в особенности, «Мертвых душ», развернулась острая идейная борьба. В то время как революционно-демократическая критика в лице Белинского высоко оценила «Мертвые души» за смелое отрицание крепостнического строя, силы реакции встретили произведение Гоголя в штыки. Граф Ф. Толстой заявил,

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VIII, с. 414, 415.

что Гоголь «враг России» и что «его следует в кандалах отправить в Сибирь». Полевой воспринимал «Мертвые души» как неправдоподобное изображение «грязных» сторон жизни. Сенковский видел в поэме Гоголя лишь «вонючие картины» и «грязь на грязи». Шевченко же оценивает творчество Гоголя с позиций Белинского и Герцена. Поэт не был лично знаком с Гоголем и весьма сожалел, что это знакомство не состоялось.

Послание начинается с образа «дум», рожденных горем. Это те же думы, что и в посвящении к первому «Кобзарю», и в то же время не те — «одна давит сердце, другая терзает». Шевченко досадует, что силы, которые обязаны бороться за социальное и национальное освобождение народа, недостаточно активны:

Все оглохли, все ослепли,
В кандалах... поникли...

(Перевод

М. Исаковского)

Аналогичное недовольство Шевченко высказывал и ранее, но теперь оно приобретает конкретные политические формы. Если в поэме «Гамалия» «кандалы» воспринимались в непосредственном значении, то в поэме «Сон» этот образ становится метафорой и приобретает широкое политическое звучание во всем дальнейшем творчестве поэта.

Шевченко жалеет, что нет больше патриотических подвигов, подобных подвигам легендарных Тараса Бульбы, Ивана Гонты. Недовольство приобретает политический, революционный характер.

Послание вызвано желанием поделиться с писателем своими сокровенными мыслями и чаяниями. Таким созвучным себе, своим потаенным мыслям он считает Гоголя, отмечая одну из наиболее характерных черт его творчества — единство сатиры и элегии, смех сквозь слезы. Нет сомнения, что эти образы навеяны лирическим вступлением в начале седьмой главы «Мертвых душ», где изображены два типа писателей. Один, овеянный славой, не замечает земли, другой вызывает на поверхность «всю страшную паразитическую тину мелочей, заплутавшую нашу жизнь». Гоголь относил себя ко второму типу писателей, ставил своей задачей «созерцать весь гигантский разбег жизни, озирая его сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

Именно с этими строками «Мертвых душ» перекликается послание Шевченко. Возможно, поэт читал статьи

Белинского, в которых цитировалось это место и делался вывод: «В этих немногих словах высказано все значение, все содержание поэмы... пафос «Мертвых душ» — есть юмор, созерцающий жизнь *сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы*»¹. Белинский очень высоко ценил гениальное творение Гоголя, «...беспоощадно срывающее покровы с действительности». Этими же сторонами творчество великого русского писателя было созвучно Шевченко.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. VI, с. 255.

«НА НАШЕЙ СЛАВНОЙ УКРАИНЕ...»

1

В марте 1845 года завершился курс обучения Шевченко в Академии художеств. Занятый подготовкой к изданию «Живописной Украины», он, очевидно, сам отказался от выполнения специальной программы на соискание золотой медали, дававшей право на поездку в Италию для дальнейшего усовершенствования.

22 марта 1845 года Шевченко подает в Совет Академии художеств просьбу удостоить его звания художника¹. В тот же день Совет Академии определил: удостоить его звания неклассного художника и представить на утверждение общего собрания².

Свидетельство для поездки на Украину для художественных занятий он получил из Академии 23 марта и 25 марта, не ожидая получения аттестата, выехал из Петербурга на Украину.

На Украину Шевченко ехал через Москву, где осмотрел Кремль, посетил Щепкина и Бодянского. С Бодянским он беседовал об освободительном движении славянских народов, возможно, тут и зародился замысел поэмы «Еретик» об Яне Гусе.

Путешествие из Москвы на Украину мы можем себе приблизительно представить по тексту повести «Капитанша», написанной в ссылке. Ехал он через Подольск, Тулу, Орел. На Украине остановился в Глухове, где разыскивал исторические места и памятники старины.

¹ См.: Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 100.

² Там же, с. 100, 101.

В письме к Я. Кухаренко, написанном еще в Петербурге, Шевченко указал свой адрес: Марьянское (Марьянское) имение А. А. Лукьяновича. А. А. Лукьянович пригласил к себе Шевченко в качестве живописца для писания портретов членов его семьи. Возможно, Шевченко побывал там дважды: в апреле и осенью, так как уехал он оттуда в ноябре.

В апреле 1845 года, судя по повести «Капитанша», он посетил хутор Кукуриковщина — имение поэта Виктора Забилы.

В апреле или в мае останавливался Шевченко в городе Кролевец, так как через него проходил почтовый тракт. Там он нарисовал портрет сына уездного лекаря Ф. Рудзинского — Федора. Время устанавливается предположительно, 6 июня Ф. Рудзинский должен был быть на службе в Орше, и портрет мог быть написан только до этого срока.

Далее путь Шевченко лежал через Кременчуг (в повести «Капитанша» рассказчик дает описание весеннего наводнения в Кременчуге, что соответствовало действительности).

В июне Шевченко был в Киеве, где увиделся с М. Максимовичем и подарил ему поэму «Тризна» с автографом. Есть основания полагать, что при помощи М. Максимовича Шевченко получил, пока неофициально, поручение Временной комиссии (ее называли Археографической комиссией) для разбора древних актов. В альбоме 1845 года имеется довольно много зарисовок исторических памятников, сделанных летом 1845 года.

Посетил он и Яготин. Еще в январе В. Репнина сообщила ему о смерти отца. Из Яготина Шевченко поехал в Прилуки, в Густынский монастырь. Об этом рассказано в повести «Музыкант». «Я... по поручению Киевской археографической комиссии посетил эти развалины и... узнал, что монастырь воздвигнут... в 1634 году». Далее он упоминает, что нарисовал «главные, или святые ворота, да церковь о пяти главах Петра и Павла, да еще трапезу и церковь, где погребен вечная памяти достойный князь Николай Григорьевич Репнин, да еще уцелевший циклопический братский очаг». Сохранилось две акварели: «В Густыне. Церковь Петра и Павла» и «Врата в Густыне. Церковь св. Николая».

Побывал Шевченко и у других своих знакомых. Из повести «Музыкант» мы знаем о посещении им имений

Г. и П. Галаганов в селах Сокиринцы и Дигтяри. В селе Дигтяри и происходит действие повести «Музыкант».

Между 20 и 23 июля Шевченко был в Ромнах Полтавской губернии на Ильинской ярмарке, о чем упомянуто в «Дневнике». Тут дан колоритный образ Н. П. Свички, помещика из местечка Городище Пирятинского уезда, ветерана Отечественной войны 1812 года. О нем писал Шевченко и в повести «Близнецы». Возможно, поэт бывал и в Городище, так как один из героев повести, не доезжая Яготина, поворачивает с Пирятинской дороги через Коваливку в Городище.

В Ромнах Шевченко впервые увидел на сцене выдающегося украинского актера Карпа Соленика в роли Чупруна («Солдат-чародей» Котляревского). В «Дневнике» поэт назвал его «гениальным артистом» — «он показался мне естественнее и изящнее неподражаемого Щепкина». Познакомился он здесь с помещиком И. Якубовичем, отцом декабриста. Вместе с Аркадием Родзянко Шевченко побывал в его имении Веселый Подол на реке Хорол. Он осмотрел памятники старины, которые описал в своих археологических заметках. В «Дневнике» дана резко отрицательная характеристика Родзянко, «сального стихоплета». Сбежав, по свидетельству сына Родзянко, из Веселого Подола, когда все спали, он забыл там свою тетрадь с записями. Этим объясняется письмо Шевченко к Родзянке, в котором он просит передать ему тетрадь. В письме упомянут известный чешский композитор Алоиз (Едличка; 1819—1894), собиратель и издатель украинских народных песен (1861), в то время учитель музыки у Родзянко. Вполне возможно, что Шевченко беседовал с ним о Яне Гусе, о Шафарике и Ганке. В Веселом Подоле был нарисован акварельный портрет трехлетнего сына Родзянко — Гавриила.

Бывал поэт в Миргороде, в селе Великие Сорочинцы, в селе Заичинцы Хорольского уезда, где познакомился с врачом Иосифом Дрекслером, немцем по происхождению, служившим в русской армии. Есть все основания предполагать, что Дрекслер и его супруга стали прототипами Антона Адамовича и Марьяны Акимовны Прехтелей в повести «Музыкант» и Степана Осиповича и Софии Самойловны в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали». Побывал Шевченко в имении Платона Родзянко в селе Вишняки, упомянутом в повести «Близнецы».

В Полтаве Шевченко встретился с преподавателем

гимназии, своим товарищем по Академии — Федотом Ткаченко. Шевченко создал здесь акварель «Домик И. П. Котляревского в Полтаве». К двухсотлетию юбилею со дня рождения писателя по этому рисунку домик был реставрирован, в нем теперь размещен филиал музея И. П. Котляревского. В повести «Близнецы» с большой симпатией создан образ писателя, освещена его гуманная просветительская деятельность. Написал также Шевченко «Воздвиженский монастырь», упомянутый в повести.

В середине августа Шевченко приехал в Переяслав (теперь Переяслав-Хмельницкий) к врачу Андрею Осиповичу Козачковскому, знакомому еще по Петербургу. Вместе ездили они в село Андруши, переправлялись на правый берег Днепра в селе Монастырище и Трехтемиров. В одном из писем из ссылки Шевченко вспомнил об этой незабываемой прогулке: «Помните ли нашу прогулку в Андруши и за Днепр в Монастырище на гору. Вспомните тот чудный вечер, ту широкую панораму и посередине ее — длинную, широкую фиолетовую ленту, а за лентой фиолетовой блеснит, как из золота кованый, Переяславский собор. Какая-то чудная, торжественная тишина. Помните, мы долго не могли промолвить слова, пока, наконец, белое, едва заметное пятнышко не запело:

Та яром, яром, за товаром...

Чудный вечер! Чудный край и песни дивные!»

Из Переяслава Шевченко переехал на правый берег Днепра в село Потоки — имение Василия Васильевича Тарновского-отца. Здесь нарисован карандашный автопортрет с надписью: «Портрет Т. Шевченко, сделанный им самим в зеркало...» Сохранился и акварельный рисунок «Амбар в Потоках». Когда поэта арестовали, Н. Тарновская, сестра владельца усадьбы, спрятала рукописи в ящик и закопала его. После освобождения поэта она достала ящик. Рукописи были целы и долго хранились у нее. Возможно, здесь была и рукопись поэмы «Еретик». После ссылки поэт писал П. Кулишу (26 января 1858 г.): «Ян Гус» должен быть у Василия Васильевича Тарновского, который жил когда-то в Потоках Киевской губернии».

В повести «Прогулка...» названы многие населенные пункты, в которых побывал Шевченко. Места эти были знакомы ему с детства.

В связи с посещением Лысянки Шевченко вспомнил, что это местечко было родиной отца «знаменитого Зиновия-Богдана Хмельницкого». Упомянул он также события 1768 года и Максима Зализняка.

В последних числах сентября Шевченко приехал в родную Кирилловку. 26 сентября, в день храмового праздника, ктитор Гнат Бондаренко пригласил поэта к себе. Из воспоминаний Варфоломея Шевченко известно, что поэт был в хорошем настроении, пел вместе со слепым лирником народные старинные песни, плясал.

По многим воспоминаниям известно, что Шевченко любил петь — у него был очень приятный голос — баритон с высокими теноровыми нотами. В альбомах Шевченко наряду с рисунками много записей народных песен разных жанров: исторических, чумацких, бытовых.

Варфоломей Шевченко вспоминал, что Шевченко читал ему свои революционные стихи. Родственник поэта советовал ему, чтобы он не слишком «залетал в облака».

После поездки по Правобережью Шевченко через Киев отправился в Миргород, где останавливался у Павла Шершавицкого, отец которого был причастен к движению декабристов. Здесь он написал два стихотворения, близких к жанру народной песни. На длительное время поэт остановился в селе Марьянском (Марьинском) в имении Лукьяновича, где рисовал портреты членов его семьи. Сохранился лишь один из них — портрет Александра Андреевича.

Шевченко был очень близок к крестьянам. Видный общественный деятель В. Беренштам записал воспоминания крестьян: «Всего охотнее сближался Шевченко с дворовыми и крестьянами в Марьинском; почти всех он знал по имени, очень сошелся со многими из них. Часто по вечерам посещал он «вулицю». Появление его в этих случаях всегда всеми собравшимися ожидалось с нетерпением, приход его все приветствовали. В эти вечера время проходило незаметно; Шевченко и сам очень оживлялся: он многое рассказывал о прошлом Украины, о подвигах казаков, о борьбе их с турками и панями. Говорил он о своем крестьянском происхождении и освобождении, но о том, как и когда опять вернется воля закрепощенному люду, не упоминал. Ухаживанием за дивчатами и молодыцами он никогда не занимался, — напротив, с ними обращался так же, как и с парубками и чоловиками. Иногда он приглашал на свой счет музы-

ку; тогда бывало очень весело; сам Шевченко очень любил, чтобы собравшиеся пели и плясали. Из песен ему особенно нравилась та, где поется:

Ой, хто лиха не знає,
Да нехай мене спитає...¹

Он почти всегда предлагал пропеть и повторить ему песню»².

В октябре в Марьинском написан ряд произведений: поэмы «Еретик» («Иван Гус»), «Слепой», стихотворение «Стоит в селе Субботове...». В селе Исковцы у Афанасьева-Чужбинского поэт читал поэму «Еретик» и другие произведения. Афанасьев-Чужбинский тогда вернулся из поездки на Кавказ и рассказывал ему о своих впечатлениях. Поэт долго расспрашивал о жизни горцев, его интересовали малейшие подробности³. Тогда и возник замысел поэмы «Кавказ».

В конце октября Шевченко приехал в Переяслав, остановился у Козачковского на продолжительное время, так как чувствовал себя плохо. Здесь закончена поэма «Наймичка», написана новая — «Кавказ» и посвящение Шафарику к поэме «Еретик».

10 декабря Академия художеств выдала аттестат об утверждении Шевченко в звании «неклассного» или «свободного» художника. Аттестат получил И. Гудовский и выслал поэту на Украину.

9 декабря В. Репнина, отвечая на письмо Шевченко, посылает ему два номера журнала «Отечественные записки», в котором печатались статьи Белинского и Герцена. 14 декабря из Яготина к поэту обращается с письмом Р. Штрандман. Письмо отобрали у Шевченко при аресте и допрашивали по этому поводу.

Середину декабря Шевченко провел в селе Вьюнищи в имении С. Самойлова, который был знаком со многими декабристами. В письме к Козачковскому из ссылки поэт назвал Самойлова добрым, гостеприимным хозяином. Во Вьюнищах написаны: послание «И мертвым, и живым...», «Холодный Яр», «Псалмы Давида», «Три года» и другие произведения.

В конце декабря тяжелобольной поэт возвратился к Козачковскому в Переяслав, где написал бессмертное «Завещание», которым завершился альбом «Три года».

¹ Чумацкая песня (примеч. В. Беренштама).

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 129.

³ См.: Чужбинский А. Воспоминания о Т. Г. Шевченко. СПб., 1861, с. 14.

Большую часть 1845 года, из-за непрерывных разъездов, Шевченко почти не писал стихов. Только в октябре были написаны два лирических стихотворения, близкие к народным песням: «Не завидуй богатому» и «Не женись на богатой». Вслед за ними (помечена 10 октября) — поэма «Еретик» (в некоторых списках, в частности в тех, где имеются поправки Шевченко, есть второе название — «Иван Гус»). Сам поэт в письмах к П. Кулишу называет ее только «Иван Гус». Как известно, текст поэмы не вошел в альбом «Три года». На вопрос, почему ее нет в альбоме «Три года», однозначного ответа не может быть. Возможно, при переписывании в альбом у автора не было текста поэмы под руками. Отдельный автограф написан на такой же бумаге, такого же формата, что и весь альбом. Возможно, текст поэмы входил в состав альбома до его переплетения. Возможно и другое предположение, что она не вошла в альбом потому, что все произведения в нем посвящены отечественной истории и современности. Во всяком случае, нет оснований отделять поэму «Еретик» от других произведений этого же периода.

Поэма «Еретик» является одним из центральных поэтических произведений Шевченко. Интересна прежде всего ее тема, постановка проблемы о выдающемся национальном герое чешского народа, идеологе чешской реформации Яне Гусе. Мне не раз приходилось бывать в Праге, беседовать с историками, литераторами. Никогда не забуду встречу и беседу со Зденекком Неedly в Москве во время войны. Неedly очень высоко оценивал политическую прозорливость Шевченко.

В литературе уже довольно подробно освещен вопрос об исторических источниках поэмы «Еретик». Так, известно, что Шевченко во время пребывания в Москве не раз беседовал с О. Бодянским, который в течение пяти лет жил в славянских странах, преимущественно в Чехии, и мог о многом рассказать Шевченко. Уже в ранней работе Бодянского «О народной поэзии славянских народов» (1837) дана характеристика гуситских войн, но Гус в его понимании — исключительно религиозный реформатор. Под руководством Бодянского работал сын болгарского эмигранта, известный русский историк и публицист С. М. Палаузов. Его работа (диссертация) «Иоанн Гус и его последователи» — едва ли не единст-

венный источник сведений Шевченко в этом вопросе. Однако когда и каким образом с ней познакомился Шевченко, точно сказать нельзя. Цензурное разрешение книги — 27 августа 1845 года. Появилась она, очевидно, в сентябре. Поэма Шевченко датирована 10 октября того же года, но в марте он уже уехал из Петербурга. Сведений о личном знакомстве Палаузова с Шевченко нет, и все-таки с текстом книги поэт был, безусловно, знаком. Остается предположить, что с рукописью работы Палаузова Шевченко ознакомил Бодянский.

Образ Гуса у Шевченко — яркий, живой образ пламенного трибуна, смелого борца против реакции. Поэт пришел к выводу, что движение чешских крестьян и ремесленников, направленное против немецких феодалов в конце XIV — начале XV века под религиозной окраской, имело революционный, национально-освободительный характер. В то время Шевченко не мог знать высказываний Маркса и Энгельса о гуситских войнах как «национально-чешской крестьянской войне против немецкого дворянства и верховной власти германского императора»¹.

В поэме — сатирические, полные сарказма обличения служителей Ватикана. Римского папу, кардиналов Шевченко называет «разбойниками», «людоедами», «палачами в тиарах», которые торгуют «людской кровью», «лютыми зверями», которые пришли «в овечьих шкурах и когти распустили». Сатирически обличая Ватикан, поэт сравнивает его слуг с представителями животного мира: «гадюками», «жеребцами», «собаками», «котами», «воронами», «саранчой».

Начальные строки поэмы:

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит.
А на апостольском престоле
Монах раскормленный сидит,—
(Перевод П. Карабана)

воспринимались современниками как инвектива против царизма. Известно, что революционно настроенные студенты в Петербурге во время ареста пели именно эти строки поэмы. В 1905 году в Харькове и Донбассе была популярна революционная песня:

Кругом неправда и неволя,
Народ замученный молчит,

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 180.

А на российском престоле
Кабан упитанный сидит.

Образ Яна Гуса раскрывается другими средствами — сравнением с кедром, эпитетами «правдивый», «добрый», с «орлиными глазами». Чехи провожают Гуса, «словно дети отца».

Вскоре после окончания поэмы, 22 октября Шевченко написал посвящение к ней — Шафарику, известному чешскому поборнику национального возрождения славян. О Шафарике Шевченко тоже узнал от Бодянского, который был знаком с ученым, переписывался с ним. Поэт называет Шафарика «любомудром», то есть мыслителем, философом. Как и в ранних произведениях («Гайдамаки», «Никита Гайдай»), Шевченко провозглашает идею единения всех славянских народов перед лицом немецкой экспансии:

Чтобы стали все славяне
Братьями-друзьями,
Сыновьями солнца правды.

Известно, что начало автографа поэмы с этим посвящением Шевченко передал Шафарику. В дореволюционное время во Львове был изготовлен фотолитографический оттиск. Рукою В. Белозерского, редактора петербургского украинского журнала «Основа», было дописано: «Рассказывают свидетели, что И. Шафарик, читая это послание Шевченко, плакал «благодарными слезами»¹.

3

На историческую тему написана и поэма «Слепой» (1845)². Тема эта, очевидно, давно волновала Шевченко. Так, в альбоме середины 40-х годов мы находим сначала эскизы карандашом, а затем два варианта сепии «Слепой» («Невольник»), написанной на Украине в 1843 году: у ограды церкви или монастыря изображена фигура слепого с бандурой в руках.

События происходят во второй половине XVIII века (упоминаются Гонта, Зализняк, Головатый). Начинает

¹ Упомянутый оттиск сохраняется в библиотеке автора книги.

² Впервые напечатана во второй, переработанной с учетом возможных требований цензуры, редакции под названием «Невольник» (Основа, 1861, № 4 и 1862, № 6).

ся поэма лирическим вступлением. После повествовательной части — снова обращение к читателям, размышления об обездоленных людях.

В поэме Шевченко осмысляет исторические судьбы казачества и всего украинского народа. Степан, ослепленный в турецком плену, возвращаясь на родину через Балканы, встречается на Дунае с запорожцами, узнает о разрушении Сечи. Об этом он рассказывает в своей песне, в которой Шевченко использует народные предания. Так, слепой рассказывает, как царские войска при ликвидации Сечи «серебро, золото и свечи забрали». В народной песне мы находим аналогичные места:

Брали сребро, брали золото,
Воскові свічі:
«Оставайся, пан кошовий,
З писарем на Січі...»¹

С гневом рассказывает Степан о путешествии Екатерины II по Украине, о раздаче запорожских земель фаворитам, внебрачным детям, о закреплении крестьян Левобережной Украины. Новым в освещении исторических событий является то, что наряду с Екатериной II в роли угнетателей выступают гетман Кирилл Разумовский и казацкая старшина. Таким образом, здесь проявилось более глубокое и всестороннее понимание поэтом глубоких социальных противоречий в украинском обществе XVIII столетия.

В основной повествовательной части Шевченко просто и убедительно показал чистоту и благородство чувств простых людей.

Так как не было на свете
Этакого дива,
Чтоб жена с незрячим мужем
Прожили счастливо.
А вот стало это диво!

(Перевод Н. Асеева)

Широкую и весьма сложную историческую тему разработал Шевченко в мистерии «Подземелье» (1845). Художественная форма, избранная поэтом, не имеет ничего общего с религиозными драмами в Западной Европе, с мистериями в Галиции, где они сохранились и позже. Возможно, что аллегорический характер поэмы-

¹ Лукашевич П. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836, с. 56. Аналогичная песня есть и в сборнике М. Лысенко «Музыка до Кобзаря Т. Шевченка».

мистерии подсказан Шевченко вертепом, своеобразным кукольным театром, распространенным на Украине в XVIII столетии. Остатки такого театра существовали еще в XIX веке. Поэт мог видеть вертепные представления в имениях Галагана или Маркевича.

Следует напомнить, что к жанру мистерии обращались поэты-декабристы, в частности В. Кюхельбекер, написавший мистерию «Ижорский», первые две части которой издал Пушкин в 1836 году.

Эпиграф к поэме Шевченко взял из 43 псалма. Немного позже он дал полное переложение этого псалма, вкладывая в него революционное содержание: «Помоги восстать нам, боже, на деспота...»

Композиция имеет общие черты с фольклором. Поэт использует прием трюичности, как известно, характерный для многих фольклорных жанров. В мистерии три главы, и в каждой из них по три персонажа: «Три души», «Три вороны», «Три лирника». «Души», «вороны», «лирники», как и в вертепной драме — своеобразные «куклы», аллегории, за которыми скрыт вполне реальный, социальный смысл.

В главе «Три души» каждая «душа» отражает отношение украинского общества к историческим событиям во времена Богдана Хмельницкого, Петра I и Екатерины II. Шевченко выражал здесь свое возмущение политикой царизма, казацкой старшины, помещиков-крепостников, свой резкий протест против национального и социального гнета. Нельзя не отметить вместе с тем исторической ограниченности в его взглядах, выразившихся в односторонней оценке деятельности Петра I, которая во многом имела прогрессивное значение. Почти то же следует сказать и о Богдане Хмельницком. Шевченко не раз высоко оценивал историческую роль гетмана, называл его «славным», «благородным», «гениальным бунтовщиком». Протестуя против социального и национального гнета в эпоху Николая I, поэт не учитывал, что воссоединением с Россией Украина была спасена от порабощения шляхетской Польшей и султанской Турцией.

Во второй главе «Три вороны» — даны аллегорические образы господствующих классов украинского, польского и русского общества. Реплики русской «вороны» даны на русском языке, украинской и польской — на украинском, но все они находят общий язык в борьбе против народов, независимо от их национальности.

Реплики первой, украинской вороны, даже по размеру значительно больше, чем у второй и третьей ворон:

А с вольными казаками
Что я вытворяла?
Кому их не выдавала
И не продавала?
Нет, проклятые, живучи!

(Перевод
Ф. Сологуба)

В раскрытии образа третьей — русской «вороны» проявился дальнейший идейно-политический рост Шевченко, который рассмотрел в украинском обществе два враждебных лагеря: эксплуататоров и эксплуатируемых.

В таком же глубоко социальном плане раскрываются противоречия украинского общества в аллегорических образах двух близнецов:

Будет первый, словно Гонта,
С панством расправляться!
Другой будет... этот уж наш!
С этим панством знаться...

В третьей главе «Три лирника» даны сатирические образы певцов, которые приукрашивали и события далекого прошлого и современную действительность.

Аллегорично и название поэмы — «Подземелье». В украинском фольклоре существовали легенды о том, что в подземелье запрятана воля, свобода народа. Не случайно три «души» надеются, что, когда освободят из подземелья волю, им простят все их прегрешения. Царизм и его сообщники пытаются раскопать волю, свободу, чтобы уничтожить ее, но не могут найти, где они зарыты.

Стихотворение «Стоит в селе Субботове...» имеет дату: «21 октября 1845», но есть все основания полагать, что это эпилог к мистерии «Подземелье». Здесь также в аллегорической форме выражена надежда, что царизм развалится и украинский народ будет освобожден.

Наши идейные противники стремились и стремятся всячески извратить революционно-демократическую сущность творчества Шевченко, особенно изощрялись в фальсификации смысла сложных аллегорий, символики мистерии. Поэт как бы предвидел будущее. Лучшие сыны народа будут бороться за его счастье, но найдутся и такие, кто будет помогать палачам народа.

В поэме «Наймичка» (1845) Шевченко как бы возвращается к теме «Катерины», но разрешает ее в ином плане. И. Франко писал, что в обеих поэмах «выступают две героини, относящиеся друг к другу как огонь и вода. Катерина — натура простая, пылкая, впечатлительная, сангвиническая; обманутая офицером, покинутая, в своем тяжелом горе она думает только о себе, бросает ребенка на дороге, а сама ищет в своем горе единственного оставшегося ей лекарства,— в воде подо льдом. Наймичка — натура неизмеримо более глубокая, ее чувство не только живо, но сильно и высоко, любовь к ребенку настолько могуча, что побеждает все остальное, заслоняет перед нею весь мир, заставляет забыть о самой себе, отдать всю свою жизнь не мгновенному искуплению, но — долгой жертве на благо собственного ребенка»¹. Родив незаконного ребенка и подбросив его бездетным людям, мать через год становится у них служанкой, чтобы самой растить сына, а затем и внуков.

И в этой поэме, где, на первый взгляд, Шевченко никого не обличает, выражен протест против несправедливых, нечеловеческих взаимоотношений в обществе, резко разделенном на богатых и бедных.

Всю жизнь страдает Ганна, вынужденная скрывать свое материнство. Из-за социального неравенства она не решается быть даже посаженной матерью на свадьбе сына:

Нет, Марко! Как можно!
Я же наймичка,— неловко
Сидеть-величаться
Мне на свадьбе... Станут люди
Над тобой смеяться.

(Перевод Т. Волгиной)

Лишь почувствовав приближение смерти, она пытается открыть сыну правду:

«Я не Ганна, не наймичка,
Я...»
И замолчала.
Марко плакал и дивился,
Вновь глаза открылись,
Грустно, грустно поглядела —
Слезы покатались.

¹ Записки Наукового товариства імені Т. Шевченка. Львів, 1895, кн. 2, с. 20.

«Прости меня! В чужой хате
Свой век прожила я...
Прости меня... я, сыночек,
Твоя мать родная».
И умолкла...
Марко обмер,
Земля содрогнулась.
Очнулся он... к ней, — к родимой,
А мать уж заснула!

Литературная судьба поэмы иная, чем судьба большинства произведений из альбома «Три года». Поскольку в ней не было острого политического обличения, она через двенадцать лет была напечатана (без подписи автора) во втором сборнике П. Кулиша «Записки о Южной Руси» (1857), а затем вошла в «Кобзарь» 1860 года. Добролюбов, рецензируя это издание, дал поэме заслуженно высокую оценку: «Весь этот рассказ получает особенную красоту от той совершенной простоты, с какой изображается все дело. Ни одного фразистого места, ни одного хвастливого стиха; все так ровно, спокойно, словно покорная, тихая преданность этой матери перешла в душу самого поэта»¹.

Среди поэтических произведений Шевченко Лев Толстой выше всех ставил «Наймичку», восторгаясь силой материнской любви².

Высоко оценила поэму зарубежная критика. Переводчик поэмы на польский язык Л. Совинский назвал ее «подлинной жемчужиной украинской поэзии», а французский критик Эмиль Дюран считал поэму «гениальным достоянием общечеловеческой литературы». И. Франко избрал «Наймичку» темой пробной лекции на право преподавания во Львовском университете (1895). Основными чертами этой, одной из прекраснейших поэм Шевченко Франко считал простоту и естественность: «Читаешь ее — и все кажется таким ясным, так естественно переплетенным, а при этом высказанным так просто, непретенциозно, словно каждый эпизод, каждое слово поэмы выхвачено из души читателя так, что ему и в голову не приходит, чтобы что-нибудь могло быть не так, чтобы в этом простом, ясном и прозрачном течении можно было что-нибудь изменить, прибавить или отнять»³. И. Франко доказал, что эта простота и гармо-

¹ Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч., т. 6, с. 149.

² На сюжет поэмы Шевченко написана одноименная опера советским композитором М. Вериковским.

³ Франко И. Твори в 20-ти томах, т. 17, с. 100.

ничность является результатом длительного и интенсивного труда поэта. Он подчеркивал, что Шевченко «сознательно или бессознательно придерживался мнения, что поэзия — это сгущенная, сконцентрированная, кристаллизованная действительность»¹. Критик считал, что этой концентрации великий поэт достигал своим мастерством.

К сожалению, при сравнении поэмы Шевченко с его одноименной повестью Франко исходил из ошибочного положения, что повесть написана раньше, чем поэма. Франко не была известна дата создания поэмы, так как альбом «Три года» находился в архиве III Отделения, а дата, поставленная под повестью: «25 февраля 1844 года. Переяслав», была фиктивной. В действительности все повести Шевченко написаны в ссылке, в Новопетровском укреплении, в первой половине 50-х годов.

5

К новой широкой общественно-политической теме Шевченко обратился в поэме «Кавказ» (1845). Жанровое определение этого произведения как поэмы условно. Здесь нет сюжета, действующих лиц. Современные исследователи считают, что «Кавказ» — это индивидуальная шевченковская лирико-сатирическая жанровая форма, близкая к инвективе и политической медитации².

Написано произведение под свежим впечатлением известия о гибели на Кавказе Якова де Бальмена, с которым Шевченко познакомился и подружился в 1843 году, путешествуя по Украине. Отсюда и посвящение «Искреннему моему Якову де Бальмену». С гибелью близкого друга связан и эпитафия из Библии и лирическое послесловие.

В уже упомянутом нами рукописном сборнике стихов Шевченко, переписанном латинской транскрипцией, иллюстрированном М. Башиловым и Яковом Бальменом, Шевченко на одной из чистых страниц записал первые строки «Кавказа»:

¹ Франко І. Твори в 20-ти томах, т. 17, с. 100.

² См.: Ивакин Ю. Сатира Шевченко. М., 1964, с. 129—130.

За горами горы, тучами повиты,
Засеяны горем, кровию политы!
(Перевод П. Антокольского)

Известно, что поэт никогда не был на Кавказе, но создал пламенное произведение — гимн народу, его борьбе за свободу. Образ Прометея не раз уже встречался в русской и мировой литературе. Прометей Шевченко — символ бессмертия народа, его непобедимости, извечного стремления к свободе:

Спокон века Прометея
Там орел карает,
Что ни день, долбит он ребра,
Сердце разбивает,
Разбивает, да не выпьет
Крови животворной,
Вновь и вновь смеется сердце
И живет упорно.
И душа не гибнет наша,
Не слабеет воля...

Гнев поэта направлен против захватнической политики царизма. В этом проявился дальнейший рост политического сознания Шевченко. И. Франко в своем исследовании «Темное царство» отмечает это. В поэме «Сон», по его мнению, Шевченко выступил прежде всего в защиту украинского народа. «Кавказ», указывал Франко, «построен на более широкой, можно сказать, общечеловеческой основе... «Кавказ» — это пламенная инвектива против «темного царства» с позиций общечеловеческих, это, может быть, лучшее свидетельство могучего, всеобъемлющего, искренне человеческого чувства нашего поэта»¹.

В этой поэме Шевченко пришел к осознанию общности судеб всех угнетенных народов царской империи и в то же время для обличения самодержавия широко применил средства сатиры, которая является характерной особенностью его политической поэзии. Знаменитые строки

От молдаванина до финна —
На всех языках все молчат:
Все благоденствуют... —

были подхвачены демократическими, революционными кругами всех народов России. Слово «благоденствует»

¹ Франко И. Соч. в 10-ти томах, т. 9, с. 185.

поэт взял из лексики царских манифестов и реакционной прессы. Впервые этот образ всеобщего «благоденствия» был использован в польском эмигрантском журнале «Пжегольонд Жечи Польских», вышедшем в Париже в 1859 году, в статье неизвестного автора, присланной из Киевской губернии. Там писалось о положении на Украине во второй половине 50-х годов: «Таким образом, внешне было здесь тихо и спокойно, как обыкновенно бывает тихо и спокойно в заключении. Шевченко в одном из своих стихотворений хорошо охарактеризовал это положение: «все благоденствует, ибо молчит»¹.

Автор статьи мог знать поэму «Кавказ» по одному из списков или из первой заграничной публикации в Лейпциге — «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки» (1859).

Немного позже сатирический образ Шевченко использовал Н. Чернышевский в статье «Национальная бестактность»: «Нашим российским малороссам даны все права и выгоды, каких только когда-нибудь хотели они... Они благоденствуют, по совершенно верному и очень удачному выражению своего любимого поэта Шевченко»². Царская цензура почувствовала иронию этих слов и вычеркнула их из статьи. В таком же ироническом плане образ «благоденствия» мы находим и у Салтыкова-Щедрина, который, полемизируя с Чичериным, писал, что его доказательства «насчет благополучного состояния Тамбовской губернии напоминают стихи Шевченки, что от Кавказа до Финляндии, от Балтики до Океана у нас «все молчат, бо благоденствуют»³. Но и эти строки цензура также вычеркнула.

Из царских манифестов берет Шевченко и другое словосочетание и также иронически его переосмысляет:

Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось,— вплоть до воли,—
И травим...

¹ Мы разыскали комплект журнала в Польской национальной библиотеке в Варшаве, тетрадь № 2, 15.II.1859, с. 15.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 291.

³ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20-ти томах, т. 6. М., 1986, с. 213.

С такой же иронией провозглашается «слава» — «борзым, и гончим, и псарям, и нашим батюшкам царям...»

Но средства сатиры — не единственные в поэме «Кавказ». Там, где поэт выражает свое сочувствие жертвам царизма, преобладает лирический, патетический тон:

А слез! а крови! Напоить
Всех императоров бы стало.
Князей великих утопить
В слезах вдовиц. А слез девичьих,
Ночных и тайных слез привычных,
А материнских горьких слез!
А слез отцовских, слез кровавых!
Не реки — море разлилось!
Пылающее море...

В критике самодержавно-крепостнического строя в «Кавказе» Шевченко пошел значительно дальше по сравнению с поэмой «Сон». Здесь и едкая критика системы и отдельных ее звеньев, в частности религии как опоры царизма. Наши идейные противники и теперь еще изображают Шевченко глубоко религиозным человеком. Это в корне неправильно. Еще в поэме «Еретик» он вскрыл реакционную роль Ватикана, в «Кавказе» же он обличает христианство в целом, вскрывает лицемерие служителей церкви. Попутно показана реакционная роль «культуры», «просвещения», насаждавшихся царизмом. Обращает на себя внимание общность образов Шевченко и Белинского в критике крепостнической науки:

Как прочнее строить тюрьмы,
Плеть нагайки туже,
Кандалы ковать...

Как известно, в письме к Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» Белинский назвал автора «проповедником кнута».

В поэме «Кавказ» Шевченко близко подошел к критике помещичьего либерализма — «братолюбия»: «Возлюбили вы не душу — шкуре братней рады».

Глубоко ценя Адама Мицкевича, Шевченко ему передал авторский список поэмы через своего знакомого М. Савича, ехавшего за границу. Рукопись была вручена великому польскому поэту¹.

¹ Киевская старина, 1904, № 2, с. 235.

Известен акварельный набросок И. Репина с эпиграфом:

Спокон віку Прометея
Там орел карає.
(Т. Г. Шевченко)

и авторской подписью: «Памяти великого народного поэта Украины И. Репин. 1908». Акварель предназначалась для репродукций в фонд сооружения памятника Шевченко.

6

Критике буржуазно-помещичьего либерализма и национализма посвящено произведение «И мертвым, и живым, и нерожденным землякам моим, на Украине и не на Украине сущим, мое дружеское послание» (1845). Основная направленность послания раскрыта в эпиграфе из Библии: «Аще кто речет, яко люблю бога, а брата своего ненавидит, ложь есть». Объектом послания является украинское панство, то самое панство, которое дерет «с братьев-гречкосеев три шкуры». Во время пребывания на Украине поэту очень часто приходилось бывать в помещичьих усадьбах, наблюдать различные типы помещиков: и откровенных крепостников, и вольнодумствующих либералов, разглагольствовавших о «любви к брату», к ближнему своему. К ним обращался поэт, уговаривая их «образумиться». И в то же время он призывал наиболее сознательную часть украинского панства к единению с народом.

Обнимите ж меньших братьев,
Как братья родные...

Собственно, он обращался к ним не столько с призывом, сколько с ультиматумом:

Опомнитесь! Будьте люди,
Иль горе вам будет:
Скоро разорвут оковы
Скованные люди.
Суд настанет, грозной речью
Грянут Днепр и горы!
Детей ваших кровь польется
В далекое море
Сотней рек... Вам ниоткуда
Помощи не будет...

(Перевод В. Державина)

Отражая настроения, недовольство крепостных крестьян, которое часто выливалось в стихийные бунты, восстания против помещиков, Шевченко впервые в реалистических художественных образах воплотил идею крестьянской революции, призыв к свержению крепостничества и самодержавия.

Революционные образы Шевченко пугали не только крепостников, но и либералов. Например, Н. Костомаров вспоминал: «Тарас Григорьевич прочитал мне свои ненапечатанные стихотворения. Меня обдало страхом... Я увидел, что муза Шевченко раздирала завесу народной жизни. И страшно, и сладко, и больно, и упоительно было заглянуть туда!»¹

В послании Шевченко обличал либералов, в частности, и за их преклонение перед западной «мудростью»:

На чужбине не ищите
Того, чего нету
И на небе, а не только
Что на чужом поле,
В своем доме — своя правда,
И сила, и воля...

Последние строки не всегда правильно понимались. Иногда поэту приписывали национальную ограниченность. А между тем это место следует воспринимать в контексте всего послания:

Учитесь, читайте
И чужому научайтесь,
И свое познайте...

Напомним, что точно так же ставил вопрос и Белинский, критикуя «западников»: «То, что для нас, россиян, является еще важными вопросами, давно уже разрешено в Европе. Но это несколько не должно отнимать у нас смелости и желанья заниматься разрешением таких вопросов, ибо пока не разрешим мы их сами собой и для самих себя, нам не будет никакой пользы от того, что они разрешены в Европе. Перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы, хотя и те самые, но не те и требуют иного разрешения... У себя, в себе, вокруг себя — вот где должны мы искать и вопросы и их разрешение»².

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 151.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 32.

Поэт критикует либералов и за доморощенное славянофильство:

Изучаете Коллара
Изо всей-то силы,
И Шафарика, и Ганку,
И в славянофилы
Так и претесь. Все языки
Славян изучили,
О своем же, о природном
Языке забыли.

В послании нашли дальнейшее развитие революционно-демократические взгляды Шевченко на историю Украины. Он любил свой народ, его язык, культуру и выступал против «западников» и против национальной ограниченности.

Немец скажет: «Вы монголы!»
«Монголы! монголы!»
Золотого Тамерлана
Внуки, только голы!
Немец скажет: «Вы славяне».
«Славяне? Какие?»
Славных прадедов великих
Потомки дрянные.

Шевченко имел в виду различные теории происхождения славян. Поэт был знаком с книгой Бодянского, отрицавшего монгольское происхождение славян, и возражал авторам, которые относят «народ славянский к племени монгольскому, а язык славянский выдают за язык, родственный с татарским»¹. Представления о монгольском происхождении славян были распространены и во времена Шевченко. Так шведский расист Ретциус стремился доказать, что черепа немцев «долихоцефальные», а черепа славян «брахицефальные», и на этом основании сближал славян с азиатско-тюркскими и монгольскими народами.

Шевченко иронизировал по поводу идеализации украинского языка, истории Украины:

А шуму, а крику!
«И гармония и сила!
Музыка — и полно!
А история! Поэма
Народности вольной!..»

¹ Шафарик И. Славянские древности, т. I. М., 1837, с. 69.

Поэт призывал к критическому пересмотру истории Украины с точки зрения интересов народных эксплуатируемых масс. Понимая антагонистические противоречия между помещиками и крепостными, Шевченко пересмотрел свое отношение и к казацкой старшине, к гетманам, назвав их «рабами, холопами, грязью Москвы, варшавским мусором». Но ошибочно было бы делать вывод, что поэт перечеркнул героическое прошлое украинского народа, отказался от всего, что воспевал в раннем творчестве. Подлинную героику в истории народа он ценил всегда.

Один из знакомых Шевченко вспоминал: «Однажды пришел он и прочитал только что написанное им «Послание к землякам». Общее содержание этого произведения и особенно те места, где речь шла о казацких гетманах, которых Шевченко первый понял и изобразил такими, какими они были в действительности, произвело на всех присутствующих чрезвычайное впечатление: с этого момента поклонение ясновельможным и представление их героями-рыцарями исчезли. Слово Шевченко сбросило их с пьедесталов и поставило на надлежащие места»¹.

Через три дня после «Послания» Шевченко написал стихотворение «Холодный Яр» (1845). Непосредственным импульсом к созданию этого стихотворения было посещение мест, связанных с событиями 1768 года, а также книга крупного чиновника А. Скальковского «Наезды гайдамак на Западную Украину в XVIII столетии» (1845), в которой автор пишет о гайдамаках с яркой ненавистью.

В Холодном Яре в свое время был лагерь гайдамаков, объединившихся для борьбы с поляками, за свободу и независимость Украины. Поэтому так возмущают Шевченко выпады Скальковского, оскорблявшего память о народных героях, называвшего гайдамаков «разбойниками», «ворами», «сухопутными пиратами», «головорезами» и т. д. Была у Скальковского и такая фраза: «На Запорожье легло вечное пятно бесславия, записанное на многих страницах польских и русских историй». С жгучим гневом Шевченко обрушивался на реакционного фальсификатора истории:

¹ Воспоминания В. Тарновского, записанные Н. Белозерской.— Киевская старина, 1882, № 10, с. 69.

Да еще бесчестит Гонту.
Вот ведь мразь какая!
«Гайдамаки не воины,
Разбойники, воры,
Пятно в нашей истории»...
Врете, людоморы!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет...

(Перевод Ал. Дейча)

Поэт выражал твердую уверенность в том, что народ опять поднимется на борьбу.

Разразится кара,
Снова запылает пламя
Холодного Яра.

Так на всех этапах творчества поэта его исторические произведения перекликались с современностью.

В альбом «Три года» входило также стихотворение «Проходят дни...» (1845), лирический герой которого мечтает об активной деятельности. Более всего он боится пассивности:

Страшно быть в оковах, страшно
Умирать в неволе,
Но страшней, куда страшнее
Спать на вольной воле —
Умереть и не оставить
Ни следа на свете,
Чтобы люди — жил ли, не жил —
Не смогли ответить.

(Перевод Н. Ушакова)

В стихотворении «Три года» (1845) речь идет о прозрении, о переломе, происшедшем в его сознании.

И прозрели очи
У меня тогда... Как глянул,—
Молвить нету мочи!
Вкруг меня не люди,— змеи,
Только змеи злые!..

(Перевод П. Панченко)

Это «прозрение» — прежде всего отказ от надежд на то, что либералы, прикрывающиеся лозунгами «народолюбия», действительно что-нибудь сделают, чтобы помочь закрепощенному народу. Потому-то теперь меняется вся тональность поэзии Шевченко:

И теперь я свое сердце
Ядом злым врачую,
Не пою теперь, не плачу,
А совою кричу я.

Завершался альбом «Три года» политическим «Завещанием» — стихотворением «Как умру, похороните...» (1845). Написано оно во время тяжелой болезни, когда поэт, прощаясь с жизнью, думал о родной Украине, о ее людях. Это призыв к народной революции, после которой осуществится его мечта о свободе и братстве народов:

Схороните и вставайте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте — помяните
Добрым, тихим словом.

*(Перевод
А. Твардовского)*

Провозглашенная Шевченко в образной поэтической форме идея крестьянской революции была отражением роста крестьянских волнений, обобщением устремлений и надежд народных масс, уже освещенных первыми проблесками политической революционно-демократической сознательности. В. И. Ленин указывал, что революционные мысли не могли не бродить в головах крепостных крестьян. Но века рабства настолько притупили крестьянские массы, что они были способны только на разрозненные одиночные восстания, «бунты», не освещенные политическим сознанием. Но, указывал В. И. Ленин, имея в виду Чернышевского, «были и тогда уже в России революционеры, стоявшие на стороне крестьянства»¹. К этим революционерам принадлежал и Тарас Шевченко.

В декабре того же, столь плодотворного 1845 года Шевченко написал цикл «Псалмы Давида».

Мы уже упоминали об эпиграфах из Библии ко многим стихотворениям в альбоме «Три года». Библию по-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 174.

дарила поэту В. Репнина в 1843 году, и довольно часто эта книга была единственным его чтением. Когда в октябре 1845 года поэт простудился, он писал Родзянко: «С того времени, как приехал в Миргород, ни разу еще не выходил из комнаты, и ко всему этому еще нечего читать. Если бы не Библия, то можно бы с ума сойти».

Шевченко воспринимал Библию как фольклорно-литературное произведение, брал оттуда отдельные образы, изречения для эпитафий, вкладывая в них не религиозные, а светские, очень часто революционно-демократические идеи. Шевченко не переводил псалмы с религиозной целью, как П. Кулиш, а давал весьма свободное их переложение, перепев. Об этом прежде всего говорит выбор: поэт брал те псалмы, в которых отдельные мотивы, образы могли быть созвучны его идеям, его общественно-политическим взглядам.

Когда в 43-м псалме Шевченко писал:

Нам рассказывают деды
О грозном, кровавом
Давнем веке, как своею
Твердою рукою
Развязал ты наши руки
И покрыл землю
Трупы врагов... —

*(Перевод
Л. Вышеславского)*

перед его глазами представала история родного края, слава героических предков, боровшихся за свободу своей родины. Но эти героические времена давно отошли в прошлое, теперь появились новые угнетатели:

И наш недруг новый
На закланье нас гонит,
Как овец...

Под «недругами» поэт понимал крепостников, царских сатрапов. В первом псалме слово «нечестивых» он заменяет словом «лукавых». Этот постоянный эпитет по отношению к крепостникам часто встречается у Шевченко («Осина», «И вырос я в краю чужом...» и др.). Такое же содержание вкладывал Шевченко в эпитет «злые» («Маленькой Марьяне», «Лилея» и др.).

Точно так же к крепостникам относит он эпитеты: «лютый», «вражий», «лихой», «гордый», «неправый» и

т. д. И наоборот, народ, трудящихся он называет «праведными», «добрыми», «убогими», «тихими», «немудрыми», «нелукавыми». Определенный социальный смысл поэт вкладывал в образы «врагов», «палачей», «царей», «рабов», «невольников», «оков», «цепей». Шевченко открыто призывал народ «встать на палача вновь», прославлял революционную вооруженную борьбу народных масс:

И мечи, мечи святые
Нам вложены в руки
Для отмщения неверным
И людям в науку.
Закуют царей кровавых
В железные пути.

*(Перевод
Л. Вышеславского)*

Выражая эзоповским языком протест против крепостничества и самодержавия, Шевченко в то же время мечтал о далеком свободном будущем:

Есть ли что лучше, краше в мире,
Чем вместе трудиться,
С братом добрым добро править
И добром делиться?

После ссылки Шевченко включил «Псалмы» в «Кобзарь» 1860 года, но духовная цензура усмотрела в них отступления от оригинала и разрешила к печати со многими купюрами. Особенно пострадал 43-й псалом. Не разрешено такое место:

Жить тяжко в оковах.
Помоги восстать нам, боже,
На деспота снова.

Со второй половины 1845 года и до ареста Шевченко выполнял задания Киевской археографической комиссии — зарисовывал памятники старины. Периодически он бывал в Киеве. Об этом свидетельствуют его расписки о получении содержания от 28 ноября и 31 декабря 1845 года, 28 февраля и 29 марта 1846 года, и

т. д. В связи с заданиями Шевченко приходилось много путешествовать и зимой. В воспоминаниях А. Афанасьева-Чужбинского упоминается о пребывании в селах Исковцы, Березовая Рудка, Прилуках, в городах Лубны, Нежин и Чернигов. Бывал он также в Яготине, Мосевке и Линовицах.

Афанасьев-Чужбинский рассказал об одном интересном эпизоде, который свидетельствует о большой выдержке Шевченко, силе его характера. Однажды зимой в небольшом обществе они выехали в соседнее имение. Поднялся буран, усилился мороз. Лошади сбились с дороги, и путники были крайне перепуганы. Один Шевченко сохранял спокойствие, запел украинскую народную песню, своими шутками поддерживал бодрое настроение.

Описывает он и другой случай. В Прилуках горела бедная еврейская лачуга, а окружающие спокойно смотрели на том основании, что «горел жид». Шевченко первый бросился выносить убогий скарб погорельцев, а потом «горячим словом упрекал предстоявших в равнодушии, доказывая, что человек в нужде и беде, какой бы ни был нации, какую ни исповедовал бы религию, делается нам самым близким братом»¹.

В Нежине Шевченко встретился со своим давнишним другом — И. Сошенко, преподавателем рисования. Молодежь Нежинского лицея тепло приветствовала поэта. Среди студентов был и молодой поэт Н. Гербель, будущий переводчик и издатель стихов Шевченко. Поэт записал в его альбом четыре первых строки посвящения «Гоголю».

В воспоминаниях Афанасьева-Чужбинского, постоянно общавшегося с Шевченко в 1846 году, мы находим много бытовых деталей, характеризующих поэта. Поэт был равнодушен к деньгам, одалживал их, раздавал бедным, нищим. Это подтверждает и В. Аскоченский: в домике на Козином болоте в Киеве, к открытому окну, выходявшему на улицу, подошел слепой нищий с поводырем. Аскоченский хотел ему дать мелкую монету. Шевченко встал с дивана и дал нищему полуимпериал (тогда 5 руб.). Нищий, пощупав монету, спросив о чем-то поводыря, вернул монету Шевченко с благодарностью. Тогда поэт дал ему полтинник и при этом сказал Аскоченскому: «Вот видите... Что значит бедняк!

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 84.

И денег боится больших, ибо только господам можно иметь их»¹.

Шевченко очень любил детей и пользовался их большой симпатией. В селах он собирал детей на улице, рассказывал им сказки, пел детские песни, делал для детей игрушки. Однажды в Киеве Шевченко рисовал руины Золотых ворот. Местность вокруг тогда еще не была застроена. За валом он услышал детский плач. Плакала трехлетняя девочка. Никого вблизи не было. Шевченко посадил ее возле себя и начал делать игрушки из бумаги. Никто из жителей окрестных домов не знал, чья это девочка. Сама девочка не могла тоже ничего рассказать. Когда Шевченко вместе с Афанасьевым-Чужбинским подходили к Софийскому собору, навстречу им бежала взволнованная женщина. «Мати!» — сказал Шевченко и, не говоря ни слова, подал ей ребенка².

В обществе Шевченко вел себя с большим достоинством, любил пошутить: «Держал себя он в обществе свободно и с тактом и никогда не употреблял тривиальных выражений... Любил он простоту семейного быта, и где его принимали не пышно, но искренно, он там бывал необыкновенно разговорчив, любил рассказывать смешные происшествия — не анекдоты, как покойный Основьяненко, а непременно что-нибудь из бывалого, в чем он подмечал комическую сторону»³.

В марте 1846 года Шевченко жил в Седневе в имении Лизогубов, писал и рисовал. В апреле он поселился в Киеве. Сначала жил на Институтской (ныне улица Октябрьской революции) в небольшом доме напротив Института благородных девиц (ныне Октябрьский дворец). Домик этот не сохранился. Потом переехал в дом архитектора Беретти на Крещатике, недалеко от Бессарабки, где была гостиница для приезжих, и наконец поселился в доме Житницкого на Козином болоте (ныне переулок Шевченко, № 8-а). Домик этот сохранился, реставрирован. В 1928 году здесь был открыт Литературно-мемориальный дом-музей Т. Г. Шевченко. Жил он здесь вместе со своим коллегой по Академии художеств, художником-пейзажистом Сажиним, и с Афанасьевым-Чужбинским. Сажин поселился в Киеве по окончании Академии. Позже за картину «Киевский Софийский собор

¹ Домашняя беседа, 1861, вып. 33, с. 652.

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 95.

³ Там же, с. 93.

внутри» (1855) был удостоен звания академика перспективного искусства. Часто Шевченко и Сажин работали вместе. Некоторые рисунки, приписывавшиеся ранее Сажину, принадлежат Шевченко: «Церковь всех святых в Киево-Печерской лавре», «Аскольдова могила».

В это же время Шевченко познакомился с Н. И. Костомаровым. В воспоминаниях последнего, напечатанных в «Основе», сказано, что познакомились они в 1845 году в Киеве, но в автобиографии, продиктованной супруге, уточнено, что знакомство состоялось в 1846 году, когда Шевченко жил на Крещатике. Так же и в автобиографии, записанной с его слов Н. Белозерской, знакомство отнесено к 1846 году¹.

Костомаров вспоминал: «Мы сидели в садике... Был очаровательный весенний день, цвели в полном цвету вишни и сливы... — никогда не забуду я этого дня. Шевченко принес с собою в кармане несшитую тетрадь своих нигде еще не напечатанных стихотворений, читал их, довел меня до совершенного восторга и оставил свои произведения у меня»².

В Киеве Шевченко познакомился также с Николаем Гулаком, М. Навроцким, А. Марковичем, Ю. Андрузским, В. Белозерским, Д. Пильчиковым, И. Посядой, А. Тулубом, В. Чернышем и многими другими будущими членами Кирилло-Мефодиевского братства.

Знаком был Шевченко также со многими членами и сотрудниками Киевской археографической комиссии. С членом комиссии профессором Киевского университета М. Иванишевым и сотрудником комиссии художником А. Сенчило-Стефановским они вместе в июле 1846 года ездили на археологические раскопки кургана между Фастовом и Васильковым. После возвращения в Киев они вместе приняли участие в иллюстрировании издания Киевской археографической комиссии — «Древности» (1846), к которому приложено одиннадцать хромолиитографированных таблиц³.

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 143, 149, 151, 155.

² Там же, с. 155.

³ Вопрос о степени участия Шевченко в сборнике остается дискуссионным. См.: Бутник-Сіверський Б. С. До історії деяких малюнків Т. Г. Шевченка. — Мистецька спадщина Т. Г. Шевченка, збірник, вып. I. Київ, 1959, с. 149, 152; Попов П. М. До питання про Шевченка як художника-літографа. — Збірник праць одинадцятої наукової шевченківської конференції, с. 140—157.

Раскопки кургана в районе Фастова продолжались с июня до начала октября, но Шевченко бывал там не все время. Преимущественно он жил в Киеве. В середине августа Шевченко был в Охтырке Харьковской губернии. В сентябре он должен был сдать финансовый отчет о командировке в Полтавскую губернию зимой 1845—1846 года. 20 сентября он представил рапорт об использовании средств, 21 сентября получил от комиссии новую командировку в Киевскую, Подольскую и Волынскую губернии с поручением собрать сведения о народных преданиях, песнях, записать их, а также срисовать курганы, осмотреть и описать монументальные памятники, старинные строения; по возможности разыскать старинные вещи, грамоты, бумаги; наконец, срисовать Почаевскую лавру в нескольких планах. Путешествовал Шевченко до конца года, так как 31 декабря подал рапорт с денежным отчетом. Выехал он прежде всего на Подолье. В начале октября был уже в Каменец-Подольском, где остановился у учителя гимназии Петра Чуйкевича, от него Шевченко записал в свой альбом некоторые украинские народные песни. 20 октября поэт был уже в Почаеве, где нарисовал лавру и записал народную песню. Посетил он также Вишневец, Кременец и Берестечко. Свои впечатления он позже, в ссылке, использовал в повести «Варнак», где многие события происходят на Волыни.

Шевченко интересовался соседней Галицией, находившейся тогда в составе Австро-Венгрии. Это также отразилось в повести «Варнак»: «А кругом хутора — дубовый лес непроходимый, только в одном месте вроде просеки, как будто нарочно для полного пейзажа. И в эту просеку далеко на горизонте синеют, как огромные бастионы, отрасли (отроги? — *Е. К.*) Карпатских гор». По рассказам Лукашевича и Бодянского, бывавших в Галиции, Шевченко знал, что там живет значительная часть украинского народа, в частности, он знал об изданном там альманахе «Русалка Днестровая». По воспоминаниям крестьянина Ф. Кружилки, записанных В. Шуратом, Шевченко во время пребывания в Вишневце, просил провести его в село Подкамень, по ту сторону границы¹.

Дальнейший маршрут поэта мы можем приблизительно определить по той же повести «Варнак»: се-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 142.

ла Вербы, Дубно, Острог, Корец, Новоград-Волынский (Звягель), берега Случи. Здесь он срисовал памятники, связанные с пребыванием князя Андрея Курбского¹.

В конце ноября Шевченко возвратился в Киев.

Среди рисунков Шевченко этого периода преобладают работы, связанные с заданиями Археографической комиссии. Писал он исключительно с натуры, но не ограничивался заданной инструкцией. Везде чувствуется художник—реалист и демократ. Вот, к примеру, акварель «Церковь Покрова в Переяславе». Сама церковь, щедро освещенная солнцем, изображена на заднем плане в окружении хат. На переднем плане слева разговаривают двое крестьян. Справа — хата с забором, у которого стоит местный житель в долгополой одежде. В центре акварели громадная, на всю улицу, освещенная солнцем лужа, которую собирается перейти свинья. Картина, достойная кисти Гоголя: «Если будете подходить к площади, то, наверно, остановитесь полюбоваться видом: на ней есть лужа! единственная, какую вам когда-либо приходилось видеть! Она занимает почти всю площадь. Чудесная лужа!»

В таком же бытовом, жанровом плане выполнены почти все рисунки монастырей, церквей, костела, лавры. Вот сепия и акварель «Воздвиженский монастырь в Полтаве». На переднем плане — хатки, пасется лошадь, идет крестьянин с ношей на плечах. Рисунки являются чем-то средним между пейзажем и жанром. Это был один из художественных принципов Шевченко, сформулированный в одной из повестей уже в ссылке:

«Я тогда прошел из конца в конец весь парк, и меня, как теперь помню, поразила страшная тишина. Я видел великолепный дом, павильоны, беседки, качающуюся раскрашенную лодочку на краю пруда под наклонившимися деревьями и посередине пруда гордо плава-

¹ Шугуров Н. О рисунках Т. Г. Шевченко, исполненных по поручению Киевской археографической комиссии в Волынской губернии.— Киевская старина, 1894, № 2, с. 318, 319. См. также статью С. Таранушенко «До питання про архітектуру в творчості Тараса Шевченка» в сб.: Мистецька спадщина Т. Г. Шевченка, вып. I, 1959, с. 157.

ющих пару лебедей. Но не видел ни одного человека, который бы оживлял эту изысканную картину. На меня неприятно подействовало такое отсутствие человека. Это все равно что прекрасный пейзаж, не оживленный человеческой фигурой».

Поэтому рисунки без людей — исключения в альбомах Шевченко. Внимание его, как сотрудника Археологической комиссии, было сосредоточено на памятниках седой старины. Но эта обязанность давала ему возможность путешествовать, встречаться с людьми. Изучая памятники старины, Шевченко стремился осмыслить их общественное значение. Он хотел проникнуть в далекое прошлое, раскрыть социальное содержание событий. Вот, например, как в ссылке в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали» он вспоминал о путешествиях по Украине: «От берегов тихого Дона до кремнистых берегов быстротекущего Днестра — одна почва земли, одна речь, один быт, одна физиономия народа; даже и песни одни и те же, как одной матери дети. А минувшая жизнь этой кучки задумчивых детей великой славянской семьи не одинакова. На полях Волыни и Подолии вы часто любуетесь живописными развалинами древних массивных замков и палат, некогда великолепных, как, например, в Остроге или Корце. В Корце даже церковь, хранилище бальзамированных трупов фамилии графов Корецких, само собою в развалину превратилась. Что же говорят, о чем свидетельствуют эти угрюмые свидетели прошедшего? О деспотизме и рабстве! О хлопах и магнатах! Могила, или курган, на Волыни и Подолии большая редкость. По берегам же Днепра, в губерниях Киевской, Полтавской вы не пройдете версты поля, не украшенного высокой могилой, а иногда и десятком могил и не увидите ни одной развалины на пространствах трех губерний... Что же говорят пытливому потомку эти частые темные могилы на берегах Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе. Бедные, малосильные Волянь и Подолия! Они охраняли своих распинателей в неприступных замках и роскошных палатах. А моя прекрасная, могучая и вольнолюбивая Украина туго начиняла своим вольным и вражьем трупом неисчислимы огромные курганы. Она своей славы на *поталу* не давала, врага деспота под ноги топтала и, — свободная, нерастленная — умирала. Вот что значит могилы и руины! Не напрасно

грустны и унылы ваши песни, задумчивые земляки мои! Их сложила свобода, а пела тяжкая одинокая неволя».

Наряду с зарисовками исторических памятников в альбомах Шевченко множество эскизов, зарисовок с натуры: крестьяне с косами, граблями, мешком и т. д., рисунки «Хата над водой», «Крестьянское подворье», «Т. Г. Шевченко рисует крестьянское подворье» и др. В этих рисунках мы видим тесную связь художника с жизнью народа, его породившего и воспитавшего. Будучи уже известным художником, Шевченко, как и ранее, с любовью рисует близких ему по духу трудящихся людей.

Сохранились воспоминания и об этом периоде жизни поэта, о близости его к народу. Вот, к примеру, сведения о пребывании Шевченко в селе Бегач Черниговской губернии в марте—апреле 1847 года в имении князя Н. Кейкуатова, где он рисовал портреты членов семьи: «...Этот удивительный человек обладал другими богатствами — умом и сильною любовью к трудящемуся народу. Каждый вечер, после дневных работ, вокруг поэта собирались все служащие княжеской «экономии». Шевченко что-нибудь читал или рассказывал, и при том так интересно, что все слушали с большим вниманием... Приветливый и словоохотливый с простыми тружениками, Тарас Григорьевич заметно не любил оставаться долго среди «господ» и избегал княжеских хором, хотя его часто туда приглашали...»¹

Путешествуя по Украине, останавливаясь в помещичьих имениях, Шевченко создал много новых портретов: И. Рудзинского, А. Лукьяновича, И. Лизогуба, А. Лизогуба, Е. Кейкуатовой, женщины в коричневом платье, женщины в сиреновом платье, И. Катеринича, М. Катеринич, Т. Катеринич, детей Кейкуатовых, Ю. Средбольской и др. Наиболее выдающимся произведением этого периода является портрет Горленко. На нем изображена красивая, со вкусом одетая женщина, В ее глазах, холодных и умных, чувствуется что-то недоброе...

Важным фактом в биографии Шевченко является его желание принять участие в воспитании студенческой молодежи в духе выработанных им реалистических и

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 141.

демократических принципов. 27 ноября 1846 года он обратился к попечителю Киевского учебного округа А. С. Траскину с прошением назначить его учителем рисования в Киевском университете св. Владимира, поскольку там открылась вакансия — ушел на пенсию художник К. Павлов, с которым поэт был хорошо знаком¹. 10 декабря с аналогичным прошением он обратился к киевскому генерал-губернатору Бибикову. Последний представил прошение Шевченко министру народного просвещения графу Уварову. 21 февраля 1847 года министр уведомил попечителя округа об утверждении Шевченко учителем рисования в университете с годичным испытательным сроком. 15 марта министр уведомил об этом и генерал-губернатора.

Шевченко в это время не было в Киеве. В письмах к Костомарову он просил его справиться, утвердили ли его в университете. В конце февраля Костомаров сообщил ему в Чернигов об утверждении и просил прибыть поскорее в Киев. Вернулся Шевченко в Киев 5 апреля 1847 года и сразу был арестован. Таким образом, приступить к своим обязанностям ему не удалось².

8

Путешествуя по Украине с альбомами для рисунков, он заносил туда и фольклорные записи. Сохранилось несколько таких альбомов. Один датируется приблизительно 1839—1843 годами (в нем есть и рисунки петербургского периода, и сделанные на Украине), другой альбом — 1845 года, а третий и четвертый — 1846—1850 годов. Последние два альбома были отобраны у Шевченко после ареста, позже возвращены ему (он дополнил их новыми записями) и снова отобраны после второго ареста в 1850 году. Особенно много фольклорных записей в этих последних альбомах. Очевидно, записи делались по поручению Киевской археографической комиссии, Шевченко всюду отмечал местность, где была запись сделана, от кого и когда.

¹ См.: Раевский С. Тарас Шевченко і художник Капітон Павлов.— Мистецтво, 1955, № 5, с. 36—40.

² См.: Рудько М. Тарас Шевченко і Київський університет. Київ, 1959, с. 17—30.

Среди фольклорных записей преобладают песни вполне определенного социального характера, в которых отражена жизнь народа, его борьба против эксплуататоров. Например, в альбоме 1846 года записан новый вариант песни о народном мстителе Устиме Кармалюке, которого Шевченко позже назвал «славным рыцарем». Во многих песнях отражена жестокая эксплуатация крестьян помещиками¹.

Глубокое знание фольклора, его широкое использование в оригинальных произведениях Шевченко заметно на всех этапах его творчества. Отразилось оно и в созданных им летом 1846 года в Киеве балладах «Лилея» и «Русалка». Они переписаны в отдельную тетрадь, куда позже переписано и предисловие к «Кобзарю».

Так, в балладе «Лилея» находят применения народно-поэтические представления о превращениях человека, в частности, девушки в цветок. Шевченко отразил здесь социальные противоречия крепостнической действительности более резко, чем это было в поэмах «Катерина» и «Слепая». «Злого пана», который погубил мать Лилеи, проклинала не только она, но и крестьяне, которые после его отъезда сжигают дом.

В таком же духе написана и баллада «Русалка». Уже отмечалась близость ее к украинскому фольклору, а также к драме Пушкина «Русалка», к балладе Мицкевича «Рыбка». Оригинальность баллады Шевченко — очевидна: мать наказана за то, что примирилась с искусителем, «Русалки» — жертвы развратных помещиков — являются мстительницами за зло, которое им причинили.

Возвращение поэта к теме «Катерины» и «Слепой», разработка их в новых вариантах объясняется главным образом тем, что эти позорные явления были широко распространены в крепостнической действительности, о чем свидетельствовали многие мемуаристы².

Последним поэтическим произведением Шевченко перед арестом была поэма «Осина» (1847, в поздней, окончательной редакции «Ведьма»). Это одно из слож-

¹ См.: Попов П. М. Шевченко і народна творчість.— Збірник праць першої і другої наукових шевченківських конференцій. Київ, 1954, с. 7—25.

² См.: Мельгунов С. Из крепостного быта.— Голос минувшего, 1913, № 7, с. 239—242; Жур П. Літо перше. Київ, Дніпро, 1979, с. 26—48.

ных произведений великого поэта. Вульгарные социологи усматривали в поэме «примирение с врагом», черты «ограниченного крестьянского мировоззрения» и т. п. Но поэма не дает для этого оснований. Автор не отказывается от темы возмездия за содеянные крепостниками преступления. Кроме уже известной нам поэмы «Слепая», Шевченко разрабатывает эту тему и позже в ссылке («Варнак», «Марина»). Тема поэмы «Осина» — иная. Помещик, соблазнив девушку, взял ее с собой в поход против Турции, потом бросил в Молдавии с двумя близнецами. Босая Лукия с детьми пешком возвращается на Украину, в родное село, где застаёт умирающего отца. Здесь пан снова взял ее к себе, а затем и дочь сделал своей наложницей. Позже он променял дочь на собаку, а сына-лакея проиграл в карты.

Почему же Лукия прощает все помещику, когда он возвращается из-за границы тяжело больным? Здесь Шевченко, возможно, хотел сказать, что зло не в отдельных развратных помещиках, а в самой системе крепостничества. Даже если бы Лукия и убила помещика или сожгла его дом, в самой крепостнической системе ничего не изменилось бы: вместо старого пана явился бы новый, и все началось бы сначала.

Простив своего обидчика, Лукия не забывает зла, которое он ей причинил. Она рассказывает девушкам, ей завидующим, историю своей жизни, говорит об ошибках, предостерегает от их повторения:

Усе, було, розкажує.
Аж плачуть дівчата
Та хрестяться, жахаються,
Ніби пан у хаті.
А вона їм розважає,
Просить, закликає,
Щоб з панами не кохались,
Бо бог покарає.
Що підете й ви по світу
Так, як я ходила,
Батька, матір погубите,
Як я погубила.
Дітей своїх на сміх людям
Пустите по світу.
Так як я... як я... пустила...
Діти мої, діти!¹

¹ «Все, бывало, рассказывает, так что плачут девушки да крестятся, ужасаются, как будто пан в хате. А она им рассказывает, просит, закликает, чтобы панов не любили, ибо бог накажет, пойдете по миру так, как я ходила, отца, мать погубите, как я погу-

Предостерегает крестьянских девушек и сам поэт в лирическом вступлении. В поздней редакции (после ссылки) социальное, резко обличительное звучание поэмы «Ведьма» усилено. К сожалению, одно очень важное место из текста первой редакции сюда не вошло:

Стережіця ж,— кохайтеся
Хоч і з наймитами,
З ким хочите, мої любі,
Тільки не з панами.

А строки эти важны еще и потому, что они в корне отличаются от известного всем начала поэмы «Катерина». В этом мы видим еще один пример идейного «прозрения» Шевченко. Поэма «Осина» («Ведьма») и в первой и в окончательной редакции направлена против «проклятых панов», «лютых гадин», против одного из наиболее омерзительных явлений крепостничества. Антикрепостническая идея подчеркнута и эпиграфом из 54 псалма, которого нет в окончательной редакции: «Да придет же смерть на ня, и да снидут во ад живи, яко лукавство в жилищах их, посреде их».

Создав образцы политической поэзии критического реализма, Шевченко пытался и всю украинскую литературу направить по этому же пути. Идея эта положена в основу предисловия ко второму, к сожалению неосуществленному из-за ареста, изданию «Кобзаря». Вторым он назвал предполагавшееся издание потому, что считал «Чигиринский Кобзарь» (1844) только переизданием. Очевидно, второй «Кобзарь» должен был состоять из новых произведений — в него-то он и собирался включить все три поэмы.

Текст предисловия датирован 8 марта 1847 года и переписан в тетрадь, куда уже были занесены «Осина», «Русалка» и «Лилея». После ареста тетрадь вместе с альбомом «Три года» попала в III Отделение и пролежала в архиве до революции 1905 года.

В эпиграфе, взятом из бессмертной комедии Грибоедова, подчеркнута основная идея предисловия — идея народности, патриотизма:

била. Детей своих на смех людям пустите по миру, так, как я... пустила... Дети мои, дети». Мы сознательно процитировали текст первой редакции, чтобы подчеркнуть, что и тогда поэма имела обличительный характер.

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?
Чтоб умный, добрый наш народ
Хотя по языку нас не считал за немцев ¹.

В предисловии поэт еще раз высказал свои глубокие симпатии к славянским народам, назвал имена Караджича и Шафарика как верных сынов своей родины. Обращаясь к украинским читателям с призывом активнее трудиться на пользу отечественной культуры, он ставил в пример русских, поляков, чехов, сербов, болгар и черноморцев.

Не называя фамилий, Шевченко полемизировал со взглядами реакционной и либеральной критики, которая расхвалила ряд произведений современной украинской литературы. По некоторым деталям можно судить, что он имеет в виду. «Преочаровательно в чарах тих ось що», — пишет Шевченко. Речь идет о пьесе К. Тополя «Чары, или Несколько сцен из народных былей и рассказов украинских» (М., 1837).

В этой пьесе, написанной по мотивам украинской народной песни «Ой не ходи, Грицю...», нет правдивого и художественного изображения крестьянской жизни. Но некоторые критики хвалили и пьесу. Из письма А. Козачковского к О. Бодянскому известно, что пьесу К. Тополя Шевченко брал у него ². В том же письме упоминается о хвалебной рецензии Сенковского в журнале «Библиотека для чтения». Мы нашли эту рецензию. Действительно, критик положительно оценил пьесу и похвалил ее язык за «очаровательную простоту» ³. Это и дало основание для иронии Шевченко. Возможно, поэт имел в виду и обзор Костомарова в альманахе «Молодик», в котором одной пьесе К. Тополя уделено больше внимания, чем всему творчеству Шевченко.

Поэт сознательно не назвал фамилии автора пьесы. Шла речь не об одном произведении, а обо всей литературе, которую Шевченко стремился поднять на более

¹ Шевченко цитировал по первому изданию «Горя от ума» 1833 г. В дальнейших изданиях вторая строка печатается по автографу: «Чтоб умный, *бодрый* наш народ».

² Савченко Ф. Відомості про Т. Г. Шевченка в неопублікованій кореспонденції Бодяньського. — Україна, 1930, № 3—4, с. 133 (письмо от 18.V.1843 г.).

³ Библиотека для чтения, 1837, № 10, с. 31—72. Рецензия принадлежала не Сенковскому, а Н. Полевому. Через два года она была перепечатана в «Очерках русской литературы» Н. Полевого, ч. 2, СПб., 1839, с. 491.

высокий идейно-художественный уровень. Основной причиной неудач он считал незнание жизни народа: «Чтобы знать людей, нужно пожить с ними. А чтобы их описывать, необходимо самому стать человеком, а не расточителем чернил и бумаги. Вот тогда пишите и печатайте, и труд ваш будет трудом честным».

С позиций «мужицкой», революционно-демократической эстетики Шевченко оценивал все явления украинской, русской и мировой литератур. Выбор имен также свидетельствует о скрытой полемике с Н. Полевым. Последний в рецензии на «Чары» разграничил «простонародность» и «государственную народность». К первой он отнес Бернса и Котляревского, ко второй Гоголя и Вальтера Скотта. Именно эти имена упоминает и Шевченко. Различал он, как и Белинский, «простонародность» в ее официально-казенном понимании и подлинную, глубокую народность. Шевченко высоко ценил Бернса как поэта «народного и великого». С болью констатировал Шевченко, что Сковорода, хотя и вышел из народа и был близок ему мыслями и стремлениями, не смог преодолеть схоластику, не стал подлинно народным поэтом, основоположником новой литературы.

Критически отнесся автор предисловия и к П. Гулаку-Артемовскому и Квитке-Основьяненко. Не остановился он и перед пересмотром некоторых прежних своих оценок Основьяненко: «Покойный Основьяненко очень хорошо присматривался к народу, но не прислушивался к языку, так как, возможно, его и не слышал в колыбели от матери, а Гулак-Артемовский, хотя и слышал, но забыл, так как в паны постригся». Шевченко имел в виду не так чистоту литературного языка, как главным образом общественно-политические взгляды писателя. Об этом говорит и дальнейшее довольно резкое обобщение: «Горе нам! Безумие нас обуяло этим мерзким и богопротивным панством».

Во взглядах на пути развития новой украинской литературы Шевченко разошелся с Кулишом, Костомаровым. Так началось размежевание демократической и либеральных тенденций в украинской литературе и критике.

Отзывы о произведениях Шевченко, не печатавшихся при его жизни, мы находим в частных письмах, в воспоминаниях современников. Так, известно большое письмо П. Кулиша от 25 декабря 1846 года. Частично мы о нем упоминали в связи с поэмой «Гайдамаки». В пись-

ме речь шла о ранних напечатанных стихах Шевченко, но все письмо говорит о несогласии Кулиша с революционным мировоззрением поэта.

И родственник поэта Варфоломей Шевченко в письме от 5 июля 1846 года, опасаясь за судьбу поэта, призывает его «притупить» революционное «острие» его поэзии. По сути, те же опасения высказывал и Костомаров: «Тарасова муза прорвала какой-то подземный склеп, уже несколько веков запертый многими замками, запечатанный многими печатями... Горе дерзкому поэту! Он забывает, что он человек, и если первый решается вступить туда,— то может пасть»¹. Но тот же Костомаров вспоминал: «Он прочел мне некоторые из неизданных своих произведений, от которых я был в совершенном восторге. Особенно сильное впечатление произвел на меня «Сон», неизданная антицензурная поэма Шевченко. Я читал и перечитывал ее всю ночь и был в полном упоении»².

Известно, какое большое революционизирующее значение имели стихи Шевченко, какой они пользовались громадной популярностью. «Все, как *Отче наш*, знали на память произведения Шевченко», — писал П. Кулиш.

Огромное влияние имел Шевченко и на членов Кирилло-Мефодиевского братства, таких как Н. Гулак, А. Навроцкий, И. Посяда, Ю. Андрузский, Н. Савич и другие. Об этом говорят стихи Андрузского, посвященные Шевченко³.

В Кирилло-Мефодиевское братство Шевченко вступил зимой 1846—1847 годов. Вопрос о членстве поэта в тайном обществе имеет довольно большую историю. Наши идейные противники рассматривают «братство» как нечто единое. В свое время высказывались взгляды, вообще отрицавшие причастность к нему Шевченко. Как известно, на процессе в III Отделении участие Шевченко в обществе доказано не было, этот вывод был сделан жандармами из-за твердой позиции Шевченко. В настоящее время вопрос о членстве Шевченко в тайном обществе решается положительно, но при этом отмечается наличие в обществе двух направлений: рево-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 152.

² Там же, с. 149.

³ См.: Кузьміна З. М. Шевченко і Андрузький.—Збірник праць п'ятої наукової шевченківської конференції. Київ, 1957, с. 144—160.

люционно-демократического и либерально-буржуазного. К революционному крылу принадлежали: Шевченко, Н. Гулак, А. Навроцкий, Д. Пильчиков, И. Посяда, Н. Савич, Ю. Андрузский. Либеральное крыло — Н. Костомаров, П. Кулиш, В. Белозерский, А. Маркович.

Революционно настроенные члены братства считали своими задачами свержение самодержавия и объединение славянских народов в федеративную парламентскую республику, ликвидацию крепостного права, сословий. Они мечтали о широком развитии культуры, просвещения, языка. Сам Костомаров констатировал идейные споры и несогласие по многим принципиальным вопросам: «Когда я сообщил Шевченко о существовании общества, он тотчас же изъявил готовность пристать к нему, но отнесся к его идеям с большим задором и крайнею нетерпимостью, что послужило поводом ко многим спорам между мною и Шевченко»¹.

Тайное общество было раскрыто по доносу студента-provokатора А. Петрова, жившего по соседству с Н. Гулаком. Provokator вошел в доверие к Гулаку и, все разузнав, 28 февраля 1847 года донес сначала устно помощнику попечителя Киевского учебного округа И. Юзефовичу. 3 марта Петрова привели к попечителю генерал-майору Траскину, и provokator письменно подтвердил донос. Траскин доложил обо всем генерал-губернатору Бибикову, который 17 марта отправил донесение в III Отделение. На другой же день начались аресты членов братства. 18 марта в Петербурге был арестован Гулак. В его бумагах нашли программный документ «Закон божий» («Книга бытия украинского народа»), письма, в которых не раз упоминался Шевченко. 22 марта А. Ф. Орлов отдал секретное распоряжение киевскому генерал-губернатору об аресте Костомарова, Посяды, Марковича, Тулуба, Андрузского и Шевченко. Распоряжение об аресте Белозерского и Шевченко было послано черниговскому генерал-губернатору, т. к. Шевченко в Киеве в это время не оказалось.

5 апреля 1847 года Шевченко, возвращавшийся из поездки по Черниговщине, был арестован. В донесении

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 149.

Киевского генерал-губернатора Фундукля III Отделению сказано, что при аресте поэта у него обнаружена «рукописная книга с малороссийскими собственного его сочинения стихами,— из коих многие возмутительного и преступного содержания...»¹.

Арестом Шевченко закончился второй период его жизни и творчества, о котором он вскоре напишет:

В неволе тяжко — хоть и воли
Изведать тоже не пришлось.

*(Перевод
Л. Вышеславского)*

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 171.

**«ТЕРЗАЮСЬ, МУЧАЮСЬ...,
НО ВСЕ Ж НЕ КАЮСЬ!...»**

1

Первого марта 1847 года (задним числом) Шевченко исключили из состава сотрудников Киевской археографической комиссии, будто бы за выезд без согласия комиссии из Киева. Действительной причиной был арест поэта.

6 апреля Шевченко в сопровождении полицейского офицера и рядового жандарма отправили в Петербург. Длительное время полагали, что все арестованные находились в заключении в Петропавловской крепости, но в действительности они находились в казематах III Отделения у Цепного моста, где сам граф Орлов и его помощник генерал Дубельт вели дело Общества.

Собственно, рассмотрение дела началось еще в Киеве после первых арестов Костомарова, Марковича, Тулуба, Посяды. На допросах часто упоминалось имя Шевченко и его сочинения. На следствии арестованные вели себя не одинаково. Костомаров, Кулиш, Белозерский быстро раскаялись в своих «прегрешениях», «ошибках молодости». Очень многоречивым оказался Андрузский, дававший показания против Шевченко. С достоинством подлинного революционера держались лишь Шевченко и Н. Гулак.

Еще до прибытия Шевченко в Петербург граф Орлов обратился к президенту Академии художеств герцогу Лейхтенбергскому с запросом о художнике — «о мнении на его счет ближайшего его начальства». К чести президента следует сказать, что он нашел в себе мужество дать объективную оценку его творчества: «...Шевченко

имеет дар к поэзии и на малороссийском языке написал некоторые стихотворения, уважаемые людьми, знакомыми с малороссийским языком и прежним бытом этого края; почитался он всегда человеком нравственным, быть может, несколько мечтателем и читателем малороссийской старины, но предосудительного на счет его ничего не доходило до сведения Академии»¹.

17 апреля Шевченко был доставлен в Петербург, и в тот же день были рассмотрены его бумаги, в частности «рукописная книга стихотворений», а в ней поэма «Сон», «...исполненная противозаконных и возмутительных мыслей...»². 21 апреля Шевченко был вызван на допрос и ему задано двадцать два вопроса. Поэт держался мужественно, отвечал кратко. В ответ на один из основных вопросов: «Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора?..» Шевченко ответил, что стихи его рождены самой правдой жизни: «Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более и хуже между молодыми и между степенными людьми; я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками, посессорами и экономами шляхтичами, и все это делалось и делается именем государя и правительства»³.

15 мая состоялась очная ставка Шевченко с Андруским. Признав сочинение стихов, поэт отверг все остальные обвинения.

Суда над членами общества не было. Они были осуждены на основании доклада Орлова Николаю I. Наиболее сурово был наказан Шевченко: «Художника Шевченко, за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений, как одаренного крепким телосложением, определить рядовым в Оренбургский отдельный корпус, с правом выслуги и поручив начальству иметь строжайшее наблюдение, дабы от него, ни под каким видом, не могло выходить возмутительных и пасквильных сочинений». На документе, который сохранился в архиве III Отделения, Л. Дубельт сделал пометки — «На подлинном собственной его величества рукою написано карандашом: «под строжайший надзор и с за-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 176.

² Там же, с. 186.

³ Там же.

прещением писать и рисовать»¹. Позже Шевченко записал в «Дневнике»: «Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора... Август — язычник, ссылая Назона к диким гетам, не запретил ему *писать* и *рисовать*. А христианин Н(иколай) запретил мне то и другое».

2

Зная, что его ожидает за создание революционных стихотворений, поэт продолжал писать и в каземате III Отделения. Среди рукописей Шевченко периода ссылки чудом сохранился листок тонкой почтовой бумаги, сложенный в $\frac{1}{16}$ и мелко исписанный стихами — цикл, который позже он объединил под названием «В казематі». Поэт сумел сохранить этот листок, привезти его в ссылку, а потом переписать эти тринадцать стихотворений в первую «захалывную» книжку².

Тринадцать стихотворений, созданных в каземате III Отделения, между 17 апреля и 30 мая, и вступление к ним — стихотворение «Припомним, братия моя...», написанное позже, в Орской крепости, — представляют известное единство. Цикл «В каземате» свидетельствует о верности поэта своим идеалам, о его несломленности в ожидании приговора:

Мне, право, все равно, я буду
На Украине жить иль нет.
Забудут или не забудут
Меня в далекой стороне —
До этого нет дела мне.

(Перевод
В. Звягинцевой)

Он лишь сожалеет, что до ареста сделал слишком мало, что организация общества была слишком узкой по своим масштабам:

Свой глупый разум проклиная,
Что нас позволил с толку сбить.
Свободу в луже утопить...

(Перевод
Л. Вышеславского)

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 209.

² В ссылке Шевченко переписывал свои стихи в самодельные миниатюрные книжечки и прятал их за голенища сапог. Голенище — по-украински «халява». Отсюда название этих книжечек: «захалывні».

Цикл посвящен «соузникам» — сочленам Шевченко по Кирилло-Мефодиевскому братству.

Сойдемся ли мы с вами снова?
Или навеки разошлись?
И по степям и дебрям слово
Любви и правды разнесли..,

(Перевод
Н. Панова)

Увидев через решетку мать Костомарова, бывшую крепостную крестьянку, шедшую на свидание с сыном, Шевченко в стихотворении, посвященном Н. Костомарову, пишет:

И стал я господу хвалить.
Хвалить его я буду снова
За то, что не с кем мне делить
Мою тюрьму, мои оковы.

(Перевод
В. Звягинцевой)

Весь цикл овеян верой в народ, любовью к родной Украине и заботой о ее судьбе.

В основных стихотворениях цикла Шевченко обличал различные противоречия феодально-крепостнической действительности («Рано встали, выступали...», «Три широкие дороги пролегли куда-то...», «Ой одна я, одна...» и др.).

В стихотворении «Косарь» проводится идея равенства людей перед смертью, и в этом виден намек на противоестественность царизма: «Подпевая, старый косит, горами кладет покосы, найдет и царя».

Как и раньше, произведения поэта тесно связаны с фольклором: («Ой одна я, одна...», «Три широкие дороги пролегли куда-то...»). Близка к песне лирическая картинка «Вишневый садик возле хаты...». Положенное на музыку П. И. Чайковским и многими известными композиторами, это стихотворение стало популярной народной песней.

Таким образом, все содержание цикла «В каземате» продолжает прежнюю линию Шевченко — ни одной ноты раскаяния...

3

30 мая 1847 года Орлов передал Шевченко в распоряжение военного министра князя Чернышева с секретным письмом, в котором изложены причины, побудившие сдать поэта в солдаты.

В тот же день Орлов обратился с секретным письмом к киевскому генерал-губернатору Бибикову. Орлов требовал выяснить, «не остались ли в обращении стихотворения Шевченки, рукопись «Закон божий» и другие возмутительные сочинения, также не читаются ли уроженцами Малороссии, находящимися в тех же губерниях, мысли о прежней вольнице, гетманщине и правах на отдельное существование; чтобы вы обращали внимание на тех, которые особенно занимаются малороссийскими древностями, историею и литературою, и старались бы прекращать в этой области наук всякое злоупотребление, но самым незаметным и осторожным образом, без явных преследований и сколь можно не раздражая уроженцев Малороссии...»¹.

Управляющий военным министерством Адлерберг дал распоряжение дежурному генералу гр. П. Игнатьеву направить Шевченко под надзором фельдъегеря Видлера с письмом к командиру Отдельного Оренбургского корпуса для зачисления в один из линейных батальонов. Поэта переодели в солдатскую шинель и отправили в Оренбург. Об этом путешествии Шевченко вспомнил через десять лет в «Дневнике»: «...фельдъегерь неудобозабываемого Тормоза не дремал. Он меня из Питера на осьмые сутки доставил в Оренбург, убивши только одну почтовую лошадь на всем пространстве».

Поэта доставили в Оренбург 9 июня в 11 часов вечера. Ввиду отсутствия командира корпуса и оренбургского генерал-губернатора Обручева, фельдъегерь сдал Шевченко начальнику 23-й пехотной дивизии Толмачеву, а тот зачислил его в 5-й линейный батальон, расположенный в Орске.

Пока шло оформление, поэт провел несколько дней в Оренбурге, сначала в пересыльной тюрьме, а затем в казарме. На другой же день о прибытии Шевченко узнали его земляки Федор Лазаревский и Сергей Левицкий, сотрудники Оренбургской пограничной комиссии. Лазаревский посетил поэта в казарме. Обратился он также к чиновнику для особых поручений при генерал-губернаторе подполковнику Ю. Матвееву с просьбой облегчить участь поэта. Шевченко разрешили посетить квартиру Лазаревского и Левицкого (они жили вместе). По воспоминаниям Лазаревского, Шевченко

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 214.

прочитал им свои поэмы «Кавказ», «Сон» и стихотворения. Вместе пели они любимые народные песни Шевченко «Зоренька», «Забелели снега» и другие. «Мы все пели,— вспоминал Лазаревский.— Левицкий обладал замечательно приятным тенором и пел с большим чувством. Были минуты, когда слезы сами собой катились из глаз, а гость наш просто рыдал...»¹.

О прибытии Шевченко узнал штабс-капитан Карл Иванович Герн, очень гуманный человек, позже — близкий друг поэта. Он был квартирмейстером 23-й дивизии, в состав которой входил и 5-й батальон. Позже в письме к М. Лазаревскому он писал: «Я... пошел к доброй души бригадному генералу Логвину Ивановичу Федяеву и вместе с ним настроили послание командиру батальона, в который был назначен Тарас, майору Мешкову, просили его, чтобы он обратил особое внимание на беднягу ссыльного, и помогал ему чем мог»².

В середине июня поэта отправили в Орскую крепость. Картину переезда из Оренбурга в Орск Шевченко нарисовал в повести «Близнецы»: «Первая остановка была в станице Островой, заселенной украинцами. Подъезжая ближе к селу, ему действительно представилась малороссийская слобода. Те же вербы зеленые, и те же беленькие и зеленые хаты, и та же девочка в плахте и полевых цветах гонит корову. Он заплакал при взгляде на картину, так живо напомнившую ему его прекрасную родину».

Дальше они проехали станицу Озерную, живописную Губерлю, Подгорную: «Переменивши лошадей, я подымался часа два на плоскую возвышенность. С этой возвышенности открылась мне душу леденящая пустыня. Спустя минуту после тягостного впечатления я стал всматриваться в грустную панораму и заметил посредине ее беленькое пятнышко, обведенное красно-бурою лентою.

— А вот и Орская белеет,— сказал ямщик как бы про себя.

— Так вот она, знаменитая Орская крепость! — почти проговорил я, и мне сделалось грустно, невыносимо грустно, как будто меня бог знает какое несчастье ожидало в этой крепости, страшная пустыня, ее окружаю-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 178.

² Киевская старина, 1899, № 2, с. 67.

щая, казалась мне разверстою могилой, готовую похоронить меня заживо».

За годы Советской власти Орск стал крупнейшим промышленным центром. В нем построен Орско-Халиловский металлургический комбинат и целый ряд других крупных предприятий. В 1970 году мы побывали в Орске, утопающем в зелени, раскинувшемся на 35 км вдоль железной дороги (в городе четыре вокзала), и провели здесь заседание XIX научной шевченковской конференции совместно с Орским педагогическим институтом имени Т. Г. Шевченко. Ныне ежегодно в Орске и Оренбурге торжественно проводится «Шевченковский март».

Но во времена Шевченко это была маленькая, заброшенная крепость в пустыне. «Подъезжая ближе к крепости, я думал (странная дума), поют ли песни в этой крепости, и готов был бог знает что прозакладывать, что не поют. При такой декорации возможно только мертвое молчание, прерываемое тяжелыми вздохами, а не звучными песнями. Подвигаясь ближе и ближе по широкому, едва зеленью подернутому лугу, я ясно уже мог различить крепость: белое пятнышко — это была небольшая каменная церковь на горе, а красно-бурая лента — это были крыши казенных зданий, как-то: казарм, цейхгаузов и прочая.

Переехавши по деревянному, на весьма жидких сваях, мостику, мы очутились в крепости. Это обширная площадь, окруженная с трех сторон каналом аршина в три шириною да валом с соразмерною вышиною, а с четвертой стороны — Уралом. Вот вам и крепость. Нездаром ее киргизы называют Яман-кала (плохой город. — *Е. К.*). По-моему, это самое приличное ее название».

Первые впечатления от Орской крепости у поэта были очень тяжелые: «Вот что оживляло первый план этой сонной картины: толпа клейменных колодников, исправлявших дорогу для приезда корпусного командира, а ближе к казармам на площади маршировали солдаты».

В Орск Шевченко прибыл 22 июня. На него составили формулярный список, подробно описали его внешность. Поэта назначили в третью роту, записали в ранжирном реестре под № 191. Жил он в казарме. С первого же дня началась муштра. Шевченко никогда не мог примириться с николаевской солдатчиной и спустя десять лет писал: «В детстве, сколько я помню, меня не

занимали солдаты, как это бывает с детьми. Когда же я начал приходить в возраст разума вещей, во мне зародилась неодолимая антипатия к христоролюбивому воинству. Антипатия усиливалась по мере столкновения моего с людьми сего христоролюбивого звания... И нужно же было коварной судьбе моей так ядовито, злобно посмеяться надо мною, толкнув меня в самый вонючий осадок этого христоролюбивого сословия. Если бы я был изверг, кровопийца, то и тогда для меня удачнее казни нельзя было бы придумать, как сослав меня в Отдельный Оренбургский корпус солдатом. Вот где причина моих невыразимых страданий. И ко всему этому мне еще запрещено рисовать. Отнята благороднейшая часть моего бедного существования. Трибунал под председательством самого сатаны не мог бы произнести такого холодного, нечеловеческого приговора».

Командиром 5-го батальона был капитан, позже майор, Мешков. К Шевченко приставили «дядьку» (старого солдата), который обучал его и одновременно наблюдал за ним. Несмотря на строгое запрещение, поэт пишет и рисует. В Орске созданы двадцать лирических стихотворений и поэм. Шевченко записывал их в миниатюрные «захалавные» книжечки.

Из Шевченко пытались сделать «бравого» солдата: «Майор Мешков, желая задеть меня за живое, сказал однажды мне, что я, когда буду офицером, то не буду уметь в порядочную гостиную войти, если не выучусь, как следует бравому солдату, вытягивать носки. Меня, однако ж, это не задело за живое. И brave солдат мне казался менее осла похожим на человека, почему я и мысли боялся быть похожим на brave солдата».

Капитан роты Глоба, человек более строгий, уже не уговаривал, а, как указывал биограф поэта М. Чалый, угрожал розгами, но brave солдата из Шевченко сделать не смог. С болью писал поэт об этой невыносимой муштре:

Молю я бога, чтоб смеркалось,—
Ведь дурня старого ведут
Солдатским шагом поле мерить,—
Чтоб знал он, как в свободу верить,
Чтоб знал, что дурня всюду бьют.

(Перевод

Л. Вышеславского)

Но вместе с тем и в ссылке были люди, которые гуманно относились к Шевченко. Возможно, сыграли из-

вестную роль просьбы оренбургских друзей поэта, новых польских друзей в Орске, в частности рядового Отто Фишера, который обучал детей коменданта крепости генерал-майора Исаева. Во всяком случае, некоторое время спустя Шевченко жил уже не в казарме, а на частной квартире писаря Лаврентьева и даже обучал его сына¹. Но в письме от 20 декабря 1847 года он пишет М. Лазаревскому, что его снова перевели в казарму. Объясняется этот перевод тем, что поэт рисовал, несмотря на запрещение.

16 июля 1847 года Шевченко обратился к киевскому губернатору Фундуклею с просьбой возвратить ему вещи, отобранные при аресте. Имел он в виду два альбома и некоторые рисунки. Альбомы, как мы уже говорили, были возвращены, но во время ареста 1850 года опять отобраны.

Возобновил поэт и некоторую переписку (с А. Лизогубом и В. Репниной). В письме В. Н. Репниной от 24 октября 1847 года он пишет: «Вы непременно рассмеялись, если б увидели теперь меня. Вообразите себе самого неуклюжего гарнизонного солдата, растрепанного, небрежного, с чудовищными усами,— и это буду я. Смешно, а слезы катятся... И при всем этом горе мне строжайше запрещено рисовать что бы ни было и писать (кроме писем), а здесь так много нового, киргизы так живописны, так оригинальны и наивны, сами просятся под карандаш... А смотреть и не рисовать— это такая мука, которую поймет один только истинный художник». «Киргизами» тогда называли все местное население, в частности и казахов. Переписывался Шевченко с художником А. Чернышевым, с которым, возможно, познакомился еще в Академии художеств, а затем встретился в Оренбурге в 1847 году. В письме к А. И. Лизогубу Шевченко просил прислать ему сочинения Шекспира в переводе Кетчера, ящик с красками и чистый альбом.

В Орске Шевченко познакомился еще с одним из братьев Лазаревских — Михаилом, попечителем «прямолинейных киргизов» в Троицке,— который стал позже одним из ближайших его друзей. По просьбе поэта М. Лазаревский прислал ему два тома сочинений Лермонтова. Получал он также отдельные книжки журнала «Отечественные записки».

Дружба связывала Шевченко с очень многими ссыль-

¹ См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 190.

ными поляками. Мы уже упоминали Отто Фишера. Среди друзей поэта и следует еще назвать И. Завадского, С. Круликевича и Т. Вернера. Близким другом Шевченко был врач М. Александрийский. Во время Аральской экспедиции поэт просил своих знакомых писать ему по адресу Александрийского.

Единственным средством изменить положение поэта оказалась отправка его летом 1848 года в составе экспедиции по обследованию Аральского моря. Еще в письмах к Лизогубу и Репниной в феврале 1848 года он упоминал о предстоящей экспедиции.

Возглавил экспедицию молодой географ и военный моряк капитан-лейтенант А. И. Бутаков. Уже в то время он был широко известен своим кругосветным путешествием по маршруту: Кронштадт, Кейптаун, Петропавловск-на-Камчатке, мыс Горн, Кронштадт¹. По рекомендации Ф. Беллинсгаузена он был назначен начальником экспедиции по исследованию Аральского моря. Друзья Шевченко рассказали Бутакову о ссыльном поэте, и Бутаков обратился к Обручеву с просьбой включить Шевченко в состав экспедиции в качестве художника, для срисовывания берегов. 5 мая 1848 года разрешение было получено, а 11 мая экспедиция тронулась в путь. Бутаков относился к поэту с большим уважением. Жили они одно время даже в одной каюте. Дружбу с Бутаковым ценил и Шевченко. В письме Репниной позже (14.XI.1849 г.) он писал: «Проживая в Одессе, быть может, встретитесь с Алексеем Ивановичем Бутаковым... Это мой друг, товарищ и командир при описании Аральского моря. Сойдитесь с ним. Благодарите его за его доброе, братское со мною обращение...» И позже Шевченко сохранял о нем самые лучшие воспоминания.

Таких же гуманных, благородных людей встретил Шевченко и среди помощников Бутакова, в частности, первого его помощника, командира шхуны «Николай» прапорщика Ксенофонта Егоровича Поспелова, который стал одним из ближайших его друзей. Помощником Бутакова по научной работе был Алексей Иванович Макшеев, известный ученый-путешественник. В 1847 году он закончил Академию генерального штаба. Во время тяжелого перехода в Раим Макшеев с большим внима-

¹ Записки русского морского офицера во время путешествия вокруг света в 1840, 1841 и 1842 годах. — Отечественные записки, 1843, № 3; 1844, № 3 и 7.

нием относился к Шевченко. В своей книге он позже вспоминал: «На первом переходе я познакомился с Т. Г. Шевченко, который, служа рядовым в Оренбургском линейном № 5 батальоне, был командирован в описную экспедицию для снятия береговых видов. Я предложил несчастному художнику и поэту пристанище на время похода в своей джеломейке (кибитке.— Е. К.), и он принял мое предложение. Весь поход Шевченко провел пешком, отдельно от роты, в штатском плохоньком пальто. Во время похода на Сырдарье и описаний Аральского моря я прожил с Шевченко 4¹/₂ месяца, и все время я видел его постоянно бодрым... Он был весел и, наверно, очень доволен раздольем степи и переменой своего положения. Походная обстановка его несколько не отягощала»¹.

Макшеев был передовым человеком, активным участником собраний кружка петрашевцев в 1846—1847 годах, близким другом Момбелли, знакомого Шевченко. Среди петрашевцев его прозвали «Аскерханом», так как он интересовался национальным вопросом, читал в кружке доклад о польской революции, о событиях на Кавказе².

С Макшеевым Шевченко жил в Раиме в одной кибитке, во время плавания на шхуне «Константин» — в одной офицерской кают-компании, во время зимовки — в одной землянке. Письмо, адресованное Макшееву 26 марта 1849 года, Шевченко оканчивал словами: «В воспоминании вашем о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для забывающего вас Т. Шевченко».

Путь экспедиции от Орска до Раима подробно описан Шевченко в повести «Близнецы». В основных моментах она целиком совпадает с записками Макшеева, опубликованными в 1896 году. Шевченко дает очень яркое описание степного пожара: «...невиданная картина представилась моим изумленным очам: все пространство, виденное мною днем, как бы расширилось и облилось огненными струями почти в параллельных направлениях. Чудная, неописанная картина! Я всю ночь просидел под своей джеломейкою». Одним из первых акварельных рисунков, выполненных во время экспедиции, является

¹ Макшеев А. Путешествие по Киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896, с. 30.

² Фетисов М. Петрашвец А. И. Макшеев о Казахстане. — Казахстан альманах. Алма-Ата, 1952, с. 96—103.

«Пожар в степи». Первой сохранившейся живописной работой Шевченко был автопортрет карандашом в солдатской фуражке с надписью «3. р.» (третья рота). Он датируется второй половиной 1847 года.

В повести «Близнецы» довольно подробно воспроизведена картина дальнейшего перехода и переправы через реку Орь. Здесь 25 мая 1848 года была выполнена акварель «Джангис-агач» (рисунок датируется на основании записок Макшеева). Позже Шевченко использовал образ этого дерева в поэме «У бога за дверью лежал топор». В повести описана остановка на реке Кара-Бутак «вблизи воздвигавшегося в то время форта». Сохранились и акварель и сепия «Форт Кара-Бутак». Ныне Кара-Бутак — центр одноименного района Актюбинской области.

Транспорт переправился еще через две реки: Яман-Кайраклы и Якши-Кайраклы. В повести «Близнецы» Шевченко дал не только описание казахской степи, но и высказал некоторые важные, можно смело сказать, пророческие мысли: «...да еще замечательно, что все это пространство усыпано кварцем. Отчего никому в голову не придет на берегах этих речек поискать золото? Может быть, и в киргизской степи и возник бы новый Санто-Франциско. Почему знать?»

Золота в этих местах не нашли, но в остальном он не ошибся. В казахской степи сейчас добываются уголь, нефть, газ, вырос и «новый Санто-Франциско» — крупный европейский город Шевченко, утопающий в зелени, цветущий благодаря опресненной воде Каспия.

Переправившись через реку Ирғиз, участники экспедиции увидели курганы и памятники казахских «батырей и ауля» (святых), напоминавшие, по выражению Шевченко, «саркофаги древних греков». Дальше путь шел мимо укрепления Ирғиз-кала (ныне Ирғиз — центр одноименного района Актюбинской области). Преодолев Приаральские Каракумы, экспедиция достигла берегов Аральского моря и укрепления Раим на берегу Сырдарьи.

Поход, продолжавшийся свыше пяти недель, был нелегким, но обогатил Шевченко знанием природы, истории и быта Казахстана.

В течение месяца собирали шхуну «Константин», которую доставили сюда в разобранном виде. Шевченко жил в кибитке Макшеева, нарисовал его портрет (не сохранился), несколько акварелей и сепий: «Укрепление

Раим», «Пристань на Сырдарье», «Казахи в юрте», шхуны «Константин» и «Михаил» и другие.

25 июля снаряжение шхун было закончено. В 7 часов вечера шхуны «Константин» и «Николай» отошли от Раима и начали спускаться по течению Сырдарьи в Аральское море.

Брейд-вымпел Бутакова был поднят на шхуне «Константин», где находился основной состав: К. Пospelов, А. Макшеев, топограф А. Акишев, старший фельдшер А. Истомин. Среди команды — Т. Г. Шевченко и рядовой Фома (Томаш) Вернер — бывший студент Варшавского технологического института, революционер, сосланный, как и Шевченко, в солдаты в 1845 году. Его Бутаков включил в экспедицию «для геологических исследований». Вероятно, его имел в виду Шевченко, когда писал в стихотворении «Когда есть дом родной...»:

А мы с коллегою легли,
Беседовали, вслух мечтали.

(Перевод Л. Длигача)

По Сырдарье двигались медленно, дул встречный ветер. 29 июля шхуна «Константин» подошла к острову Косарал для его измерений (теперь этот остров обмелел и слился с сушей). 30 июля шхуна направилась к острову Кугарал — крупнейшему острову на севере Аральского моря. Тут Шевченко написал акварель «Остров Кугарал».

В начале августа экспедиция подошла к полуострову Тюбе-корен, где Шевченко сделал зарисовку, а затем к полуострову Куланды (место, где водятся куланы — дикие ослы). Здесь экспедиция побывала еще два раза, а Шевченко написал две акварели и сделал несколько рисунков карандашом. Здесь были обнаружены залежи каменного угля. 6 августа экспедиция подошла к острову «Барсакельмес» («пойдешь — не вернешься»), где нарисован «Шатер экспедиции...».

20 августа были созданы два рисунка «Мыс Байгубек». 7 сентября в юго-восточной части Аральского моря экспедиция открыла новый остров, названный именем Обручева, оренбургского военного губернатора, которого Шевченко позже назвал в «Дневнике» «гнусным ефрейтором». 12 сентября был открыт еще один остров, названный островом Николая I (современное название — остров Возрождения). Шевченко изобразил его в нескольких акварелях. 13 сентября открыты еще два острова: остров Наследника (теперь Комсомольский) и

остров Константина. 23 сентября экспедиция вернулась в устье Сырдарьи. Плавание было закончено, спущен брейд-вымпел.

Шевченко прожил на Косарале до конца января 1849 года. Поскольку зима была очень суровая, а барак не приспособлен для зимовки, Шевченко выехал в Раим и возвратился на Косарал только в апреле. Зимой 1848—1849 годов им созданы акварели: «Шевченко среди участников Аральской экспедиции», «А. Бутаков и фельдшер А. Истомин во время зимовки на Косарале», «Лунная ночь на Косарале» и другие.

Шевченко с большим вниманием и сочувствием относился к местному населению. Это отразилось и в его рисунках: «Казахская стоянка на Косарале», «Казахский мальчик растапливает печку», «Казахский мальчик дремлет возле печки», «Казахи у костра», «Казахи в юрте» и др. Царизм стремился сеять рознь между народами России. Солдатам особенно прививали презрение к «инородцам», в частности, к «киргизам», не различая среди них казахов, туркменов и настоящих киргизов. Высшее должностное лицо так и называлось: «попечитель прилинейных киргизов»!

Письма поэта из экспедиции не сохранились. Из писем к поэту до нас дошли только три письма: Ф. Лазаревского, А. Лизогуба и М. Александрийского, в котором он сообщал о революционных событиях 1848 года в Западной Европе. На Косарале Шевченко написал свыше шестидесяти стихотворений и поэм. В некоторых стихах он жаловался, что его забыли: «И снова мне не привезла ни слова почта с Украины». О тяжелых настроениях поэта свидетельствует его стихотворение «И сонные волны, и мутное небо...»:

...Придется ль долго мне
В моей незапертой тюрьме
Над никудышным этим морем
Тоской томиться, мыкать горе?
(Перевод Н. Ушакова)

Понимая всю опасность, связанную с писанием стихов, он не мог их не писать:

Кандалы кую себе
(Коль эти господа узнают).
Да хоть на крест, будь их приказ,
А без стихов я жить не в силах.
Два года в книжечках строчил их,
Начну и третий в добрый час.
(Перевод М. Петровых)

Весной 1849 года началось второе плавание экспедиции по Аральскому морю. Как и ранее, Шевченко был на первой командирской шхуне «Константин». 8 мая шхуна вышла из Сырдарьи и пошла на юг, вдоль восточного берега Аральского моря. 24 мая открыли новый остров, назвав его именем Толмачева, начальника 23-й дивизии. Среди работ Шевченко этого периода следует назвать сепию «Шхуна «Константин» на ремонте» и акварель «о. Чикита-Арал». 20 августа был открыт новый остров, названный в честь главнокомандующего Черноморского флота (откуда был Бутаков) островом Лазарева. 30 августа открыт еще один остров, названный в честь известного путешественника адмирала Беллинсгаузена. 22 сентября кампания была окончена, экспедиция начала зимовку.

Как свидетельствует дневник Бутакова, условия второго плавания были более тяжелыми. Не хватало оборудования, были трудности с питанием, питьевой водой. Команда часто болела. М. Шагинян справедливо отмечает, что команда была на краю гибели. Тяжело было и Шевченко, но он выдержал и это испытание. Об этом говорит его письмо В. Репниной от 14 ноября 1849 года: «Немного прошло времени, а как много изменилось, по крайней мере со мною; вы бы уже во мне не узнали прежнего глупо восторженного поэта. Нет, я теперь стал слишком благоразумен... Я теперь совершенная изнанка бывшего Шевченка...»

В этом же письме упоминается автопортрет, посланный В. Репниной. Какой именно — теперь сказать трудно. Нам известен лишь один, подаренный в Оренбурге ссыльному поляку А. Венгжиновскому. Шевченко изображен в штатском пальто, в котором он ходил в экспедиции, в светлой фуражке с большим козырьком. Лицо — усталое. Есть еще три автопортрета приблизительно этого же времени, но требующие дополнительного исследования (оригиналы, копии, варианты). В это же время он послал два рисунка Лизогубу: «киргизского Баксу, или по-нашему Кобзаря» и автопортрет: «Еще посылаю вам этого гарнадера (это я); вспоминайте меня, смотря на него, друг мой добрый».

22 апреля 1849 года Бутаков обратился с рапортом к начальнику 23-й дивизии Толмачеву, в котором просил после окончания навигации отправить Шевченко и

Вернера из Раима в Оренбург для окончательной обработки живописных видов, а также для перенесения гидрографических видов на карту, которая будет составлена в Оренбурге. В первых числах ноября 1849 года Шевченко прибыл в Оренбург.

Начался новый этап в жизни Шевченко. Условия значительно улучшились: поэт жил на частной квартире, ходил в штатском. Жил он вначале вместе с К. Поспеловым на квартире Ф. Лазаревского и С. Левицкого. По воспоминаниям Ф. Лазаревского, все они жили душа в душу, все было общее. У Лазаревского и Шевченко даже была общая одежда. Летом он ходил в парусиновой паре, зимой в черном сюртуке и драповом пальто. В гости к ним часто приходили Бутаков и Герн.

Позже Шевченко поселился во флигеле усадьбы Герна на окраине города. После большого перерыва возобновилась переписка с друзьями. Письма шли по адресу К. Герна.

В Оренбурге поэт еще больше сблизился с ссыльными польскими революционерами. Экспедицию он провел вместе с Томашем Вернером. В Оренбурге к нему прикомандировали художника Бр. Залесского, который стал одним из наиболее близких поэту людей. На шесть лет моложе Шевченко, он во время обучения в Дерптском (Тартуском) университете принадлежал к тайному студенческому обществу, за что был сослан в Чернигов. Позже ему разрешили закончить Харьковский университет, по окончании которого он работал в Вильно. Здесь Бр. Залесский в начале 1846 года был арестован за революционную деятельность и сослан в солдаты Отдельного Оренбургского корпуса.

Через Вернера и Залесского Шевченко познакомился с широким кругом польских ссыльных. Об этом говорит и рисунок художника А. Чернышева, на котором изображены: Бальтазар Колесинский, Шевченко, Людвиг Липский, Станислав Доморацкий, Александр Попель, Людвиг Турно, Стах Середницкий, Т. Вернер, А. Чернышев, Юлиан Ковальский и Бр. Залесский¹.

Во многих биографиях Шевченко говорится о знаком-

¹ Под рисунком подпись на польском языке: «Шевченко среди польских политических ссыльных». 1850 г. Рисунок опубликован в журнале *Свят Словьянски*, 1911, с. 243. См.: Владич В. История одного рисунка.— Советская Украина, 1954, № 5, с. 155, 161. См. также: Шевченковский словник, т. II, 1977, табл. 1 (между 64 и 65 стр.).

стве Шевченко в Оренбурге с выдающимся польским революционным демократом Зыгмунтом Сераковским. На самом деле они познакомились позже, уже в Петербурге.

Душой польского кружка, в который входили Я. Станевич, Л. Турно, М. Цейзик, Л. Балинский, М. Зеленко был Аркадий Венгжиновский. Общность судьбы и общность взглядов сблизила их с Шевченко. Венгжиновскому, как мы уже говорили, он подарил автопортрет, Бр. Залесскому, по некоторым данным, посвятил стихотворение «Полякам» («Когда мы были казаками»), хотя первая половина этого стихотворения была написана еще в Орской крепости, до знакомства с Залесским.

Сохранился рисунок Шевченко, где он изобразил себя вместе с Залесским и Турно.

Близким другом и единомышленником Шевченко был Сергей Левицкий. В начале 1850 года он выехал на службу в Петербург.

Истекал уже третий год ссылки, и Шевченко, стремясь облегчить свою участь, обращается с письмом к В. Жуковскому и Л. Дубельту. Сохранились лишь черновики этих писем. Как доказал А. Назаревский, первый и третий черновики являются двумя редакциями письма к Жуковскому, а второй черновик — первой редакцией письма к Дубельту... Были ли эти письма отправлены, мы не знаем¹. Хотел он обратиться и к Гоголю с просьбой, чтобы писатель посодействовал облегчению его судьбы. 1 января 1850 года он просил В. Н. Репнину прислать ему для этого адрес Гоголя.

В феврале 1850 года оренбургский военный губернатор, член Государственного Совета В. А. Перовский обратился, по просьбе племянников — братьев Жемчужниковых и Алексея Толстого, к Дубельту с просьбой об облегчении участи Шевченко. В своем ответе от 20 февраля Дубельт сообщал Перовскому, что рассчитывать на царское снисхождение Шевченко не приходится.

Хлопоты, видно, были и раньше, так как 30 января 1849 года граф Орлов просил командира корпуса Обручева сообщить о поведении поэта. Командир 23 дивизии Толмачев дал положительную характеристику. На этом основании Орлов и Дубельт 9 декабря 1849 года

¹ См.: Назаревский О. Из спостережень над листами Т. Г. Шевченка.— Радянське літературознавство, 1947, № 7—8, с. 107—113.

представили доклад Николаю I, но, как написано рукой Орлова на представлении,— «высочайшего соизволения не последовало».

Во всяком случае, этот период жизни поэта в Оренбурге был относительно легким. У него были друзья среди ссыльных, он много читал, следил за новыми газетами и журналами, и, самое главное, много рисовал и писал стихи. Об этом вспоминал впоследствии Ф. Лазаревский: «В короткий период своего житья-бытья в Оренбурге Тарас Григорьевич был обставлен превосходно. Образ жизни его ничем не отличался от жизни всякого свободного человека. Он только числился солдатом, не неся никаких обязанностей службы. Его, что называется, носили на руках. У него была масса знакомых, дороживших его обществом, не только в средних классах, но и в высших сферах оренбургского населения: он бывал в доме генерал-губернатора, рисовал портреты его жены и других высокопоставленных лиц...»¹

Но относительное облегчение режима было недолгим. По доносу Н. Г. Исаева в мае 1850 года у него производят обыск, арестовывают и отправляют сначала в Орск, для несения службы в казармах, а затем — в Новопетровское укрепление. И это как раз в то время, когда начальство Оренбургского края включило Шевченко в экспедицию на полуостров Мангышлак для разведывания в горах Каратау месторождений каменного угля.

5

Мы уже говорили о «захалавных» книжечках, в которые заносил Шевченко свои произведения, обходя строжайшее запрещение писать. Каждый год начинался новой книжечкой, всего их оказалось четыре. После ссылки поэта они были переплетены и составили так называемую «Малую» книжку, в отличие от «Большой», куда Шевченко в 1857—1858 годах переписал многие свои произведения. В первую книжечку 1847 года поэт включил три новые произведения, переписал цикл «В каземате» и три стихотворения, созданные до ссылки: «Ведьма», «Лилея», «Русалка».

Открывало первую «захалавную» книжечку стихотворение «Думы мои, думы мои...» (1847), которое мож-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 182.

но рассматривать как запев ко всему поэтическому творчеству периода ссылки. Не случайно оно начинается точно так же, как поэтическое вступление к первому «Кобзарю» 1840 года. Поэт подчеркивал этим неизменность своих взглядов. Оторванный от родины, он подтверждал свою неразрывную связь с народом и вместе с тем общность доли украинских трудящихся и всех народов царской России, в частности казахского народа.

Прилетайте сизокрылой
Стаей голубиной
Из-за Днепра широкого
Погулять в пустыне
С киргизами убогими.
Хоть они убоги,
Хоть и голы...
(Перевод А. Суркова)

И другие произведения периода ссылки, вся «невольничья поэзия» Шевченко свидетельствуют о нестигаемости поэта. Одним из наиболее ярких примеров может служить стихотворение «NN» («О думы мой! О слава злая!..», 1847). *Слава злая* — его убеждения — послужила причиной его ссылки, но он остался им верен:

Терзаюсь, мучаюсь... но все ж не каюсь!..
Люблю, как подругу, как дорогую,
Бедную Украину свою родную!
Что хочешь делай с темным со мною,
Не покидай лишь,— я за тобою
Готов хоть в пекло...

(Перевод А. Чачикова)

В суровых условиях солдатчины рождались стихотворения «Один другого вопрошаем...», «Сам удивляюсь. Кто ответит!..», «Вот так и я теперь строчу...» и другие. Грустный, безотрадный тон, однако, не является определяющим для всей «невольничьей поэзии» Шевченко. Некоторые из этих стихотворений — «Вот так и я теперь строчу...», «И снова мне не привезла...», «Не самому ль мне написать...» — поэт не переписал в «Большую книжку», считая их, очевидно, результатом преходящих настроений.

Ведущими мотивами интимной лирики поэта в ссылке являются мотивы надежды, веры в освобождение, твердая воля творить во имя будущего. Вторую книжечку 1848 года он открывает стихотворением «Давайте вновь стихи писать. Тайком, конечно...». Творчество помогало поэту преодолевать печаль, укрепляло его волю

к дальнейшей борьбе за освобождение народа. В этом отношении характерно стихотворение «Как за подушным, правый боже» (1848):

...По Аралу
Уж я брожу, тайком пишу
И, стихотворствуя, грешу,
И все, что некогда бывало,
Припоминаю вновь, сначала,
Записываю вновь подряд,
Гоню тоску, чтоб как солдат
Не лезла в душу...

(Перевод Н. Ушакова)

Этот же мотив в стихотворении «Не для людей и не для славы...» (1848):

Я пишу стихи в неволе,
Тоску забывая...

(Перевод Н. Ушакова)

Свои стихи Шевченко называет «детьми», «бесталанными». Так же как и когда-то в Петербурге, стихи связывали поэта с Украиной. Шевченко мечтает, что стихи его попадут в родной дом на Украину, где они найдут отклик в сердцах народа. В стихотворении «Не домой спеша, расставшись...» говорится о несломленной воле к борьбе с горем: «На то и горе, чтобы с ним сражаться»¹.

Новый 1849 год Шевченко начал стихотворением «Как чумаки, тащась в степях...», в котором также речь шла о поэтическом труде и опасностях, с ним связанных. После ссылки он дал новую редакцию:

Да хоть на крест, будь их приказ,
И без стихов я жить не в силах.
Два года в книжечках строчил их,
Начну и третий в добрый час.

(Перевод М. Петровых)

Эти и подобные им мотивы непокоренности, негиблемости варьируются во многих стихотворениях («Не стану я печалиться...», «Считаю в ссылке дни и ночи...» и другие).

¹ Основная часть этого стихотворения (кроме двух последних строк) была впоследствии напечатана в альманахе П. Кулиша «Хата» (1860). Рецензия на альманах появилась в журнале «Современник», автором ее был А. Пыпин. Рецензенту особенно понравились стихотворения Шевченко.

Таким образом, царизму не удалось сломить волю поэта, погубить его талант. В. И. Ленин писал о царской казарме и отданных в солдаты студентах: «Одних сломит тяжелая лямка, погубит столкновение с военными властями, других — слабых и дряблых — запугает казарма, но третьих она закалит, расширит их кругозор, заставит их продумать и прочувствовать их освободительные стремления»¹.

Шевченко принадлежал к третьей категории — мужественных борцов-революционеров. Николаевская казарма не испугала, солдатская лямка не сломила его.

Круг наблюдений поэта в ссылке был ограничен. Поэтому большинство стихотворений периода ссылки основаны преимущественно на впечатлениях, полученных еще на Украине, приведенных в стройную систему, объединенных общим и значительным идейным замыслом.

«Невольничья поэзия» является как бы продолжением творчества периода «трех лет», но на высшем этапе развития, на надежной основе революционно-демократических взглядов и выросшего мастерства поэта.

В первой «захалавной» книжечке за вступительным стихотворением «Думы мои...» следует поэма «Княжна» (1847).

Начинается она лирическим вступлением — обращением к «звезде». Образ «звезды» не случаен в творчестве Шевченко, он навеян украинским фольклором. Известно, что одной из любимейших его украинских песен была «Ой взойди, взойди ты, звездочка да вечерняя». Народнопоэтический образ звезды очень часто встречается в творчестве Шевченко конца 30-х и в 40-х годах. Но образ «звезды» у Шевченко есть и в значении — «дума», «муза». Впервые в таком значении мы его находим во вступлении к поэме «Слепой». Образ «звезды» настолько одухотворен, что воспринимается как образ реальной женщины, вдохновлявшей поэта (возможно Ганны Закревской):

Быть может, и тебя овеет,
Брызнувши слезами,
Моя дума. И тихими,
Тихими речами
Ты промолвишь: «Я любила,
Я его любила,
А он не знал...» Звезда моя!

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 394.

Над моей могилой
Гори, звезда! А я буду,
Святая, родная,
Петь о тебе, с того света
К тебе прилетаю.

(Перевод Н. Асеева)

В более конкретном значении «музы» образ этот употреблен во вступлении к поэме «Княжна» («Звезда моя вечерняя...»), а немного позже во вступлении к поэме «Марина».

После лирического вступления в поэме «Княжна» идет вступление к ее повествовательной части. Так же как и в первой части комедии «Сон», это место в поэме построено по принципу контраста. Сначала — идиллия, пастораль:

Село! Пришел конец кручине...
Село на нашей Украине
Красивей писанки село,
Зеленой рощей поросло;
Цветут сады, белеют хаты,
А на горе стоят палаты
Как диво дивное...

(Перевод В. Гиппиуса)

Вторая часть является антитезой, резким обличением крепостничества:

Село! Село! Веселье в хатах!
Веселье издали в палатах —
О, чтоб вы терном поросли!
Чтоб люди следу не нашли,
Чтоб не искали вас, проклятых.

Если в творчестве периода «трех лет» обличение крепостничества носило общий характер, то в ссылке Шевченко создал галерею конкретных образов, олицетворяющих ужас крепостничества. И первым таким образом является образ князя в поэме «Княжна». Превративший жизнь крестьян в сущий ад, князь — и ему подобные — считают себя патриотами:

А патриот, убогих брат...
И дочь и телку отнимает
У мужика, — и бог не знает...
А если знает, то молчит.

Моральное падение князя таково, что он не останавливается перед надругательством над собственной дочерью, и на это тоже равнодушно смотрит бог.

Тема бога, который молча терпит все безобразия, творящиеся на его глазах, проходит через всю поэму:

И бог это знает? Ведь было бы диво —
И слышать, и видеть, и не покарать.
Да, видно, он слишком долготерпеливый..

Но не долготерпеливы люди. Ужасающие преступления князя не остаются безнаказанными:

В этот тихий час
Скирды и клуны занялись,
Померкли звезды, хоть бы слово,
Хоть голос бы отозвался.
Но паны в парке все храпели,
Сбежались люди и смотрели,
Как дым до неба поднялся..

Противостоят образу князя в поэме лишь образы его жены и дочери, овеянные симпатией и сочувствием автора. Княгиня, не нашедшая счастья в браке с князем, всю свою любовь отдает дочери, сама ее кормит и воспитывает и тем отличается от других женщин своего сословия:

Ведь княгини — уже известно —
Лишь родить умеют,
А выкормить да вынянчить
И не порадеют.
А после стонут: «Ах, забудет
Меня мой Поль или Филат!»
За что ж тебя он помнить будет?
За то ль одно, что родила.

Княжна — центральный образ поэмы — после смерти матери разделила судьбу крестьянских детей. Создавая образ беспризорного ребенка, Шевченко дал широкое социальное обобщение, имея в виду и судьбу крестьянских детей:

Полуголодная, босая,
Рубашку носит не снимая,
На солнце жарится весь день,
Траву сосет, в песок играет,
С детьми полощется в воде.

Образы загубленных помещиком женщин дополняют и углубляют обличение поэтом крепостничества во всех его проявлениях.

Фабулу поэмы Шевченко использовал во время второй ссылки в повести на русском языке «Княгиня».

Теме борьбы крепостного крестьянства против помещичьего произвола посвящена поэма «Варнак», созданная на материале, собранном уже в ссылке — рассказе ссыльного земляка. В критической литературе были в свое время попытки отождествлять взгляды варнака и

самого поэта, приписывать Шевченко идеи «христианской этики». Для этого нет оснований, хотя поэт и сочувствует рассказчику. В течение трех лет, объединив вокруг себя «верных хлопцев», герой поэмы мстит помещикам за их преступления.

Я резал все, что паном звали,
Без милосердия и зла, —

рассказывает он, но это не дает ему морального удовлетворения, так как он бессилён исчерпать бездонное море народного горя. Об этом прекрасно позже высказался Иван Франко:

Вот ты! —
Кричит в душе, — герой в смешной одежке,
Что океан лжи, горя, темноты
Надеется весь вычерпать по ложке!

(Перевод Б. Иренина)

У Варнака (клейменого каторжника) появляется даже мысль о самоубийстве, но... совершается чудо. Увидев Киев с его храмами и услышав церковный звон, он перерождается, раскаивается в своих преступлениях. Но даже и тут, по сути, нет христианского всепрощения. Рассказ заканчивается словами, в которых варнак говорит о суде людей, а не бога:

Пошел себе тихо в Киев
Святым помолиться
Да суда просить людского,
Людям поклониться.

*(Перевод
Я. Городского)*

В редакции 1848 года эта мысль выражена еще резче:

Не святым молиться,
А суда просить людского.

Содержание поэмы антикрепостническое. В горькой судьбе героя и других крестьян виновато общественное устройство, при котором крестьянин, даже став грамотным, остается рабом.

Как
Нас, что дешевле их собаки,
Письму учить?!
Молиться богу
Да за плугом спотыкаться —
Вот твоя дорога,
Твой удел, бедняк-невольник,
И вся твоя доля...

Фабула поэмы «Варнак» была использована Шевченко позже в годы второй ссылки для одноименной повести на русском языке.

Обличение помещичьего либерализма и псевдопатриотизма Шевченко продолжал в стихотворении «Я не досаду на злого...» (в «Большой книжке» оно переписано под названием «П. С.»). Поскольку в тексте упоминается Петр, как потомок «гетмана глупого», инициалы расшифровываются как «Петр Скоропадский». В его имении Григоровке вблизи Бахмача Шевченко часто бывал в середине 40-х годов.

В помещичьих кругах П. Скоропадский слыл украинским патриотом, тем более, что он был потомком гетмана. Это подчеркнуто поэтом в эпитетах «щирий пан», «презавзятий патріот». Слово «щирий» в переводе означает «истинный», но с особым оттенком. «Истинно-русскими» называли в свое время черносотенцев. По аналогии «щирими українцями» называли в начале столетия украинских националистов. Слыл Скоропадский и либералом. Все это Шевченко выразил сатирически:

Он в свитке ходит меж панами,
В шинке пьет водку с мужиками
И вольнодумствует порой.

(Перевод В. Звягинцевой)

Патриотизм и вольнодумство — лишь маска крепостника. И Шевченко срывает с него эту маску. Он раскрывает контраст между роскошью помещичьего дворца и ужасающей бедностью крестьянства, — между внешним вольнодумством и поступками помещика, и заключает:

Он подлецом и был и будет.
Зачем же он иным слывет?

При переписывании в «Большую книжку» поэт усилил критику крепостничества. В «Малой книжке» было:

Кругом, як бачите, паскуда,
Чому ж його не так зовуть?
Чому на його не плюють?

В «Большой книжке»:

Кругом паскуда!
Чому ж його не так зовуть?
Чому на його не плюють?
Чому не топчуть?

Еще более резкое обличение крепостничества мы видим в поэме «Как гвоздь в груди кровоточащей...», известной под названием «Марина» (1848). Шевченко возвращается к теме, которая постоянно его волновала — теме поруганной женской чести. Фабула близка к фабуле ранней поэмы «Слепая», написанной на русском языке. Но при этом «Марина» является вполне оригинальным произведением и по идейному замыслу, и по художественному исполнению.

В лирическом вступлении поэт говорит о том, что часть читателей, возможно, будет отрицать правдивость, жизненность ситуации:

И написал бы о пропащей,
Так что ж? Сказали б, что грешу,
Что это я по злобе вящей
Такое про господ пишу,
Про то, как душу баре тешат...
Сказали бы, что дурень брешет,—
Ведь сам он крепостной,
Необразованный, простой...

(Перевод В. Бугаевского)

Отрицая возможные обвинения, Шевченко утверждает, что все это правда, но рассказывать об этой правде надо тихонько,

чтоб чужие
Люди не дознались.
А то скажут, что мы грабить
На дорогах стали...

В судьбе Марины, прямо из-под венца взятой в барские покои (жениха ее барин сдал в солдаты), много общего с судьбой Оксаны из поэмы «Слепая», но образ Марины более реалистичен. Главная тема поэмы — сопротивление простой крестьянской девушки насильнику и соблазнителю. Финал напоминает финал поэмы «Слепая»: сумасшествие обеих героинь, поджог ими барской усадьбы. Но в поэме «Слепая» эта сцена очень растянута (242 строки) и романтизирована, в поэме «Марина» она более сжата (86 строк) и реалистична. В поэме «Слепая» на пожаре присутствует лишь мать Оксаны, в поэме «Марина» — крепостные крестьяне, явно сочувствующие расправе с господами:

Все баре смерть в огне нашли,
Изжарились, как поросята,
Сгорели белые палаты:
А люди тихо разошлись.

Поэма носит лиро-эпический характер. Взволнованность повествования усиливала эмоциональное влияние на читателя. Простыми «немудрыми» словами великий поэт умел:

Людськее сердце пробивать,
Людські сльози проливать.

Антикрепостнический характер носила и небольшая поэма без названия: «Меж скалами, подобно вору...» (1848). Поэт сочувствует главному герою — сироте, батраку, вынужденному бросить все и бежать от господской «ласки» в Бессарабию, куда часто бежали крепостные с Правобережной Украины. Поэт превозносит высокие моральные качества простого человека:

Так прощать учиться, люди,
Сердцем умиляться,
Как простак мой!

(Перевод В. Цвелева)

Очевидно, Шевченко не был удовлетворен поэмой и после ссылки не переписал ее в «Большую книжку».

Подлинно народные характеры изображены в стихотворении без названия «Если бы тебе досталось...» (1849). Обличая «собачьи», зверские нравы крепостников, изображая еще одну, «последнюю» омерзительную историю, Шевченко ставил своей целью показать благородство простых, обыкновенных людей. Красивая деревенская девушка едва не стала жертвой барского насилия, ее спас один из парней, заколовший барина вилами, за что и был отправлен на каторгу.

Образу молодого смелого мстителя под стать и образ девушки. Увидев, во время свадебной поездки, своего закованного в кандалы спасителя, она покидает жениха и идет за своим спасителем в Сибирь.

Переписывая это стихотворение в «Большую книжку», Шевченко переработал его конец. В первой редакции невеста, увидев своего спасителя, сначала испугалась, потом беседует с ним, отдает ему перстень жениха, а вечером убегает, идет за арестованными в Сибирь. В окончательной редакции она не сразу решается на смелый поступок.

Вдруг взглянула, обомлела:
Боже, боже милый!
Меж колодников закован,
Тот самый, единый
Ее мститель, бесталанный,
Несет с Украины
Кандалы в Сибирь глухую.

Тебя ж, молодую,
Будут холить, и не будешь
Ты слышать, тоскуя,
Его плача вседневного...
Потчевать не стала
Она мстителя святого
И не привечала —
Лишь взглянула на родного,
Не молвив ни слова...

*(Перевод
Л. Бродского)*

И убегает она из хаты жениха не сразу, а вечером, что, конечно, более убедительно. В небольшом по размеру стихотворении созданы шекспировской силы народные характеры.

Антикрепостнические темы Шевченко широко разрабатывал также в лирических жанрах, например, в песне «Ой, наточу товарища...» (1848), близкой по характеру к гайдамацким песням. «Товарищем» здесь становится нож, с помощью которого лирический персонаж собирается искать в мире правду.

Чтоб друг друга не резали
И не обирали,
Сына вдовьего в солдаты
Чтоб не отдавали.

*(Перевод
Г. Петникова)*

После ссылки стихотворение не переписано, возможно, потому, что поэт тогда уже иначе решал вопрос об освобождении народа.

В творчестве Шевченко периода ссылки большое место занимает автобиографическая лирика. Своеобразие ее в том, что в ней мы находим очень широкие социальные обобщения. Воспоминания о детстве и юношестве отражали типические черты крепостнической действительности. Так, в стихотворении «Тогда мне лет тринадцать было...» Шевченко вспоминает время, когда после смерти матери и отца он впервые почувствовал свое сиротство, обездоленность. В «Большую книжку» это стихотворение не переписано.

Стихотворение «А. О. Козачковскому» поэт при переписывании значительно переработал, последовательно избегая случайного, нехарактерного.

К широким обобщениям приходил поэт в стихотворении «И вырос я в краю чужом...» (1848). Шевченко вспоминает свое детство, прекрасную украинскую при-

роду, но когда идет речь о страданиях крепостных, о социальной несправедливости, в стихотворении звучат резко обличительные ноты:

...Ах, как же страшно
Все в благодатном том селе:
Земли чернее, по земле
Блуждают люди; оголились
Сады зеленые; в пыли
Погнили хаты, покосились;
Пруды травой заросли.
Село как будто погорело,
Как будто люди одурели,—
Без слов на барщину идут
И за собой детей ведут.

(Перевод
М. Комиссаровой)

Такая картина наблюдается не только в его родном селе, а повсюду на Украине, и так и будет до тех пор, пока сохраняются старые порядки. Картина, которую видит он в своем воображении, может осуществиться лишь при условии ликвидации помещичьего строя:

Так оно бы, может, случилось,
Если б не осталось
Панского следа в Украине.

Автобиографический характер носит такое прекрасное лирическое стихотворение, как «И золотой и дорогой...», в котором дан замечательный образ крестьянского мальчика-сироты. В стихотворениях «Мы вместе некогда росли...» и «Не молилась мать за сына...» поэт вспоминает подругу детства Оксану Коваленко. Одним из лучших образцов автобиографической лирики периода ссылки является ставшее хрестоматийным стихотворение «Когда б вы знали, барчуки...» (1850). Начинается оно полемическим вступлением, адресованным литераторам, которые приукрашивали крепостническую действительность, создавали идиллические картины жизни на Украине. Такая идеализация действительно встречалась довольно часто в литературе того времени. Примером может служить книжечка, изданная П. Кулишом под псевдонимом, где так описано украинское село: «Очень удобные и чистые хаты, народ здоровый, веселый и хорошо одет: у каждого мужика полон двор лошадей и скота»¹. Именно к авторам таких книг и обращался Шевченко с укором:

¹ Штабс-лекарь Гладкий. Карманная книжка для помещиков... 1846, с. 4.

Когда бы вы знали, барчуки,
Где люди плачут от тоски,
То вы б элегий не писали
И бога зря не восхваляли,
К слезам бездушно жестоки.

(Перевод Ал. Дейча)

Заканчивалось стихотворение полемикой с богом, а по сути с теми же либералами, которые проповедовали религиозные идеи:

Святого нет, хула всему...
Мне кажется, уже проклятья
Шлют люди богу самому!

Против крепостничества и всех его порождений направлены и те произведения, в которых тема эта непосредственно не звучала. Таковы «Солдатов колодец» и «Дочка ктитора».

Поэма «Солдатов колодец» известна в двух редакциях 1847 и 1857 годов. Первая редакция построена в форме беседы двух лиц: рассказчика — человека из народа и помещика. Главное действующее лицо — Максим — образец жизненной стойкости, моральной чистоты. Сирота, батрак, он мужественно переносит все выпавшие на его долю испытания — у него сгорела хата, пришло в упадок хозяйство, ушла жена. Максим добровольно идет в солдаты вместо сына вдовы. Возвратившись инвалидом, не застав в живых никого из близких, он из последних сил копает общественный колодец. Вывод:

Так вот, дети, жить учитесь —
И легче вам станет.

Цель жизни — в самоотверженном служении народу, хотел сказать автор.

Идейная концепция второй редакции в основе своей та же, но сюжет, композиция несколько отличны. Быль рассказывает поэту варнак, убивший Максима. В первой редакции измена Катерины не была, собственно, ничем мотивирована. Во второй редакции рассказчик сватал Катерину, но она вышла замуж за Максима и умерла во время пожара. В первой редакции неизвестно, кто именно поджег хату. Во второй редакции это сделал рассказчик, ненавидевший Максима. Неизменным остался лишь образ Максима. Во второй редакции социальные акценты поставлены более выразительно:

Ништо иметь деток
Богачам; хвалить им бога
Трудно ль!..

...договорился
Без торга всякого с попом.

(Перевод
Ф. Сологуба)

В поэме «Дочка ктитора» трагическая история явилась результатом социального неравенства. С одной стороны — дочь зажиточного крестьянина, с другой — Никита-бедняк, да к тому же незаконнорожденный. Обиженный девушкой, Никита слишком жестоко мстит ей. Не менее жестоко наказывает его общество. Композиционно поэма построена в форме легенды времен гетманщины, но суть остается — протест против социального неравенства, порождавшего и такие конфликты.

Близка к этой группе своей темой и поэма без заглавия «Во граде Вильно достославном...». Здесь также в основе конфликта социальное неравенство — любовь дочери лавочника и студента — сына графини. Но конфликт усложнен национально-религиозными противоречиями: студент — литовец, его возлюбленная — еврейка. Эмоционально насыщенное повествование ведет сам автор. Художественная конденсация, как метко заметила М. Шагинян, достигается мастерством детали, художественной речи¹.

Конфликт разрешается трагически, и Шевченко изображает его с присущим ему гуманизмом — большое, чистое чувство первой любви не признает никаких социальных, национальных, религиозных помех, оно все устраняет со своего пути.

В ряде произведений Шевченко раскрывает аналогичные конфликты — как богатство разрушает семью, становится препятствием к счастью людей. В драматической поэме «Под Оглавом...», известной под названием «Сотник», — конфликт носит морально-психологический характер: старик-сотник воспитывает бедную девушку-сироту Настю и хочет жениться на ней, несмотря на то, что она любит его сына — Петра. Конфликт не носит узко семейного характера. Моральный облик сотника определяется прежде всего его социальным положением — богатством.

В еще более остром социально-психологическом плане конфликт разрешается в поэме «Петрусь», где изображена трагическая судьба воспитанника генеральши, да,

¹ См.: Шагинян М. Тарас Шевченко. М., Гослитиздат, 1946, с. 24.

собственно, трагедия и самой генеральши, бедной девушки, выданной замуж за богатого. И здесь причиной всему является богатство.

С большой эмоциональностью передается любовь генеральши к Петрусью, любовь, с которой она не может справиться и которая приводит ее к преступлению:

И увезла
Змею на сердце — не отраду,
Да в пузырьке немного яду.
(Перевод М. Зенкевича)

Отравив ненавистного супруга, она не находит в себе мужества, чтобы сознаться в преступлении — и ее вину, вину любимой женщины, берет на себя Петрусь.

Петрусь является подлинным трагическим героем поэмы. Генеральше захотелось незаконнорожденному мальчику-свинопасу, полученному ею в приданое, дать образование. Образование не убило в нем благородства души, высоких нравственных качеств. Этим Шевченко подчеркивал величие души народа, не развращенного богатством, крепостничеством...

6

Современная тема преобладает в поэтическом творчестве Шевченко периода ссылки. Но, как и ранее, поэт не раз обращается к истории, к героическим событиям прошлого. Первым таким произведением в ссылке является поэма «Иржавец». Иржавец — название села вблизи Качановки. Шевченко, вероятно, бывал здесь, когда описывал архитектурные памятники — в этом селе сохранилась знаменитая церковь начала XVIII века.

Поэту были известны легенды, связанные с «чудотворной» иконой, хранящейся в этой церкви. Упоминание об этом находим в повести «Музыкант»: в селе Дигтяри в углублении ствола старого дуба «я... увидел что-то вроде иконы божьей матери. И действительно, это была икона *иржавецкой* божьей матери... врезанная в этот дуб знаменитым прилуцким полковником год спустя после Полтавской битвы» (Шевченко допустил некоторую неточность: и церковь, и икона находятся не в селе Дигтяри, а в селе Григоровка). Прилуцкий полковник, о котором идет речь у Шевченко, это Григорий Галаган, выступавший со своим полком на стороне Петра I против шведских интервентов и изменника Мазепы.

В основе поэмы «Иржавец» лежит эта же легенда и

исторические рассказы (главным образом из «Истории русов») о кошевом атамане, обманом увлекшим часть запорожцев в Крым. Тяжел национальный гнет на Украине, но еще хуже положение запорожцев под властью крымского хана. Как и ранее, историческая тема не приобретает у Шевченко самодовлеющего значения. Упомянув о прошлом, он никогда не забывает настоящее, современность. Лирическое отступление и направлено целиком против крепостничества, против современных магнатов:

Край ты мой далекий!
Роскошно цветущий, прекрасный, богатый!
Кто только ни мучил тебя? Если взять
Да вспомнить злодеявства любого магната,
То можно и пекло само испугать.
Последний приказчик большого вельможи
И Данта жестокостью б мог поразить...

(Перевод В. Державина)

И снова звучит лейтмотив: «Замучены дети Украины сердешной. За что они гибнут, и в чем они грешны?»

Недовольство «детьми» за то, что они забыли волю и славу предков, звучит и в поэме «Чернец». Ее герой — полковник Семен Палий, боровшийся за права народа, воспетый в многочисленных народных песнях. Еще на Украине поэт заинтересовался колоритной фигурой фастовского полковника. В проспекте второго выпуска «Живописной Украины» он обещал дать картину «Семен Палий в Сибири». В альбом 1846 года поэт записал народную песню «Под городом, под Солидоном...» о том, как Мазепа, оклеветав Палия, добился его ареста.

В поэме Шевченко показал своего героя уже после Полтавской битвы, в последние годы жизни, когда он прощается с народом и уходит в монастырь. (Исторические данные не подтверждают этого факта — Палий лишь похоронен в Межигорском монастыре.) Предания об этом своеобразном обычае жили в устной традиции украинского народа. Одно из преданий о бегстве бурсаков на Сечь и о прощании запорожцев с миром записал со слов Шевченко П. Кулиш и опубликовал в книге «Украинские народные предания» с примечанием: «Слышал от Т. Г. Шевченко»¹. Шевченко воссоздал эту кар-

¹ Украинские народные предания, собрал П. Кулиш, книжка первая. М., 1847. Рассказы о запорожцах, с. 43. Книга была напечатана, но не увидела света вследствие арестов членов Кирилло-Методиевского братства. Опубликована в приложениях к «Чтениям в Обществе истории и древностей российских», кн. I. М., 1893.

тину и в повести «Близнецы» (1855) в эпизоде, в котором юный Сокира присоединяется к запорожской братии.

Почему именно эти картины привлекли к себе внимание поэта? Ответ мы найдем при внимательном чтении поэмы. Хотя Шевченко понимал, что эти традиции принадлежат только прошлому, он воспроизвел их в поэме как символ запорожской вольницы. Именно запорожскую вольницу, свободу, не ограниченную крепостным гнетом, бесстрашие, мужество, способное творить чудеса, стремился восславить Шевченко в своем творчестве:

На киевском на Подоле
Казацкая наша воля,
Без холопа и без пана
Ни пред кем не клонит стана.
Стелет бархатом дороги,
Вытирает шелком ноги,
Сама собой управляет
И пути не уступает.

(Перевод Н. Асеева)

Романтика, которую так живо и красочно воскрешал Шевченко, вытекала из идей свободы, патриотизма. Семен Палий всеми своими мыслями оставался с людьми.

Образ Палия близок ссыльному поэту, оторванному от внешнего мира. Слова предостережения, обращенные к Палию, были в то же время словами благоразумия, которые суровые обстоятельства ссылки подсказывали и самому Шевченко: «А сердцу воли не давай».

В первоначальной редакции была концовка (36 строк), где Шевченко укорял потомков, что они забыли о славе Палия и о своей собственной свободе. Таким образом, поэма заканчивалась мотивами преданности героя своему народу, «краю родному». В окончательной редакции эта концовка была снята.

Героическое прошлое народа воскрешал Шевченко и в поэме «Платок».

Стиль ее близок к украинским думам и историческим песням. Характерна идея — основной силой казачьего войска были трудящиеся, обездоленные люди. Они защищали свободу и независимость родины. В первоначальном тексте поэма называлась «Була собі Катерина...», герой также был назван по имени, что как бы сужало звучание поэмы, словно речь шла об отдельном случае — трагической судьбе казака и его милой. В окончательной редакции имена сняты:

Росла внаймах, век трудилась,
Сиротину полюбила.
Был бедняк, как голубь с нею,
С бесталанною своею.

(Перевод
М. Комиссаровой)

Художественное обобщение приобрело эпический размах, характерный для дум и исторических песен. Судьба двух героев стала типичной для многих обездоленных людей прошлого.

К теме гайдамацкого движения Шевченко возвратился в стихотворении «Швачка». Кроме основных сил, возглавленных Зализняком и Гонтой в 1768 году, действовали отряды под водительством Швачки, Неживого, Журбы, Бондаренко и др. Микита Швачка воспет в народных песнях, знакомых поэту с детства. В Новопетровском укреплении перед освобождением из ссылки он записал в «Дневнике», как, гуляя вокруг огорода, он запел свою любимую песню «Ой поїжжає по Україні та казаченько Швачка...». После ссылки поэт вставляет в текст поэмы «Гайдамаки» эпиграф из другой песни о Швачке.

Народные песни легли в основу стихотворения «Швачка», текстуально весьма далекого от народных образцов¹. Место деятельности Швачки (Фастов) дало возможность поэту связать героя с другим славным сыном украинского народа, Семеном Палием. В тексте упомянут еще один из соратников Швачки. Так Шевченко напоминал потомкам о героическом прошлом — освободительной борьбе народа.

Этой же теме посвящена и поэма «То пасхальное воскресенье...» (1848), где описывается выбор казацкой «радой» нового гетмана Наливайко, ставшего народным героем. Позже он был воспет поэтом-декабристом К. Рылеевым. При неточностях в деталях (Наливайко, напр., звали Северином, а не Павлом) Шевченко верен здесь исторической правде.

Более важным является вопрос об оценке исторической роли гетмана Петра Дорошенко, который также в свое время принимал участие в освободительной войне под водительством Б. Хмельницкого, но позже, недовольный политикой царизма, заключил предательский дого-

¹ Различные варианты песен о Швачке см.: Драгоманов М. Політичні пісні українського народу XVII—XIX ст., ч. I. Женева, 1883, с. 43—63.

вор с крымским ханом. В поэме «Заслонило черной тучей» (1848) речь идет о последнем периоде деятельности Дорошенко. Очувтившись между двух огней — турко-татарами и польской шляхтой, — Дорошенко капитулировал перед русскими войсками. В судьбе бывшего гетмана, который доживал свой век в России, далеко от родины, ссыльный поэт усматривал общие черты со своей судьбой:

Как орел с плечом подбитым,
Без крыла и воли,
Дорошенко угасает
От тоски в неволе.

(Перевод
И. Сельвинского)

Как и прежде, исторические факты и характеристики взяты Шевченко из «Истории русов». Вполне возможно, что позже он пересмотрел вопрос об исторической роли Дорошенко и поэтому не переписал поэму в «Большую книжку».

Цельные, героические характеры людей из народа созданы в стихотворении «Хата Катри-Катерины...» (1848). Близость ее к народным песням, в частности о «тройзеле», в свое время уже отмечали исследователи¹. Трое запорожцев, подлинных сынов трудового народа (об этом говорят их прозвища: Босый, Голый, Вдовиченко), полюбили одну девушку Катерину. Они готовы выполнить любое ее желание, но девушка требует одного — освободить из крымской неволи ее единственного брата. Втроем они едут освобождать невольника. Двое гибнут, третий возвращается вместе с освобожденным казаком, который оказался не братом Катерины, а ее милым. Запорожцы не потерпели лжи, обрекли Катерину на смерть, а сами побратались. Чувство боевого содружества они поставили выше чувства любви².

Морально-этические проблемы разрешаются в стихотворении «Ой, серые кричат гуси...». Поэт не осуждает вдову, которая, несмотря на пересуды, родила сына от запорожца, воспитала его и отдала в казацкое войско,

¹ Франко І. Студії над українськими народними піснями.— Записки Наукового товариства ім. Шевченко, т. 33, с. 18—25; Колесса Ф. Фольклорний елемент у поезії Т. Шевченка. Львів, 1939, с. 62—63.

² См.: Рильський М. Т. Балада Шевченко «У тієї Катерини...» — Збірник праць сьомої наукової шевченківської конференції. Київ, 1959, с. 52—58.

а сама пошла в монастырь. Еще смелее эти проблемы разрешаются в стихотворении «Зацвела в долине...» — где речь идет о первой любви девушки и казака, чувстве, не оскверненном церковью:

Какого мы рая
Еще ожидаем?
Рай перед глазами,
А мы в божьем храме
Бога умоляем.

(Перевод
Е. Нежинцева)

Критический пересмотр прошлого Украины Шевченко продолжает в стихотворении «Бывает, в неволе мечтать начинаю...». В форме сна даны картины освободительной войны. Как и раньше, курганы являются для поэта символом борьбы за свободу. Рассказав об одном из преступлений польских феодалов, казак-рассказчик критически отзывается об идеализации исторического прошлого Украины («ведь слава-то грохочет все ж о наших головах») и считает, что только в народных песнях правдиво отражается суть борьбы народа за свою свободу:

Быть может,
И про курганы и про нас
Слепые лирники по селам
Правдивой думой невеселой
Расскажут людям...

(Перевод
Л. Пеньковского)

Идея патриотизма, безграничной самоотверженной любви к родине присутствует в очень многих стихотворениях: «N. N.» («Солнце заходит, горы чернеют...»), «Не греет солнце на чужбине...», «И тернистый и колючий...» и др. Патриотизм поэта имеет ярко выраженный демократический характер.

Шевченко любит не абстрактную этнографическую Украину, а ее трудящийся, угнетенный царизмом и помещиками народ, страдающий среди прекрасной природы. Об этом очень хорошо сказано в стихотворении «Сон» («Горы мои высокие...»):

Я так, я так ее люблю,
Украину, мой край убогий,
Что проклянута святого бога
И душу за нее сгублю!

(Перевод А. Суркова)

Шевченко убежден, что подлинное чувство патриотизма присуще только трудовым людям:

А панам лукавым...
Нету дела до великой
До казацкой славы?!

Пламенное чувство любви к родному краю сочеталось у Шевченко с уважением ко всем другим народам царской России, к славянским народам. Он призывал все народы к единению, к общей борьбе против царизма. Не случайно он называл Лермонтова «нашим писателем». Как мы уже говорили, в ссылке у него было много друзей среди польских ссыльных революционеров. Об этом шла речь в стихотворении «Полякам» («Когда мы были казаками...»). Поэт призывал к братскому единству:

Дай казаку ты руку снова
И сердце чистое отдай!

(Перевод Н. Брауна)

Об этом же шла речь в стихотворении «Бывает, в неволе мечтать начинаю...». Такие же гуманные, братские чувства Шевченко проявлял к казахскому народу. В царской армии особенно культивировали пренебрежение к «инородцам», «киргизам», так как армия не раз подавляла восстания угнетенных народов. На Шевченко это не влияло. Он искренне сочувствовал угнетенным казахам. Характерно, что Шевченко использовал казахскую народную легенду в поэме «Топор был за дверью у господ бога». На юбилейном пленуме 1939 года в Киеве казахский писатель А. Тажибаев высказал предположение, что в образе пожара изображена картина преследований царизмом восставших казахов во главе с Исатаем Таймановым и Махамбетом. Восстание вспыхнуло в 1830 году и продолжалось восемь лет — до 1838 года. Одинокое дерево, оставшееся в степи, — олицетворение непокоренного казахского народа¹.

7

Непоколебимость Шевченко как революционного демократа выражена в сатирической поэме «Сестрица бо-

¹ VI пленум правления Союза советских писателей СССР, посвященный 125-летию со дня рождения Шевченко. Бюллетень № 4. Київ, 1939, с. 201, 202. См. также: История Казахской ССР. Алма-Ата, 1957, с. 372; Бейистов Т. Шевченко в Казахстане. Алма-Ата, 1952, с. 39—42.

га Аполлона», известной ныне под названием «Цари». Поэма является откликом на революционные события 1848 года в Западной Европе.

Хотя царизм и пытался отгородить Россию каменной стеной от всех революционных веяний, но осуществить это было невозможно. О «смуте» на Западе говорилось в царском манифесте, читавшемся с амвонов церковью. О событиях на Западе Шевченко знал от своих друзей. В архиве III Отделения сохранилось письмо М. С. Александрийского, врача, поступившего на службу в Оренбургскую пограничную комиссию и назначенного «попечителем прилинейных киргизов» в Орскую крепость. В письме поэту от 16 августа 1848 года он несколько завуалированно писал о революционных событиях на Западе: «Новостей много, очень много, но так как они отнюдь не Орские, а политические и вдобавок европейские, а не российские только, то излагать их со всеми подробностями я не берусь; скажу однако ж главную тему их: хочется лучшего! Это старая песня, современная человеку и человечеству, — только поется на новый лад — с аккомпанементом 24-х-фунтового калибру!»¹.

По этим весьма прозрачным намекам можно было догадаться о революции 1848 года. В связи с этим, очевидно, и возник замысел произведения «Цари». Определение жанра как «поэма» — условно, это, собственно, цикл, состоящий из шести стихотворений. В первой редакции Шевченко во вступлении обращался к девятой сестре Аполлона. Художественные образы здесь близки к бурлеску. Поэт нарочито снижает традиционный образ музы, называет ее старой, продажной, пьяной. Шевченко критиковал и тематику и стиль литературы, идеализировавшей действительность.

Когда б случайно вы хоть раз,
Старушка, навестили нас
И, как бывало во дни оны,
Возвысили б свой божий глас
До оды пышно-величавой,
Я тоже начал бы, пожалуй,
Особ высоких воспевать.
А то, уж если вам сказать
Чистосердечно, по-простому,
Мне надоели мужики...

(Перевод Л. Вышеславского)

Переписывая в 1858 году стихотворение в «Большую книжку», Шевченко наново написал вступление: сокра-

¹ Листи до Шевченка, с. 77.

тил его, снял полемику с романтиками, оставил критику одописцев («свой божий глас возвысьте»). Бурлескный тон был заменен подчеркнуто «высоким стилем», сочетающимся с бытовыми, просторечивыми словами и оборотами. С одной стороны, «божий глас», «коронованные главы», а с другой: их «ощипывают» и «потрошат». Музу поэт теперь называет «теткой», или «женой дяди», или просто «старенькой сестрой Аполлона». Все острие сатиры направлено на царя: «За чуб схвачу рукой своей//Святопомазанников этих». Поэт мечтал о такой же расправе с царями, как с Людовиком XVI в 1793 году. О царях он пишет в сниженном бурлескном стиле.

Сатирическое обличение Шевченко начинается с развенчания древнееврейского царя Давида, идеализированного в библейской легенде и причисленного православию к лику святых. Библейская легенда была знакома поэту еще со времени обучения у Брюллова, автора картины «Вирсавия» (после ссылки, в 1860 году, Шевченко исполнил с нее офорт).

Легенду поэт перерабатывает в сатирическом плане, подчеркивая в характере Давида три основных черты: развращенность, вероломство и лицемерие. По легенде, Давид устранил со своего пути Урию, организовав поражение его войска при осаде аммонитского города Равви. Шевченко же говорит просто: «А чтоб о том он не проведал,//Давид-пророк убил соседа». В первой редакции Давид, заинтересовавшись Вирсавией, «улыбаясь, заглядывает в зеленый сад». В окончательной редакции «как кот на сало, взор бросает». В первой редакции Давид каялся, «плакал», «посыпал пеплом главу». В окончательном тексте «обворожил псалмом седого Анафана». Образ Давида в этой редакции приобретает широкое обобщающее звучание благодаря аналогиям с современным венценосцем Николаем I.

В четвертой главе в таком же сатирическом плане изображается великий князь Киевский Владимир. По словам летописца, у князя до его крещения было до 800 наложниц. Шевченко использовал исторический факт: после убийства полоцкого князя Рогволода Владимир взял себе в жены его дочь Рогнеду. Поэт снял и развеял церковный ореол «святого и равноапостольного» князя.

В заключительном разделе поэт снова обращается к музе, но здесь бурлескная лексика сведена до миниму-

ма. Весь гнев направлен против современного царизма. Поэт подымается до широчайшего обобщения:

Чтоб палачи их покарали
Царей, проклятых палачей!

Таким образом, Шевченко по отношению к царизму был непримирим: ни ссылка, ни запрещение писать и рисовать не сломили его революционной воли, и он по-прежнему, даже с большей художественной силой, призывал к насильственному уничтожению крепостничества и свержению самодержавия.

Совершенствование высокого искусства художественного обобщения особенно заметно выразилось в лирике Шевченко периода ссылки. Он написал очень много песен в стиле народных. Г. Сидоренко считает, что подлинно народных песен в обработке Шевченко периода ссылки лишь восемнадцать. Она пишет: «Очень соблазнительно к песенным текстам относить и такие произведения, как «Мать моя была богата...», «Ой наточу я товарища...», «По улице снег и ветер...». Эти произведения действительно имеют характер напевности, прежде всего благодаря песенной интонации. Между тем, как известно, напевность — стилевое отличие разных по своему жанровому характеру произведений Шевченко, и названные произведения при всей внешней схожести с песнями в действительности являются не песнями, а маленькими поэмами, думками, медитациями, лирическими стихотворениями»¹.

Шевченко говорит о большом значении песни в жизни человека. В стихотворении «Ну что, казалось бы, слова...» сам поэт не отрицал, что отдельные строки, образы он брал из народных песен. Когда П. Кулиш, получив у него для альманаха «Хата» два стихотворения, высказал сомнение: «Песни твои очень хороши. Неужели обе ты сам сочинил? «Дуда» как будто мне знакома»², Шевченко отвечал ему:

«Заграй мені дуднику,
На дуду,
Нехай своє лишенько
Забуду.

¹ Сидоренко Г. Стиль пісенних творів Шевченка.— Збірник праць двадцять першої та двадцять другої наукових шевченківських конференцій. Київ, 1976, с. 114.

² Листи до Т. Г. Шевченка, с. 123.

Оце тільки не моє, а то вся пісня моя».

И все же, несмотря на некоторые, иногда невольные совпадения, песни Шевченко являются совершенно оригинальными лирическими произведениями, в которых выражен основной принцип реалистической лирики — обобщение чувств, выражение мыслей народных. Основной мотив во всех этих песнях — обездоленность, выраженная или непосредственно, или иносказательно.

Исключением являются песни веселого ритма: «Ой строчечку да к строчечке...», «В лес-дубраву я ходила...». Многие песни, в которых непосредственно не раскрываются социальные противоречия, Шевченко не переписал в «Большую книжку» («Ой не пьются мед и пиво...», «На улице невесело...», «Ой пошла я в овраг за водою...» и другие).

Изредка в лирике Шевченко периода ссылки встречаем пейзажи, отражающие чувства поэта. Примером может служить стихотворение «За солнцем облачко плывет...». Красота природы на короткий миг успокаивает сердце. Настроение передается при помощи уменьшительных, ласкательных форм: «облачко», «часочек». Но вот пейзаж меняется — туман закрывает розовую тучку и несет с собой темноту, угнетающую душу.

Широкие художественные обобщения мы находим и в лирике, посвященной судьбе матерей и детей. В стихотворении «И в самых радостных краях...» мать гордится своим сыном:

На улицу выходит с ним —
По улице идет царицей.
Перед людьми добром своим,
Сокровищем своим гордится:
Мол, краше всех и лучше — мой!

*(Перевод
А. Твардовского)*

Но эта почти идиллическая картина сменяется другой:

И дети взрослые уходят
Кто в ту, кто в эту сторону:
На заработки, на войну.

Старая больная мать и в нищете, холоде, одиночестве не забывает своих детей. Но еще тяжелее судьба матери, обманутой «панычем лукавым». Ее материнская гор-

дость на каждом шагу омрачается всеобщим презрением. Да и сын, когда вырастет, еще и обругает («зачем породила...»). И смерть ее ждет не в своей постели, а «где-нибудь под тыном».

Таким образом, поэтическое творчество Шевченко первого периода ссылки представляет собой дальнейший, высший этап его литературной деятельности.

8

Причиной второго ареста Шевченко (23.IV.1850) был донос на него одного из офицеров Оренбургского гарнизона — Н. Г. Исаева. Получив донос, что Шевченко нарушает запрещение писать и рисовать, что он ходит в штатском и живет на частной квартире, командир корпуса В. Обручев приказал 22 апреля произвести у поэта обыск. Об этом Шевченко предупредил К. Герн через Ф. Лазаревского. Поэт успел передать друзьям главный объект для нового обвинения — книжечки со стихами — и с помощью Ф. Лазаревского отобрал и сжег часть бумаг, рисунков, писем¹.

Во время обыска у Шевченко отобрали два альбома с рисунками, письма, несколько книг, принадлежности для рисования, штатскую одежду. На другой день, рассмотрев бумаги Шевченко, Обручев приказал арестовать его и держать на гарнизонной гауптвахте. Через несколько дней он сообщил начальнику дивизии об аннулировании предыдущих распоряжений, об отправке Шевченко в Новопетровск для участия в геологической экспедиции в горы Каратау и приказал перевести его из четвертого батальона в пятый, расположенный в Орске.

События развивались медленно. Обручев не спешил уведомлять высшее начальство, возможно, боясь неприятных последствий и для себя лично. 12 мая Шевченко освободили с гауптвахты и препроводили в Орск. Обручев распорядился установить за поэтом строгий надзор и представлять для проверки все письма к нему и от него.

Только 23 мая Обручев послал военному министру князю А. Чернышеву секретный рапорт о Шевченко вместе с письмами, рисунками, альбомами. Тот доложил

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 183—184.

о деле Шевченко Николаю I, который приказал передать бумаги в III Отделение для изучения, Шевченко немедленно арестовать и начать следствие, привлечь к ответственности и его ближайших начальников, а по окончании дела перевести Шевченко в другой отдаленный батальон.

При расследовании в III Отделении особое внимание жандармы обратили на письмо к Шевченко Сергея Левицкого, датированное 6 марта 1850 г. из Петербурга. В письме Левицкий сообщал о настроениях украинской интеллигенции в Петербурге: «Много есть тут наших... но есть один — Николай Алексеевич Головки, магистр математических наук из Харькова, вот где правдивая душа, и как сойдемся, то первое слово о вас. Он сотрудник в некоторых журналах и парень очень умный. Жаль только, что своей правдивостью не наделает ли того, что запроторят и его куда-нибудь, ибо и теперь под надзором полиции... Много есть тут таких, которые вспоминают вас, а Головки говорит, что вас не стало, а вместо этого стало больше людей до тысячи, готовых стоять за все, что вы говорили... для которых правда такая же громогласная и великая истина, что хоть бы ее сказать и при Карле Ивановиче (Николае I.— Е. К.), то не испугались бы...»¹

Так возникло новое дело «...о рядовом Шевченко, коллежском секретаре Левицком и магистре Головки». Приказано было арестовать С. Левицкого и Н. Головки. Головки, во время ареста 16 июня, стрелял в жандарма и застрелился сам. Студент Г. П. Данилевский (впоследствии известный русский писатель), привлекавшийся по делу петрашевцев, сам явился в III Отделение и добровольно дал показания по делу Головки. 23 июня Орлов представил доклад Николаю I о результатах расследования.

Орлов предлагал ограничиться содержанием Шевченко под временным арестом, подтвердить запрещение писать и рисовать, обязав начальство неослабно следить за выполнением этого. Левицкого — освободить из-под ареста и установить за ним секретное наблюдение. Отдельным пунктом записано: «Княжну Репнину², которая принимает участие в Шевченко, неприличное по его порочным и развратным свойствам, предупредить как о

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 78, 79.

² Два ее письма фигурировали в деле.

неуместности такового ее участия, так и о том, что вообще полезно было бы ей менее вмешиваться в дела Малороссии и что в противном случае она сама будет виновницею, может быть, неприятных для нее последствий»¹.

После этого предупреждения Репнина вынуждена была прекратить переписку с Шевченко.

Николай I утвердил доклад Орлова, а около слов о том, что Шевченко ходил в штатском, дописал: «В этом деле виновно его начальство, что допускало до сего: о чем сообщить князю Чернышеву для должного взыскания с виновных»².

Одновременно следствие производилось и в Орске. 1 июля следователь, подполковник Чигирь, начал допрос Шевченко. Поскольку новых материалов не было обнаружено, Военное министерство уведомило 9 августа Обручева о «высочайшей воле» Николая I. 5 сентября Обручев приказал начальнику дивизии освободить Шевченко из-под ареста и перевести на службу в одну из рот первого батальона, расположенного в Новопетровском укреплении. Командиру пятого батальона майору Мешкову был объявлен строгий выговор.

Таким образом, хотя второй арест закончился относительно благополучно, участь поэта по-прежнему оставалась тяжелой: было подтверждено запрещение писать и рисовать, за ним устанавливался очень строгий надзор, место ссылки было отдаленным и безлюдным.

Обручев приказал отправить Шевченко в Новопетровское укрепление под надзором «благонадежного унтер-офицера».

Несмотря на строгий приказ не уклоняться от маршрута, Шевченко все-таки заехал в Оренбург, чтобы проститься с друзьями. Об этом известно из письма Бр. Залесского к А. Венгжиновскому от 13 октября 1850 года: «Дней десять тому назад художник побывал у меня — весь окровавленный, потому что его понесли лошади в Губерлинских горах и чуть не убили. Провел здесь несколько часов и отправился в Новопетровское укрепле-

¹ Шевченко Т. Г. Документы та матеріали..., с. 315.

² Там же.

ние, врата которого откроют ему теперь разве что только ангелы»¹.

8 октября 1850 года Шевченко прибыл в Уральск, где встретился с поэтом-петрашевцем А. Плещеевым, сосланным туда в декабре 1849 года. Между ними завязалась дружба. К сожалению, сохранилось лишь одно письмо Шевченко к Плещееву от 6 апреля 1855 года, но из него следует, что они переписывались систематически. Письмо Шевченко исполнено сердечной теплоты: «Каждую строчку, каждое слово вашего письма я принимал, как слово брата, как слово искреннего друга». Плещеев тогда же стал переводить стихи Шевченко на русский язык.

Здесь же в Уральске Шевченко познакомился с рядовым 1-го батальона — видным польским политическим деятелем Максимилианом Ятовтом (литературный псевдоним Якуб Гордон) и поддерживал с ним связь и в Новопетровском укреплении. В своих воспоминаниях, опубликованных позже в Париже, Ятовт упомянул о Шевченко и его революционных стремлениях: «Независимая Украина была целью его мечтаний, революция была его стремлением; можно сказать, что он смотрел на мир сквозь красные очки»².

Через несколько дней поэт прибыл в городок Гурьев (ныне областной центр Гурьев). 14 сентября из Гурьева отправили Шевченко в сопровождении унтер-офицера Булатова на почтовом челне через Каспийское море в Новопетровское укрепление. По дороге на пристань Шевченко подобрал свежесрубленную вербовую ветку и посадил ее в Новопетровске. Деревцо принялось и с каждым годом разрасталось. Шевченко не раз в «Дневнике» вспоминал о нем, называя «любимую вербою», «фавориткою вербою», «заветною вербою».

17 октября Шевченко прибыл в Новопетровское укрепление и был зачислен в четвертую роту первого батальона, командиром которой был штабс-капитан Потапов. Потапов всячески издевался над ссыльным поэтом: «Донимал Потапов Шевченко не тем..., что не делал для него исключений или послаблений, о чем тот и не помышлял, зная, что Потапов и сам только испол-

¹ Цит. по статье: Паламарчук Г. П. Матеріали до біографії Шевченко за листами Броніслава Залеського. — Питання шевченкознавства, Київ, 1958.

² Дьяков В. А. Тарас Шевченко и его польские друзья. М., 1964, с. 85.

нитель приказаний свыше, а всякими мелочными да просто-таки и ненужными придирками,— вспоминал позже Г. М. Косарев.— То, бывало, ни с того ни с другого начнет у него выворачивать карманы, чтобы посмотреть, нет ли у него там карандаша, либо чего писанного или рисованного. То станет издеваться над ним за не совсем громкий и солдатский ответ на вопрос или за опущенные при этом вниз глаза и тому подобное. Но больше всего он изводил Тараса требованием тонкой выправки, маршировки и ружейных приемов...»¹

Позже в «Дневнике» Шевченко назвал Новопетровское укрепление «безграничной тюрьмой», «душной тюрьмой», «гнездилищем безграничных мерзостей», «вертепом мерзостей». И в этой тюрьме поэту пришлось прожить почти семь лет.

О прибытии Шевченко начальство уведомило по инстанциям вплоть до военного министра. Последствия ареста коснулись многих лиц, в частности, морской министр объявил А. Бутакову строгий выговор за упущения в надзоре за Шевченко. Федор Лазаревский не получил предстоящего ему повышения по службе.

В распоряжении Обручева начальнику 23 пехотной дивизии от 5 сентября 1850 года строго определялись условия наблюдения за Шевченко: «...независимо от наблюдения за поведением этого рядового со стороны самого ротного командира, ближайший за ним надзор был бы поручен благонадежному унтер-офицеру и ефрейтору, которые должны строжайше наблюдать за всеми его действиями, и если заметят что-либо предосудительного или неповиновение, то доводили бы о том в тот же час до сведения ротного командира, который обязан немедленно доносить мне, надписывая на конвертах секретно и в собственные руки; при чем подтвердить ротному командиру, что малейшее послабление в отношении надзора за Шевченко подвергнет его строгой ответственности...»²

Это, безусловно, осложняло положение Шевченко.

Несколько лет тому назад мне посчастливилось побывать в местах второй ссылки Шевченко в городе Форт Шевченко (бывш. Александровск, а во времена Шевченко — Новопетровское укрепление). Городок почти сохра-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 248—249.

² Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 374, 375.

нил свой прежний вид. Разрушено лишь само укрепление, где были казармы, церковь, цейхгаузы, офицерский дом. В бывшем комендантском доме расположен музей Шевченко. Вблизи — старая развесистая верба, которую посадил Шевченко, сохранилась землянка, где Шевченко писал свои повести на русском языке, сохранился вырытый им колодец. Все это бережно сохраняется. В 120 км обнаружены и нефть, и газ, и каменный уголь. Поэтому здесь вырос европейский город Шевченко, утопающий в зелени. Здесь же находится завод, превращающий морскую воду Каспия в пресную.

Хотя поэту строго воспрещена была переписка, комендант А. Маевский, хорошо относившийся к Шевченко, разрешил ему писать письма. В одном из первых писем В. Репниной от 12 января 1851 года он указывал: «В летние месяцы пишите мне через г. Астрахань, а в зимние месяцы через г. Гурьев в Новопетровское укрепление, на имя г. коменданта его высокоблагородия Антона Петровича Маевского». Такой же обратный адрес указывает он и в письмах С. Гулаку-Артемовскому, А. Лизогубу и А. Козачковскому. Из второго письма к Репниной видно, что Шевченко начал рисовать. Он зашифровывал свои картины и рисунки термином «кусок материи»: «Послал я здешнего краю произведение (кусок материи) Андрею Ивановичу...» (Лизогубу). Точно так же он пишет и Лизогубу. Для конспирации он снова напоминает о запрещении ему рисовать: «Смотря на эту безжизненность, такая тоска одолеет, что сам не знаешь, что с собой делать, и если б можно мне было рисовать, то, право, ничего не нарисовал бы, так пусто. Да я до сих пор не имею позволения рисовать шестой год уже. Ужасно!»

Летом 1851 года Шевченко был включен в состав геологической экспедиции в горы Каратау — ту самую экспедицию, назначение в которую было отменено в связи с арестом. Возглавил ее горный инженер штабс-капитан А. И. Антипов. В ее состав входили штейгер Н. Д. Козлов, ссыльные Л. Турно, Бр. Залесский и другие. 25 апреля экспедиция выехала из Оренбурга в Новопетровск.

Официально Шевченко числился солдатом — помощником в изыскательной горной партии, но фактически должен был зарисовывать местность во время экспедиции.

Таким образом, временно Шевченко получил возможность рисовать официально.

В рисунках художника запечатлен весь путь экспедиции: урочище Ханга-баба, Кудук-Кштим — колодец-источник в долине Кштим. Затем экспедиция свернула с Хивинской дороги в долину Апазыр, где они пробыли около трех недель. Здесь нарисованы акварели: «Вид на Каратау из долины Апазырь», «Аулиетау», «Лунная ночь среди гор»¹. Затем экспедиция вернулась на Хивинскую дорогу и остановилась в долине Агаспепяр между горами Каратау и Актау. Здесь были обнаружены залежи каменного угля. Шевченко нарисовал «Вид на горы Актау из долины Агаспепяр», «Гора в долине Агаспепяр», «Кладбище Агаспепяр». Некоторые рисунки Шевченко позже дорабатывал. Поэтому многие рисунки датированы: «между 1851 и 1857 годами». Такая дата стоит на акварели «Туркменские гробницы в Каратау». В свободное время художник совершал экскурсии по окрестностям, заходил в казахские аулы. Сохранилось много бытовых рисунков-портретов: «Цыган», «Шевченко среди товарищей», «Трио».

«Трио» — это, видимо, рисунок «Шевченко среди товарищей в палатке», на котором изображены: Людвиг Турно, сидящий на земле с книгой, Бронислав Залесский, стоящий посередине палатки спиной к зрителям, и сам Шевченко — за столиком в углу, с карандашом в руках. С этого рисунка Бр. Залесский в присутствии автора сделал копию, сделал он копию и с другого рисунка и на обороте надписал: «Киргизка мелет на ручном жернове, а муж тренькает на нехитром инструменте». К этому времени относится и сепия «Песня молодого казаха» (возможно, что позже Шевченко ее дорабатывал), «Автопортрет» (иногда его называют «Автопортрет с бородой»). Позже Шевченко подарил его Бр. Залесскому, который в технике офорта изготовил с него копию.

Экспедиция длилась три месяца. Сохранилось около 70 рисунков Шевченко. Художник всегда с приятным чувством вспоминал время, проведенное с друзьями, особенно с ссыльными поляками Бр. Залесским и Л. Турно. В письме к Бр. Залесскому 10 июня 1855 года он замечает: «Хорошо, весело было тогда нам с тобою: а одному было мне точно так же скучно, как и в укреп-

¹ А. Ускова в своих воспоминаниях ошибочно полагала, что здесь изображен аул вблизи Новопетровского укрепления. — Киевская старина, 1889, № 2.

лении». В следующем письме 25 сентября он пишет об этом еще подробнее: «Вчера был я на Ханга-бабе, обошел все овраги, поклонился как старым друзьям деревьям, с которых мы когда-то рисовали, а в самом дальнем овраге — помнишь, где огромное дерево у самого колодца обнажило свои огромные старые корни? — под этим деревом я долго сидел. Шел дождик, перестал; опять пошел, я все не трогался с места; мне так сладко, так приятно было под ветвями этого старого великана, что я просидел бы до самой ночи, если бы не охотники... меня потревожили. О, какие прекрасные, светлые, отрадные воспоминания в это время пролетели над моей головой! Я вспоминал наш каратауский поход со всеми его подробностями, тебя, Турно... Когда же воспоминания мои перенеслись на Ханга-бабу, я так живо представил себе это время, что мне показалось, будто бы ты сидишь здесь за деревом и рисуешь; я только тогда опомнился, когда я позвал тебя и ты не отозвался... Поход в Каратау надолго у меня останется в памяти, навсегда».

В начале осени 1851 года экспедиция вернулась в Новопетровское укрепление. Поскольку Шевченко рисовал во время экспедиции, он втихомолку продолжал рисовать и далее. Так возникла серия рисунков «Мангышлакский сад» — сад у дома коменданта, в посадке которого Шевченко принимал деятельное участие. В этом саду находилась и землянка, в которой художник скрывался от жары и рисовал, а затем и писал.

Весной 1852 года написан портрет офицера Уральского казачьего войска Никиты Федоровича Савичева, находившегося тогда в командировке в Новопетровском укрепении. Савичев давно стремился познакомиться с Шевченко. Во второй половине 1848 года казачий полк, в котором он служил, был переброшен на подавление венгерской революции, но так как революция была уже подавлена, полк остановили в Киевской губернии, и Савичев очутился в селе Кирилловка, где ему рассказали о Шевченко. Рассказали ему, что поэт сослан в солдаты и в настоящее время находится где-то у Аральского моря. Прибыв в Уральск, Савичев узнал, где находится Шевченко, и с большой радостью принял предложение командира батальона майора Михайлова сопровождать его при инспекции расположенной в Новопетровском укрепении роты. Там они и встретились с Шевченко. В своих мемуарах Савичев отмечал: «Ни-

когда Шевченко не проронил ни слова жалобы на свое положение, никогда я не видел его печальным и унывающим... Никогда не слышал я от Шевченко разговора политического или даже с политическим оттенком... Он тогда казался мне скрытным, но теперь я думаю иначе: он не мог раскрыться передо мною весь»¹. Сдержанность Шевченко с офицером казачьего войска, которое очень часто использовалось царизмом для подавления революционных выступлений, вполне понятна.

Ближе познакомившись с Шевченко, комендант крепости Маевский пригласил поэта быть учителем его детей. С особым увлечением поэт принимал участие в певческом хоре, в работе любительского кружка. По сути, он был режиссером, душой драматического кружка. Командир роты Егор Косарев, который пришел на смену Потапову, вспоминал впоследствии: «Без него, при всем увлечении и старании, с каким разучивали и играли свои роли прочие актеры-любители, вряд ли эта затея наша возбудила бы тот восторг, с каким встретила ее наша новопетровская публика, которою всякий раз буквально битком наполнялась казарма, где шли спектакли»².

Первым спектаклем была комедия Островского «Свои люди — сочтемся», опубликованная в 1850 году в журнале «Москвитянин» (№ 3). К счастью, никто в Новопетровском укреплении тогда не знал, что пьеса была запрещена цензурой к постановке, а разрешения цензуры для любительских спектаклей не требовалось.

Шевченко в первом спектакле исполнял роль Рисположенского. Он создал реалистический образ стряпчего. В воспоминаниях Косарева мы читаем: «...Он был одет в довольно поношенный, старый и несколько узкий для него фрак из синего сукна, короткие панталоны неизвестной материи горохового цвета, тоже поношенные, сапоги с заплатами, а один истоптанный на одну сторону, жилет когда-то бывший зеленого цвета из бумажной материи с обтяжными пуговицами. На голове надета стариковская, смятая пуховая шляпа. В соответствии такому костюму и лицо Шевченко было размалевано красками. Одним словом, он изображал из себя при-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 235.

² Там же, с. 251.

казного, как будто явившегося с похмелья и недоспавшего после сильного перепоя»¹.

Зрители были восхищены естественностью и натуральностью, с которой Шевченко воспроизвел характер героя. Маевский тогда ему сказал: «Богато тебя, Тарас Григорьевич, оделил бог: и поэт-то ты, и живописец, и скульптор, да еще, как оказывается, и актер... Жаль, голубчик, что не оделил он тебя счастьем!..»²

С тем же огромным успехом спектакль повторили на другой день, 27 декабря 1851 года. Следующим спектаклем были два водевиля. Шевченко в них не принимал участия, но был режиссером постановки. Косарев не назвал водевилей, но отметил, что выбрал пьесы сам поэт. «Во время антракта...— рассказывает Косарев,— музыка начинает играть плясовой малороссийский мотив, а на сцене появляются Тарас, переодетый в малоросса, и молодой прапорщик, Бажанов, переодетый в малороссиянку, да как «ушкварят» украинского трепака, так просто отдай все, да и мало! От криков «bis» да аплодисментов едва казарма не развалилась... Надивил тогда Тарас нас всех своим искусством в пляске!»³

Любительские спектакли были той отдушиной, которая давала возможность Шевченко выдержать испытания второй ссылки и вскоре даже возобновить литературное творчество.

Летом 1852 года Шевченко получил из Петербурга от своего друга, известного оперного певца и композитора С. Гулака-Артемовского, 20 рублей. Сохранилось официальное письмо военного ведомства, к которому была приложена расписка Шевченко в получении суммы. В письме сказано, что это плата за акварельный портрет Гулака-Артемовского. Портрет не сохранился. 1 июля Шевченко поблагодарил С. Гулака-Артемовского за присланные деньги и рассказал о своей печальной жизни.

В написанном немного позже письме А. Лизогубу поэт жаловался, что не получает писем от В. Репниной, не зная о том, что ей запрещена с ним переписка. По тем же причинам не отвечал ему и Лизогуб. Официальных документов об этом нет, но биограф Шевченко

¹ Косарев Е. Извлечение из дел и памяти...— Киевская старина, 1893, № 2, с. 252.

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 252.

³ Там же.

А. Конисский на основании письма к нему Л. М. Ж. (очевидно, Л. Жемчужникова) отмечал, что летом 1850 года начальник III Отделения Орлов, во время пребывания в Черниговской губернии, вызывал к себе А. Лизогуба и запретил ему переписку с Шевченко. За Лизогубом было установлено секретное наблюдение полиции¹.

Получил ответ на свое письмо Шевченко от А. Козачковского, но до нас это письмо не дошло.

Осенью 1852 года Шевченко познакомился с ученым-зоологом Андреем Головачевым, находившимся в Новопетровске в научной командировке. С восторгом писал поэт об этой встрече О. Бодянскому: «Я с ним провел один только вечер, то есть несколько часов, самых прекрасных часов, каких я уже давно не знаю. Мы с ним говорили, говорили, о боже мой, о чем мы с ним не переговорили! Он сообщил мне все, что есть нового и хорошего в литературе, на сцене и вообще в искусстве».

Такое же восторженное письмо Шевченко написал 15 ноября и А. Ф. Головачеву: «Вы, вероятно, и сами не подозреваете, что во время вашего посещения Новопетровского укрепления вы сотворили меня счастливым, по крайней мере, на несколько дней; а несколько дней счастья в нашей жизни — это много значит! Проведенный вечер с вами мне снился несколько дней сряду, и живо представлялась мне давно забытая картина человеческой жизни. Благодарю Вас!» В этом письме упомянуто стихотворение Н. Щербины «Купанье», прочитанное тогда Головачевым: «До сих пор не могу забыть того сладкого чудного впечатления, какое произвело на меня это прекрасное произведение. Прошу вас, будьте так добры, поклонитесь от меня Щербине как истинному поэту, в наше время явлению редкому. А если увидите Островского, то и ему нижайший поклон за его «Свои люди», а «Бедной невесты» еще не читал». Произведения Щербины Шевченко знал еще до ссылки. Встретились они в Петербурге после освобождения поэта. Все эти встречи обогащали духовный мир Шевченко и содействовали его творчеству².

¹ Конисский А. Тарас Шевченко-Грушівський, хроніка його життя, т. 2. Львів, 1901, с. 91.

² Среди многочисленных работ о пребывании Шевченко в ссылке хочется отметить серьезную исследовательскую книгу литературоведа Леонида Большакова, основанную на новонайденных материалах (Большаков Л. Літа невольничі. Київ, 1971).

После второго ареста запрещение писать и рисовать было, как мы знаем, строжайше подтверждено еще раз. Несмотря на это, Шевченко снова начинает рисовать. Скрыть это от окружающих невозможно. Спрашивается, все-таки почему он не возобновил свою поэтическую работу? Возможно, он решил не шутить с судьбой, хотя сочинение повестей все равно было нарушением запрещения писать. Ведь в резолюции Николая I речь шла не о стихах, а вообще — «писать и рисовать...».

Одной из первых попыток создать прозаическое произведение на русском языке — наброски повести «Из ничего почти барин». Они записаны в альбоме 1846—1850 годов, где находятся преимущественно рисунки периода Аральской экспедиции. Судить о замысле повести по трем наброскам очень трудно. Нигде в письмах или стихах аналогичных ситуаций или персонажей нет.

Первым законченным и сохранившимся прозаическим произведением Шевченко является повесть на русском языке «Наймичка». Чтобы создать впечатление, что повесть написана до ссылки, Шевченко рукопись датировал: «25 февраля 1844. Переяслав». Известно, что 25 февраля 1844 года Шевченко был не в Переяславе, а в Москве. Следующая повесть «Варнак» — тоже была датирована: «1845 года. Киев».

Попытка рассматривать эти даты как подлинные¹ себя не оправдала. Прежде всего эту версию опровергает само содержание повестей. В повести «Наймичка» автор вспоминает детство и юность как что-то весьма далекое и с печалью пишет, что бескрайние, широкие степи, которые он видел в детстве, ему уже никогда не придется увидеть. В 1843 или в 1844 году он так не написал бы. Важно также, что в повести «Капитанша» Шевченко пишет о 40-х годах: «В то время я повестей не сочинял».

В академическом издании указывается: «Можно было бы повесть «Наймичка» в целом датировать приблизительно периодом между второй половиной 1850 и

¹ См.: Дмуховский С. Е. Повести Т. Г. Шевченко «Наймичка» и «Варнак» (к вопросу о времени написания повестей). Днепропетровск, 1958.

1853 годов (до начала работы над повестью «Княгиня»). Это неточная датировка. Шевченко прибыл в Новопетровское укрепление 17 октября 1850 года. Приступить сразу же к литературной работе он никак не мог. Толстую тетрадь с повестью не спрячешь за голенище сапог. Даже первое письмо из Новопетровского укрепления датировано 12 января 1851 года. Более вероятно, что писать Шевченко начал после возвращения из геологической экспедиции.

А. Конисский отмечал, что Маевский незадолго до смерти разрешил Шевченко писать на русском языке в его кабинете. Совершенно очевидно, что работа над повестями «Наймичка» и «Варнак» продолжалась не менее двух лет. Таким образом, начало работы можно приблизительно датировать концом 1851 — началом 1852 годов.

«Наймичка» написана на тему и фабулу одноименной поэмы. И это не случайно. Мы уже отмечали, что поэма «Наймичка» наряду с поэмами «Гайдамаки» и «Сон» является одним из лучших, наиболее совершенных произведений Шевченко 40-х годов.

Переход Шевченко к новому жанру не изменил основной идейной направленности его творчества. Русские повести Шевченко, так же как и его поэтические произведения, имеют вполне определенную антикрепостническую, революционно-демократическую основу. И в поэме, и в одноименной повести Шевченко показал тяжелую судьбу матери-одиночки в крепостническом обществе. Автор глубже, нежели в поэме, раскрывает страдания матери, названной здесь не Ганна, а Лукия. В повести — новый сюжет, новая композиция со многими лирическими отступлениями.

История Лукии не трагична, как в «Катерине», но глубоко драматична. Так же, как и героиня поэмы, она лишена полного счастья материнства, не может назвать своего Марка сыном, а себя — матерью. Упоминанием о «сердешной Оксане» Квитки-Основьяненко Шевченко в какой-то мере связывал этот образ с украинской литературной традицией. Но образ Лукии отличается и от женских образов, созданных самим Шевченко. Новые черты в характере Лукии проявляются при ее встрече с офицером-соблазнителем. Она категорически отвергает все его домогательства, она отказывается даже быть его женой, она полна чувства собственного достоинства. «Не хочу я быть офицершей. Я мать офицерского сына,

с меня довольно!» Она, по своим моральным качествам, намного выше «пана-офицера», и силу выстоять, сохранить свою честь ей придает любовь к сыну: «Каких усилий! какого тяжкого труда ей стоило переломить себя,— пишет Шевченко.— И только одна благородная, возвышенная любовь матери спасла тебя от разверзавшейся в другой раз перед тобою пропасти. Без высокой любви своей к детищу пошла бы ты за эскадром, как ходят тысячи тебе подобных».

В повести Шевченко шире и более детально показывает стариков Якима и Марту (в поэме — Настю), которые принимают к себе подкидыша — маленького Марка и позже берут наймичку Лукию. Они чувствуют, что Лукия «бесталанная», но никогда ни о чем из деликатности ее не спрашивают: «О роду и племени ее как бы боялися с нею речь заводить, инстинктивно понимая, что у несчастного не должно спрашивать о его прежнем счастье».

Поклон вам, грубые, простые люди! Вы бы своими расспросами заставляли ее врать и, значит, вдвойне страдать, потому что она не рождена была выдумывать небывалые исповеди своего сердца».

В авторских отступлениях Шевченко раскрыл тяжелый, изнуряющий труд крестьян на барщине, показал оптимизм народа, ищущего отрады в верной спутнице своей жизни — песне. Мечтая об облегчении труда крестьян, Шевченко пророчески пишет: «О агрономы-филантропы! Выдумайте вы вместо серпа какую-нибудь другую машину. Вы этим окажете величайшую услугу обреченному на тяжкий труд человечеству». Здесь, как и во многих других своих произведениях, проявляются величие Шевченко не только как обличителя-гуманиста, но и величие прозорливого мыслителя, мечтавшего о конструировании машин, которые в далеком будущем облегчили бы тяжелый труд земледельцев.

В исторических экскурсах Шевченко высказывает свое отношение ко многим важным событиям прошлого Украины. Упоминая различные названия курганов, в частности Королевского кургана, он комментирует: «Последние, быть может, окопы Карла XII, потому что он в этих местах когда-то шлялся с своими синекафтанными шведами».

Прибегая к экскурсам в прошлое, Шевченко выражает свое отношение к нему, связывает с идейным за-

мыслом повести. Так, рассказывая, откуда пошло название «Ромоданов шлях», автор пишет: «Не улыбайтесь добродушно, мой благосклонный читатель, я и сам плохо верю этому сказанию, но по долгу писателя должен был упомянуть о сем досужем вымысле народа». В первой редакции этой фразы было: «по долгу писателя народного быта», но потом автор убрал последние два слова, подчеркивая этим, что он ставит перед собой более широкие задачи, нежели только воспроизведение народного быта. Шевченко раскрывает социальную сущность отношений между людьми, показывает порабощение народа помещиками, крепостниками. Вот он дает колоритное описание украинского народного праздника окончания жатвы и прибавляет: «Прекрасная умильная картина! А подойдите вы к этой картине поближе, всмотритесь в нее повнимательнее, и вы увидите на ее светлом, розовом фоне такие пятна, что невольно отворотитесь и на унылые мелодические песни этих прекрасных жниц вы горько улыбнетесь и закроете уши».

В дальнейшем развитии сюжета автор не раз упоминает своего учителя — Гоголя, сравнивая старого Якима с Афанасием Ивановичем после смерти Пульхерии Ивановны. Точно так же он характеризует юность (и, как Гоголь говорит, «юркость») Марка.

Реалистический художественный метод Гоголя, его принципы типизации, раскрытие внутренней, социальной сути образа при помощи характерных деталей были творчески восприняты Шевченко¹.

И. Франко, не зная в то время точной даты создания поэмы «Наймичка» и принимая на веру фиктивную, ошибочно полагал, что раньше написана повесть, а затем поэма. Вместе с тем он дал глубокий анализ в отдельности и поэмы и повести, определяя на этом материале реалистический художественный метод Шевченко: «Оно (понимание искусства.— Е. К.), должно быть, заставляло его очищать избранную тему от всех лишних подробностей, от всякого, так сказать, шлака будничной жизни, чтобы таким образом облачить обыкновенный жизненный факт в ясную сферу идей. ...Верно подмеченный и умело выхваченный факт живой действи-

¹ См. главу: Гоголь і Шевченко в кн.: Крутікова Н. Є. Гоголь та українська література (30—80-х гг. ХІХ сторіччя). Київ, 1957, с. 154—304.

тельности он стремился таким образом превратить в тип, кристаллизуя в символический образ самой идеи»¹.

На некоторые художественные особенности повестей Шевченко, в частности «Наймички», обратил внимание А. Белецкий. Он указал, что, как ни странно, Шевченко — художник-профессионал — мало отражается в его стихах. Зато в прозе определенно чувствуется подлинный художник. В пример ученый привел описание вечера в повести «Наймичка»: «Солнце близилось к горизонту и золотило своим желто-багровым светом и без того золотые, уставленные копнами поля благодатного села. Широкая долина покрылася прозрачным светло-фиолетовым туманом и спрятала прекрасную линию своего горизонта в тумане. Сула зарделася матовым румянцем, как загоревшая на солнце молодая жница при встрече с милым косарем своим. По желто-пурпуровому мату извилистой Сулы кой-где тянутся за рыбацким челноком светлые блестящие струйки. Тянутся и пропадают в темно-зеленом очерете»².

Вслед за повестью «Наймичка» написана повесть «Варнак». Здесь также Шевченко использовал фабулу одноименной поэмы, написанной уже в ссылке. Идея повести та же: резкое обличение крепостничества, расплата народных мстителей с преступниками-крепостниками. Пользуясь жанровыми возможностями повести, Шевченко значительно шире, чем в поэме, разработал новый сюжет, ввел новые персонажи (например, панны Магдалены), глубже дал характеры тех персонажей, которые едва были намечены в поэме. Главный герой — крепостной, народный мститель — Кирилл, девушка — крепостная Марыся, граф Болеслав.

В повести значительно шире отображено антикрепостническое движение, и герой уже сознательнее относится к своим действиям, чем стихийный протестант в поэме. Варнак в повести так поясняет товарищу свои взгляды: «Слезами, земляче, ничего не возьмешь. Мы тоже, как видишь, были люди бедные, обиженные, загнанные, ограбленные! А теперь, слава милосердному богу, пануем! Да еще как пануем! Только глянь да посмотри! Ударь горем о землю! Пойдем с на-

¹ Франко І. Твори в 20-ти томах, т. 17, с. 115.

² См.: Білецький О. І. Від давнини до сучасності, т. 2. Київ, 1960, с. 245, 246. Стаття «Русская проза Шевченко».

ми, вольными козаками, право слово, не будешь каяться!».

Многими чертами своего характера Кирилл напоминает народного мстителя — Устима Кармалюка. Кирилл, хотя и называет себя «настоящим разбойником», грабит только шляхту, богатеев, тех, кто ездит в роскошных экипажах. Отбирая у богатых, Кирилл раздает бедным.

«Рыцарскими подвигами своими я снискал любовь крестьян на Подолии и Волыни. Слава о моем бескорыстии быстро распространялась между ними, а шайка моя еще быстрее выростала, так что через полгода у меня считалось около трехсот товарищей».

Тактика Кирилла также несколько напоминает действия Кармалюка. Он не держал отряд в одном месте, а распускал его, а потом собирал, когда надо было снова выступить против врага. Он всегда пользовался поддержкой крестьян: «Полиции я, правда, не очень трусил, потому что крестьяне меня любили и в случае опасности укрывали».

Вместе с тем нельзя никоим образом отождествлять Кирилла с Кармалюком. Шевченко очень высоко оценивал деятельность «славного рыцаря» Кармалюка и поэтому не хотел, чтобы читатель в непоследовательности Кирилла усматривал малейший намек на Кармалюка.

Повесть содержит авторское вступление и повествование Кирилла, которое не прерывается авторскими отступлениями. Нет в повести и авторской концовки. Во вступлении выражены характерные для всего творчества Шевченко его эстетические взгляды. В каждом его произведении существует известная тенденция, но она не навязывается читателю, а вытекает из системы художественных образов. Из боязни, что историю варнака читатели примут как морализаторство, он во вступлении задает вопрос: «Какие же могут быть причины нищеты в краю, текущем млеком и медом?» И сам отвечает: «На сей важный политико-экономический вопрос я на досуге напишу четырехтомный нравоописательно-исторический роман, в котором потщуся изобразить с микроскопическими подробностями нравы, обычаи и историю сего архиправославного народа».

А пока созреет этот знаменитый роман в моей многоумной голове, я расскажу вам вот что...»

Тут чувствуется ирония по отношению к морализа-

торским историческим романам. Читатель, по мнению Шевченко, должен был сам делать выводы из его повествования, сам прийти к ответу на вопрос: почему страдает народ и что ему следует делать, чтобы добиться своего освобождения. Шевченко недвусмысленно давал этот ответ в своей политической поэзии и не раз еще будет говорить об этом в других художественных жанрах.

10

После смерти в январе 1853 года коменданта Маевского положение Шевченко вновь осложнилось. Неизвестно было, как к нему отнесется новый начальник, да и письма к Шевченко шли по адресу Маевского.

Комендантом Новопетровского укрепления был назначен майор Ираклий Усков, он прибыл в апреле после открытия навигации на Каспии.

В свое время мне поручили рецензировать сценарий фильма о Шевченко, в котором автор, И. Савченко, слишком подчеркивал солдафонство Ускова. Это неверно. Наоборот, при Ускове положение Шевченко постепенно улучшилось. Его освободили от нарядов, разрешили отлучки из укрепления, и для переписки новый комендант также разрешил ему пользоваться своим адресом. В письме А. Козачковскому от 30 июня 1853 года поэт сообщает свой новый адрес: «Его высокоблагородию Ираклию Александровичу Ускову...» Молчаливо согласился Усков с тем, что Шевченко писал и рисовал. Вскоре поэт стал близким человеком в семье нового коменданта.

Шевченко нарисовал портреты Ираклия и Агаты Усковых. В письме Бр. Залесскому от 9 октября 1854 года он писал об Агате Усковой: «...эта прекраснейшая женщина для меня есть истинная благодать божия. Это одно-единственное существо, с которым я увлекаюсь иногда даже до поэзии».

В целом общение с семьей Ускова было для Шевченко отдушиной. Особенно любил он сына Усковых Дмитрия, преждевременная смерть которого была для него настоящим горем. В письме А. Козачковскому от 30 июня 1853 года он утешает своего друга, у которого умер ребенок, и делится своим горем: «Недавно прибывший к нам комендант привез с собою жену и одно

дитя, по третьему году. Милое, прекрасное дитя (а все, что прекрасно в природе, как *велица* вьется около нашего сердца). Я полюбил это прекрасное дитя, а оно, бедное, так привязалось ко мне, что, бывало, и во сне звало к себе *лысого дядю*. Я теперь совершенно лысый и сивый — и что же? Оно, бедное, захворало, долго томилось и умерло, мне жаль моего маленького друга, я тоскую, я иногда приношу цветы на его очень раннюю могилу и плачу».

В одном из писем Шевченко сообщал, что он теперь работает в новом для него жанре — скульптуре. Он нашел около укрепления хороший материал, глину и алебастр. В письме С. Гулаку-Артемовскому он сообщает, что ждет от скульптора К. Йохима барельеф для копирования и тут же объясняет: «Мне, ты знаешь, рисовать запрещено, а лепить — нет, вот я и леплю теперь...»

Одной из первых скульптурных работ Шевченко был памятник из белого камня на могиле сына Усковых. В неопубликованной части воспоминаний А. Усковой сказано, что он «выполнен прекрасно». Известно, что Шевченко кроме того создал четыре барельефа и скульптурную группу. Ни одна из этих работ не сохранилась. О сюжете одной скульптурной работы мы знаем из описания Бр. Залесского: «Барельеф... изображал внутренность киргизской кибитки, в ней киргиз играет на «балалайке», киргизка мелет на жернове, а третий — теленок — рычит»¹.

Совершенствуя живописные работы, созданные во время экспедиции 1851 года, Шевченко создавал и новые произведения. По-прежнему он много внимания уделяет жизни и быту казахского народа. Наиболее известны две его работы этого периода. Первая из них «Байгуши» (казахские беспризорные дети). Точная дата создания их неизвестна. Об этой работе мы знаем из письма Шевченко Бр. Залесскому: «С последней почтой послал тебе «Байгушей»; приюти их, если можешь, где-нибудь, а перед тем, какпустишь ты их в чужие люди, сделай мне, если это не трудно, фотографические копии в величину обыкновенного конверта». Прежде это письмо датировалось сентябрем—ноябрем 1853 года. Л. Большаков относит его к февралю 1854 года². В «Шев-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 239.

² Большаков Л. Побратимы. — Жовтень, 1966, № 2, с. 45—48.

ченківському словнику» рисунок датируется даже 1855 годом!

Сохранился другой рисунок: «Байгуши под окном». Тут также выражена любовь Шевченко к детям и к казахскому народу. На сених изображены два нищих мальчика. Из открытого окна им угрожает увесистый кулак. Видны тяжелые ворота Новопетровского укрепления, над которыми распростер крылья хищный орел как символ самодержавия.

В письмах этого периода Бр. Залесскому, также художнику, Шевченко как старший и более опытный товарищ дает весьма существенные советы и рекомендации. Бр. Залесский в то время уже получил чин прапорщика и ждал в Оренбурге назначения на службу в Илецкой Защите. Шевченко писал ему в цитированном письме: «Если в Защите у Дмитриева найдешь хорошие эстампы новой французской школы, как-то: Делакура, Делароша, Ораса Вернье и других, то хорошо скопировать их посредством фотографии, и держи эти копии у себя, смотри, любуйся ими каждый день и каждый час; это так может научить и образовать вкус, как никакая многоумная и многоглаголивая эстетика и философия. Великий Брюллов говаривал, бывало: «не копируй, а всматривайся»,— и я совершенно верю бессмертному Брюллову. Но я, кажется, взял на себя роль профессора, это для тебя только, друже мой милый, потому что в Оренбурге тебе и этого некому сказать, а ты так любишь прекрасное искусство».

Одним из близких друзей поэта в Новопетровском укреплении стал Мацей Мостовский, штабс-капитан артиллерии, участник польского национально-освободительного движения, прибывший сюда в 1853 году. Он был на десять лет старше Шевченко. Они познакомились еще в Орске, а здесь подружились. Впоследствии в «Дневнике» Шевченко записал: «Мостовский один-единственный человек во всем гарнизоне, которого я люблю и уважаю. Человек не сплетня, не верхогляд, человек аккуратный, положительный и в высокой степени благородный». Шевченко приводил некоторые детали из его биографии: «Я много от него слышал чрезвычайно интересных подробностей о революции 1830 года. Достоинно замечания то, что поляк рассказывает о собственных подвигах и неудачах без малейших украшений, редкая черта в военном человеке».

Вместе с тем он отмечал (в письме к Бр. Залесскому) его равнодушие к вопросам искусства. «Мостовский для меня теперь настоящий клад; это один-единственный человек, с которым я нараспашку, но о поэзии ни слова. Странно, человек тихий, добрый, благородный и без всякого понятия о прекрасном! Неужели это доля всего военного сословия? Жалкая доля!»

Мостовский даже предложил Шевченко поселиться в его квартире. Но поэт благоразумно отказался, во избежание нового доноса, жертвами которого могли стать они оба. Спустя два года Мостовский горячо благодарил его за это, и поэт записал в «Дневнике»: «Я... пошел на ближайшую пристань навестить заключенного друга Мостовского... Погостивши у Мостовского до восхода едва ущербленной луны, я собрался в обратный путь. Прощаясь, он благодарил меня за наведение и еще за то, что два года тому назад я не принял его благородного предложения поселиться у него на квартире. Теперь он только понял, какую подлую кляузу мог вывести Мешков (чиновник укрепления, — Е. К.) из нашего сожительства. У него не дрогнула бы рука воспользоваться силою военных уголовных законов, где сказано, что офицер, позволивший себе фамильярное обращение с нижним чином, предается военному суду. Теперь только он увидел пропасть, от которой я его отвел, зная лучше отвратительного надворного советника Мешкова».

Из этого можно видеть, какой большой опасности подвергали себя все офицеры, гуманно относившиеся к Шевченко, в частности Маевский, Усков, Косарев и другие.

В письмах Бр. Залесскому Шевченко передавал привет своим польским друзьям: Турно, Сераковскому, Колесинскому, Середницкому, Венгжиновскому, Цейзику, Зеленке, высказывал пожелание познакомиться с польским поэтом Антонием Совой (Э. Желиговским).

Неоднократно встречался Шевченко с академиком К. Бэром во время его обследования Каспийского моря и посещений Новопетровского укрепления. К. Бэр позже принимал участие в освобождении поэта из ссылки. Познакомился Шевченко и с другими участниками экспедиции: Н. Данилевским и Н. М. Семеновым. Существовало мнение, что Семенов — это П. Семенов-Тяньшанский. В его капитальном труде «Россия» упоминает-

ся Аральская экспедиция, участие в ней Шевченко и даже цитируется его стихотворение «Прощай, убогий Кос-Арал»¹. На это обратил внимание ученый-географ А. Маринич². Но Семенов-Тяньшанский в это время в Средней Азии не был. Речь у Шевченко шла о Н. М. Семенове, помощнике начальника экспедиции. Через Семенова Шевченко передал О. Бодянскому автопортрет и письмо.

11

В свободное время Шевченко продолжал писать повести на русском языке. Ближе познакомившись с И. Усковым, он перестал прибегать к фиктивным датам и третью свою повесть «Княгиня» датировал 1853 годом, но на всякий случай подписал ее псевдонимом: «К[обзарь] Дармограй». Автор использовал в повести некоторые фабульные ситуации поэмы «Княжна», но значительно расширил сюжет, композицию и поставил в центре повествования образ матери, отсюда и название — «Княгиня».

Начинается повесть широким авторским вступлением, воспоминаниями о детских годах, которые завершаются перефразированными строками Кольцова:

Без любви, без радости
Юность пролетела.

Дальнейшее повествование также носит характер воспоминаний о путешествии по Украине. В одном селе вблизи Трубайла (Трубежа) рассказчик, остановившись в хате Степановича и Микитовны, интересуется девочкой, которую хозяйка называют «панским ребенком», «князем» («княжа» — «княжеское дитя»).

Основная часть посвящена рассказу Микитовны о трагической истории княгини — Катерины Демьяновны, насильно выданной замуж за развратного князя.

Как и в поэме, Шевченко раскрывает здесь резкие противоречия крепостничества, с одной стороны — утопающие в богатстве помещики, с другой — голодающие крестьяне.

¹ Россия, т. 19. Туркестанский край, 1913, с. 595.

² Маринич О. Интерес Т. Г. Шевченка до вивчення природи.— В кн.: Тарас Шевченко, до сторіччя з дня смерті. Київ, 1961, с. 236.

Крепостные умирают с голоду, в то время как у князя полны закрома:

«Вы, может быть, думаете, что у нас хлеба не было? Мыши его ели в скирдах и в коморах; лет пять можно было б прокормить не только наше село, а весь Козелец. Так что же ты будешь делать? — не дает людям. — Лучше, — говорит, — продам, когда вздорожает, а люди нехай дохнут, от них прибыли мало».

Раскрытию этого глубокого контраста служит вся композиция повести. В авторском вступлении Шевченко говорит о красоте украинской природы, о прекрасных белых хатах, словно улыбающихся среди зелени, и спрашивает: «Может ли быть место в этих милых приютах нищете и ее гнусным спутникам? Нет! А иначе человек был бы не человек, а простое животное». Рассказав о трагической истории княгини, раскрыв антагонизм между обитателями беленьких хат и помещичьего имения, Шевченко заканчивает повествование словами: «Вот тебе и село! Вот тебе и идиллия! Вот тебе и патриархальные нравы!»

«Княгиня» была первой повестью, которую Шевченко пытался опубликовать в петербургских журналах, сначала в «Отечественных записках», а затем в «Современнике», но безуспешно. Впервые она была напечатана в 1884 году в «Киевской старине».

Письма Шевченко этого периода представляют огромный интерес, так как они дают возможность судить о его духовном мире, о непрекращающейся деятельности, как литературной, так и художественной. Особенно ценны письма Бр. Залесскому, которому он отправлял свои рисунки.

После смерти Шевченко Бр. Залесский издал в Париже альбом из 23 офортов.

Некоторые рисунки очень напоминают работы Шевченко. Так офорт «Скала монаха» очень похожа на акварель Шевченко «Скала «Монах». Возможно, что во время геологической экспедиции оба художника срисовывали одну и ту же местность. Жаль только, что в предисловии к альбому Шевченко не упомянут¹.

В начале января 1854 года Усков обратился с рапортом по начальству о разрешении Шевченко нари-

¹ См. подробнее: Паламарчук Г. П. Офорті Шевченка в альбомі офортів Броніслава Залеського. — Збірник праць дев'ятої наукової шевченківської конференції. Київ, 1961, с. 192.

совать образ для церкви укрепления. Нет сомнения, что этот рапорт был пробным камнем для официального разрешения Шевченко рисовать. Но снова последовал отказ Перовского.

Несмотря на это Шевченко продолжает рисовать. В этот период созданы портреты Усковых, портрет супругов Бажановых. Подпоручик Николай Бажанов — смотритель госпиталя — относился к Шевченко весьма сочувственно. Они часто встречались в семье Усковых. Через Бажанова Шевченко получал некоторые письма.

В эти годы Шевченко сделал два автопортрета в штатском. Один, как мы упоминали, был послан О. Бодянскому, второй — позже — Я. Кухаренко. Оба портрета не сохранились, но второй известен нам по фотопропродукции из архива писательницы Олены Пчилки (матери Леси Украинки), хранящейся в Институте литературы им. Шевченко.

В портретах Шевченко середины 50-х годов можно обнаружить некоторые общие черты. Если раньше портреты писались на нейтральном фоне, то теперь, как правило, — на фоне бытовых картин. Главное внимание по-прежнему обращено на выражение лица человека, но больше, чем прежде, внимания уделяется одежде, окружающим предметам.

Переписка Шевченко этих лет свидетельствует о его литературных интересах. Прочитав в газете «Русский инвалид» о назначении кошевым Я. Кухаренко, Шевченко возобновил с ним переписку, интересуясь, напечатана ли его пьеса «Черноморский быт»? О. Бодянского он просит посетить могилу Гоголя и поклониться его праху. В письме к Бр. Залесскому поэт упоминает, что прочитал биографию Гоголя (очевидно, написанную П. Кулишом). В письмах мы находим имена Крылова, Плещеева и многих других писателей.

Шевченко был хорошо знаком не только с русской, но и с польской литературой. Он рад обещанию Бр. Залесского послать ему произведения Богдана Юзефа Залесского, находившегося тогда в эмиграции в Париже. Получив томик его поэзии, Шевченко отвечает 9 октября 1854 года: «Милого Богдана я получил с сердечной благодарностью и теперь с ним не разлучаюсь; многие пьесы наизусть уже читаю, одно иногда сердце тяготит — некому слушать, некому передавать той прелести, которую заключает в себе поэзия, а одному тяже-

ло носить этот избыток возвышенных божественных идей».

Произведения Богдана Залесского Шевченко знал еще раньше, до получения книги. Бр. Залесский послал поэту, очевидно, третий или четвертый тома петербургского издания 1852 года. В дальнейших письмах он напоминает о присылке 1 и 2 томов. В свою очередь, Богдан Залесский очень интересовался личностью и творчеством Шевченко. Это видно из письма Бр. Залесского, пославшего Богдану фото Шевченко и одно из его писем: «Он (Богдан—Е. К.) сохраняет несколько твоих рисунков и просит почтительно добыть ему твой автограф, и во имя любви моей к вам обоим я разлучился с этим письмом»¹. Позже Богдан Залесский откликнулся на смерть поэта стихотворением «Могила Тараса».

Очень хорошо Шевченко был знаком с творчеством польского поэта Антония Сова (Эдварда Желиговского). Так, он упоминает его поэтическое произведение «Йордан, фантазия драматическая», в котором дана острая сатира на шляхту. Получив портрет Желиговского, Шевченко писал 25 сентября 1855 года Бр. Залесскому: «О, с каким бы наслаждением я прочитал бы теперь его «Йордана»! Но это желание несбыточное». Когда поэт получил в рукописях два лирических стихотворения Желиговского, он назвал их «прекрасными» и особенно отметил «Два слова» и «Экспромт». Не удовлетворен он был переводом стихотворения «Два слова» на русский язык: «...эта идея так возвышенно прекрасна и так просто высказана у Сова, что Плещеева перевод, хотя и передает идею верно, но хотелось бы изящнее стиха, хотелось бы, чтобы стих легче и глубже ложился в сердце, как это делается у Сова».

В письме 9 октября 1854 года Шевченко писал о новых переводах, сделанных Совой. Из контекста можно догадаться, что речь шла о переводе поэмы «Катерина» на польский язык: «Переводы Сова так же прекрасны, как и его оригинальная поэзия, и я не из скромности авторской, а говорю, как понимаю вещь. «Катерина» моя не так хороша, а главное,— не так цела, чтобы ее переводить, и переводить Сове, а, впрочем, он, может быть, это лучше меня знает». К сожалению, сведений о переводе «Катерины» Желиговским у нас нет.

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 159.

Шевченко интересуется поэмами Оссиана (их он воспринимает, как и многие другие, как фольклорное произведение, а не создание Макферсона). Он советует Бр. Залесскому выписать Оссиана во французском переводе, не раз упоминает о сказаниях в письмах и в повести «Близнецы». Шевченко обрадовался, когда его адресат пообещал прислать ему произведения немецкого поэта-патриота, борца против Наполеона, Т. Кернера¹.

Хочется отметить интерес Шевченко к «Слову о полку Игореве». Он просит А. Козачковского и О. Бодянского прислать ему переводы Шишкова и Максимовича. В газете он прочитал о выходе нового перевода Н. Гербеля. В связи с этим у него возникает мысль перевести «Слово» на украинский язык: «Давно шевелится у меня в голове мысль перевести на наш прекрасный язык «Слово о полку Игореве», — пишет он А. Козачковскому 14 апреля 1854 году и просит прислать текст: «...а то на твоей душе будет грех, если не будет оно, то «Слово», переведено на наш задушевный, прекрасный язык». К сожалению, замысел этот был осуществлен только после ссылки, и то частично.

28 ноября 1854 года Шевченко начал работать над повестью «Музыкант» и окончил ее 15 января 1855. Даты говорят об интенсивности творческого процесса, несмотря на трудные солдатские будни.

Если фабулы первых трех повестей в известной степени заимствованы из его поэтических произведений, то сюжет повести «Музыкант» — оригинальный. Тема повести — тяжелая жизнь крепостной интеллигенции. Тема эта в различных планах ставилась уже русской литературой 30—40-х годов: «Дмитрий Калинин» В. Г. Белинского, «Художник» А. В. Тимофеева, «Именины» Н. Ф. Павлова. Образом талантливой крепостной артистки Тарасевич повесть «Музыкант» сближается с повестью Герцена «Сорока-воровка» (1848), в основу которой положен факт, рассказанный М. Щепкиным. К сожалению, мы не знаем, читал ли Шевченко повесть Герцена, опубликованную в «Современнике», когда он находился в ссылке, да еще в Аральской экспедиции.

¹ См. также упоминание о нем в повести «Прогулка с удовольствием и не без морали».

Независимо от этого, сама крепостническая действительность давала аналогичный материал. Не случайно автор повести «Музыкант» конкретно называет села, в которых происходит действие: Дигтяри, Сокирынцы, Качановка. Называет и конкретных крепостников их собственными именами. Ведь в Арновском каждый мог узнать Тарновского, хозяина Качановки, видного общественного деятеля и мецената, который принимал у себя Гоголя, Глинку, Максимовича и многих других деятелей литературы и искусства.

Недаром редакция киевской газеты «Труд» в 1884 году, при первой публикации повести, вместо «Качановка» напечатала: «Кленовка», а вместо «Арновский» — «Кленовский».

Так текст повести печатался до 1936 года, когда автор этих строк при подготовке текста академического издания не сверил первопечатный текст с рукописью¹.

В композиции повести есть общие черты с предыдущими повестями Шевченко. Повествование ведется в форме дорожных записок автора, который по поручению Киевской археографической комиссии описывал исторические памятники и случайно заехал в село Дигтяри.

Центральной фигурой является музыкант Тарас Федорович, образ которого раскрывается как в авторском повествовании, так и в письмах и воспоминаниях о нем. Это — крепостной, талантливый музыкант, скрипач и виолончелист, учившийся в Италии и с большим мастерством, с глубоким пониманием исполняющий сложные классические произведения выдающихся композиторов. Вместе с тем он, которого высоко ценит великий Глинка, вынужден выполнять обязанности лакея. Шевченко глубоко раскрыл подлинную трагедию одаренного крепостного интеллигента. Судьба музыканта была ему близка. Не случайно его имя — Тарас.

Не менее трагична история и талантливой артистки Тарасевич, крепостной Арновского. Тарасевич — прекрасная певица. Исполненные ею арии Людмилы из оперы «Руслан и Людмила», из «Прециозы» Вебера высоко оценивают Глинка и Штернберг. Чтобы попасть на петербургскую сцену, она вынуждена стать любов-

¹ См.: К и р и л ю к Е. Шевченко-прозаїк.— Літературна критика, 1936, № 5, с. 96—103.

ницей Арновского, но сцены ей так и не суждено было увидеть. В Петербурге она умирает в больнице, записанная как «крепостная девка» Арновского.

В образе «гнусного сластолюбца» Арновского Шевченко обличает мерзость всего крепостничества. Музыкант пишет в своем письме:

«О, если бы я имел великое искусство писать! Я написал бы огромную книгу о гнусностях, совершающихся в селе Качановке.

Не помню, в какой книге я начитал такое изречение, что если мы видим подлеца и не показываем на него пальцами, то и мы почти такие же подлецы».

Интересны эстетические позиции Шевченко, высказанные им в этой повести.

Критически относился он к романтической прозе Марлинского. Провинциальный педагог Иван Максимович с восторгом говорит: «Да как прочитал Марлинского, так у меня и руки опустились. Что за блестящий, что за гениальный слог!» Нельзя не почувствовать иронического отношения Шевченко к устаревшей манере Марлинского. Не мог Шевченко не знать строгой оценки, данной Марлинскому Белинским: «Это поэзия, но поэзия не мысли, а блестящих слов, не чувства, но лихорадочной страсти; это талант, но талант чисто *внешний*, не из мысли создающий образы, а из материи выделяющий красивые вещи»¹.

Вместе с тем Шевченко отвергал и натуралистическое отображение действительности: «Не описываю вам ни хозяйки, ни хозяина, потому что во время нашей аудиенции на дворе было почти темно, следовательно, подробностей рассмотреть было невозможно. А как ни будь хороша картина в целом, но если художник пренебрег подробностями, то картина его останется только эскизом, на который истинный знаток и любитель посмотрит и только головой покачает. И отойдет со вздохом к портретам Зарянка восхищаться гербами, с убийственной подробностью изображенными на пуговицах какого-нибудь вицмундира». В другом месте той же повести, как и в «Дневнике» (запись от 12 июля 1857 г.), он говорит о «дагерротипном подражании природе» того же художника.

С. Зарянка — художник-реалист, принадлежал к

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 46.

школе Венецианова, был мастером интерьеров и портретного жанра. Как педагог он требовал от учеников серьезного изучения натуры. Из его школы вышли такие выдающиеся художники-реалисты, как Перов, Маковский и другие. В то же время его ученики считали реализм своего учителя в некоторой степени ограниченным, лишенным публицистичности, идейной направленности. Слова «с убийственной подробностью» говорят о критическом отношении Шевченко к несколько натуралистической манере Заряно.

При всем этом автор повести «Музыкант» отнюдь не отказывается от изображения детали — необходимого условия реалистического отображения действительности. Но деталь, по мнению Шевченко, не может быть самоцелью. Вот, например, пейзаж. Шевченко не мог любоваться красотой природы, забывая при этом о жизни людей, не мог отображать ее нейтрально: «Я же, несмотря на фрак и прочие принадлежности, был совершенно спокоен и даже счастлив, глядя на необозримые пространства, засеянные житом и пшеницею. Правда, и в мое сердце прокрадывалась грусть. Но грусть иного рода. Я думал и у бога спрашивал: «Господи, для кого это поле засеяно и зеленеет?» Хотел было сообщить мой грустный вопрос товарищу — но, подумавши, не сообщил. Когда бы не этот проклятый вопрос, так некстати родившийся в моей душе, я был бы совершенно счастлив, купаясь, так сказать, в тихо зыблемом море свежей зелени».

Шевченко описывает тяжелое положение крепостных, живущих среди прекрасной природы: «Глядя на оборванных крестьян, попадавшихся нам навстречу, мне представлялся этот бал каким-то нечеловеческим весельем». Описаниям, как правило, сопутствует авторская оценка. Так, рассказав о развлечении крепостников, он добавляет: «Цинизм, чтобы не сказать мерзость, и больше ничего».

Таким образом, все повествование подчинено основной идее — обличению крепостничества. Возможно, именно поэтому Шевченко и не пытался предпринимать что-либо для публикации этой повести.

Через несколько дней после окончания «Музыканта», 24 января 1855 года, Шевченко начал писать новую повесть — «Несчастный» — и очень быстро закончил ее (20 февраля). В основе этой повести лежали его собственные наблюдения. Еще 9 октября 1854 года поэт пи-

сал Бр. Залесскому: «Нынешнее лето прибыло сюда несколько человек конфирмованных; но лучше было б не видать мне их никогда. Пустота страшная! но бог с ними». Не исключено, что он мог наблюдать сосланных в солдаты еще в Орской крепости, так как именно здесь происходит действие в начале повести.

Повесть «Несчастный» — второе после «Варнака» прозаическое произведение, в котором отражены впечатления, полученные уже в ссылке. Что же касается помещичьего круга, то, как и в предыдущих повестях, Шевченко пользовался неисчерпаемым запасом своих впечатлений середины 40-х годов. Здесь впервые показано русское село и русские крепостники, мало отличавшиеся от своих украинских собратьев.

Слово «несчастный» употребляется иронически. Автор услышал его из уст солдат, которые совсем не сочувствовали развращенным помещичьим сынкам, отданным в солдаты за различные уголовные преступления. Центральным образом повести является Ипполитушка Хлюпин, записанный в рядовые по просьбе родной матери. В повести обличается крепостнический строй как система, деморализующая прежде всего помещичий класс.

Мать Ипполитушки Мария Федоровна, дочь прапорщика, женщина легкого поведения. Став помещицей, она издевается не только над крепостными, но и над детьми своего мужа от первого брака. Падчерицу она отвозит в столицу и как крепостную девку отдает в «заведение». Уродливо воспитанный родной ее сын Ипполитушка становится воров, обкрадывающим в первую очередь родную мать, за что она и сдает его в солдаты. В образе Марии Федоровны показана крепостница, которая в известной мере является предшественницей образа Головлевой у Салтыкова-Щедрина.

Описывая имение Хлюпина, автор высказывает сожаление, что в свое время не проник глубже в его жизнь: «О, если б я знал тогда, что когда-то придется мне писать историю обитателей этого роскошного уединения! Я бы тогда не ограничился одним поверхностным взглядом, а постарался бы проникнуть и в хоромы, и всюду, куда только можно проникнуть, всюду бы заглянул, и, может быть, тогда моя история была бы и полнее, и круглее».

Ввиду острого обличительного характера повести Шевченко и не пытался ее печатать.

Жизнь рядового солдата с каждым годом становилась для Шевченко тяжелей. Это отражается прежде всего в его письмах. В письме к Бр. Залесскому от 10 февраля 1855 года читаем: «Верить ли, мне иногда кажется, что я и кости свои здесь положу, иногда просто и одурь на меня находит, такая жгучая, ядовитая сердечная боль, что я себе нигде места не нахожу, и чем далее, тем более эта отвратительная болезнь усиливается. И то сказать: видеть перед собою постоянно эти тупые и вдобавок пьяные головы человеку и более меня хладнокровному не мудрено с ума сойти; и я в самом деле отчаиваюсь видеть когда-либо конец моим жестоким испытаниям».

Некоторое время Шевченко питал надежду на повышение в чине, но и здесь его ждало разочарование. Поскольку его отдали в солдаты с правом выслуги, командование Новопетровского укрепления пыталось добиться для него унтер-офицерского чина, что хотя бы отчасти могло облегчить его положение. Еще в 1854 году генерал-майор Фрейман представил командиру корпуса Перовскому доклад о производстве Шевченко в унтер-офицеры, но батальонный командир Львов на запрос корпусного начальства по этому поводу ответил, что Шевченко «по фронтовому образованию слаб» и не заслуживает производства. В письме А. Плещееву 6 апреля 1855 года поэт писал: «В прошлом году генерал Фрейман представил меня в унтер-офицеры. Я существовал этой бедной надеждою до конца марта текущего года; а перед самой пасхой почта привезла приказ майора Львова, чтобы взять меня в руки и к его приезду непременно сделать меня образцовым фронтовиком, а не то я никогда не должен надеяться на облегчение моей участи... и из меня, теперь пятидесятилетнего старика, тянут жилы по осьми часов в сутки!».

Поэту шел тогда сорок второй год, но два ареста, тяжелые условия ссылки рано состарили его. На автопортретах этого периода мы видим лысого, с большой бородой человека, которому можно дать и более пятидесяти лет. О своем «пятидесятилетии» Шевченко писал и позже в письмах к В. Григоровичу и А. Толстой.

В феврале 1855 года умер Николай I, и снова поэт мечтает об облегчении своей участи, надеясь на амнистию. Шевченко обращается с письмами к В. Григоровичу, графу Ф. Толстому, З. Сераковскому, художнику Н. Осипову, позже к А. Толстой и др. Но дело освобождения подвигалось чрезвычайно медленно.

Шевченко продолжал работать. 15 марта 1855 года он начал повесть «Капитанша». Даты окончания нет, но закончена она не позже 10 июня того же года, когда была начата новая повесть «Близнецы».

«Капитанша» также принадлежит к группе повестей с оригинальным сюжетом. В композиции есть общие черты с предыдущими повестями: сначала — дорожные записи автора, основная же часть сюжета развернута во вставке, написанной в форме рукописи «Капитанша, или Великодушный солдат. Рассказ самовидца». Завершается повесть авторским повествованием.

Основная идея повести — обличение крепостничества в морально-этическом плане. Два года спустя Шевченко, рассказав в «Дневнике» об оскорблении, нанесенном ему поручиком Кампиони, напишет: «Мерзавцы, да еще патентованные мерзавцы!»

В повести «Капитанша» выведены два таких типа, принадлежавших к офицерскому сословию. Это полковой адъютант, «хватище на все руки», который вывез из Франции под видом жокея или пажа и потом бросил мать Варочки, и второй, похожий на него, «беспардонный капитан», обманувший Варочку. Этим «патентованным мерзавцам» уделяется в повести мало внимания. Основное внимание автора направлено на то, чтобы противопоставить им нравственную чистоту простого народа. Шевченко выводит и честных, порядочных офицеров, в частности отца Виктора Александровича, автора «рассказа самовидца», и самого Виктора Александровича.

Нет в повести и сплошной идеализации народа. Во вставной новелле идет речь о влиянии крепостнической морали на некоторую часть простого народа, в частности тех, кто, научившись грамоте, начинает помыкать себе подобными: «Тут-то я только узнал,— говорит рассказчик,— что значит так называемый грамотный русский человек. Эти грамотеи попадают в солдаты большей частью из помещичьих сельских писарей. Мужички

наши недаром говорят: «Не буде добра и правды на земли, поки письменним очи не повилазять». Только вследствие глубокого презрения к этим грамотеям могла родиться подобная поговорка.

«...Общая грамотность в народе — величайшее добро, но где на сто — один грамотный, — величайшее зло. Я ничего не знаю безнравственнее и отвратительнее сельского писаря: он первый грабитель бедного мужика, лентяй, пьяница, сосуд всех мерзостей и первый развратитель простодушного мужичка, потому что он святое письмо читает». Образ такого грамотея вывел Квитка-Основьяненко в пьесе «Шельменко-денщик». Шевченко высказывает резко отрицательное отношение к этому образу: «Покойный Основьяненко в своем «Шельменко, волостном писаре» только легкий очерк набросал этого отвратительного типа». Это замечание важно тем, что у нас были попытки трактовать образ Шельменко положительно.

Подлинным носителем народной чести и морали является Яким Туман, сначала солдат, «барабанный староста», потом хозяин постоялого двора. Это он берет на воспитание после смерти матери дочь француженки Варочку, женится на ней, воспитывает неродную дочь Еленочку. Рассказав, как Туман день и ночь шьет сапоги, чтобы заработать на воспитание Варочки, автор «рассказа самовидца» делает такой широкий вывод: «Человек трудолюбивый, по-моему, самый счастливый человек на свете, особенно если труд его имеет такую возвышенную, такую благородную цель, как труд этого простого, этого безграмотного человека. Завидую и всегда буду завидовать тебе, счастливый благородный труженик».

По сравнению с другими повестями развитие действия в повести «Капитанша» носит более статичный характер. Но всем своим содержанием повесть Шевченко противостояла либерально-консервативной литературе, всячески скрывавшей основные пороки крепостнического общества. Не случайно Виктор Александрович, записав со слов отца историю «капитанши», боится ее печатать: «Пожалуй, еще какой-нибудь Барон Брамбеус остриться на мне вздумает или просто назовет ее пустою выдумкой, а это для меня пуще ножа острого».

Повесть Шевченко и противостояла литературе Сенковского (Барона Брамбеуса).

Сложен образ Виктора Александровича, в нем не трудно узнать украинского поэта-романтика Виктора Забилу. Хотя Шевченко пишет о нем как о человеке глубоко порядочном, гуманно относящимся к народу, он все же относится к нему несколько иронически: «Воспитывался он, правда, в Нежинском лицее в одно время с незабвенным нашим Гоголем, потом служил в каких-то гусарах, и служил с таким успехом, что и тени в нем не осталось прежнего воспитания. Он уже пять лет, как оставил службу, но и теперь не прочь был погусарить при удобном случае и жаловался только на упадок физических сил, то есть на головную боль после попойки. Но это, я думаю, происходило вследствие недостатка практики. Как настоящий бандурист играл он на бандуре. И в часы досуга занимался сочинением чувствительных малороссийских романсов, из числа которых один положен на музыку известным нашим композитором Глинкою. И чтобы сохранить самобытность в литературе, не читал он ровно ничего, кроме басен Федра, переведенных во время оно знаменитым Барковым, да еще кое-когда заглядывал в «Царь, или Спасенный Новгород» Хераскова. Словом сказать, он совершенно оградил себя от всякого подражания на поприще литературы». Эта характеристика, как и обрисованный Шевченко демократизм поведения Забилы, соответствует сохранившимся воспоминаниям о поэте.

Морально-этические проблемы решались и в повести «Близнецы», начатой 10 июня 1855 года и законченной 20 июля того же года. Работая напряженно, Шевченко написал «Близнецы» в течение сорока дней.

В этой повести в описаниях местности, исторических памятников отображены личные впечатления Шевченко во время путешествий по Украине, а также во время пребывания в Орской крепости и перехода из Орска в Раим.

Повесть связана с предыдущим произведением основной идеей — обличением «военного сословия», а точнее — николаевского офицерства. Близнецы — двое младенцев, Зосима и Савватий, подброшенных матерью, покончившей жизнь самоубийством после выезда из Переяслава кавалерийского полка. Воспитываются они в семье сотника Никифора Федоровича Сокиры. И хотя условия семейного воспитания одинаковы, они, став взрослыми, оказываются разными людьми, что автор

объясняет различием школьного воспитания, окружения, общественных условий, в которых они оказались. Зосима учится в кадетском корпусе и становится гвардейским офицером, таким же «патентованным мерзавцем», как выведенные в предшествующих повестях. Старый Сокира не хотел отдавать сына в кадетский корпус, но должен был уступить настояниям супруги. Условия пребывания Зосимы в корпусе, где обучались сынки привилегированных родителей, не показаны, но при помощи немногих деталей Шевченко дает понять, в каком направлении шло его воспитание. В письмах родителям Зосима подчеркивал, что он «почти нищий между воспитанниками». Закончив корпус, он изменил свою фамилию на «благородный» лад, стал называться «Сокирин» (вместо: Сокира), что очень не нравилось отцу: «Сокирин», «Сокирин» — худой знак, — говорил тихо Никифор Федорович...» Далее Шевченко уже подробнее рассказывает, как постепенно Зосима опускается все ниже и ниже. Назначенный в лейб-гвардии гренадерский полк в Петербурге, он требует от родителей денег, стесняется сказать товарищам, что его мать неграмотна, и рассказывает, что деньги, на самом деле присланные ему матерью, он получил от любовницы. После участия в дебоше Зосиму переводят из гвардии в армейский полк, затем, после ряда преступлений, по приговору военного суда ссылают рядовым в Отдельный Оренбургский корпус. Возвратившись на хутор, он продолжает бесчинствовать, прогоняет мать и наконец пьяный погибает. История Зосимы — это, собственно, первый, начальный набросок сюжета, позже воплощенного в серии сепий «Притча о блудном сыне».

Все сочувствие автора отдано другому брату — Савватию, сформированному совсем другой средой и иными интересами. По желанию отца его отдают в гимназию, где попечителем был автор «Энеиды» и «Наталки Полтавки» И. Котляревский. После гимназии Савватий, страстный почитатель творчества Гоголя, поступает на медицинский факультет Киевского университета, по окончании которого назначается в Оренбургский край. Через несколько лет он возвращается в Переяслав и становится уездным врачом. Это — гуманный, честный, порядочный человек.

Манера повествования Шевченко в этой повести близка к гоголевской. «Чтобы избежать оригинальности, которую так любят щегольнуть юные повествова-

тели наших дней и которые, возлюбя всем сердцем и всем помышлением французские уродливые повествования, наперерыв подражают им и в простоте юного и уже отчасти растерзанного сердца верят, что они оригинальнее самого полубога А. Дюма (блаженны верующие, я же неверующий Фома), начну старыми словесы повествование мое тако.

Сначала опишу со тщанием место, то есть пейзаж; потом опишу действующих лиц, их домашний быт, характеры, привычки, недостатки и добродетели, а потом уже по мере сил приступлю к драме, то есть к самому действию. Метода или манера эта не новая, но зато хорошая манера, а хорошее, как говорят, не стареет,—исключая хорошенькую кокетку, которая,—увы!—увядает преждевременно».

Вопрос, кого именно имел в виду Шевченко под «юными повествователями наших дней», исследован недостаточно, но на одного из них указывает он сам. Когда Савватий просит брата прислать ему из Петербурга «Мертвые души», тот высылает ему роман Р. Зотова «Никлас — Медвежья лапа». Реакция Савватия на получение посылки является, собственно, и оценкой этого низкопробного произведения: «На улице разрезал он веревочку перочинным ножиком, распорол клеенку, развернул обертку и с ужасом прочитал: «Никлас — Медвежья лапа». Потемнело в глазах у бедняка, и полураскрытая посылка вывалилась из рук. Простояв с минуту, пошел он, грустный, сам не зная куда, а посылка так и осталась на улице, пока ее не поднял какой-то нищий и, осмотревши внимательно, пошел прямо в кабак. Целовальник имел счастье за шкалик приобрести бессмертное творение и как человек грамотный и любознательный и теперь коротает счастливые досуги, а иногда и вслух читает своим запоздалым посетителям». Роман этот находил нетребовательных читателей и в 1858 году был переиздан под названием: «Никлас-Медвежья лапа — атаман контрабандистов, или Некоторые черты из жизни Фридриха II». Также критически оценивал Шевченко в этой повести произведения А. Шаховского «Казак-стихотворец» (Никифор Федорович «обыкновенно говорил, что это чепуха на двух языках, и я вполне согласен с мнением Никифора Федоровича», — пишет Шевченко) и повесть «Маруся» («Малороссийская Сафо», для которой «слово «чепуха»... слишком слабо»).

Зато высоко оценивает он произведения И. Котляревского, оды П. Гулак-Артемовского («гениальная пародия»), «Сердешную Оксану» Квитки-Основьяненко, сатирическую песню Г. Сковороды «Всякому городу нрав и права». Правда, оценка произведений Сковороды весьма противоречива¹.

В тексте повести широко использованы украинские народные песни.

Повесть «Художник» написана в период с 25 января по 4 октября 1856 года. Построена она в первой части на автобиографическом материале. В образе рассказчика не трудно узнать И. Сошенко, в образе талантливого художника-крепостного (имя его не названо, именуется он «протеже») — самого Шевченко. Повесть нельзя рассматривать как автобиографию. Художник-крепостной моложе, чем был Шевченко во время знакомства с Сошенко. Во второй половине повести много вымышленных эпизодов.

Шевченко создал яркие реалистические образы К. Брюллова, А. Венецианова, И. Сошенко, В. Жуковского, М. Виельгорского, помещика Энгельгардта, мастера Ширяева. Центральным образом повести является одаренный художник-крепостной, гибнущий в условиях несправедливого общества. В ином плане гибель художника дана Гоголем в повести «Портрет». Но оба произведения роднит общая идея: искусство должно служить благородным целям.

Текст повести «Художник» свидетельствует о высокой культуре автора. Не имея под руками никаких справочных изданий, он приводит сотни имен, названий произведений, явлений культуры разных эпох и народов.

Последняя известная нам повесть Шевченко — «Прогулка с удовольствием и не без морали» — писалась в течение продолжительного времени. Первая часть закончена вслед за повестью «Художник» 30 ноября 1856 года. Вторая часть закончена после ссылки (датована 16 февраля 1858 года). Обе части подписаны еще псевдонимом «К. Дармограй». Повесть имеет посвящение: «...Сергею Тимофеевичу Аксакову в знак глубокого уважения».

¹ См. по этому поводу: Попов П. Шевченко і Сковорода.— В кн.: Пам'яті Т. Г. Шевченко. Київ, 1939, с. 207—225.

Эта повесть также антикрепостническая по своему содержанию.

Старик Курнатовский, о котором в повести только упоминается,—типичный крепостник, представитель «барства дикого». На вопрос рассказчика, что представляет собой панна Дорота, собеседник отвечает: «Мрачный психический феномен. Она идиотка вследствие обмана и оскорблений. Ее печальная история тесно и даже родственно связана с гнусной историей старого Курнатовского, отца теперешнего владельца. Я вам расскажу ее историю... И по-моему, такие истории не только рассказывать — печатать следует. Эти растлители-беззаконники законом ограждены от кнута. То их следует и должно печатно казнить и позорить как гнусное нравственное безобразие».

Такое же значение придавал искусству и Чернышевский: «Воспроизведение жизни — общий характеристический признак искусства, составляющий сущность его; часто произведения искусства имеют и другое значение — объяснение жизни, часто имеют они и значение приговора о явлениях жизни»¹.

Таким же крепостником предстает поначалу и молодой Курнатовский. Он так же, как его отец, пользуется всеми «радостями» помещичьей жизни, содержит домашний гарем, сохраняет во всей неприглядности комнату с четырьмя дверьми, на каждой из которых надпись: «Наслаждение», «Движение», «Отрада» и «Награда». Но, столкнувшись с непокорностью одной из своих крепостных и женившись на ней, он, под ее влиянием и влиянием тех людей, которые ее окружают, меняется к лучшему. «Как обстановка изменяет человека!» — повторяет Шевченко свою излюбленную мысль.

Господской морали противопоставлена мораль простых людей. Бывший матрос-инвалид Осип Федорович Обеременко просит вместо награды за верную службу отечеству — единственно освобождения своей родной сестры от крепостной зависимости, его сестра Елена своим мужеством и настойчивостью спасает себя и помогает перерождению Курнатовского.

Повесть «Прогулка...» ценна прежде всего своим обличением крепостничества и утверждением принципов революционно-демократической эстетики, активных жиз-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 92.

ненных принципов Шевченко: «Если бы мы, не только сочинители, но вообще люди честные, не смотрели ни на родство, ни на покровительство, а указывали пальцем, благородно на шута-родственника и на грабителя-покровителя, то эти твари по крайней мере днем бы не грабили и не паясничали».

Композиция повести имеет общие черты с предыдущими — дорожные записки художника Дармограя. Весьма существенны многие оценки исторических явлений, деятельности Богдана Хмельницкого, Колиивщины и т. д. Шевченко сравнивал Колиивщину — события 1768 года — с Варфоломеевской ночью и Великой французской революцией: «Одно в чем они разнились от европейцев,— у них все эти кровавые трагедии были делом всей нации и никогда не разыгрывались по воле одного какого-нибудь пройдохи, вроде Екатерины Медичи, что допускали нередко у себя западные либералы».

Не дошла до нас «Повесть о безродном Петрусе», рукопись которой упомянута редакцией журнала «Основа»¹.

Общей для всех русских повестей Шевченко является их антикрепостническая направленность, утверждение принципов революционно-демократической эстетики. Манера повествования близка к гоголевской: сочетание сатиры и лирики, непосредственное обращение к читателю, к героям произведения, лирические отступления. Но вместе с тем заметен у Шевченко и некоторый шаг в направлении сатиры Салтыкова-Щедрина — большая обличительная резкость уродливых явлений николаевской эпохи. Своеобразен и русский язык повестей Шевченко. Поскольку действие в них часто происходит на Украине, Шевченко сознательно, подобно Гоголю, вводит в текст украинизмы, что придает его повестям украинский национальный колорит².

Опубликованы повести были только в 80-х годах.

¹ Основа, 1851, № 2. Вставной листок перед текстом.

² См.: Крутикова Н. Гоголь та українська література (30—80 рр. ХІХ сторіччя). Київ, 1957, с. 252—298; Магура Е. К вопросу о лексике и фразеологии русских повестей Шевченко.— Збірник праць четвертої наукової шевченківської конференції. Київ, 1956, с. 174—227.

Одновременно с интенсивной работой над повестями Шевченко в последние месяцы ссылки много рисовал. Он обращался к сложным темам и композициям, связанным с литературными произведениями («Нарцисс и нимфа Эхо», «Умиравший гладиатор», «Телемак на острове Калипсо», «Робинзон Крузо»), с античной историей («Милон Кротонский», «Диоген»), с библейскими легендами («Благословение детей», «Св. Себастиан», «Самаритянка»). Тема «Телемака» подсказана «Одиссеей» Гомера, а, возможно, и «Приключениями Телемака» Фенелона, тема «Нарцисса» — «Метаморфозами» Овидия, «Умиравший гладиатор» — одноименным стихотворением Лермонтова («Ликует буйный Рим...»).

Общей чертой этих рисунков является их реалистический характер. Во всех заимствованных сюжетах художник идет от жизни, от природы. Примером может служить «Св. Себастиан», которого христианская церковь считала великомучеником. На сепии изображен живой человек, его полуобнаженное тело тщательно написано, в выражении лица подчеркнута страстная вера в идею, которой он служит.

Как и ранее, Шевченко уделяет много внимания казахской теме. Одним из лучших рисунков этой группы является «Казашка Катя». На ней изображена сестра няни Усковых — Катя Каракоз. По воспоминаниям дочери Ускова Надежды Усковой-Смоляк, Шевченко потцовски относился к сестрам. В письме к И. Ускову от 17 февраля 1858 года он писал: «От души целую вас всех и Катю, и няню...». На рисунке изображен один из обычаев казахов — зажигать огонь у могилы: красивая девушка в широкой восточной одежде, восточном головном уборе со светильником в правой руке левой рукой закрывает источник света от зрителя. Таким образом, свет падает на девушку и на памятник. Сложная художественная задача распределения света и тени решена художником с высоким мастерством. Главное в портрете — красивое, чистое лицо девушки, ее глаза, полные доверчивости и доброты.

К этой же группе принадлежат сепии: «Казашка», «Шевченко и казахский мальчик, играющий с кошкой»,

«Счастливым ловцом». Художник нарисовал также свою «широкую тюрягу», «каторжное укрепление»: «Новопетровское укрепление с моря», «Новопетровское укрепление с Хивинской дороги», «Мыс Тюк-Карагай на полуострове Мангышлак».

Наибольшим художественным достижением Шевченко периода ссылки является серия «Притча о блудном сыне» (1856—1857). Это был широкий, смелый замысел отразить жизнь целого сословия современного ему общества. Идея замысла раскрыта в письме к Бр. Залескому 8 ноября 1856 года: «Недавно мне пришла мысль представить в лицах евангельскую притчу о блудном сыне, в нравах и обычаях современного русского сословия. Идея сама по себе глубоко поучительна, но какие душу раздирающие картины составил я в моем воображении на эту истинно нравственную тему. Картины с мельчайшими подробностями готовы (разумеется, в воображении), и дай мне теперь самые бедные средства, я окоченел бы над работой... Если продлится еще год мое заточение, то я непременно одурею и из заветной моей мысли, из моего «Блудного сына» выйдет жалкая карикатура, бесцветный образ расслабленного воображения, и ничего больше. Грустная, безотрадная перспектива! Для исполнения задуманного мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А где я их возьму в этом вороньем гнезде? А без них, без этих путеводителей, легко сбиться с дороги и наделать самых нелепых промахов».

26 июня 1857 года Шевченко сделал в «Дневнике» следующую запись: «...я думаю со временем выпустить в свет, в гравюре акватинта, и собственное чадо — «Притчу о блудном сыне», приноровленную к современным нравам купеческого сословия. Я разделил эту поучительную притчу на двенадцать рисунков, они уже почти все сделаны на бумаге. Но над ними еще долго и прилежно нужно работать... Общая мысль довольно удачно приноровлена к грубому нашему купечеству...

...Мне кажется, что для нашего времени и для нашего среднего полуграмотного сословия необходима сатира, только сатира умная, благородная. Такая, например, как «Жених» Федотова¹ или «Свои люди — соч-

¹ Шевченко имел в виду картину П. А. Федотова «Сватовство майора».

темся» Островского и «Ревизор» Гоголя... Я считал бы себя счастливейшим в мире человеком, если бы удался мне так искренне, чистосердечно задуманный мой бес- сознательный негодяй, мой блудный сын».

Какое именно сословие современного русского общества имел в виду Шевченко — ясно из этой записи. В письме к Бр. Залесскому 10 мая 1857 года он писал: «...для «Блудного сына» мешал бистру с тушью, и вышел тон почти сепии. Готовых уже у меня 8 штук. Первых четырех сцен еще не начинал за неимением модели. Необходим русский типический купец, чего здесь не имеется. Я отложил это до Москвы или до Петербурга». Написано это письмо из Астрахани во время возвращения из ссылки, когда работа была прекращена, и больше Шевченко к ней не возвращался.

Хотя в письме Бр. Залесскому Шевченко определял замысел серии как представление в лицах «евангельской притчи», непосредственным поводом для этого, вероятней всего, послужили материалы, опубликованные в журнале «Современник» за 1856 год. О них упоминается в воспоминаниях Л. Алексеева, юнкера, а затем есаула Уральского войска, записанных его братом И. Алексеевым, где высказано предположение, что «Шевченко взял сюжет для этой картины из «Повести о Горе-Злосчастье», которая была только что напечатана в каком-то нашем журнале (помнится мне, в «Современнике»)»¹.

Повесть о «Горе-Злосчастье» была опубликована в третьей книге журнала за 1856 год, а в июльском и октябрьском номерах были уже статьи Ф. Буслаева и Н. Костомарова об этой повести².

И действительно, рисунки Шевченко могут служить подробными иллюстрациями к истории блудного сына, не послушавшегося своих родителей, о которой рассказано в «Повести...»: блудный сын играет в карты и кости, пьянствует в кабаке, валяется без памяти рядом со свиньями и наконец грабит и убивает.

Из восьми рисунков, упомянутых Шевченко в письме Бр. Залесскому, первым является рисунок «Проигрался в карты».

Наиболее тщательно выписана здесь фигура блуд-

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 266.

² Там же, с. 450, 451.

ного сына, сидящего после проигрыша на скамейке. От его нарядного костюма остались лишь модные, в широкую полоску, брюки, лакированная обувь, широкая шляпа. Из воспоминаний известно, что натурщиком ему служил юнкер Л. Алексеев. Шевченко «...рисовал и писал красками, а брат, по просьбе его, позировал пред ним в качестве натурщика... Между прочим, по словам брата, Шевченко писал одну картину в семи отдельных сценах, или моментах»¹. Ясно, что речь здесь идет о «Притче о блудном сыне».

Тип блудного сына взят из жизни — он выведен был уже Шевченко в повести «Несчастный», а позже Шевченко познакомился с «конфирмованным» чиновничьим сыном, «отвратительным насекомым» Порциенко. Ему посвящены записи в «Дневнике» 21 и 25 июня 1857 года. «Странное и непонятное для меня явление этот отвратительный юноша. Где и когда успел он так глубоко заразиться всеми гнусными нравственными болезнями? Нет мерзости, низости, на которую бы он не был способен», — пишет Шевченко. Вот такой образ «несчастливого» и создал Шевченко в серии «Притча о блудном сыне». «Отвратительный юноша», «изверг» — главный персонаж всех рисунков серии.

На втором рисунке — «В кабаке» — блудный сын уже гол до пояса, пропиты модные брюки и лакированная обувь. На нем простенькие брюки и сапоги. О его моральном падении говорит обстановка, окружение. Направо от него изображены двое. Один уже пропил всю одежду, голое тело прикрыто рогожей, на голове соломенная шляпа. Слева у бочки лежит в одном белье пьяный с графинчиком в руке. За стойкой — хозяин, о чем-то договаривающийся с подозрительного вида женщиной.

Третий рисунок носит название — «В хлеве». Блудный сын, пьяный, крепко спит, прислонившись спиной к стенке хлева. Он почти голый, правая нога босая, но на голове старенькая шляпа. В левой руке у него графинчик с водкой, правая рука на свинье, спящей рядом с ним. Слева — шинель, на погоне цифра — «23» — номер пехотной дивизии оренбургского корпуса. На переднем плане разбросаны карты, шкалик — следы пьянства. (В «Дневнике» Шевченко пишет о Порциенко, не присутствовавшем на командирском смотре,

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 266.

так как был пьян и находился на сохранении у свинопаса»).

Четвертая картина — «На кладбище» — производит еще более тяжелое впечатление. Блудный сын, очевидно, стал дезертиром и скрывается в полуразрушенном склепе. Он совершенно опустился — босой, без головного убора, в лохмотьях.

На пятом рисунке — «Среди разбойников» — мы видим окончательное падение блудного сына, очутившегося среди разбойников и убийц. На переднем плане ограбленный и убитый человек. Тут же топор — орудие убийства. Размахивая крестиком, снятым с убитого, блудный сын идет к своим соучастникам, сидящим в глубине пещеры вокруг огня.

За преступлением следует расплата. Шестой рисунок — «Наказание колодкой». Руки блудного сына связаны за спиной, во рту — колодка, привязанная вокруг шеи. На втором плане казарма, где художник изобразил и себя. Фигура осужденного освещена лампой, висящей вверху (ее не видно). Очевидно, это последняя ночь перед исполнением приговора.

Седьмой и предпоследний рисунок — «Наказание шпицрутенами» — изображает варварское наказание в царской армии, отмененное лишь в 1863 году, то есть через два года после смерти Шевченко.

На рисунке — зимнее утро. Осужденный стоит спиной к зрителям. Он скинул шинель на землю, стал на нее ногой, сбросил рубашку. Солдат связывает ему руки. Справа лежат цепи, которые наденут на него после исполнения приговора. Тут же стоит унтер-офицер. Еще далее солдаты, выстроившись в две шеренги друг против друга, образовали «зеленую улицу», или «аллею». Выражение лица блудного сына растерянное, перепуганное, как удачно выразился М. Бурачек, — выражение затравленного зверя.

На восьмом и последнем рисунке — «В тюрьме» — блудный сын, как и прежде, на первом плане. Он сидит на полу, скованный одной цепью с лежащим товарищем. Слева группа каторжников, спорящих между собой. Справа в глубине около нар фигура часового. В камере два решетчатых окошка. Через всю камеру протянута веревка, на которой сохнет рубаха блудного сына, а сам он — голый по пояс, босой, в коротких брюках, на голове картуз. Выражение лица не говорит о раскаянии.

Создавая серию «Притча о блудном сыне», Шевченко был проникнут, по его собственному выражению, «глубоко поучительной идеей». Серия не имеет ничего общего с евангельской притчей. Шевченко не мог сочувствовать блудному сыну. Зная хорошо прототипы, художник обвинял систему воспитания, социальный строй, порождавший подобные типы. Об этом свидетельствует запись в «Дневнике»: «...Я имел случай просидеть под арестом в одном каземате с колодниками, и даже с клеймеными каторжниками, и нашел, что к этим клейменым злодеям слово несчастный более к лицу, нежели этим растленным сыновьям безличных эгоистов родителей». «Душу раздирающие картины», по выражению самого художника, он изображал не с морализаторской, а с обличительной целью. Не случайно он назвал имена своих вдохновителей: Гоголя, Островского и Федотова. Шевченко шел еще далее в резком обличении крепостнического строя, порождавшего подобные чудовищные явления.

14

Друзья Шевченко непрерывно хлопотали об его освобождении. Но несмотря на ходатайства очень влиятельных людей, даже теперь, после смерти Николая I, трудно было добиться облегчения участи поэта-революционера.

А. И. Толстая писала Шевченко о продолжающихся хлопотах и просила верить в благополучный исход дела. Шевченко получил это письмо 15 апреля. «Я так обрадован, так осчастливлен вашим ласковым приветом, что забываю гнетущее меня девятилетнее испытание», — писал он. Рассказывая о своей жизни, он просит: «О, спасите меня, или еще год — и я погиб».

По традиции у нас пишут, что Александр II собственноручно вычеркнул имя Шевченко из списка амнистированных. Традиция ведет начало от воспоминаний дочери Толстых — Екатерины Юнге, которая была тогда еще подростком. В ее позднейших воспоминаниях действительно сказано, что Александр II собственноручно вычеркнул имя поэта в списке лиц, подлежащих амнистии, и при этом сказал: «Этого я не могу про-

стить — он оскорбил мою мать» (имелась в виду поэма «Сон») ¹. Воспоминания эти писались на основании дневника. Вполне возможно, что автор в детстве слышала об этом от родителей. Но возникает вопрос, почему не были амнистированы тогда другие члены Кирилло-Мефодиевского братства?

Когда коронационный манифест стал известен в Новопетровске, Шевченко был очень подавлен, о чем вспоминал Е. Косарев ².

В мае 1856 года освобожденный из ссылки друг и единомышленник Шевченко польский революционный демократ Зыгмунт Сераковский. В своем письме польский друг сообщает, что едет в Петербург и надеется на облегчение судьбы поэта. Известно, что в Петербурге Сераковский через своих знакомых хлопотал об освобождении Шевченко.

Когда весной 1856 года в Новопетровское укрепление прибыла экспедиция академика Бэра, в составе ее был писатель А. Писемский. Летом того же года Писемский писал поэту из Астрахани: «Душевно рад, что мое свидание с вами принесло вам хоть небольшое развлечение... Я видел на одном вечере человек двадцать ваших земляков, которые, читая ваши стихи, плакали от восторга и произносили ваше имя с благоговением. Я сам писатель и больше, нежели эта заочная честь, не желал бы иной славы, и пусть будет все это утешением в вашей безрадостной жизни» ³.

Из одного письма Шевченко известно, что П. Кулиш прислал ему свой сборник «Записки о Южной Руси». Благодаря сына историка и поэта Маркевича — Андрея за присланные деньги, Шевченко просит передать благодарность своим землякам, П. Кулишу, который прислал ему и две книги о Гоголе: «Записки о жизни Гоголя» и «Опыт биографии Гоголя». В письмах М. Лазаревскому и Я. Кухаренко он положительно отзывался о сборнике «Записки о Южной Руси», где, кстати говоря, была опубликована без имени автора и его поэма «Наймичка».

Кроме Ф. И. и А. И. Толстых об освобождении Шевченко хлопотали братья Жемчужниковы, З. Сераковский, А. К. Толстой. В письме от 8 октября 1856 года

¹ Юнге Е. Ф. Воспоминания, с. 127.

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 253.

³ Листи до Т. Г. Шевченко, с. 88.

А. Толстая ободряла Шевченко: «Все, что можно было сделать, сделано... Надеюсь вскоре дать вам весточку, а может быть, и увидеться с вами лично...»¹ Письмо это вручили Шевченко распечатанным лишь первого января 1857 года. Еще определеннее писал об этом М. Лазаревский 17 января 1857 года: «Об увольнении его <Шевченко> в отставку уже последовало разрешение царя и сообщено об этом военному министру для исполнения: но оттуда сведений еще нет»². Но и это письмо Шевченко получил с большим опозданием, 7 апреля 1857 года.

2 мая М. Лазаревский сообщал подробности: «...позавчера послано письмо командиру Оренбургского корпуса, что ты согласно с просьбой гр. Толстого и заверением гр. Перовского получаешь отставку, с предоставлением права избрать род и место жительства»³. Биограф поэта А. Конисский считал, что царь освободил Шевченко в то время, когда его мать, Александра Федоровна, была за границей в Ницце. Приказ об освобождении не опубликован. Теперь нам известен ряд архивных документов, из которых следует, что вопрос об увольнении Шевченко принципиально был решен еще 24 января 1857 года: «Рядового Тараса Шевченко, по уважению ходатайства о нем ее императорского высочества президента Академии художеств, уволить от службы, с разрешением пользоваться правами художника, которых он был лишен при отдаче в военную службу, и с дозволением ему писать и рисовать, но под строгим наблюдением местных начальства и цензуры»⁴. Но жандармы не спешили. На документе была резолюция князя Долгорукова: «Согласить и с предложением графа Перовского». 23 января шеф жандармов Долгоруков извещает об увольнении Шевченко военного министра И. Сухозанета⁵.

Но и министр не спешит. Лишь 1 мая III Отделение дает окончательную справку: «1-го мая 1857 г. высочайше повелено: рядового Оренбургского линейного № 1 батальона *Тараса Шевченко* уволить от службы с *учреждением за ним там, где он будет жить, надзора* впредь до совершенного удостоверения в его благонадежности,

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 92.

² Там же, с. 95.

³ Там же, с. 92.

⁴ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 423.

⁵ Там же, с. 424.

с воспрещением ему въезда в обе столицы и жительства в них¹.

Все эти распоряжения шли по инстанциям очень медленно. Как видно из письма Шевченко М. Лазаревскому, 1 июля 1857 года никаких официальных сведений об освобождении он еще не имел.

У него были различные планы возвращения, но после получения письма от М. Лазаревского выработался окончательный маршрут: через Астрахань, Нижний Новгород, Москву — в Петербург.

Последние недели пребывания в Новопетровском укреплении, в «незапертой тюрьме», в ожидании окончательного распоряжения об освобождении, были особенно тяжелы. 12 июня 1857 года Шевченко начал вести свой «Дневник» — весьма важный человеческий документ, в котором выражены общественно-политические, философские и эстетические взгляды поэта. Сам Шевченко называет свой дневник «записками», «памятной книгой», «записной тетрадью», но чаще всего «журналом». Он не хотел фиксировать все пережитое за десять лет: «Одно воспоминание о прошедшем и виденном в продолжение этого времени приводит меня в трепет. А что же было бы, если бы я записал эту мрачную декорацию и бездушных грубых лицедеев, с которыми мне привелось разыгрывать эту мрачную монотонную десятилетнюю драму? Мимо, пройдем мимо, минувшее мое, моя коварная память!»

Но и в последние недели ссылки ему пришлось пережить немало. До получения батальонным командиром приказа об отставке Шевченко он должен был выполнять все солдатские обязанности. Так, 18 июня стало известно о прибытии в Новопетровское укрепление из Уральска батальонного командира Львова. Началась тщательная подготовка к смотру, бесконечная муштра. «Для этого важного грядущего события мне сегодня пригоняли амуницию. Какое гнусное грядущее важное событие! Какая бесконечная и отвратительная эта пригонка амуниции! Неужели и это еще не в последний раз меня выведут на площадь, как бессловесное животное напоказ? Позор и унижение! Трудно, тяжело, невозможно заглушить в себе всякое человеческое достоинство, стать навтыжку, слушать команды и двигаться как бездушная машина».

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 424.

Описано в «Дневнике» и прибытие командира, который раздавал «зуботычины» фельдфебелям и нижним чинам, описан и сам смотр.

Уже в последние дни пребывания Шевченко в Новопетровском укреплении произошла отвратительная история (записи в «Дневнике» 27 и 28 июня 1857 года). Однажды вечером Шевченко проходил мимо офицерского флигеля. Оттуда выбежал вдребезги пьяный инженерный офицер Кампиньони и потребовал, чтобы он познакомился с прибывшими офицерами, также пьяными. Когда Шевченко вырвался из его рук, Кампиньони вызвал дежурного унтер-офицера и приказал отправить поэта на гауптвахту. Утром его освободили, но Кампиньони подал рапорт коменданту, что Шевченко в пьяном виде обругал офицера. У коменданта не было другого выхода, как посоветовать извиниться перед офицером. Запись этого дня заканчивается словами: «Мерзавцы! да еще патентованные мерзавцы».

Прошел месяц, и смотритель госпиталя Н. Бажанов первый поздравил поэта с освобождением. В «Дневнике» зафиксирована точная дата и время этого события: «21 июля 1857 года в 11 часов утра». Закончилась десятилетняя ссылка великого поэта.

**«МЫ ПРЯМО ШЛИ, И НИ ЗЕРНА
У НАС НЕПРАВДЫ ЗА СОБОЮ...»**

1

Десятилетняя изнурительная ссылка в тяжелых климатических условиях, подневольная солдатчина подорвали физические силы Шевченко.

Резко изменилась внешность поэта, но остались неизменными основные черты его характера, его убеждения — жгучая ненависть к крепостничеству и самодержавию, преданность революционной борьбе, любовь к народу.

Подводя итоги десяти лет ссылки, он записал в «Дневнике» 20 июня 1857 года: «Все это неисповедимое горе, все роды унижения и поругания прошли, как будто не касаясь меня. Малейшего следа не оставили по себе. Опыт, говорят, есть лучший наш учитель. Но горький опыт прошел мимо меня невидимкою. Мне кажется, что я точно тот же, что был и десять лет тому назад. Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. Хорошо ли это? Хорошо... Некоторые вещи просветлели, округлились, приняли более естественный размер и образ».

Последние слова говорят о том, что некоторые изменения во взглядах Шевченко произошли и не могли не произойти. Из предыдущих глав нам известно, что Шевченко не был совершенно оторван от внешнего мира. Встречи с петрашевцами, польскими революционерами, многими передовыми людьми России, приезжавшими в Новопетровское укрепление, чтение русских журналов — все это не могло не отразиться на его взглядах. Понятно, что даже в «Дневнике», интимном документе,

который мог попасть в руки царских сатрапов, он должен был соблюдать осторожность. Вот 16 июня он записывает о своей любви и уважении к капитану Мостовскому, как человеку «в высокой степени благородному», и далее: «Я много от него слышал чрезвычайно интересных подробностей о революции 1830 года». Характерна сама терминология. С официальной точки зрения это был «бунт», «возмущение», «восстание». Для Шевченко это — революция!

«Дневник» дает обширный материал для характеристики литературно-эстетических взглядов поэта.

В последние недели пребывания в Новопетровском укреплении он имел возможность ознакомиться с тремя томами «Эстетики, или Науки о прекрасном Кароля Либельта» — польского философа и общественного деятеля.

К. Либельт был участником польского восстания 1830—1831 годов. В 1846 году за участие в Познанском национальном комитете он был присужден к смертной казни, замененной двадцатью годами тюремного заключения. Освобожден революцией 1848 года. После поражения революции отстаивал линию на свертывание национально-освободительного движения. Его философские взгляды сложились под влиянием Гегеля.

Поэт еще до ссылки был знаком с литературными произведениями Кароля Либельта и имел представление о его идеалистических взглядах. Когда Шевченко получил его «Эстетику», он записал в «Дневнике»: «С Либельтом я немного знаком по его «Деве Орлеанской» и по его критике и философии. На первый взгляд он мне показался мистиком и непрактиком в искусствах. Посмотрим, что дальше будет. Боюсь, как бы вовсе не раззнакомиться».

У Шевченко выработалась своя эстетическая концепция, резко противостоящая идеализму. Еще не начав читать Либельта, он записывает в «Дневник»: «Я, несмотря на мою искреннюю любовь к прекрасному в искусстве и в природе, чувствую непреодолимую антипатию к философам и эстетикам. И этим чувством я обязан сначала Галичу и окончательно почтеннейшему Василию Ивановичу Григоровичу, читавшему нам когда-то лекции о теории изящных искусств, девизом которых было: *побольше рассуждать и поменьше критиковать*. Чисто платоновское изречение».

Что касается А. Галича, профессора философии Пе-

тербургского университета, то в своем «Опыте науки изящного» (1825) он последовательно выступал как философ-идеалист, полагая, что творчество гения отражает божественную идею. Лекции В. Григоровича не напечатаны и судить о них мы можем лишь по записи Шевченко.

Очень критически отнесся поэт и к эстетике Либельта. Вот первая запись: «...принялся жевать: жестко, кисло, приторно. Настоящий немецкий суп-вассер... Либельт, он только пишет по-польски, а чувствует (в чем я сомневаюсь) и думает по-немецки. Или, по крайней мере, пропитан немецким идеализмом (бывшим, не знаю, как теперь?). Он смахивает на нашего В. А. Жуковского в прозе. Он так же верит в безжизненную прелесть немецкого тощего, длинного идеала, как и покойный В. А. Жуковский».

Определение идеалистического характера эстетики Либельта было объективным и верным. Вместе с тем Шевченко не относился к нему с предубеждением. Радостно он отмечает отдельные мысли Либельта, близкие материализму: «Сегодня и Либельт мне показался умеренным идеалистом и более похожим на человека с телом, нежели на бесплотного немца. В одном месте он (разумеется, осторожно) доказывает, что воля и сила духа не может проявиться без материи. Либельт решительно похоршел в моих глазах, но он все-таки школяр».

Подобная запись и на другой день: «Либельт сегодня мне решительно нравится...» Но стоило Шевченко найти идеалистическую мысль, он сразу это отмечал: «А вот это так не совсем: он, например, человека-творца в деле изящных искусств вообще, в том числе и в живописи, ставит выше природы. Потому, дескать, что природа действует в указанных ей неизменных пределах, а человек-творец ничем не ограничен в своем создании. Так ли это? Мне кажется, что свободный художник настолько же ограничен окружающей его природою, насколько природа ограничена своими вечными, неизменными законами. А попробуй этот свободный творец на волос отступить от вечной красавицы природы, он делается богоотступником, нравственным уродом, подобным Корнелиусу и Бруни».

Для эстетических взглядов Шевченко характерно отрицательное отношение к современному ему немецкому художнику Корнелиусу (1783—1867), представителю ро-

мантической школы «назарейцев», стремившейся возродить религиозно-церковное искусство средневековья. Так же критически отнесся Шевченко и к Ф. Бруни, представителю академизма в русском искусстве. Если в ранней большой картине Бруни «Смерть Камиллы, сестры Горациев» идеи патриотизма, гражданской героики отвечали настроениям передовой интеллигенции в период идейного формирования декабристов, то в 30-х годах, в годы политической реакции, в его творчестве произошел перелом в сторону религиозно-мистических увлечений. Эстетические взгляды Шевченко были очень близки к взглядам Чернышевского, выраженным в его диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности», хотя Шевченко в ссылке ничего о ней не знал.

Отстаивая принципы реалистического отражения жизни, Шевченко в то же время выступал и против натурализма, рабского копирования природы. Читая Либельта, он записывает: «Я не говорю о дагерротипном подражании природе. Тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинных художников, а были бы только портретисты вроде Зарянка». Натуралистической манере С. Зарянка, о котором мы уже упоминали, Шевченко противопоставлял Брюллова, произведения которого «...полные красоты и жизни, кажутся нам такими милыми, такими близкими, родными».

Взгляды Шевченко не лишены некоторых противоречий. Правильно оценив вместе со своим другом, польским политическим ссыльным Ф. Фиалковским, книги философа-идеалиста Либельта, он вместе с тем замечает: «Для человека-материалиста, которому бог отказал в святом, радостном чувстве понимания его благодати, его нетленной красоты, для такого получеловека всякая теория прекрасного ничего больше как пустая болтовня. Для человека же, одаренного этим божественным разумом-чувством, подобная теория также пустая болтовня, и еще хуже — шарлатанство».

Не разобравшись глубоко в системе взглядов Шевченко, из этой записи можно сделать неверный вывод, что поэт вообще против материализма, но в данном случае речь шла о вульгарном материализме. Нет ничего удивительного в том, что, не зная работ о материалистической эстетике, Шевченко отдавал предпочтение работам по истории искусства: «Если бы эти безжизненные ученые эстетики, эти хирурги прекрасного

вместо теории писали историю изящных искусств, тут была бы очевидная польза. Вазари переживает целые легионы Либельтов».

Шевченко справедливо оценил прогрессивный характер труда выдающегося итальянского художника и историка искусств Джорджо Вазари «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, скульпторов и архитекторов» (1550), который не потерял своего значения до наших дней. Мысль Шевченко была направлена против идеалистических теорий, оторванных от живой действительности. Об этом же писал и Чернышевский: «Без истории предмета нет теории предмета, но и без теории предмета нет даже мысли о его истории, потому что нет понятия о предмете, его значении и границах»¹.

2

Как уже говорилось, в конце ссылки Шевченко особенно тяжело переживал свое заточение: из писем друзей он знал о предстоящем освобождении, но приказ об увольнении шел чрезвычайно медленно. Получив письмо и деньги от своего друга Я. Кухаренко, поэт отвечал ему 2 апреля 1857 года: «А теперь уж бог святой знает, напишу ли еще что-нибудь путное. Я еще не очень состарился и искалечился, друже мой единый, и может, даст господь милосердный, еще отдохну да на старости попробую писать прозу. О стихах нечего и думать». Но, когда приказ был получен, поэт воспрянул духом и написал новую редакцию поэмы «Солдатов колодец». В письме к тому же адресату 5 июня мы читаем: «Я писал тебе, друже мой единый, что уже не смогу в стихах что-либо сделать. И сбрежал. Сбрежал и глазом не моргнул. Правда, я сам думал, что я уже обленился, застыл в неволе, а вижу — нет. Некому только было огня подложить под мое горем недобитое старое сердце. А ты, друже мой, догадался, взял да и подбросил святого огня. Спасибо тебе, друже мой единый». Далее он пишет о том, как однажды утром «вставши раненько... закатал рукава и принялся за этот «Солдатов колодец».

Совершенно новая редакция поэмы создана за очень короткий срок. Сам поэт остался доволен и в «Днев-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 265—266.

нике» записал: «Стихи оказались почти одной доброты с прежними моими стихами. Немного упруге и отрывистее. Но это ничего, даст бог, вырвуся на свободу, и они у меня потекут плавнее, свободнее и проще и веселее».

Вместе с поэмой «Солдатов колодец» Шевченко просил Кухаренко переписать и послать М. Щепкину еще два произведения: поэму «Чернец» и стихотворение «Вечер» («Садок вишневый возле хаты»).

Распоряжения об освобождении Шевченко ждал с каждой почтой. Прибыло оно только 21 июля. Освобождены были также поляки: Ф. Фиалковский, Храбчинский, Ольшевский и Доморацкий. Приказ гласил, что «рядовой, бывший художник Тарас Шевченко уволен от службы, с воспрещением въезда в обе столицы и жительства в них, с тем, чтобы он имел жительство, впредь до окончательного увольнения его на родину, в г. Оренбурге». Начальник канцелярии оренбургского губернатора предупреждал полицмейстера о прибытии политических из разных батальонов (среди них и Шевченко) и об установлении за ними строгого секретного полицейского надзора.

Но содержание приказа не сразу стало известно в укреплении, и комендант Усков, нарушая официальное распоряжение, по которому всех освобожденных надлежало доставить через Гурьев в Уральск, выдал Шевченко карантинное свидетельство на въезд в Астрахань, а 1 августа — «Билет» об увольнении с военной службы и отправке в Петербург. Со стороны Ускова это был смелый поступок, за который он получил от командира Оренбургского корпуса строгое замечание. 2 августа 1857 года в девять часов вечера Шевченко оставил Новопетровское укрепление и на рыбацкой лодке отправился через Каспийское море в Астрахань.

А 23 августа Ускову, наконец, был сообщен точный текст приказа. 29 августа Усков направил рапорт в правление Академии художеств с приказом Шевченко возвратиться в г. Оренбург и вернуть выданный ему билет. Очевидно, Усков обратился и к астраханским военным властям, так как получил ответ, что Шевченко выехал в Нижний Новгород.

5 августа Шевченко прибыл в Астрахань. В тот же день появилась запись в «Дневнике»: «...После трехдневного благополучного плавания по морю и по одному из многочисленных рукавов Волги прибыл в Астрахань».

Здесь Шевченко пробыл семнадцать дней. Остановился он у своего новопетровского знакомого, прапорщика Л. Бурцева, который приехал раньше него. Он много гулял по городу, ознакомился с его историческими памятниками¹. Осматривая в сопровождении священника старинный собор, Шевченко поинтересовался его историей, строителем: «На вопрос мой, кто был архитектором этого колоссального и прекрасного собора, отец Гавриил отвечал: простой русский мужичок. Не мешало бы Константину Тону поучиться строить соборы у этого русского мужичка. Я, разумеется, не противоречил...» Тут выражено критическое отношение Шевченко к архитектурным работам К. Тона, которые очень нравились Николаю I. Позже, в Нижнем Новгороде, увидев одно из зданий Тона, поэт записал: «Новый собор — отвратительное здание. Это огромная квадратная ступа с пятью короткими толкачами. Неужели это дело рук Константина Тона? Невероятно. Скорее это произведение самого неудобозабываемого Тормоза».

Сохранился рисунок карандашом «В Астрахани».

Разыскивая в публичной библиотеке книгу М. С. Рыбушкина «Записки об Астрахани», поэт наткнулся на журнал «Русский вестник» и записал: «Первая книжка «Русского вестника» за 1856 год попала мне в руки, оглавление мне понравилось. Там были выставлены имена Гоголя, Соловьева, Аксакова, имена, хорошо известные в нашей литературе». Характерно, что русскую литературу Шевченко тут, как и во многих других записях в «Дневнике», называет «нашей». Поэт не отождествлял русский царизм и русский народ, его культуру, его литературу. В этом номере «Русского вестника» были напечатаны: «Отрывок из «Мертвых душ» Гоголя, «Древняя Русь» С. Соловьева, «Отрывок из воспоминаний» С. Аксакова. В разделе «Учено-литературное обозрение» Шевченко обратил внимание на сообщение П. Леонтьева об археологических раскопках на Украине. В связи с

¹ Этот период жизни Т. Шевченко обстоятельно исследован в книге Леонида Большакова (Большаков Л. Н. Іхав поет із заслання. Київ, 1977.)

этим появилась запись о Савор-Могиле: «Я люблю археологию; я уважаю людей, посвятивших себя этой таинственной матери истории... Но лучше бы не рассказывали нашей славной Савор-Могилы».

В Астрахани Шевченко встретился со своими земляками.

Прежде всего он познакомился с младшим лекарем 45-го флотского экипажа Игнатием Муравским, своим соседом, который сообщил о его приезде астраханской интеллигенции. В «Дневнике» 15—20 августа появляется ряд восторженных записей на русском и польском языках, сделанных его друзьями-земляками. Вот первая запись рукой воспитанника Киевского университета, преподавателя истории и географии в астраханской гимназии И. Клопотовского. В университете он учился в 1845—1849 годах. Поскольку до ареста Шевченко студентам было известно о его назначении преподавателем рисования в университете, а, возможно, он и раньше выполнял эти обязанности, Клопотовский записал в «Дневнике»: «...встретил я в Астрахани старого моего бывшего профессора Киевского университета, дражайшего и любимейшего нашего поэта, и встретил я его с величайшею радостью в такой далекой стороне, которого я встретил, как отца, как брата, как величайшего друга, и имел счастье прожить с ним несколько дней почти вместе».

Позже, уже из Нижнего Новгорода, Шевченко написал дружеское письмо Клопотовскому, которое было обнаружено только незадолго до Великой Отечественной войны и входит теперь в академические издания. Письмо написано в шутовском, ироническом тоне. И. Клопотовский незадолго до смерти, в 1892 году продиктовал воспоминания о Шевченко¹.

Краткую дружественную запись оставил в «Дневнике» другой воспитанник Киевского университета, врач С. Незабитовский, которому Шевченко, «на память 20 августа 1857 года», подарил автограф стихотворения «Когда мы были казаками...» («Полякам»), а также разрешил переписать в тетрадь стихотворения «Чернец» и «А. О. Козачковскому». Незадолго до смерти Шевченко подарил Незабитовскому свой «Кобзарь» 1860 года.

¹ См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 267—269.

В шутовском тоне сделаны записи врача Ф. Чельцова (он же Иван Рогожин). Ему Шевченко подарил автограф цикла «Цари», а позже «Кобзарь» 1860 года. Свой автограф оставил В. Кишкин, капитан парохода «Князь Пожарский», на котором поэт уедет из Астрахани в Нижний Новгород.

Особенно знаменательна запись в «Дневнике» на польском языке врачей К. Новицкого, П. Радзиевского и Т. Шалевича (запись рукой врача Томаша Зброжека): «Красноречие немногим досталось в удел; мне же, лишенному этого божественного дара, остается только молча удивляться и благословлять твою творческую мощь, святой народный пророк-мученик Малороссии. Нынешнее твое пребывание среди нас делает меня совершенно счастливым, и минуты общения никогда из моей памяти не изгладятся. О, стократ, стократ благословляю тот драгоценный день, в который небо позволило мне близко познакомиться с тобой, ревностный и смелый глашатай слова правды. Пусть же эти несколько слов напоминают тебе, поэту-художнику, глубокое почитание преданного тебе Томаша Зброжека». Автор записи был также воспитанником Киевского университета, участником обороны Севастополя.

Шевченко был глубоко взволнован встречей с верными почитателями его таланта разных национальностей и перед отъездом из Астрахани записал: «С 15 по 22-е августа был у меня в грязной и пыльной Астрахани такой светлый, прекрасный праздник, какого еще не было в моей жизни. Земляки мои, большей частью кияне, так искренно, радостно, братски приветствовали мою свободу и до того распростерли свое гостеприимство, что лишили меня свободы самому вести свой журнал и взяли эту обязанность на себя. Благодарю вас, благородные, бескорыстные друзья мои. Вы подарили меня такую радостью, таким полным счастьем, которое едва вмещаю я в моем благодарном сердце. И память об этих счастливейших днях я вношу не в прозаический журнал мой,— я внесу в сокровищницу моего сердца».

Хотя Шевченко и не хотел встречаться со своим давнишним знакомым по Петербургу рыбопромышленником Сапожниковым, которого знал еще мальчиком, возможно, даже учил его рисовать, но встреча все же состоялась. Сапожников узнал о приезде поэта от его польских друзей и пригласил к себе, встретил весьма приветливо и предложил каюту на зафрахтованном им

пароходе «Князь Пожарский». Купленный ранее билет Шевченко возвратил в кассу с условием, «чтобы он был отдан первому бедняку безденежно».

4

22 августа Шевченко отбыл из Астрахани. На пароходе, находясь в окружении Сапожникова, его приветливой семьи, начитанного и образованного капитана В. Кишкина, поэт записывает в «Дневнике»: «Все они, начиная с хозяйки... и хозяина, все они так дружески просты, так внимательны, что я от избытка восторга не знаю, что с собою делать, и разумеется, только бегаю взад и вперед по палубе, как школьник, вырвавшийся из школы. Теперь только я сознаю отвратительное влияние десятилетнего унижения. Теперь только я вполне чувствую, как глубоко во мне засела казарма со всеми ее унижительными подробностями. И такой быстрый и неожиданный контраст мне не дает еще войти в себя. Простое человеческое обращение со мною теперь мне кажется чем-то сверхъестественным, невероятным».

Во время стоянки парохода в Саратове Шевченко посетил мать Н. Костомарова — Татьяну Петровну, с которой, как мы говорили, он познакомился в 1846 году. Шевченко пробыл у Татьяны Петровны почти весь день и оставил теплую запись в «Дневнике».

Во время следующих стоянок Шевченко осмотрел города Самару (Куйбышев) и Казань. В Казани он вспоминал участников Кирилло-Мефодиевского братства И. Посяду и Ю. Андрузского, которые по приговору суда были переведены из Киевского — в Казанский университет.

Известны рисунки карандашом, выполненные во время плавания: «Камышин» (уездный город Саратовской губернии), «Вблизи Саратова», «Царев курган» (в районе Жигулей), «Казань», «Против Казани» и др. Создал он также несколько портретов: К. Козаченко (тещи Сапожникова), Т. Елифанова (главного управляющего Сапожникова), М. Комаровского (капитана 2-го ранга, в свое время развозившего почту по каспийским портам) и врача Е. Панченко. Лицо Елифанова особенно привлекло художника: «Белый с черными бровями, свежий, удивительно красивый старик, с прекрасными манерами, и тени не напоминающий русского купца. Он мне

живо напомнил своей изящной наружностью моего дядю Шевченко-Грыня».

Во время путешествия Шевченко очень много читал. У Сапожникова были русские журналы за текущий год, в портфеле капитана Кишкина хранилось много запрещенной литературы. Не раз на пароходе устраивались литературные чтения. Так, Сапожников читал один из лучших образцов французской революционной поэзии «Собачий пир» Барбье, сначала в переводе В. Бенедиктова, а затем в оригинале. Причем все присутствующие были единодушны в мнении, что перевод выше оригинала. Кишкин читал также и другие стихи Бенедиктова: «Вход воспрещается», «На Новый 1857 год». Шевченко был знаком с поэзией Бенедиктова еще до ссылки, и теперь его поразили изменения, происшедшие в творчестве поэта: «Бенедиктов,— записал он,— певец кудрей и прочего тому подобного, не переводит, а воссоздает Барбье. Непостижимо! Неужели со смертью этого огромного нашего Тормоза, как выразился Искандер, поэты воскресли, обновились? Другой причины я не знаю». Шевченко, зная творчество Бенедиктова, далекое от стремлений передовых кругов общества, имел основания удивляться появлению в нем гражданских мотивов, не характерных для основной линии творчества поэта. Позже (16 и 17 сентября) Шевченко перепишет в «Дневнике» текст перевода «Собачий пир». В то время стихотворение распространялось в списках. Впервые опубликовано уже после смерти Шевченко в сборнике, составленном Герценом и Огаревым¹.

К такого же рода произведениям принадлежало стихотворение славянофила А. Хомякова «Кающаяся Россия», переписанное дважды в «Дневнике» — 4 сентября 1857 года рукой Шевченко и позже рукой Г. Галагана. Стихотворение, написанное в 1854 году, длительное время распространявшееся в списках, привлекло внимание Шевченко критическим изображением крепостнической России:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Бесчестной лести, лжи тлетворной
И лени мертвой и позорной
И всякой мерзости полна!

¹ Русская потаенная литература XIX столетия, ч. 1. Лондон, 1861, с. 350—354. Без имени переводчика,

В записи 4 сентября Шевченко упомянул о том, что Кишкин «...прочитал нам... из своей заветной портфели несколько животрепещущих стихотворений неизвестных авторов...» Одним из них было стихотворение «Русскому народу», записанное 18 сентября. Автором его был профессор математики Военной академии полковник П. Л. Лавров, позднее один из крупнейших деятелей народнического движения. В «Дневнике» это стихотворение переписано частично рукой Шевченко, частично чужой рукой (очевидно, И. Явленского, астраханского чиновника, человека передовых взглядов, родственника А. Сапожникова). Стихотворение Лаврова впервые было напечатано за границей в издании Герцена «Голоса из России» (кн. IV. Лондон, 1857, с. 30—39).

Отметил поэт в «Дневнике» и чтение на пароходе альманаха декабристов «Полярная звезда». «Капитан наш вытащил из-под спуда «Полярную звезду» 1824 года и прекрасно прочитал отрывок из поэмы «Наливайко», а Сапожников из поэмы «Войнаровский». Стихи Рылеева были известны Шевченко и раньше. Отрывки из поэмы «Наливайко» напечатаны в «Полярной звезде» за 1825 год. Вероятно, у Кишкина были обе книжки альманаха или список поэмы «Наливайко».

В записи о Бенедиктове (2 сентября) поэт назвал Николая I «Тормозом», ссылаясь на Искандера. Наименование Николая I «тормозом» неоднократно встречается у Герцена. Во второй книге «Полярной звезды» за 1856 год помещен отрывок из «Былого и дум», где, в частности, были такие строки: «Все это принадлежит к ряду безумных мер, которые исчезнут с последним дыханием этого тормоза, попавшегося на русское колесо — вместе с законом о расах, о религиозной нетерпимости и пр.»¹.

В третьей книжке «Полярной звезды» за 1857 год в статье «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова» также встречаем образ тормоза, которому «назначено скомандовать «баста» петровской эпохе и тридцать лет задерживать путь России!»²

Но этих материалов Шевченко знать не мог. Только в записи 3 ноября Шевченко отмечает, что он впервые увидел «Полярную звезду» Искандера. Таким образом, образ «тормоза» был ему известен еще до этого.

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. VIII, с. 107—108.

² Там же, т. XII, с. 405—406.

Отметил Шевченко, как выдающееся литературное произведение, «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина: «Как хороши «Губернские очерки», в том числе и «Мавра Кузьмовна» Салтыкова,— записывает Шевченко 5 сентября,— и как превосходно их читает Панченко... без тени декламации. Мне кажется, что подобные глубоко грустные произведения иначе и читать не должно. Монотонное, однообразное чтение сильнее, рельефнее рисует этих бездушных, холодных, этих отвратительных гарпий. Я благоговею перед Салтыковым».

Напомним, что либеральная критика пыталась всячески приуменьшить значение очерков Щедрина¹. Совершенно по-иному оценивала очерки революционно-демократическая критика в лице Чернышевского и Добролюбова².

Прослушав очерки Салтыкова с его оригинальной манерой повествования, Шевченко отметил их связь с традицией Гоголя: «О Гоголь, наш бессмертный Гоголь! Какую радостию возрадовалася бы благородная душа твоя, увидя вокруг себя таких гениальных учеников своих. Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!»

Шевченко до конца жизни сохранял живейший интерес к творчеству Салтыкова-Щедрина. Так, стремясь расширить литературный кругозор актрисы Т. Пиуновой, он дает ей прочитать «Губернские очерки». Старому знакомому, коменданту Новопетровского укрепления И. Ускову в посылке из Петербурга вместе со своим портретом посылает книги Салтыкова-Щедрина и получает за это благодарность: «За присылку книг «Губернские очерки» Щедрина весьма благодарен»³.

Знакомство с передовой русской литературой, в частности по нелегальным изданиям, содействовало дальнейшему развитию философских и общественно-политических взглядов Шевченко. Новые записи в «Дневнике» во время возвращения из ссылки свидетельствуют о

¹ См.: Кирпотин В. М. Е. Салтыков-Щедрин, жизнь и творчество. М., 1955, с. 102—104.

² См.: Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 263—302; Добролюбов Н. Полн. собр. соч. в 9-ти томах, т. 2. М.—Л., 1962, с. 119—146.

³ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 145.

широте его взглядов, о том, как чутко воспринимал он все новое в общественно-политической жизни.

На пароходе поэт находился в окружении гуманных, прогрессивно настроенных людей. Но все же он не мог не чувствовать, что они относятся к привилегированной части общества. Шевченко никогда ни на минуту не забывал о своей кровной связи с закрепощенным народом. Вот характерная деталь. Во время остановки в Симбирске (ныне Ульяновск) на обеде поэт познакомился с капитаном парохода «Сусанин» Я. Возницыным. После закрытия навигации тот собирался ехать в свое имение в Тверской губернии «освободить» крепостных крестьян. Вот запись по этому поводу в «Дневнике»: «Он хотя и либерал, но как сам помещик, проговорил эту великолепную новость весьма не с удовольствием. Заметь сие филантропическое чувство в помещике Тверской губернии, я почел лишним завести разговор с помещиком о столь щекотливом для него предмете».

Буфетчик Алексей Панов на пароходе «Князь Пожарский», бывший крепостной помещика Крюкова, был талантливым скрипачом. Слушая его игру, Шевченко думал о том, что волновало его в течение всей сознательной жизни,— освобождении народа: «Три ночи сряду этот вольноотпущенный чудотворец безмездно возносит мою душу к творцу вечной [гармонии] пленительными звуками своей лубочной скрипки. Он говорит, что на пароходе нельзя держать хороший инструмент, но и из этого нехорошего он извлекает волшебные звуки, в особенности в мазурках Шопена. Я никогда не наслушаюсь этих общеславянских, сердечно-глубоко-унылых песен. Благодарю тебя, крепостной Паганини. Благодарю тебя, мой случайный, мой благородный! Из твоей бедной скрипки вылетают стоны поруганной крепостной души и сливаются в один протяжный мрачный глубокий стон миллионов крепостных душ». Продолжая эту же запись, Шевченко выражает надежду на освобождение народа революционным путем: «Под влиянием скорбных, вопиющих звуков этого бедного вольноотпущенника пароход в ночном погребальном покое мне представляется каким-то огромным, глухо ревушим чудовищем с раскрытой огромной пастью, готового проглотить помещиков-инквизиторов. Великий Фультон! И великий Ватт! Ваше молодое, не по дням, а по часам растущее дитя в скором времени пожрет кнуты, престолы и короны, а дипломатами и помещиками только закусит, побалуует-

ся, как школьник леденцом. То, что начали во Франции энциклопедисты, то довершит на всей нашей планете ваше колоссальное гениальное дитя. Мое пророчество несомненно».

Это гениальное предвидение основано на глубоком понимании роли капитализма в общественном развитии той эпохи и тех революционных изменений, которые в конце концов вытекали из его развития. Поэт имел в виду революционный путь ликвидации социального гнета, это подтверждается дальнейшим упоминанием о французских энциклопедистах, идейных предшественниках Великой французской революции конца XVIII века. Характеристику исторического значения энциклопедистов дал в свое время Энгельс: «Французские материалисты отнюдь не ограничивались в своей критике областью религии: они критиковали каждую научную традицию, каждое политическое учреждение своего времени. Чтобы доказать всеобщую применимость своей теории, они избрали кратчайший путь: они смело применили ее ко всем объектам знания в том гигантском труде, от которого они получили свое имя, в «Энциклопедии». Таким образом, в той или иной форме,— как открытый материализм или как деизм,— материализм стал мировоззрением всей образованной молодежи во Франции»¹.

Шевченко проявлял живой интерес к местам, связанным с именем Степана Разина. Особенно заинтересовал его рассказ лоцмана, записанный в «Дневнике»: «По словам... рассказчика, Разин не был разбойником, а он только на Волге брандвахту держал и собирал пошлину с кораблей и раздавал ее неимущим людям. Коммунист, выходит». Конечно, для Шевченко, как и для петрашевцев (в «Карманном словаре иностранных слов»), этот термин нечто близкое утопическому социализму.

Освободительное движение в разных странах неизменно интересовало Шевченко. Прочитав в газете статью о китайских инсургентах, Шевченко записал в «Дневнике» начало речи предводителя восставших перед штурмом Нанкина: «Бог идет с нами. Что же смогут против нас демоны? Мандарины эти — жирный убойный скот, годный только в жертву нашему небесному отцу, высочайшему владыке, единому истинному богу», и до-

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 311.

бавляет от себя: «Скоро ли во всеуслышание можно будет сказать про русских бояр то же самое?»

Шевченко с радостью отмечает антикрепостнический протест крестьян волжского села Зименка: «Пролетаем мы мимо красивого по местоположению села Зименки помещика Дадыянова и замечательного по следующему происшествию. Прошедшего лета, когда поспело жито и пшеница, мужичков выгнали жать, а они, чтобы покончить барщину за один раз, зажгли его со всех концов при благополучном ветре. Жаль, что яровое не поспело, а то и его бы за один раз покончили бы. Отрадное происшествие!»

Все вместе взятое — чтение революционной литературы, знакомство с фактами освободительной борьбы народа — усиливало антикрепостнические настроения Шевченко, отразившиеся в его произведениях нижегородского периода.

5

20 сентября Шевченко прибыл в Нижний Новгород (ныне — Горький). Здесь он узнал, что пароходство обязано уведомить полицмейстера о его прибытии. О дальнейшем пути в Москву и Петербург не могло быть и речи. Поэту угрожало возвращение, возможно, по этапу, в Оренбург для получения указа об отставке. С возмущением Шевченко записал в «Дневнике»: «Проклятие вам, корпусные и прочие командиры, мои мучители безнаказанные! Гнусно! Бесчеловечно! Отвратительно гнусно!»

Новые нижегородские друзья — главный управляющий кампании пароходства Н. Брылкин и архитектор П. Овсянников посоветовали поэту сказать себя больным. Шевченко не пришлось особенно кривить душой — здоровье его было сильно подорвано десятилетней ссылкой. Полицейский медик Гартвиг и полицмейстер Лапа удостоверили болезнь поэта и этим спасли его от возвращения в Оренбург. Акт медицинского осмотра был представлен нижегородскому военному губернатору. У Шевченко отобрали билет об освобождении от военной службы и отослали его коменданту Новопетровского укрепления. Таким образом, некоторое время Шевченко мог спокойно жить в Нижнем Новгороде.

Почти полгода поэт прожил в этом городе.

У Шевченко был тонкий художественный вкус, и он давал меткие характеристики историческим памятникам. Церковь св. Георгия в Нижнем Новгороде он назвал «красавицей 17 столетия», но резко отрицательно отзывался о новом соборе в Кремле. Не удовлетворил Шевченко и памятник Минину и Пожарскому: «Копеечное, позорящее неблагодарное потомство приношение! Утешительно, что этот грошовый обелиск уже переломился».

Гуляя по Нижнему Новгороду, он любовался старинными постройками, но, не имея путеводителя, не знал, где получить сведения об их истории: «К пьяным косматым жрецам не хочется мне обращаться, а больше не к кому». Вскоре Шевченко получил от Брылкина первую часть книги Н. Храмцовского «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода» (1857) и записал в «Дневнике»: «Книга хорошая и достаточно знакомит с историей края и города». Книга до конца жизни сохранялась в библиотеке поэта.

В первые же дни он начал зарисовки архитектурных памятников: «Благовещенский собор» (сепия и белила) — «древнейшая в Нижнем церковь». Нарисовал он частично церковь св. Георгия, которая ему особенно нравилась. Позже — старинный Печерский монастырь XVI столетия — «живописную обитель» — и записал в «Дневнике» ее историю. В течение двух дней писал он Архангельский собор XIII столетия — «оригинальное, красивое и самое древнее, прекрасно сохранившееся здание в Нижнем Новгороде». Пока разрешала погода, он рисовал церковь пророка Ильи начала XVI века с частью Кремля на втором плане и церковь Николая за Почайной XIV столетия. Позже он запечатлел Благовещенский монастырь и записал в «Дневнике»: «Старое, искаженное новыми пристройками здание. Главная церковь, колокольня не совсем уцелели от варварского возобновления. Остались только две башни над трапезной неприкосновенными. И какие они красавицы! Точно две юные, прекрасные, чистые отроковицы грациозно подняли свои головки к подателю добра и красоты и как бы благодарят его, что он заступил их от руки новейшего архитектора. Прекрасное, ненаглядное создание!»

Церковные сооружения интересовали Шевченко исключительно как архитектурные памятники. Резко кри-

тически оценивал он культовую живопись: «Проходя мимо церкви святого Георгия и видя, что двери церкви растворены, я вошел в притвор и в ужасе остановился. Меня поразило какое-то безобразное чудовище, нарисованное на трехаршинной круглой доске. Сначала я подумал, что это индийский Ману или Вишну заблудил в христианское капище полакомиться ладаном и деревянным маслицем».

Отрицательно относился поэт и к церковной обрядности, к притворной набожности посетителей церкви: «Я хотел войти в самую церковь, как двери растворились и вышла пышно, франтовски разодетая барыня, уже не совсем свежая, и, обратясь к нарисованному чудовищу, три раза набожно и кокетливо перекрестилась и вышла. Лицемерка! Идолопоклонница!.. И она ли одна? Миллионы подобных ей бессмысленных, извращенных идолопоклонниц. Где же христианки? Где христиане? Где бесплотная идея добра и чистоты? Скорее в кабаке, нежели в этих обезображенных животных капищах». «У меня не хватило духу перекреститься и войти в церковь; из притвора я вышел на улицу, и глазам моим представилась по темному фону широкого луга блестящая, грациозно извивающаяся красавица Волга. Я вздохнул свободно, невольно перекрестился и пошел домой». Но и этот своеобразный «пантеизм» поэта, по сути, носил антирелигиозный характер.

Жил Шевченко на квартире местного архитектора П. Овсянникова. Они подружались, и в первые же дни Шевченко написал его портрет. Создал он портреты и других своих новых знакомых — Н. Брылкина, А. Брылкиной, их зятя И. Грасса, но, к сожалению, портреты эти не сохранились.

Разыскал Шевченко своих киевских земляков, воспитанников университета, учителя латинского языка в гимназии А. Бобржецкого и бывшего студента Киевского университета К. Шрейдерса, из библиотеки которого брал книги для чтения, и написал его портрет. Постепенно круг знакомых поэта расширялся. Познакомился он с Н. Якоби, возглавлявшим соляное управление, о котором он записал: «...один из нижегородских аристократов, весьма любезный и довольно едкий либерал, и вдобавок любитель живописи». У него также имелась нелегальная литература. «Вместо десерта он угостил меня брошюрой Искандера «Крещеная собственность»».

Шевченко написал портрет Якоби с супругой.

К новым знакомым поэта принадлежали правитель канцелярии генерал-губернатора А. Кадницкий, архитектор Н. Фрелих, чиновник Нижегородской казенной палаты К. Шрейдерс и другие. Шевченко начал писать их групповой портрет, который не закончил. Но он нарисовал портреты каждого из них в отдельности. К. Шрейдерс оставил воспоминания о поэте¹. К этому времени относятся также два автопортрета Шевченко.

Поэт познакомился с декабристом И. Анненковым и записал в «Дневнике»: «У Якоби же встретился я и благоговейно познакомился с возвращающимся из Сибири декабристом, с Иваном Александровичем Анненковым. Седой, величественный, кроткий изгнанник в речах своих не обнаруживает и тени ожесточения против своих жестоких судей, даже добродушно подтрунивает над фаворитами коронованного фельдфебеля, Чернышевым и Левашевым, председателем тогдашнего верховного суда. Благоговейю перед тобою, один из первозванных наших апостолов!»

Как и ранее, Шевченко с величайшим пиететом относился к первому поколению русских революционеров, к декабристам. И в этом он был единомышленником русских революционных демократов, которые высоко оценивали деятельность своих предшественников. В. И. Ленин указывал на большую заслугу Герцена в создании вольной русской прессы за рубежом, в частности роль его сборника «Полярная звезда», поднявших традицию декабристов².

Увидев в доме своего знакомого А. Гранта (в «Дневнике» ошибочно записано: «Гранда») второй том «Полярной звезды» Герцена за 1856 год, Шевченко был взволнован барельефным (в медальоне) изображением на обложке портретов Пестеля, Рылеева, Бестужева-Рюмина, Муравьева-Апостола и Каховского и записал: «Обертка, то есть портреты первых наших апостолов-мучеников, меня так тяжело, грустно поразили, что я до сих пор еще не могу отдохнуть от этого мрачного впечатления. Как бы хорошо было, если бы выбить медаль в память этого гнусного события. С одной стороны — портреты этих великомучеников с надписью:

¹ См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 270—274.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 258.

«Первые русские благовестители свободы», а на другой стороне медали — портрет неудобозабываемого Тормоза с надписью «Не первый русский коронованный палач». Продолжателем революционных традиций декабристов был и сам Шевченко.

Познакомился поэт с известным музыковедом А. Улыбышевым, который в молодые годы был членом кружка «Зеленая лампа», связанным с декабристским «Союзом благоденствия». Мировой известностью пользовались его исследование о Моцарте (1843) и биография Бетховена, изданная в Лейпциге. Но вскоре жизнь его оборвалась, и поэт с горечью писал Щепкину: «27 генваря похоронили славного старика Улыбышева, и не найдется никого в Нижнем некролог ему написать! Еще раз — гнилой Нижний Новгород».

Шевченко возобновил знакомство с писателем В. И. Далем. Бывал он в доме председателя палаты гражданского суда кн. В. Трубецкого, опекуна сестры Н. Добролюбова. Молодой критик перед приездом Шевченко гостил в семье Трубецких, рассказывал им о журнале «Современник» и присылал номера журнала. Вполне вероятно, что журнал читал и Шевченко. Кстати, с Добролюбовым были знакомы и Даль и Улыбышев.

Во время пребывания в Нижнем Шевченко возобновил переписку с друзьями и знакомыми. Только 10 февраля он получил письмо от Я. Кухаренко от 7 августа прошлого года, пересланное из Новопетровского укрепления в Оренбург, а оттуда в Нижний. Вместе с ответом поэт послал ему свои новые произведения, триптих («Доля», «Муза», «Слава»).

Также с опозданием, через Петербург, получил Шевченко письмо Бр. Залесского и деньги за проданные рисунки.

Возобновилась переписка с П. Кулишом. Как мы уже упоминали, это были люди с различными общественно-политическими взглядами. Но П. Кулиш понимал значение Шевченко для украинской литературы и старался ему помочь. В то время, когда произведения поэта еще не публиковались, Кулиш напечатал во втором томе своего фольклорного сборника «Записки о Южной Руси» (1857) поэму «Наймичка», понятно, не называя имени автора. В письме от 5 февраля 1857 года Шевченко благодарил за это Кулиша и просил разыскать автограф поэмы «Еретик» («Иван Гус»).

Кулиш прислал ему «Записки о Южной Руси» в двух томах. Шевченко положительно оценил издание прежде всего за вошедшие в него фольклорные материалы, публикации. В письме к Я. Кухаренко от 22 апреля 1857 года он писал: «Кулиш тут ничего своего не добавил, а только записал, что слышал от слепых кобзарей, а потому и книга у него вышла — книга хорошая, искренняя и умная». Еще в ссылке поэт получил от Андрея Маркевича (сына историка) труд Кулиша «Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя» (1856). Ожидая освобождения из ссылки, Шевченко читал биографию по одной страничке в день. Первый том «Записок о Южной Руси» Шевченко подарил своим астраханским друзьям. Затем Кулиш вторично прислал в Нижний Новгород свой сборник, а вслед за ним — исторический роман «Черная Рада» (1857). В эпилоге к роману, напечатанном в журнале «Русская беседа» за 1857 год, Кулиш очень высоко оценил творчество Шевченко.

Прочитав о себе в статье Кулиша в «Русской беседе», поэт записал в «Дневнике»: «П. А. Кулиш, говоря о Гоголе, Квитке и о мне грешном, указывает на меня как на великого самобытного народного поэта. Не из дружбы ли это?» Шевченко предлагал превратить «Записки о Южной Руси» в периодическое издание типа журнала, он хотел, чтобы Кулиш вместе со Щепкиным приехал в Нижний. От поездки Кулиш отказался. «Не подобает мне, друг мой Тарас,— писал он Шевченко,— ездить на беседу с тобой... Я ведь, на свою беду, человек в обществе заметный; так сразу все и узнают, что поехал за семь верст киселя хлебать». Отказался он и от предложения об издании журнала, хотя позже стал издавать альманах «Хата», а затем журнал «Основа». Кулиш прислал поэту «Народные рассказы» Марко Вовчка и 250 рублей, вырученные от продажи его пейзажей. Вскоре он прислал и свой букварь, «Грамматку». Шевченко в «Дневнике» дал ему положительную оценку: «Как прекрасно, умно и благородно составлен этот совершенно новый букварь. Дай бог, чтобы он привился в нашем бедном народе. Это первый свободный луч света, могущий проникнуть в сдавленную попами невольничью голову». После возвращения в Петербург, незадолго до смерти, Шевченко подготовил и издал для народных школ свой «Букварь южно-русский».

Вероятно, через Варенцова¹ Кулиш просил Шевченко сделать иллюстрации к «Черной Раде», так как в письме от 4 января 1858 года объясняется причина отказа: «Нет модели, нет перед глазами ничего нашего украинского, а обманывать на старости не хочется. Не хочется рисовать так, лишь бы».

Резко отрицательно отнесся Кулиш к русским повестям Шевченко. Он писал: «О русских же повестях скажу, что унизишь ты ими себя перед миром, да и больше ничего. Чтобы писать тебе по-русски, надо жить среди русских писателей и много кое-чего набраться... Если бы у меня деньги, я б у тебя купил бы их все вместе да и сжег. Читал я твою «Княгиню» и «Матроса». Может, ты мне не веришь, может, скажешь, что я москвичины не люблю, потому и осуждаю. Так вот же тебе: ни одна редакция журнальная не захотела их печатать»².

Сам Кулиш также писал на русском языке и печатался в русских журналах. В резком отзыве Кулиша прежде всего проявился его национализм.

Во втором томе «Записок о Южной Руси» поэт обратил внимание на публикацию украинских народных сказок в записи Льва Михайловича Жемчужникова. Молодой художник в середине 50-х годов жил на Украине, рисовал, собирал фольклор, познакомился со стихами Шевченко. Составитель сборника П. Кулиш писал в предисловии к публикации: «Уже несколько лет знаком я в Малороссии с молодым русским художником Л. М. Жемчужниковым. Он проводит у нас на юге сплошь лето и зиму, изучая нашу природу и нашу жизнь во всех ее проявлениях. Не довольствуясь тем, что видит глаз, он изучает нравственный образ малороссийского народа в произведениях его духа. Он убежден, что малороссиянина не поймешь, не зная языка его и не ознакомившись на месте с его настоящим и прошедшим».

Прочитав это, Шевченко записал: «Какой милый оригинал должен быть этот г. Жемчужников. Как бы я счастлив был увидеть человека, который так искренно, нелицемерно полюбил мой милый родной язык и мою прекрасную бедную родину». И вот приятный сюрприз:

¹ О нем см. в исследовании: Большаков Л. Добро найкраще на світі. Київ. Дніпро, 1981, с. 88 и след.

² Листи до Т. Г. Шевченка, с. 126.

в письме от 9 декабря того же года М. Лазаревский сообщает, что Алексей Михайлович Жемчужников (один из авторов, выступавших под коллективным псевдонимом Козьмы Пруткова) передал от своего брата Льва 175 рублей для Шевченко, с просьбой не раскрывать, от кого именно присланы деньги. Но Лазаревский сообщил, и поэт записал в «Дневнике»: «Жертва тайная, великодушная! Чем же я заплачу вам, добрые, великодушные земляки мои, за эту искреннюю жертву? Свободной, искренней песней, песней благодарности и молитвы!»

В начале 1858 года Шевченко просил М. Лазаревского сообщить адрес Л. Жемчужникова, но получил ответ, что художник уехал за границу. С братьями Жемчужниковыми Шевченко познакомился лишь в Петербурге.

Кстати, Л. Жемчужников, который выехал в Париж для продолжения образования, взял с собой автопортрет Шевченко и заказал изготовление копий лучшему французскому литографу А. Мульерону. Впоследствии Шевченко видел этот литографированный портрет и поставил на нем свой автограф.

Переписывался Шевченко с Усковым. Первое письмо, написанное из Астрахани, не сохранилось. Во втором письме из Нижнего от 12 ноября поэт писал о главном вопросе дня: «Занимает теперь всех самый животрепещущий вопрос о том, как освободить крестьян от крепостного состояния». Не ожидая ничего доброго от реформы, Шевченко все же пристально следил за развитием событий.

Не сохранился ответ Н. Костомарову на его письмо из Саратова. Нам известна только запись в «Дневнике»: «Ученый чудак пишет, что напрасно прождал меня две недели в Петербурге и не хотел сделать ста верст кругу, чтобы посетить меня в Нижнем. А сколько бы радости привез своим внезапным появлением!» На новое письмо поэт не ответил. В «Дневнике» он записал: «Получил письмо от Костомарова с выговором за молчание. Я действительно виноват перед ним на сей раз. Но что писать? О чем писать? Что я здесь скучаю и ничего не делаю? И не могу, наконец, ничего делать. Лучше молчать, нежели переливать из пустого в порожнее». Вполне также возможно, что здесь могли играть роль и мотивы более глубокого характера. Шевченко не мог разделять либеральных иллюзий, высказанных

Костомаровым в предыдущем письме: «Время изменилось: царь, дай бог ему здоровья и долгого царствования, не запрещает наш язык; теперь процветает родное слово, много охотников к нему, тебя только не хватает, главы нашей милой, дорогой»¹.

Шевченко мечтал увидеться со старыми друзьями. Но, как уже говорилось, ни Кулиш, ни Костомаров не нашли нужным приехать в Нижний Новгород. На просьбу Шевченко откликнулся один лишь М. С. Щепкин. 12 ноября 1857 года поэт написал ему: «Увидеться бы нам, хоть поглядеть друг на друга, хоть часок поговорить с тобою, друже мой единый! Я ожил бы, я напоил бы свое сердце твоими тихими речами, как живой водой!» Шевченко предлагал встретиться где-нибудь под Москвой, и Щепкин пригласил его в село Никольское, где была дача его сына. В конце письма он писал: «А если все это слишком сложно, то не приехать ли мне в Нижний».

Отвечая на письмо, поэт просил Щепкина приехать в Нижний, к своей просьбе он присоединил и просьбы местных любителей театра, в частности Улыбышева, который приглашал Щепкина к себе на квартиру. Это письмо решило дело. 11 декабря Щепкин писал, что приедет в Нижний в конце декабря, и сообщил репертуар: «Москаль-чаривник», «Матрос», «Горе от ума», «Ревизор», «Свадьба Кречинского» и др. С радостью поэт записал в «Дневнике»: «...послезавтра я обниму моего старого, моего искреннего друга. Как я счастлив этой нелicenseрной дружбой! Немногим из нас бог посылает такую полную радость. И весьма, весьма немногие из людей, дожив до семидесяти лет, сохранили такую поэтическую свежесть сердца, как М. С. Счастливый патриарх-артист!»

24 декабря Шевченко записал: «Праздникам праздник и торжество есть из торжеств! В три часа ночи приехал Михайло Семенович Щепкин». На несколько дней записи прерываются, так как все время поэт проводил со своим другом. Только после его отъезда Шевченко записал: «Шесть дней, шесть дней полной, радостно торжественной жизни! И чем я заплачу тебе, мой старый, мой единый друже? Чем я заплачу тебе за это счастье? За эти радостные сладкие слезы? Любовью! Но я люблю тебя давно, да и кто, зная тебя, не любит?»

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 107.

Чем же? Кроме молитвы о тебе, самой искренней молитвы, я ничего не имею».

Действительно, поездка семидесятилетнего Щепкина зимой, на почтовых лошадях из Москвы в Нижний Новгород, чтобы увидаться с Шевченко, была проявлением подлинной, глубокой дружбы. На другой день Шевченко снова записал: «Я все еще не могу прийти в нормальное состояние от волшебного и очаровательного видения. У меня все еще стоит перед глазами городничий, Матрос, Михайло Чупрун и Любим Торцов. Но ярче и лучезарнее великого артиста стоит великий человек, кротко улыбающийся друг, мой единственный, мой искренний, мой незабвенный Михайло Семенович Щепкин».

Такие же взволнованные строки мы находим и в письмах к М. Лазаревскому, М. Максимовичу и к самому Щепкину.

Шевченко очень любил театр и во время пребывания в Нижнем Новгороде очень часто посещал спектакли. Некоторые пьесы ему не нравились. Так, он критически отозвался о пьесах Островского «Доходное место» и «Праздничный сон до обеда». Критические замечания об этих произведениях высказывали в свое время и некоторые другие писатели и критики. Все же нельзя согласиться с оценкой Шевченко комедии «Доходное место», ставшей классическим произведением русской драматургии.

Посмотрев на сцене драму Потехина «Суд людской, не божий», он записал: «Драма — дрянь с подробностями», но в то же время отметил хорошую игру отдельных артистов. Справедливо отрицательно оценил Шевченко драму А. Коцебу «Сын любви» и переводные водевили П. Федорова «Коломенский нахлебник» и «Путаница». Как посредственную («дюжинную драму») оценил он пьесу Н. Полевого «Мать-испанка».

Взгляды Шевченко на театр выражены в статье-рецензии «Бенефис г-жи Пиуновой января 21, 1858 г.», напечатанной без подписи в газете «Нижегородские губернские ведомости» (1858, № 5) под впечатлением от игры молодой актрисы. Основное внимание здесь уделено не репертуару, а актерскому исполнению.

Восхищаясь игрой молодой актрисы Пиуновой, он в то же время предъявлял ей серьезные требования: «Но

мы не скроем, что самые успехи ее порождают и большие требования. Сколько можно судить, г-жа Пиунова с особенным пристрастием выбирает роли наивно милых девушек. Слова нет: это лучшие ее роли; но она не должна забывать, что в них же кроется однообразие и легкость, которые могут вредить ее таланту. Мы искренно думаем, что она может смело расширить свой репертуар; труда будет больше и вдумываться в роли нужно будет серьезнее, но зато талант развернется шире».

Но Е. Пиунова была слишком молода и легкомысленна. Не смогла она оценить добрые советы, не смогла оценить и дружбу поэта, который был увлечен ею и даже хотел на ней жениться. Шевченко вскоре разочаровался в ней. Позже Пиунова-Шмитгоф оставила воспоминания о Шевченко¹.

Шевченко очень любил музыку. В Нижнем он часто ее слушал в театре, у друзей и знакомых. Особенно любил поэт Бетховена и Моцарта. В день открытия театрального сезона он записал: «Маленький оркестр в антрактах играл несколько номеров из «Дон-Жуана» Моцарта прекрасно, может быть, потому, что это очаровательное создание трудно сыграть не прекрасно». Нравилась Шевченко музыка Мейербера. Услышав на музыкальном вечере мастерскую игру на фортепиано Татаринова, он записал: «Между прочим он сыграл несколько номеров из «Пророка» и из «Гугенотов» Мейербера и вознес меня на седьмое небо». В другой записи увертюра из «Гугенотов» названа гениальным произведением. «Любимцем» его был Шопен.

Легкая музыка не прельщала Шевченко. Прослушав комическую оперу Доницетти «Дочь второго полка», поэт записал: «Глупейшее произведение Доницетти. Либретто тоже нелепо и неестественно. Покойному нашему Тормозу, надо думать, очень нравилось это топорное произведение. Да не по его ли заказу оно и родилось на свет божий? При мне, я помню, когда-то в Петербурге оперетка эта исполнялась с большей дисциплиной». Возможно, в этой оценке был и субъективный момент: военная жизнь в оперетте Доницетти приукра-

¹ Юшков Н. Ф. К истории русской сцены. Екатерина Борисовна Пиунова-Шмитгоф в своих и чужих воспоминаниях. Казань, 1889; см. также: Биография Т. Г. Шевченка за спгодами сучасників. Київ, 1958, с. 206—212.

шена и могла вызвать неприятные воспоминания у недавнего солдата.

В Нижнем Новгороде Шевченко очень много читал. Он писал своим астраханским друзьям: «Мне тут хорошо, весело, читаю так, что опух, читая. Журналы все до одного передо мною»... Через несколько дней он пишет Ускову: «А книгами и журналами, по милости моих новых друзей, вся комната завалена. Просто купаюсь в чтении».

Не понравился Шевченко «Рассказ маркера» Л. Толстого, напечатанный в журнале «Современник». «Поддельная простота этого рассказа слишком очевидна», — записал он в «Дневнике». И. Айзеншток полагает, что поэт был недоволен сказовой манерой автора, «точнее тем, что образ центрального героя не всегда совпадал со стилистической его характеристикой»¹.

Поражает широта литературных вкусов Шевченко. Из журнала «Русская беседа» он переписал в «Дневник» стихотворение Тютчева «Эти бедные селенья...». Переписал он и лирическое стихотворение «Во время сумерек, когда поля и лес...» малоизвестного поэта З. Тура. Высоко оценил Шевченко произведения С. Аксакова «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука».

В журнале «Отечественные записки» Шевченко прочитал большую работу Н. Костомарова «Богдан Хмельницкий и возвращение Южной Руси к России». Это была первая работа историка после отмены запрещения печататься по приговору по делу Кирилло-Мефодиевского братства. Наши идейные противники пытаются утверждать, что Шевченко отрицательно относился к воссоединению Украины с Россией и к роли в этом процессе Богдана Хмельницкого. Слов нет: поэт никогда не идеализировал и не оправдывал царизм, но великий исторический акт 1654 года он высоко оценивал. Отсюда и благожелательное отношение к монографии Костомарова, несмотря на некоторую разницу в их общественно-политических взглядах: «Прекрасная книга, вполне изображающая этого гениального бунтовщика. Поучительная, назидательная книга! Историческая литература сильно двинулась вперед в продолжение последнего десятилетия. Она осветила подробности, за-

¹ Шевченко Т. Собр. соч. в 5-ти томах, т. V. М., Гослитиздат, 1956, с. 501.

копченные дымом фимиама, усердно кадимого перед порфирородными идолами». Такая же положительная оценка книги дана и в письме к М. Лазаревскому. Напомним, что положительно к монографии Костомарова относился и Чернышевский¹.

Особенный интерес, что вполне понятно, Шевченко проявлял к литературе революционно-демократического направления. Так, ему очень нравилось стихотворение В. Курочкина «Как в наши лучшие года», которое он переписал в «Дневник». Стихотворение это было известно Шевченко еще в ссылке. В Новопетровском укреплении он прочитал его в журнале «Русская беседа» за 1856 год и три строки привел в своем дневнике. Позже Олейников познакомил Шевченко со списком стихотворения В. Курочкина на смерть Беранже. Шевченко его запомнил и записал в «Дневнике» под названием «16-е июля 1857 года» (подлинное название: «18 июля 1857 года») с оценкой: «Прекрасное, сердечное стихотворение». По просьбе Шевченко М. Лазаревский прислал ему в Нижний Новгород «Песни Беранже в переводе В. Курочкина» (СПб., 1858).

Высокую оценку дал Шевченко «Народным рассказам» молодой украинской писательницы Марко Вовчок. Прочитав присланную ему П. Кулишом книгу, записал: «Малюга сообщил мне, что Марко Вовчок — псевдоним некоей Маркович и что адрес ее можно достать от Данила Семеновича Каменецкого, поверенного Кулиша в Петербурге. Какое возвышенно-прекрасное создание эта женщина! Не чета моей актрисе. Необходимо будет ей написать и благодарить ее за доставленную радость чтением ее вдохновенной книги». Отношение Шевченко к творчеству Марко Вовчок, которая так глубоко и правдиво показала жизнь крепостного крестьянства, не изменилось до конца его жизни. Он увидел в ней свою последовательницу, достойного продолжателя дела борьбы за освобождение народа, и посвятил ей стихотворение.

Друзья поэта по-прежнему знакомили его с нелегальной революционной литературой. Олейников записал со слов М. Щепкина басню «Помойная яма», переписанную поэтом в «Дневник», — одно из произведений подпольной литературы. В образе «хозяина» не трудно узнать Александра II. Впервые напечатана басня

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. IV, с. 708.

в сборнике Н. П. Огарева «Русская потаенная литература» (Лондон, 1859, с. 290). Шевченко записал, что авторство приписывается московскому актеру Д. Ленскому, но подлинный автор ее неизвестен.

В гостях у Татаринова поэт услышал от него стихотворение Беранже «Старый холостяк» в переводе Ленского. И этот текст также по памяти он переписал в «Дневник». 24 февраля Шевченко записал, по его выражению, «довольно удачные стишки, посвященные памяти неудобозабываемого фельдфебеля» — «Когда он в вечность переселился». Автором их был П. Лавров, но в зарубежных изданиях это стихотворение печаталось без имени автора, а в России распространялось в списках.

Как уже говорилось, знаком был Шевченко и с нелегальными изданиями, в частности Герцена. В первый же день пребывания в Нижнем Новгороде он берет у Брылкина «Голоса из России», которые начали выходить в 1856 году. Поэт мог прочитать одну из первых трех книг, где было много интересного для него материала: «Мысли вслух об истекшем тридцатилетии России», «О крепостном состоянии», «Самодержавие и неограниченная монархия» и др.

У Якоби Шевченко позже прочитал брошюру Герцена «Крещеная собственность». Брошюра не могла не заинтересовать поэта. Эпиграфом к ней стояли слова Пугачева: «Я не ворон, а вороненок, настоящий ворон еще летает в поднебесьи», слова, напоминавшие о крестьянском движении.

В предисловии Герцен чрезвычайно резко критиковал крепостничество, бездействие царского правительства: «Нет даже начала освобождения крестьян... Зачем поднимались ополченцы, зачем мужик нес свой труд, свою копейку, свою кровь на защиту бездушному престолу, который с лепетом о своей благодарности возвратил его под розги господина и каторжной работе на барщине»¹.

Герцен выражал глубокое сочувствие как русскому, так и украинскому народам: «И какой славный народ живет в этих селах. Мне не приходилось еще встречать таких крестьян, как наши великоруссы и украинцы»².

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XII, с. 95.

² Там же, с. 97.

Поэтому Шевченко, прочитав брошюру, записал: «Сердечное, задушевное человеческое слово! Да осенит тебя свет истины и сила истинного бога, апостол наш, наш одинокий изгнанник!»

Мы уже упоминали, что Шевченко прочитал позже и второй том альманаха «Полярная звезда» за 1856 год с барельефным изображением декабристов. Здесь были напечатаны стихи Рылеева: «Гражданин», «Гражданское мужество», две строфы из оды «Видение»; Пушкина: «Вольность», «Деревня», «Послание к Чаадаеву», «Кинжал», «В Сибирь»; Лермонтова: «На смерть Пушкина» («Смерть поэта») и др. Шевченко прочитал также первую часть мемуаров Герцена «Былое и думы». Об этом свидетельствует дальнейшая запись в «Дневнике», где вслед за Герценом упомянут названный им декабрист Ивашев.

У М. Дороховой он встретился со своим давним знакомым по Петербургу поэтом-сатириком П. Шумахером, недавно возвратившимся из-за границы и привезшим несколько номеров «Колокола». Поэт записал: «Я в первый раз сегодня увидел газету и с благоговением облобызал». Здесь Шевченко прочитал письмо Герцена Александру II по поводу книги барона Корфа «14 декабря 1825 и император Николай» и материалы об отмене крепостного права. В редакционном примечании Герцена он не мог не обратить внимания на слова: «Еще раз: чего же медлит правительство? Чего оно хочет?.. бунта и крови вместо мирного пути разумных изменений?»¹

Увидев у Якоби привезенный из Москвы портрет Герцена — «нашего изгнанника, апостола Искандера», Шевченко скопировал его в «Дневнике».

Знакомство с изданиями Герцена, чтение революционно-демократической литературы еще более обострило антикрепостнические, антицарские взгляды Шевченко. Поэт внимательно следил за ходом подготовки крестьянской реформы. 19 февраля он пошел в зал дворянского собрания на «торжественное открытие комитета, собранного для окончательного решения свободы крепостных крестьян». Речь либерально настроенного военного губернатора Муравьева показалась ему «не пошлою, официальною, а одушевленною, христианскою свободною речью». Хорошо зная природу крепостников, он

¹ Колокол, № 4, 1 октября 1857, с. 31.

не верил в осуществление реформы, чувствовал враждебное отношение к ней дворян: «Но банда своекорыстных помещиков не отозвалась ни одним звуком на человеческое святое слово. Лакеи!»

Разрешить крестьянский вопрос, по мысли поэта, можно было лишь революционным путем. Как-то, проходя мимо нижегородского Кремля, Шевченко увидел перед губернаторским дворцом большую толпу крестьян с непокрытыми головами. Это оказались крестьяне помещика Демидова, которого Шевченко знал в Петербурге еще юнкером в 1837 году и который не заплатил ему тогда за портрет своей невесты. Крестьяне пришли жаловаться на своего помещика к губернатору. Шевченко записывает: «...Теперь он, промотавшийся до снаги, живет в своей деревне и грабит крестьян. Кроткие мужики, вместо того чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дурак, велел их посечь за то, чтобы они искали управы по начальству, то есть начинали со станowego. Интересно знать, что дальше будет».

С радостью фиксировал Шевченко оживление крестьянского движения на Украине: «Проездом из Петербурга в Вятку на службу посетил меня сегодня Яков Лазаревский. Он недавно из Малороссии. Рассказал о многих свежих гадостях в моем родном краю, в том числе и о грустном Екатеринославском восстании 1856 года...» Собственно, это не было организованное восстание, а стихийное движение крестьян Екатеринославской и Херсонской губерний. Поводом стали слухи о том, что царь призывает крестьян переселяться в Крым, где предоставляет им свободу и наделяет землей. Кто не явится или опоздает, останется в неволе: «Крестьяне почти сплошь со всем своим скарбом и хозяйством снялись с насиженных мест и пошли «за волей» в Крым¹.

Крестьяне забирали с собой не только свое добро, но были случаи, что захватывали и помещичью собственность. Это стихийное движение было жестоко подавлено.

Я. Лазаревский рассказал также о возмутительных действиях своего соседа и даже родственника Николая Белозерского, уездного судьи в Борзне. В его хуторе

¹ Исторический вестник, 1901, № 4, с. 265.

бывал Шевченко в январе 1847 года. Теперь он записал еще один грустный рассказ: «Этот филантроп-помещик так оголил своих крестьян, что они сложили про него песню, которая кончается так:

А в нашего Білозера
Сивая кобила,
Бодай же його побила
Лихая година.
А в нашего Білозера
Червоная хустка,—
Ой, не одна в селі хата
Осталася пустка.

Наивное, невинное мщение!»

Воодушевленный революционной литературой, наблюдая и обобщая новый жизненный материал, Шевченко возобновил в Нижнем Новгороде и поэтическую работу.

6

Поэму «Неофиты» Шевченко начал писать в первых числах декабря 1857 года. 8 декабря он записал: «В продолжение этих четырех дней писал поэму, название которой еще не придумал. Кажется, я назову ее «Неофиты, или Первые христиане». Хорошо, если бы не обманул меня Щепкин: я ему посвящаю это произведение, и мне бы ужасно хотелось ему прочитать и услышать его верные дружеские замечания».

Шевченко остановился на названии «Неофиты» и датировал поэму 8 декабря. Новая поэма является первым оригинальным поэтическим произведением, написанным после ссылки. Не веря в цензурные уступки, поэт зашифровывает революционные идеи. Он избрал поэтическую форму, уже частично использованную им еще до ареста и ссылки — в «Псалмах Давида» — под видом цезаря Нерона и первых мучеников-христиан изобразил крепостническую Россию, ее самодержцев и помещиков, угнетенный народ и самоотверженных борцов за народную свободу. Как и в период «трех лет», Шевченко берет для новой поэмы эпиграф из Библии: «Сия глаголет господь: сохраните суд и сотворите правду, приближилось спасение мое прийти, и милость моя открытася» (Исайя, глава 56, стих 1). Эпиграф как

будто настраивал читателя на религиозный лад, но все это лишь зашифровка освободительных антифеодалных, антисамодержавных идей, и образы «суда», «правды», «спасения», «милости» приобретали совсем другой, современный смысл.

Поэма открывалась посвящением: «М. С. Щепкину на память 24 декабря 1857». Возможно, оно было написано еще в первых числах декабря, до приезда великого актера в Нижний Новгород. Об этом говорят такие слова посвящения:

Я жду тебя и тихо плачу
И думу скорбную мою
Твоей душе передаю.

(Перевод
А. Островского)

Слова посвящения о том, что поэма «и уроком станет», также указывали, что повествование о первых христианах носит иносказательный характер. Таким образом, уже посвящение с образами «распинателей народных», «тиранов» готовило читателя к восприятию текста поэмы как аллегории, не имеющей ничего общего с религией, проповедовавшей рабскую покорность перед всевышним и такую же покорность перед земными владыками.

Далее идет вступление. Первая часть его является лирической интродукцией. Она придает повествованию лиро-эпическую окраску. Начинается интродукция отражением подневольного положения поэта:

Уже давно томлюсь в неволе
Я, как преступник, под замком.
На торный путь смотрю, на поле
Да на могильный крест.— На нем
Сидит ворона. Из острога
Не вижу дальше...

Образами «неволи», «острога» характеризует поэт свое вынужденное пребывание в Нижнем Новгороде. 23 октября он записывает в «Дневник»: «Бумага гласит о том, что мне воспрещается въезд в обе столицы и что я обретаюсь под секретным надзором полиции. Хороша свобода! Собака на привязи». Об этом же поэт писал и М. Щепкину 12 ноября 1857 года: «Сейчас я в Нижнем Новгороде, на воле — на такой воле, как собака на привязи».

Дальнейшая часть интродукции — лирические размышления поэта. Пейзаж из окна невеселый — кладбище. Высокий, расписанный золотом крест вызывает ряд новых мыслей: «Не бедный, видно, там лежит!» — и ироническое замечание: «Сироты были, знать, богаты, что крест поставили».

Когда поэт задумывается над вопросом, за что повесили сына Марии, он не находит на это ответа:

Не скажет
Ни всевышний наш создатель,
Ни его святые
Помощники, пособники,
Кастраты немые!

Здесь уже не может быть двух мнений, что образы всевышнего и его «святых» используются иронически.

Поскольку Шевченко хотел назвать поэму «Неофиты, или Первые христиане» — именно на этой основе построен сюжет, — вторая часть вступления является прологом к поэме. Пролог (обращение к матери распятого сына), на первый взгляд, облечен в религиозную форму. Но Шевченко хочет поведать людям о другой матери:

Поведаю я людям горе
Той матери, что реки, море
Кровавых, горьких слез лила,
Как ты...

Обращаясь к матери распятого сына, поэт просит придать его слову особую, действенную силу:

Рыдаю,
Молю, рыдая: ниспошли,
Подай душе убогой силу,
Чтоб огненно заговорила,
Чтоб слово пламенем зажглось,
Чтоб людям сердце растопило
И по Украине понеслось,
И на Украине свято чтилось
То слово — божие кадило,
Кадило истины! Аминь.

За этой внешней религиозной оболочкой нельзя не почувствовать мирское, человеческое и действительно революционное содержание. Прежде всего революционным является образ слова-пламени. Этим пламенем объята женщина-свобода в стихотворении «Собачий пир»

Барбье (в переводе Бенедиктова), переписанном Шевченко в «Дневник». Она «со взором огненным», «огонь в глазах». В собственном творчестве Шевченко образ этот связан с заревами крестьянских бунтов и восстаний: «Пускай чернеет, багровеет, пламенем повеет» («Сон», 1844).

Поэт локализует этот образ, дважды вспоминая родную Украину, веря, что слово должно разбудить угнетенный народ.

В поэме четырнадцать глав. События как будто происходят в Римской империи, в первые века христианства. Исторический колорит поэме придают географические названия: Тибр, Альбано, Сиракузы, Скифия, Афины, Палестина, Вифлеем, Голгофа; исторические и мифологические имена: Нерон, Деций, Сципионы, Венера, Приам, Фавн, Юпитер; местные реалии: гинекей, пенаты, синклит, гетеры, амфоры, катакомбы, тимпан, кумир, ладан, мирро, чертоги; действующие лица: кесарь, преторианцы, сенаторы, патриции, плебеи, гладиаторы, ликторы и т. д.

Сохраняя внешний историко-бытовой характер поэмы из жизни первых христиан, поэт отнюдь не хотел, чтобы она воспринималась как историческая. Уже первые строки первой главы наталкивали на эту мысль читателя или слушателя:

Не в нашем крае, богу милом,—
При гетмане иль при царе,—
А при языческом дворе
То беззаконие творилось.

Уже сама форма отрицания приводила к мысли о беззакониях в царской России.

Сознательно не уточняется время действия:

Кто правил Римом — Деций-царь
Или Нерон — злой государь,—
Я точно не могу ответить.
Ну скажем так: Нерон!

А между правлением Нерона и Деция расстояние в сто лет. Ранее Шевченко уже изображал в образе Нерона Николая I. «Не зовите преподобным — Николаю — Нерона», — писал он в стихотворении «Холодный Яр».

Историю матери Алкида поэт рассказывает, сохраняя колорит эпохи, местности, римского быта. В таком

стиле выдержаны первые четыре главы. Но уже в пятой главе автор, повествуя о том, как мать идет разыскивать своего заключенного сына, вдруг «ошибается» и тут же исправляет свою «ошибку»:

Идешь искать его в Сибирь,
Иль как там... в Скифию.

Аналогия с Россией времен Николая I абсолютно ясна. В шестой и седьмой главах поэт сознательно употребляет образы-детали, не характерные для Римской империи: «острог», «бульвар», «воеводы». В восьмой главе мы видим своеобразную форму синонимической тавтологии, связанной с украинским бытом: «плебеи-гречко-сеи», а в девятой главе галера называется «байдаком», как у запорожцев. Эти мелкие детали наталкивали читателя на ассоциации с современностью.

Обличительный, революционный характер «Неофитов» виден во всей ткани произведения. Главная и определяющая идея поэмы — борьба за распространение слова правды. В эти слова Шевченко вкладывал отнюдь не религиозное содержание:

Лишь бога истинного чтите,
Молитесь правде на земле,
Другим богам не возносите
Своей молитвы! Все обман:
И поп, и царь...

Слово было для Шевченко лишь условным поэтическим обозначением социальной правды. Таков же земной, человеческий характер эпитета «святой». Аллегоричны и образы «апостолов». Напомним, что в «Дневнике» вслед за Герценом Шевченко называет декабристов «апостолами-мучениками». «Апостолом» он называет и самого Герцена. Деятели вольной прессы Герцена также названы «собором наших заграничных апостолов».

Само зарождение христианства дано во II разделе как появление нового течения, новых идей, без единого религиозного, евангельского атрибута:

Правды слов,
Любви, учения святого
Звезда всемирная взошла!
И мир, и радость принесла
На землю людям...

Далее, согласно евангельской легенде, поэт упоминает о распятии Христа на Голгофе. Но по евангельской сюжетной канве он вышивает свои революционные идеи: восстает из гроба не «сын божий», а слово правды, которое должно служить освобождению угнетенного народа. Таким образом, шаг за шагом фигуры апостола Петра, неопитов раскрываются как образы революционеров.

Шевченко обличал в поэме не только Нерона — Николая I, но и всю систему феодально-крепостнического строя. В образах «сенаторов», «патрициев», «преторианцев» мы видим царскую бюрократию:

Тем — деньги, тот — повышен в чине,
Тому — аренда в Палестине,
Подручным кое-что; тому —
Благоволили лично дать
Свою наложницу в супруги.
Подержанную? Что ж такого!
Зато от кесаря! Другого
Сестру благоволили взять
К себе в гарем. И тут дурного
Нет ничего; должны без слова
Себя под бога подстилать,
Не только близких...

Насколько правдиво Шевченко отобразил действительность, свидетельствует статья Н. Добролюбова «Разврат Николая Павловича и его приближенных любимцев», помещенная в нелегальной газете «Слухи» 28 ноября 1855 года¹.

Молитвы в поэме носили революционный характер, в частности песня Алкида, прикованного цепями к мачте корабля. Шевченко воспроизвел здесь 149-й псалом, уже известный нам по «Псалмам Давида».

Используя религиозную форму, поэт провозглашал славу революционным борцам против царизма и крепостничества:

Хвала!
Хвала вам, души молодые!
Хвала вам, рыцари святые!
На веки вечные хвала!..

Шевченко создал необычайной силы трагический образ матери. По сравнению с образами Катерины, Ганны, Лукии в нем глубже раскрываются социально-полити-

¹ См.: Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 1.

ческие причины трагедии матери. Вместе с гибелью сына гибнет и вера матери в кесаря-императора, в официальную религию. Она приходит к пониманию новых идей, за которые погиб ее сын:

И ты слова его живые
В живую душу приняла,
По торжищам и по чертогам
Живого истинного бога
Ты слово правды понесла.

Образ матери Алкида по своей огромной художественной силе становится в некотором роде прообразом горьковской матери.

Оптимистической концовкой Шевченко подчеркивал, что с гибелью неофитов освободительные революционные идеи не гибнут, на месте погибших встают новые борцы и слово правды должно победить.

Первыми слушателями поэмы были М. Щепкин и нижегородские друзья поэта, которым она очень понравилась. Через несколько дней после отъезда Щепкина Шевченко пускает поэму «в люди», пересылает ее П. Кулишу через Овсянникова.

Реакция была неожиданной. Цитируем ответ П. Кулиша: «Твои «Неофиты», брат Тарас, хорошая вещь, но не для печати... Не годится напоминать доброму сыну о скверном отце, ожидая от сына какого бы ни было добра». Далее, после комплиментов новому императору, Кулиш пишет: «Не только печатать эту вещь рано, но позволь мне, брат, не посылать и Щепкину, ибо он с нею везде будет носиться, и пойдет о тебе такой слух, что обязательно не следует пускать тебя в столицу. А тут это дело наклюнулось. Так-то, брат»¹.

В своем ответе Шевченко утверждал, что он еще не готовил «Неофиты» к печати, но вместе с тем настаивал на передаче текста Щепкину: «Ты отдай хорошенько переписать их и пошли старику,— он уже знает, что «Неофиты» у тебя».

Поэма распространялась в списках. Так, известен автограф, принадлежавший Марко Вовчок, списки Л. Жемчужникова, Д. Мордовцева и неизвестного лица 60-х годов.

Напечатана поэма только после смерти Шевченко в журнале «Основа» (1862, № 4). П. Кулиш написал к

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 123.

ней предисловие, стремясь уверить цензуру, что содержание поэмы «относится ко временам первых мучеников за веру»¹. Почти одновременно поэма опубликована и за рубежом во Львовском украинском журнале «Вечорниці». Поэма вошла в заграничные издания «Қобзаря». Вскоре началась фальсификация ее текста. Галицкий «народовец» Е. Згарский пытался трактовать ее в религиозном духе и отрицать революционное содержание. По этому пути пошел и М. Драгоманов, не раз ранее раскрывавший либерально-националистическую фальсификацию наследия Шевченко. Теперь он утверждал: «Еще в 1857 г. Шевченко стоит на христианской почве и даже молится святому кресту,— и совсем не является... рационалистом»².

Значительный шаг на пути глубокого понимания поэмы «Неофиты» сделал Иван Франко. В то время, как М. Драгоманов полагал, что поэма недоработана, великий писатель поставил ее рядом с выдающимися произведениями Шевченко. Позже в очерке истории украинской литературы он подчеркнул, что в поэмах «Неофиты» и «Мария» Шевченко «является вольнодумцем наподобие старых христиан, у которых с основной религиозностью связывается протест против царского деспотизма и социальной несправедливости»³. И только в наше время исследователи смогли раскрыть аллегорический характер художественной стилистики «Неофитов», оценить их идейную направленность.

7

Еще в Новопетровском укреплении у Шевченко возник замысел поэмы «Сатрап и дервиш». 19 июля 1857 года он записал в «Дневнике» сон, в котором ему приснился правитель канцелярии Киевского генерал-губернатора Бибикова — Н. Писарев со своей супругой и самим Бибиковым. Этот сон лег в основу нового замысла. «В ожидании утра я на этом полновесном фундаменте

¹ Передмова П. Куліша до «Неофітів». — Наше минуле, 1919, № 1—2, с. 22—24.

² Драгоманов М. Шевченко, українофілі і соціалізм. Изд. второе. Львів, 1906, с. 51.

³ Франко І. Нарис історії українсько-руської літератури. Львів, 1910, с. 111.

построил каркас поэмы вроде «Анджело» Пушкина, перенес место действия на Восток, и назвал ее «Сатрап и дервиш». При лучших обстоятельствах я непременно исполню этот удачно проектированный план. Жаль, что я плохо владею русским стихом, а эту оригинальную поэму нужно непременно написать по-русски».

Но вскоре закончилась ссылка, и поэт только в Нижнем Новгороде вспомнил о своем замысле: «Не знаю, когда я примусь за «Дервиша и сатрапа»,— записывает он 8 декабря. 13 декабря сделана следующая запись: «Сегодня же принимаюсь за «Сатрапа и дервиша», и если бог поможет окончить с успехом, то посвящу его честным, щедрым и благородным землякам моим».

Больше упоминаний о поэме нет, но у нас есть все основания считать начало незаконченной поэмы «Юродивый» частичной реализацией этого замысла. Напомним сон Шевченко: «Морфей... перенес меня в какой-то восточный город, утыканный, как иглами, высокими минаретами. В тесной улице этого восточного города встречаю я будто ренегата Николая Эврестовича Писарева в зеленой чалме и с длинною бородою. А безрукий Бибииков и рядом с ним Софья Гавриловна Писарева сидят на балконе, и тоже в турецком костюме. Они что-то говорили о киевском пашалыке... У меня все вертелся перед глазами ренегат Писарев с своим всемогущим покровителем и с своею бездушной красавицей супругой. Где он? Что теперь с этим гениальным взяточником и с его целомудренной помощницей? Я слышал здесь уже, что он из Киева переведен был в Вологду гражданским губернатором и что в Вологде какой-то подчиненный ему чиновник публично в церкви во время обедни дал ему пощечину. И после этой истинно торжественной сцены неизвестно куда скрылся так громогласно уличенный взяточник».

Доказательством того, что «Юродивый» является частичным осуществлением замысла «Сатрапа и дервиша», служит то, что, хотя и не названные по именам, в поэме фигурируют и Бибииков и Писарев. «Капрал Гаврилович Безрукий»,— пишет Шевченко, сохраняя и отчество киевского военного губернатора и генерал-губернатора Юго-западного края Д. Бибиикова, и его прозвище, связанное с отсутствием у него руки, потерянной в войне 1812 года. Сохранен и эпизод с пощечиной:

Нашелся все ж один казак
Из многотысячного люда,
Что всю империю смутил —
Сатрапу в морду закатил.

(Перевод А. Суркова)

Пощечину, полученную в действительности «ефрейтором» Писаревым, Шевченко переадресовывает его начальнику — «капралу», «сатрапу» Бибикову, усиливая тем самым значение этого факта, вкладывая в него революционное содержание.

К этому следует прибавить, что в небольшом отрывке четыре раза встречаются слова «сатрап» и «сатрапы».

Есть все основания полагать, что отрывок написан в Нижнем Новгороде после 12 декабря 1857 года.

События в «Юродивом» происходят во времена Николая I, названного «фельдфебелем-царем». Образ этот часто встречается в нелегальной литературе. Герцен назвал Николая I «фельдфебелем прусским»¹. Д. Бибилов назван «капралом»; генерал-губернатор Харьковской, Черниговской и Полтавской губерний Н. Долгоруков — «унтером»; правитель канцелярии Бибилова Н. Писарев — «ефрейтором», мелкие представители царской бюрократии — «профосами пьяными».

В этих сатирических образах Шевченко резко критиковал жестокий социальный и национальный гнет на Украине.

Острые сатиры направлены не только против царских сатрапов, но и против образованного общества, украинских либералов. Им поэт адресует следующие строки:

А мы смотрели и молчали,
Да молча мы скребли чубы,—
Немые, подлые рабы,
Холопы царские, лакеи
Капрала пьяного! Не вам,
Не вам, расшитые ливреи,
Доносчики и фарисеи,
За правду пресвятую встать
И за свободу! Распинать,
А не любить учились брата!
О род презренный и проклятый,
Когда издохнешь ты?

«Рабами», «холопами царскими» называл поэт дворян, привилегированные сослоения. В таком же плане использовал этот термин и Чернышевский в романе

¹ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XII, с. 263.

«Пролог». Он передает раздумья Волгина, который «не любил ни дворянства вообще, ни магнатов в частности: «Жалкая нация! жалкая нация! Нация рабов, снизу доверху все сплошные рабы»...— думал он и хмурил брови. Он не любил дворянство. Но были минуты, когда он не чувствовал вражды к нему. Можно ли ненавидеть жалких рабов?»¹

Таким образом, и на новом этапе своего творчества Шевченко продолжал борьбу против буржуазно-помещичьего либерализма, особенно активизировавшегося в период подготовки реформы.

Как и Чернышевский, Шевченко с болью отмечал недостаточную революционность народа:

Не сотни вас, а миллионы
Полян, дулебов и древлян
Гаврилыч гнул во время оно;
А вас, почтенных киевлян,
И ваших милых киевлянок
Отдал своим профосам пьяным
В батрачки тот сатрап капрал,—
Вам горя мало!..

Высказывалась мысль, что название поэмы «Юродивый» — не принадлежит Шевченко². Поскольку автограф не сохранился, теперь установить это трудно. Но А. Конисский, публикуя поэму, имел автограф, принадлежавший Л. М. Жемчужникову³. Кроме того, название «Юродивый» вполне отвечает содержанию. Шевченко пишет:

А вы, юродствуя, покуда
Был не совсем здоров капрал,
Юродивым тут нарекли вы
Святого рыцаря..

Ненавидя самодержавие и призывая к его свержению, Шевченко мечтал о республиканском строе:

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. XIII, с. 197. Образ этот использовал В. И. Ленин: «...рабы по отношению к царской монархии», «...это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть». (Полн. собр. соч., т. 26, с. 80.)

² См.: Шевченко Т. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 5, с. 486.

³ Ненадруковані поезії Т. Г. Шевченка. — Записки Наукового товариства ім. Шевченко, т. 39, кн. 1, 1901, с. 3.

Когда
И мы дождемся Вашингтона
И правды, нового закона?
Дождемся, верю!

Стран с республиканским строем, кроме США, тогда не было. Вполне понятно, что для поэта имя президента Вашингтона — выдающегося американского буржуазного деятеля периода борьбы за независимость — было символом конституционной республики.

Завершалась поэма обращением к высшей справедливости, которое, как и в предыдущих случаях, приобрело антирелигиозный характер:

А ты, всевидящее око!
Знать, проглядел твой взор высокий,
Как сотнями в оковах гнали
В Сибирь невольников святых?
Как истязали, распинали
И вешали?! А ты не знало?
Ты видело мученья их
И не ослепло?! Око, око!
Не очень видишь ты глубоко!

Бог здесь — соучастник злодеяний царизма, которым он в лучшем случае потворствует.

Шевченко переосмысляет термин «всевидящее око» (символ промысла божия, изображается в виде глаза, в лучах посреди треугольника). «Всевидящее око» не видело, не хотело видеть неправду на земле. Эти строки приобретают ярко выраженный антирелигиозный характер.

Для всей поэмы «Юродивый» характерен ораторский стиль, риторические вопросы, обращения, в которых звучал могучий революционный голос поэта, непоколебимого борца против самодержавия и крепостничества.

9 февраля 1858 года Шевченко «без малейшего усилия» записал в «Дневнике» триптих «Доля», «Муза» и «Слава».

Триптих — одно из наиболее ярких выражений эстетических принципов Шевченко последнего периода его творчества. В первой части — «Доля» — поэт обращается

к своей судьбе. Хотя она была тяжелой и суровой, но он называет ее «другом», «братом», «сестрой». Основным мотив стихотворения выражен в первой же строке: «Ты не лукавила со мною». «Мы не лукавили с тобою», — продолжает он эту мысль. О судьбе он говорит как о ближайшем друге, с прибавлением эпитета «нелукавый» (слово это в украинскую литературную речь ввел Шевченко). Поэт никогда не шел против своих убеждений, не кривил душой.

Мы не лукавили с тобою,
Мы прямо шли; и ни зерна
У нас неправды за собою.

(Перевод
М. Комиссаровой)

Эти слова могут служить эпиграфом к биографии Шевченко.

Вторая часть триптиха — стихотворение «Муза». Если во вступлении к поэме «Цари» Шевченко обращался к музе — покровительнице реакционных поэтов — в ироническом, сатирическом плане, то совсем по-иному он относится к источнику собственного поэтического вдохновения, обращаясь к музе со словами любви и уважения: «подруга Феба молодая», «пречистая», «святая», «звезда моя», «наставница святая» и т. д. Если та, прежняя, муза была «старенькая», то у этой, народной, крестьянской, все в будущем.

Связь этого стихотворения с первой частью триптиха в синонимическом обращении «моя ты доля молодая!». Образ «звезды» (синоним музыки) связывал триптих со всеми предыдущими произведениями Шевченко: «Слепая», «Марина», «Княжна» и т. д.

О музе поэт говорит как о своей спутнице на всем жизненном пути:

Ты мне повсюду помогала,
Заботой нежной окружала.
В степи, безлюдной и немой,
В далекой неволе
Ты сияла, красовалась,
Как цветок среди поля!
Из казармы душной, грязной
Чистою, святою
Пташечкою вылетала.

(Перевод М. Рильского)

Служение словом народу давало поэту жизненную силу, возможность стойко и мужественно переносить все трудности ссылки. Об этом свидетельствуют контрастные образы: степь и цветок, душная казарма и золотокрылая птица.

В стихотворении «Муза» выражен основной реалистический принцип творчества Шевченко: «Учи, учи неживыми устами вещать лишь правду...» Эту правду поэт последовательно провозглашал в течение всей жизни.

Третья часть триптиха «Слава» стилистически отличается от первых двух. Если к доле и музе отношение нежно-лирическое, то в обращении к славе преобладают юмор и сатира. Как мы видели ранее, Шевченко различал два вида славы: славу Нерона и славу Сократа. Теперь он еще в более острых сатирических образах рисует славу деспотов и угнетателей. Но от славы подлинной, народной поэт не отказывался, хотя и не без доли иронии согласен был следовать за ней: «За тобой плетусь, как прежде...»

Для Шевченко единственно приемлемый вид славы — признание народа. В первой части триптиха он пишет:

Пойдем же дальше: дальше слава,
А слава — заповедь моя.

В Нижнем Новгороде Шевченко много внимания уделял переписыванию и переработке своих произведений периода ссылки. Мы не знаем, когда точно к нему возвратились «захалавные» книжечки. Возможно, их привез К. Шрейдерс из Петербурга 19 февраля 1858 года. Через день Шевченко записывает в «Дневнике»: «Начал переписывать свою поэзию для печати, писанную с 1847 года по 1858 год. Не знаю, много ли выберется из этой половины доброго зерна?» Еще через два дня: «Отдохну и на досуге займусь перепиской для печати моей невольничьей поэзии». Эту работу Шевченко продолжил в Москве и Петербурге.

В конце сентября 1857 года А. И. Толстая писала Шевченко, что ей известно о задержке поэта в Нижнем, о мерах, принятых для его возвращения, а также сооб-

шила, что для него собрано 500 рублей. В середине февраля поэт узнал из ее же письма, что ему разрешено проживать в столице и посещать Академию.

Архивные документы сохранили нам текст условия, на котором отставному рядовому Шевченко разрешено возвратиться в Петербург. В письме начальника III Отделения, генерал-адъютанта князя Долгорукова министру внутренних дел сказано: «Ныне по всеподданнейшему докладу моему... государь император изволил все милостивейше разрешить отставному рядовому Шевченко проживать в С.-Петербурге и для усовершенствования в живописи посещать классы упомянутой Академии с тем, однако, чтобы Шевченко подвергнут был здесь строгому полицейскому надзору и чтобы начальство Академии художеств имело должное наблюдение, дабы он не обращал во зло своего таланта в живописи...»¹

8 марта 1858 года Шевченко, получив наконец разрешение на въезд в столицы, оставляет Нижний Новгород. На другой день он был во Владимире, где на почтовой станции встретился с А. И. Бутаковым, который с супругой следовал в Оренбург, а затем на берега Сырдарьи. 10 марта поэт прибыл в Москву. Он остановился в гостинице, на другой день разыскал Щепкина и поселился у него. В дороге Шевченко простудился, и врач запретил ему в течение нескольких дней выходить из дому. Вначале его лечил нижегородский знакомый Д. И. Ван-Путерен, а после его отъезда врач Щепкина, русский поэт Д. Е. Мин, переводчик первой части «Божественной комедии» — «Ад» (1855). В первые же дни Шевченко посетили: М. А. Максимович, подаривший ему свою работу «Сказание о гетмане Петре Конашевиче Сагайдачном», Н. Кетчер, переводчик Шекспира, близкий друг Герцена, И. Бабст, экономист, профессор Московского университета, А. Афанасьев, фольклорист, собиратель русских народных сказок, А. Маркевич, который присылал поэту в Новопетровское укрепление книги и деньги.

Когда Шевченко разрешили выходить из дому, круг людей, с которыми он встречался, расширился: он познакомился с декабристом С. Г. Волконским, родным братом Н. Г. Репнина, с сыном декабриста Е. И. Якуш-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 452.

киным, историком И. Забелиным, участником кружка Станкевича — Грановского; с братом Станкевича — Александром. Особенной теплотой отличаются записи в «Дневнике» о С. Т. Аксакове и его семье: «Какая прекрасная, благородная, старческая наружность! — пишет Шевченко. — Очаровательный старец!»

В Москве поэт встретился со своими прежними знакомыми; художником А. Мокрицким, с женой А. Станкевича — Еленой Константиновной, знакомым по Новопетровскому укреплению Н. Савичевым, Варварой Репниной, о которой записал: «Она счастливо переменялась, потолстела и как будто помолодела. И ударилась в ханжество, чего я прежде не замечал. Не встретила ли она в Москве хорошего исповедника?»

В первый же день после выздоровления, 18 марта, Шевченко посетил своего старого друга О. Бодянского. «Наговорились досыта о славянах вообще и о земляках в особенности», — записал он в «Дневнике». Бывал Шевченко у Максимовича, с увлечением слушал украинские народные песни, исполняемые его супругой, и подарил ей автограф стихотворения «Вишневый садик возле хаты...» М. Максимович дал в честь Шевченко торжественный обед, на котором прочитал свое посвящение «25 марта 1858 года» (день обеда). Это стихотворение М. Максимовича Шевченко получил уже в Петербурге, а напечатано оно после смерти поэта в журнале «Основа», 1861, № 6. На обеде был довольно широкий круг знакомых хозяина, московских славянофилов, мечтавших привлечь прославленного украинского поэта к участию в «Русской беседе» и других славянофильских изданиях. На Шевченко не произвели впечатления «столпы» славянофильства, в частности Погодин и Шевырев. О последнем он записал в «Дневнике» (25 марта): «Шевырев... несмотря на седенькую свою благопристойную физиономию, почтения к себе не внушает. Сладкий до тошноты старичок».

Более свободно чувствовал себя поэт в среде, окружавшей М. С. Щепкина. На обеде, организованном сыном Щепкина Николаем, прогрессивным книгоиздателем, Шевченко встретился с проф. Бабстом, учеником Грановского, Н. Кетчером, Д. Мином, А. Афанасьевым, А. Станкевичем, членом кружка Грановского Е. Коршем, Н. Краузе, цензором, через несколько месяцев спустя уволенным за «попустительство» — недостаточную требовательность к прогрессивным изданиям.

В первые же дни Шевченко написал портрет М. С. Щепкина, «не совсем удачный», как отметил он в «Дневнике», и подарил ему автопортрет, сделанный еще в Нижнем Новгороде.

Шевченко много гулял по Москве. Осмотрев Кремль, он записал (19 марта): «Я не видал Кремля с 1845 года. Казармовидный дворец его много обезобразил, но он все-таки оригинально прекрасен». 22 марта он отправился в Кремль на пасхальное богослужение и потом записал: «Если бы я ничего не слышал прежде об этом византийско-староверческом торжестве, то, может быть, оно бы на меня и произвело какое-нибудь впечатление,—теперь же ровно никакого. Света мало, звона много, крестный ход, точно вяземский пряник, движется в толпе. Отсутствие малейшей гармонии и ни тени изящного. И до которых пор продлится эта японская комедия?»

В Москве Шевченко прочитал в третьем сборнике Герцена «Полярная звезда» статью «Княгиня Екатерина Романовна Дашкова», в которой еще раз встретил образ «тормоза». С радостью он отмечает в «Дневнике», что сын Щепкина подарил ему два экземпляра фотографического портрета «апостола Александра Ивановича Герцена».

В столице Шевченко продолжал переписывать свои стихи периода ссылки. Поэту очень хотелось услышать мнение критики: «Кончил переписывание или процеживание своей поэзии за 1847 год. Жаль, что не с кем толково прочитать. Михайло Семенович в этом деле мне не судья. Он слишком увлекается. Максимович — тот просто благоговеет перед моим стихом, Бодянский тоже. Нужно будет подождать Кулиша. Он, хотя и жестоко, но иногда скажет правду, зато ему не говори правды, если хочешь сохранить с ним добрые отношения».

Здесь еще раз выражена высокая требовательность поэта к своему творчеству, стремление услышать объективную критику. Обращает на себя внимание и оценка характера Кулиша. Расхождение между ними все более углублялось по мере обострения революционной ситуации в конце 50-х годов.

Своим пребыванием в Москве Шевченко остался очень доволен: «...оставил я гостеприимную Москву,—записал он 26 марта.—В Москве более всего радовало меня то, что я встретил в просвещенных москвичах са-

мое теплое радушие лично ко мне и непритворное сочувствие к моей поэзии. Особенно в семействе С. Т. Аксакова».

Из Москвы Шевченко впервые в своей жизни выехал поездом и на другой день прибыл в Петербург.

В Петербурге Шевченко сначала остановился у своего друга М. Лазаревского. На другой же день, в непогоду, поэт обошел почти полгорода, где не был одиннадцать лет. И так ежедневно он ходил по городу, с которым у него были связаны лучшие годы жизни, по городу — резиденции фельдфебеля-царя и вместе с тем средоточию культуры, по городу, в котором жили его лучшие друзья.

В первые же дни пребывания в Петербурге Шевченко должен был явиться в полицию. 29 марта он явился к управляющему канцелярии обер-полицмейстера И. Мокрицкому, с которым был знаком еще до ссылки: «Он принял меня полуофициально, полуфамильярно. Старое знакомство сказалося в скобках. В заключение он мне посоветовал сбрить бороду, чтобы не произвести неприятного впечатления на его патрона графа Шувалова, к которому я должен явиться как главному моему надзирателю».

Поэт послушался совета, так как солдатам, даже в отставке, запрещалось носить бороду, но сначала, с бородой, в шапке и кожухе, сфотографировался в фотографии Денъера. 6 апреля он явился к обер-полицмейстеру: «Имел великое несчастье облачиться во фрак и явиться к своему главному надзирателю графу Шувалову». Еще через несколько дней он явился к самому шефу жандармов.

Под надзором полиции Шевченко был до конца своих дней. В автобиографии он писал: «В 1858 году, 22 августа, по ходатайству графини Анастасии Ивановны Толстой освободили его из Новопетровского укрепления. И по ее же ходатайству всемилоштивейше повелено быть ему под надзором полиции в столице и заниматься своим художеством».

В первые же дни посетил Шевченко своих друзей. Давняя дружба связывала его с братьями Лазаревски-

ми. Побывав 29 марта у Василия Лазаревского, поэт записал: «На удивление симпатические люди эти прекрасные братья Лазаревские, и все шесть братьев, как один, замечательная редкость! Василь принял меня, как давно невиданного своего друга. А мы с ним в первый раз в жизни встречаемся. От земляк, так земляк!»

Сердечно приняли Шевченко Ф. П. и А. И. Толстые. О первом визите поэта интересные воспоминания оставила их дочь, тогда еще совсем девочка: «Событием был приезд Шевченко, нашего долгожданного Тараса Григорьевича... мы дома с замиранием сердца ждали, смотрели в окно и, как всегда бывает, просмотрели, так что чье-то восклицание «приехали!» застало нас внезапно; мы не успели выбежать навстречу — Тарас Григорьевич уже вошел в залу. Среднего роста, скорее полный, чем худой, с широкой бородой, полными слез глазами, он раскрыл нам свои объятия. Все мы были под влиянием такой полной, такой светлой, такой трогательной радости! Все обнимались, плакали, смеялись, а он мог только повторять: «Серденьки мої! друзі мої» — и крепко прижимал нас к своему сердцу»¹.

Поэт часто бывал в семье Толстых. На одном из вечеров собрался довольно большой круг гостей. Шевченко записал: «Они приветствовали меня, как давно ожидаемого и дорогого гостя. Спасибо им. Боюсь, как бы мне не сделаться модной фигурой в Питере. А на то похоже». Через некоторое время Толстые устроили в честь поэта торжественный обед, во время которого «сказал коротенькое слово» Ф. Толстой, учитель его дочери Н. Старов, прогрессивно настроенный человек, поэт Н. Щербина. Речь Старова Шевченко через несколько дней (17 апреля) переписал в «Дневник».

Бывал Шевченко у Василия Белозерского, члена Кирилло-Мефодиевского братства. Здесь произошла трогательная встреча с польскими революционерами: Зыгмунтом Сераковским, Эдвардом Желиговским (поэт Антоний Сова), Яном Станевичем. Шевченко слушал в авторском чтении драму Желиговского «Зорский», которая была продолжением драмы «Йордан». Содержание драмы должно было заинтересовать Шевченко. Зорский — передовой человек, раздает крестьянам землю,

¹ Юнге Е. Воспоминания, с. 164.

знакомит их со своими идеями; Его друг и единомышленник Родзич хочет связать свою судьбу с крестьянкой.

Желиговский посвятил украинскому поэту и записал собственноручно в «Дневник» стихотворение на польском языке «До брата Тараса Шевченко». Стихотворение это, как установил автор данного исследования, было написано еще в середине 50-х годов. Первое его название «Do poety ludu» («К народному поэту»). Поскольку Шевченко был в ссылке и имя его нельзя было называть, Сова поместил это стихотворение в сборнике «Poezye Antoniego Sowy» («Стихи Антония Сова», 1858) в обход цензуры с пометой «с болгарского».

Можно предположить, что Шевченко был знаком и с деятелем польского освободительного движения Иосафатом Огрызко. Известно, что поэт поддержал его инициативу издавать в Петербурге газету «Слово» на польском языке. Газета просуществовала недолго, на пятнадцатом номере она была закрыта.

Можно не сомневаться, что именно польские друзья, скорее всего Сераковский, познакомили Шевченко с Чернышевским.

О своих революционных связях Шевченко не мог говорить открыто. Мы полагаем, что именно из этих соображений им были прекращены записи в «Дневнике».

Шевченко разыскивает своих товарищей по Академии художеств, завязывает новые знакомства с художниками. Так, он разыскал давнишних знакомых, учеников Брюллова, художников Н. Лаврова, Н. Лукашевича, И. Соколова, Г. Михайлова, скульптора Н. Рамазанова, встретился с художниками М. Зембулатовым и П. Бориспольцем. 25 апреля в мастерской скульптора барона П. Клодта Шевченко осмотрел проект памятника Николаю I (установленного потом на Исаакиевской площади) и записал: «Полюбовался монументом неудобозабываемому»... Возможно, этим вызвана слишком резкая оценка памятника И. Крылову в Летнем саду, данная через несколько дней, 30 апреля.

В первой половине апреля Шевченко познакомился с братьями Жемчужниковыми и записал: «Очаровательные братья!» Как мы уже упоминали, особенно любил он Льва, подружился с ним. Позже Л. Жемчужников вспоминал: «В Петербурге я сразу же увиделся с Т. Г. Шевченко, в то время уже возвратившимся из

ссылки. Мы знали друг друга благодаря разным обстоятельствам. Я показал ему гравировальный лак французский, поскольку он усиленно занимался гравированием аквантинта и прекрасно работал, показал ему свои способы, о которых он очень хорошо отозвался, назвал мою «Покинутую» произведением шекспировским»¹.

После смерти Шевченко Л. Жемчужников вспомнил еще некоторые детали их первой встречи: «За мою заочную любовь к нему Шевченко встретил меня при первом знакомстве братскими объятьями, не отходил от меня, ласкал детей, приходил ко мне ночью и без церемонии будил, желая насмотреться. «Как я рад, что вижу вас и ваше семейство»,— говаривал он. Дети мои, которых он раньше никогда не видел, трогали его до слез, называя по имени с первого свиданья: они знали его по портрету. Не время сближает людей, а сочувствие. Мы с первых слов были одна семья»². Дружба эта сохранилась до последних дней жизни поэта. Свое художественное издание Л. Жемчужников назвал так же, как и Шевченко — «Живописная Украина» (1861).

В первые же дни Шевченко начал посещать Эрмитаж, внимательно изучать его коллекции. Само помещение не понравилось Шевченко: «Новое здание Эрмитажа показалось мне не таким, как я его воображал. Блеск и роскошь, а изящества мало. И в этом великолепном храме сильно напечаталась тяжелая казарменная лапа неудобозабываемого дрессированного медведя».

Вместе с С. Гулаком-Артемовским, а потом и самостоятельно, Шевченко изучает отдел скульптуры. Коллекцию древней скульптуры он видел, очевидно, впервые и был поражен ее богатством: «Я не воображал в таком количестве остатков древней скульптуры в Эрмитаже,— записывает он 2 мая,— вероятно, они собраны со всех дворцов...» В отделе новой скульптуры его внимание привлекла работа современного итальянского мастера Тенерини «Умиряющая Психея», которую он в шутку назвал «Душенькой», очевидно, по аналогии с поэмой И. Ф. Богдановича на античный сюжет об Амуре и Психее. Критически отозвался Шевченко о работе П. Ставассера «Русалка». Изучал он и другие отделы Эрми-

¹ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов. СПб., 1895, с. 220.

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 339.

тажа. Отметим, что Шевченко, как и Чернышевский, ставил жизнь, природу выше искусства. После длительного пребывания в Эрмитаже он пошел на выставку цветов и записал: «Волшебный переход! В продолжение нескольких часов внимательного созерцания произведений великих мастеров я утомился, отяжелел духом, и вдруг живая, свежая прелесть природы и искусства благотворно охватывает меня и обновляет».

Посетил Шевченко выставку живописи в Академии художеств. Он отметил влияние на пейзажистов, его современников, популярного швейцарского художника А. Калама, критически оценив две его работы («не первого достоинства»). В Казанском соборе он внимательно осмотрел картину К. Брюллова «Взятие божией матери на небо», которая создавалась еще во времена ученичества Шевченко, и остался недоволен ее размещением: «Но увы, она так умно, удачно поставлена премудрыми попами, что и кошачьими глазами видеть ее невозможно. Отвратительно!»

Шевченко писал портреты своих знакомых, выполнял некоторые заказы. Так, известны портреты М. Лазаревского, Б. Суханова-Подколзина, М. Кржисевич, имеются сведения о несохранившихся портретах Г. Суханова-Подколзина, дочери С. Гулака-Артемовского и др.

Еще до окончательного освобождения, 26 июня 1857 года, Шевченко записал в «Дневнике»: «О живописи мне теперь и думать нечего. Это было бы похоже на веру, что на вербе вырастут груши. Я и прежде не был даже и посредственным живописцем. А теперь и подавно. Десять лет неупражнения в состоянии сделать и из великого виртуоза самого обыкновенного кабацкого балалаешника. Следовательно, о живописи мне и думать нечего. А я думаю посвятить себя безраздельно гравюре акватинта».

Теперь это решение Шевченко осуществил. В Эрмитаже он встретился с известным гравером Ф. Иорданом, профессором Академии художеств по классу гравирования: «Он слышал,—записывает Шевченко 3 мая 1858 года,—о моем намерении заняться акватинтой и предложил мне свои услуги в этом новом для меня деле. Обрадованный его милым, искренним предложением, я обошел два раза все залы с целью выбрать картину для первой пробы избранного мною искусства».

Для первой пробы он остановился на картине из-

вестного итальянского художника Бартоломео Мурильо «Святое семейство»: «Наивное, милое сочинение. Я не видал картины этого содержания, которой бы так шло это название, как гениальному эскизу Мурильо». Так появился первый офорт Шевченко «Святое семейство». Интересно, что в Новопетровском укреплении Шевченко думал первый эстамп изготовить по картине фламандского художника Тенирса (у Шевченко — Теньера) «Казарма», которую в свое время хвалил Брюллов. В Петербурге Шевченко даже не вспомнил о ней, а избрал картину Мурильо. «Святое семейство» привлекло его внимание не религиозной темой, а, как правильно указал в свое время проф. М. Бурачек, «своим реализмом, ее, так сказать, крестьянским характером»¹. Очень возможно, что эскиз напомнил художнику его собственную раннюю картину «Крестьянская семья».

Избрав гравюру основным художественным жанром, Шевченко поставил перед собой широкие задачи. Еще в Новопетровском укреплении он записал в «Дневнике» (26 июня 1857 года): «Из всех изящных искусств мне теперь больше всего нравится гравюра. И не без основания. Быть хорошим гравером — значит быть распространителем прекрасного и поучительного в обществе. Значит быть распространителем света истины. Значит быть полезным людям и угодным богу. Прекраснейшее, благороднейшее призвание гравера. Сколько изящнейших произведений, доступных только богачам, копилось бы в мрачных галереях без твоего чудотворного резца? Божественное призвание гравера!»

Об этом же он писал Ф. Толстому в июле 1857 года: «Распространять посредством гравюры славу славных художников, распространять между непосвященными в таинства искусства людьми любовь к прекрасному и доброму. Это чистейшая, угоднейшая молитва человеколюбцу богу».

Главное, чем руководствовался Шевченко при выборе новой художественной специальности, — это демократизация искусства, приближение его к широким народным массам. Интересно сопоставить взгляды Шевченко с аналогичными мыслями Чернышевского в его диссертации: «Картина одна, ею могут любоваться только люди, пришедшие в галерею, которую она украшает;

¹ Бурачек М. Великий народный художник. Київ, 1939, с. 43.

гравюра расходуется в сотнях экземпляров по всему свету, каждый может любоваться ею, когда ему угодно, не выходя из своей комнаты»¹. И здесь видим мы общность взглядов двух великих революционных демократов.

Ф. И. Иордан очень внимательно отнесся к Шевченко, помогал ему совершенствоваться в новом для него жанре искусства. 4 мая Шевченко записал: «Какой обязательный, милый человек и художник, и вдобавок живой человек, что между граверами большая редкость. Он мне показывал в продолжение часа все новейшие приемы гравюры акватинты, изъявил готовность помогать мне всем, что от него будет зависеть. Я расстался с ним вполтину будущим гравером».

Шевченко пользовался советами и других граверов, в частности опытного художника Ф. Служинского, Н. Уткина. Тогда же он познакомился с молодыми художниками М. Микешиным и С. Хлебовским.

Увлечись гравированием, Шевченко отдавал ему все свободное время. Даже летом он оставался в Петербурге и продолжал работу над офортами. В 1858 году вторым изданием вышла «История князя Итальянского, графа Суворова Рымникского, генералиссимуса российских войск» Н. Полевого с тридцатью двумя иллюстрациями Шевченко и других художников.

11

Интересовался Шевченко и наукой. 29 марта 1858 года он был на публичной лекции по геологии проф. В. Роде, которая иллюстрировалась картинами, очевидно, при помощи проекционного аппарата. Лекция называлась: «Оптические картины, к истории образования земной коры». В «Дневнике» он записал: «Лекция мироздания прекрасна. И астрономические картины почти не лишни», но некоторыми картинами он как художник остался недоволен: «К чему эти аляповатые суздальские виды городов и зданий, оскорбляющие искусство? И к чему эти живые, вертящиеся ситцевые узоры, оскорбляющие науку? Странно!»

Лекции Роде были вскоре запрещены из-за доноса петербургского митрополита Григория обер-прокурору

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 77.

синода. В доносе говорилось, что В. Роде в своих лекциях «...не упоминая ни словом о божь-творце, показывает, что образование нашей земли со всеми ее растениями и животными, не исключая и людей, произошло только от воздействия естественных сил какой-то первичной материи... Такое представление явно потрясает основу христианства и колеблет в народе истину, которую набожно признают и уважают все христианские народы, что землю нашу создал всемогущий, премудрый и всеблагий создатель-бог...»

Герцен отозвался на это запрещение статьей в «Колоколе» «Архипасторское рвение о мраке», прокомментировав его следующим образом: «Может, пастыри наши умиленно мечтают, что, уничтожая свет дневной, они усугубят продажу свеч церковных!»¹

Весь день 23 апреля 1858 года поэт провел с С. Гулаком-Артемовским за чтением «Космоса» А. Гумбольдта. Труд великого немецкого ученого был известен ему и ранее. Так, в письме к Бр. Залесскому из Новопетровского укрепления 10 февраля 1857 года он писал: «О, как бы мне хотелось теперь поговорить с тобой о «Космосе». «Космос» в пяти томах выходил в Германии в 1845—1857 годах, а в русском переводе в течение 1848—1857 годов. Очевидно, в Новопетровском укреплении Шевченко читал один из первых, а с Гулаком-Артемовским — один из последних томов².

Поэт был хорошо знаком со своим земляком, известным математиком, академиком М. Остроградским. В повести «Художник» мы читаем: «Я лично и хорошо знал гениального математика нашего О[строградского]... с которым мне случилось несколько раз обедать вместе». Теперь ученый принял Шевченко как старого друга: «Великий математик принял меня с распростертыми объятиями как земляка и как надолго отлучившегося куда-то своего семьянина. Спасыби йому». Кстати говоря, Остроградский находился, как и Шевченко, под полицейским надзором.

Шевченко постоянно бывал в театрах, на концертах. Критически оценил он постановку комической оперы Обера «Бронзовый конь», отметив только исполнение ролей О. Петровым (его старым знакомым) и С. Гулаком-

¹ Колокол, 1858, № 17.

² См.: Попов П. Т. Шевченко і О. Гумбольдт. — Всесвіт, 1961, № 8.

Артемовским. Не удовлетворен он был и спектаклем «Москаль-чарівник», отметив лишь игру С. С. Гулака-Артемовского. Восхищен он был оперой «Иван Сусанин» (тогда она шла под названием «Жизнь за царя»), записав: «Гениальное произведение! Бессмертный М. И. Глинка!»

В драматическом театре он бывал во время гастролей Щепкина. Поэт восторженно воспринял игру Прова Садовского: «На Михайловском театре смотрел Садовского в роли Расплюева («Свадьба Кречинского»). После Щепкина я не знаю лучшего комика».

В семье Толстых Шевченко слушал игру талантливого польского пианиста-виртуоза и композитора Антония Контского. Здесь он познакомился с известной певицей Изабеллой Гринберг, ученицей Глинки. Еще до возвращения поэта в Петербург она по просьбе А. К. Толстого выступила на любительском вечере в пользу Шевченко в Академии художеств (13 апреля 1857). Шевченко посещал ее салон, где познакомился с Даргомыжским. Он написал ее портрет (не сохранился) и подарил автограф стихотворения «Протоптала тропочку...»

Но больше всего его, как всегда, интересовала литература. Отметил он литературный вечер в семье Толстых, на котором Щепкин читал монолог из «Скупого рыцаря», анонимное стихотворение «Фейерверк», распространявшееся в списках, потом напечатанное в «Полярной звезде» Герцена, рассказ охотника из комедии Ильина «Подложный клад», и записал: «И прочитал так, что слушатели видели перед собою юношу пламенного, а не 70-летнего старика Щепкина. Гениальный актер и удивительный старик». Сам Шевченко в этот вечер читал «Неофиты».

Записал он в «Дневнике» (3 апреля 1858 года) новый перевод В. Курочкина стихотворения Беранже «Навуходоносор». Оно не могло быть напечатано по цензурным причинам и распространялось в списках. Употреблявшиеся в переводе слова: «царь», «Северная пчела», «православный наш причет», «Цензурный комитет» и т. д.—помогали читателю переосмысливать содержание, понимать, что речь идет не о Навуходоносоре, а о Николае I. Шевченко оценил стихотворение как «прекрасное и меткое».

Вскоре он познакомился с Василием и Николаем Курочкиными. «На обеде у Сошальского лично позна-

комился с поэтом Курочкиным и с братом его Николаем, достойным молодым человеком,— записал он в «Дневнике» 26 апреля.— Поэт Курочкин много обещает в будущем. Дай бог, чтобы сбылись мои надежды». Поэт бывал у них дома. Н. Курочкин перевел несколько стихотворений Шевченко на русский язык. Сохранились его письма к поэту. Известный исследователь П. Жур разыскал шуточное стихотворение Н. Курочкина, посвященное такому случаю: однажды он ночевал у Шевченко. Поэт вышел утром из дома и запер комнату. Курочкин, проснувшись, написал стихотворение, в котором были такие строки:

...Давно кипит воображенье,
Иди скорей, Тарас, не мучь
И поверни освобожденья
В своих дверях отрадный ключ...¹

Познакомился Шевченко с поэтом Л. Меем, переводчиком на русский язык стихотворения «Вишневый садик возле хаты...»

Встречался Шевченко с поэтами Н. Щербиной, В. Бенедиктовым, Ю. Жадовской. 8 апреля 1858 года Шевченко отметил в «Дневнике» свое знакомство с Л. Толстым, но это явное недоразумение. Из дневника Толстого следует, что 18 марта он приехал в Москву и жил здесь до 9 апреля, после чего возвратился в Ясную Поляну. Вероятно, поэт познакомился с его братом — Н. Н. Толстым. С Л. Н. Толстым он встретился на обеде в честь актера А. Мартынова 10 марта 1859 года.

Весьма сложен вопрос об отношении Шевченко к Некрасову. 11 апреля он записал: «...с успехом доказал Сераковскому, что Некрасов не только не поэт, но даже стихотворец аляповатый». И. Айзеншток высказал предположение, что несправедливый отзыв о творчестве великого русского поэта, революционного демократа вызван свежим впечатлением от прочитанной поэмы «Тишина» («Современник», 1857, № 9), где в четвертой главе прозвучало славословие Александру II в духе либеральных иллюзий, связывавших с личностью нового царя надежды на предстоящие социальные реформы. Поэму «Тишина» так же критически восприняли передовые люди России, о чем свидетельствует письмо А. Герцена к И. Тургеневу. Позже Некрасов переработал поэ-

¹ Жур П. Шевченковский Петербург. Л., 1964, с. 223—224.

му, исключив из нее четвертую главу¹. Шевченко никогда не разделял либеральных иллюзий по отношению к реформе. Посетив вместе с С. Гулаком-Артемовским чиновника и литератора Н. Петрова, знакомого ему еще до ссылки, поэт записал: «...слушали бесконечные и бесплодные толки о эмансипации».

Как и ранее, Шевченко проявляет глубокий интерес к фольклору. В «Дневнике» рукой фольклориста Д. Каменецкого записан текст одной из наиболее любимых песен поэта «Забіліли сніги». Неизвестно чьей рукой записана песня об У. Кармелюке «Повернувся я з Сибірі». К этой записи Шевченко приписал: «Сочинение этой весьма немудрой песни приписывают самому Кармелюку. Клеветают на славного рыцаря. Это рукоделье мизерного Падуры». Ошибившись в определении авторства (автором ее был Ян Комарницкий²), Шевченко не ошибся, заподозрив в ней подделку.

Уделяя много внимания офортам, Шевченко не забывал и о поэзии. Прежде всего он закончил переработку стихотворений периода ссылки. Свою «невольничью поэзию» он переписывал в самодельную книжку. Бумага была почтовая, голубого цвета. Так возникла «Большая книжка» в отличие от «Малой» (в которой переплетены «захалавные» книжечки). Все они были переписаны в «Большую книжку», в которую он затем переписал произведения, написанные после освобождения: «Солдатов колодец», «Неофиты», триптих, «Сон» («Она на барском поле жала...»). Все остальные произведения последнего периода также переписывались в «Большую книжку». На характере переработки мы уже останавливались при рассмотрении отдельных произведений³.

Точной даты завершения переработки мы не знаем. Он должен был бы отметить ее в «Дневнике», но 13 июля 1858 года записи были прекращены. Они заканчивались стихотворением «Сон» («Она на барском поле жала...»).

Третий раз в своем творчестве поэт обратился к форме сна. Он создал волнующую реалистическую картину, которую не раз наблюдал с детства:

¹ См.: Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 539—540.

² Русов А. Теоторбанисты Грегор и Франц Видорты. — Киевская старина, 1892, № 3, с. 372.

³ См. также: Ненадкович Э. О. З творчої лабораторії Т. Г. Шевченка. Київ, 1959.

Она на барском поле жала
И тихо побрела к снопам —
Не отдохнуть, хоть и устала,
А покормить ребенка там.

(Перевод А. Плещеева)

В романтическом идиллическом сне матери отражены мечты крестьянства о свободном труде, о воле. Любящая мать мечтает не о собственном счастье, а о счастье сына, невестки, их детей:

И снится ей житьем довольный
Ее Иван. Пригож, богат,
На вольной, кажется, женат
И потому, что сам уж вольный.
Они с лицом веселым жнут
На поле собственном пшеницу,
А детки им обед несут.
И тихо улыбнулась жница.

Но эту идиллию поэт тут же и разрушает: мать просыпается и, «боясь бурмистра», идет снова жать. Позже аналогичный прекрасный образ кормящей матери-крестьянки дал Некрасов в стихотворении «В полном разгаре страда деревенская...» (1863).

Стихотворение «Сон» Шевченко считал одним из лучших своих произведений последнего периода творчества, охотно дарил автографы своим друзьям или давал переписывать. Известен список В. Аксаковой, датированный 14 июля 1858 года. Еще через два дня поэт сам переписал его на обороте офорта «Святое семейство» (по картине Мурильо), подаренного Ф. Черненко. Осенью того же года оц переписал его текст в письме М. Максимовичу. Известен еще один автограф 1859 года и несколько списков. Очевидно, М. Максимович опубликовал стихотворение в журнале «Русская беседа» (1859, № 3), где оно напечатано с посвящением Марко Вовчок. В известных нам автографах этого посвящения нет. Друг Шевченко поэт А. Плещеев сразу же перевел стихотворение на русский язык¹.

Большой интерес представляет для нас переписка Шевченко последних лет его жизни: 27 марта 1858 года М. Максимович в письме к поэту, переданном через Г. Галагана, прислал ему список поэмы «Еретик» и свое стихотворение, прочитанное в Москве на обеде в честь Шевченко 25 марта того же года. 5 апреля Шевченко ответил Максимовичу и просил продолжить ро-

¹ Московский вестник, 1859, № 4—5, с. 46.

зыски списков «Еретика», так как присланный список не был полным. Очевидно, он собирался переработать поэму — и писал, что читает статью об Яне Гусе в журнале «Русская беседа». В этом же письме переписано стихотворение «Полякам» («Когда мы были казаками...»).

В письме от 15 ноября М. Максимович приглашал Шевченко сотрудничать в славянофильской газете «Парус», которую с нового, 1859 года собирался издавать И. Аксаков. И. Аксаков хотел в своей газете опубликовать стихотворения Шевченко «Вечер» («Вишневый садик возле хаты...») и «Пустку» («Зачаруй меня, волшебник...»). 22 ноября поэт отказался от этого: «...зачем бы мне, скажите, пожалуйста, со своими стихами плыть по суше, яко по морю под этим парусом! Олег я, что ли, не дай бог, или еще кто? «Парус» в своем объявлении перечислил всю славянскую братию, а о нас и не вспомнил...» Шевченко имел в виду программную статью И. Аксакова о выходе новой газеты, напечатанную в августе 1858 года. В статье среди всех славянских народов упомянуты были только «русины» (западные украинцы), а о восточных украинцах не упоминалось.

Второй мотив, из-за которого Шевченко отказался принимать участие в «Парусе», — была его социальная программа. «Не придется мне давать под «Парус» свои стихи и того ради, что парус сей надувает заступник сиятельного князя, любителя березовой каши». Поэт имел в виду князя В. Черкасского, выступившего со статьей, в которой предлагал создать в селах должность участкового старосты, имеющего право наказывать крестьян розгами, правда, не более 18 ударов (о гуманность!), независимо от наказания, которое потом за эту же вину присудит официальный суд. Статья крепостника Черкасского вызвала всеобщее возмущение, но И. Аксаков стал на защиту автора¹.

М. Максимович в письме от 1 декабря согласился с мнением Шевченко и рассказал также, как возмущен был выступлением Черкасского Щепкин: «Мне так же, как и тебе, пришлось оно очень не по нутру; а если бы ты видел, как разошелся было старый Михайло наш — и господи как!»²

Писал Шевченко и жене М. Максимовича, которая жила тогда на Украине, в Прохоровке (напротив Канева).

¹ Московские ведомости, 1858, № 128.

² Листи до Т. Г. Шевченка, с. 151.

По-прежнему переписывался он с С. Аксаковым. Последний в письме, написанном в середине апреля, благодарил за подарок, переданный через Щепкина,— фотографию автопортрета, и сообщал, что читает вторую часть повести «Прогулка с удовольствием и не без морали».

Дело в том, что именно С. Т. Аксаков должен был решить, может ли повесть быть напечатана в славяно-фильской «Русской беседе».

Закончив чтение «Прогулки...», С. Аксаков со всей откровенностью сообщил свой приговор: «Повесть ваша в таком виде, в каком она есть, не может быть напечатана в журнале... она несравненно ниже вашего огромного поэтического таланта, особенно вторая половина... Я без всякого опасения говорю вам голую правду. Я думаю, что такому таланту, как вы, можно смело сказать ее, не опасаясь обидеть самолюбие человеческое»¹.

Безусловно, сила поэтического гения Шевченко была значительно большей, нежели его возможности в прозе, и в этом можно согласиться с С. Аксаковым. Вместе с тем нельзя не отметить, что, отказываясь печатать повесть «Прогулка...», М. Максимович и С. Аксаков руководствовались не только эстетическими соображениями. Мы специально просматривали комплекты «Русской беседы» за эти годы. Во многих номерах помещены произведения писателей, ныне забытых навсегда. Могла быть напечатана и повесть Шевченко. Эстетические требования первых читателей повести имели определенную социальную почву—Аксакову не нравилась тенденциозность Шевченко-прозаика, резкое обличение им крепостничества.

Нельзя без волнения читать ответ Шевченко на письмо С. Аксакова: «Сердечно благодарен вам за ваше искренно благородное письмо. Вы мне сказали то, о чем я сам давным-давно думал, но, не знаю почему, не решался сказать, а вы сказали, и я трижды вам благодарен за ваше искреннее, прямое слово, оно осветило мне дорогу, по которой я шел ошущью. Теперь думаю отложить всякое писание в сторону и заняться исключительно гравюрою, называемой аквафорта».

В этом письме от 15 июля еще раз мы видим исключительную скромность Шевченко, его строгое критиче-

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 143.

ское отношение к своему творчеству. В письме нет ни малейшей ноты обиды. Слова «теперь думаю отложить всякое писание в сторону» не следует понимать буквально. Шевченко имел в виду только прозу. Именно в эти дни им было написано стихотворение «Сон» и послано Щепкину в письме Аксакову: «Посылаю моему великому другу невеликое новорожденное стихотворение и прошу его, чтобы он прочитал его вам на досуге». В семье Аксаковых читали это стихотворение, так как сохранился список В. Аксаковой, датированный 14 июля. Возможно, что это авторская дата, так как письмо Аксакову, в котором прислано стихотворение, написано 15 июля и не могло быть получено в Москве 14 июля.

Как известно, прибыв в Петербург, Шевченко оставался на квартире М. Лазаревского. Не имея надлежащих условий для работы, особенно с тех пор, как занялся гравированием, он мечтал о собственной мастерской и обратился к А. Толстой с просьбой помочь получить постоянную квартиру при Академии художеств. В начале июня 1858 года Шевченко получил квартиру в помещении Академии художеств. В письме Ускову 4 июля Шевченко писал: «В Питере мне хорошо, пока квартирую я в самой Академии, товарищи-художники меня полюбили, а бесчисленные земляки меня просто на руках носят».

Получив квартиру, Шевченко почти полностью посвятил себя гравированию. Он писал Щепкину 13 ноября 1858 года: «Как ретивый вол, впрягся я в работу,— сплю на этюдах: из натурального класса и не выхожу,— так некогда! так некогда!..»

После выполнения офорта «Святое семейство» Шевченко задумал ряд новых гравюр по произведениям Рембрандта. 15 июля 1858 года он пишет С. Аксакову: «Сегодня принимаюсь за новую доску, которой хочу передать одно из произведений великого Рембрандта». Еще до ссылки Шевченко хорошо знал произведения великого голландского художника и гравера. В его собственной художественной манере, в расположении света и тени, было много общего с гениальным мастером. Не случайно еще в 40-х годах Шевченко называли в Академии художеств «русским Рембрандтом»¹.

¹ Новицький. Тарас Шевченко як маляр, накладом Наукового товариства ім. Шевченка. М., 1914, с. 15; см. также: Шевченко и Рембрандт.—Збірник праць сьомої наукової шевченківської конференції. Київ, 1959, с. 122—132.

Шевченко остановился на картине Рембрандта «Притча о работниках на винограднике», выставленной в Эрмитаже. Сначала он скопировал ее (сепия), а затем выполнил офорт (акватинта). В произведениях Рембрандта Шевченко привлекали реализм и гуманизм великого художника, изображавшего человека во всей сложности его жизненных устремлений, своеобразие его художественной манеры, основанной на мастерском использовании светотени. Шевченко копировал и другие произведения Рембрандта: «Священник», «Чтец», «Лекарь», «Автопортрет Рембрандта с саблей», «Лазарь Клап», «Поляк с саблей и палкой».

Шевченко-художник не только копировал классические образцы, но начал готовить офорты по собственным рисункам, в частности из украинской жизни. Так, следующей его работой в жанре гравюры был офорт «Две девушки». Возле старой, развесистой, почти безлиственной ивы стоят две девушки в украинских национальных костюмах. Одна держит ведра на коромысле, у другой — в руках цветы. С правой стороны — козляр с поводырем. В выражениях лиц обеих девушек чувствуется известная условность, характерная для ранних работ Шевченко еще академического периода.

Также оригинальной является сепия «Сама себе в своем хозяйстве». В следующем году Шевченко выполнил офорт по этой сепии.

12

Находясь под надзором полиции, лишенный права выезда из Петербурга, Шевченко вынужден был быть осторожным в своих революционных связях. Поэт сдержан в переписке, прекрасно помня о перлюстрации. И все же нам многое известно. Мы уже упоминали, что в первые же сутки он встретился с польскими друзьями, революционерами, в частности с Зыгмунтом Сераковским, поддерживающим тесные связи с Чернышевским. Известно также, что Сераковский во время пребывания за границей в 1860 году встречался с Герценом и Огаревым.

Сераковский не мог не рассказать о Шевченко Чернышевскому.

Чернышевский хорошо знал о творчестве и деятельности Шевченко. Еще во время ссылки, когда имя поэта

нельзя было упоминать в печати, великий критик нашел способ вспомнить о нем. Так, в рецензии на драму в стихах Н. Кукольника «Азовское сидение» (1855) Чернышевский указал на неправильное изображение в ней запорожцев и при этом в кавычках привел слова: «каких отцов они дети»¹. Кавычки указывали на явную перефразировку слов Шевченко из послания «К Основьяненко», помещенном в двух изданиях «Кобзаря»: «И где — правда и где — кривда, чьих отцов мы дети». Не исключено, что это еще более близкая цитата из послания Шевченко «И мертвым и живым...»: «Кто же мы такие? Чьи мы дети?» Послание распространялось в списках, и, хотя имя поэта не называлось, оно вполне могло быть известно Чернышевскому.

Еще более ясно и определенно упомянуто о нем в рецензии Чернышевского на книгу Г. Данилевского о Г. Квитке-Основьяненко (1856): «Малорусская литература имела писателей действительно замечательных, людей, которые занимают высокое место в русской литературе и занимали б его и тогда, если бы писали и на обыкновенном литературном языке»².

Как мы указывали, поэт еще в ссылке читал журнал «Современник», в Нижнем Новгороде он также был постоянным читателем журнала. В Петербурге происходит постепенное сближение Шевченко с кругом «Современника». На эти связи указывал еще в 1879 году М. Драгоманов. Мы уже упоминали о дружбе поэта с братьями Курочкиными.

Шевченко становится постоянным читателем «Современника». По свидетельству художника М. Микешина, книжки журнала были разбросаны по всей его квартир-мастерской. В письме Варфоломею Шевченко поэт писал: «Русская газета» запрещена. Послал я тебе «Современник» и «Народное чтение», получил ли?»

Именно в этот период в журнале печатаются статьи Чернышевского по всем волнующим, злободневным вопросам. В. И. Ленин отмечал: «Чернышевский... сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом. От его сочинений веет духом классово-борьбы»³.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. II, с. 700.

² Там же, т. III, с. 436.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 94.

На страницах «Современника» Шевченко видел осуществление своих пламенных революционных стремлений, выраженных в «Дневнике»: «Други мои, искренние мои! Пишите, подайте голос за эту бедную, грязную, опаскуженную чернь! За этого поруганного бессловесного смерда!»

Из многочисленных мемуарных источников известно, что Шевченко был знаком с Чернышевским и встречался с ним на вечерах у Н. Костомарова, К. Кавелина, Л. Мея. Бывал он и дома у Чернышевского и на его даче в Любани.

О чем велись между ними беседы и как высоко ценил Чернышевский поэта, свидетельствует его статья «Национальная бестактность», в которой, доказывая, что не национальные, а классовые противоречия определяют в первую очередь борьбу крестьянства Украины за свои права, он ссылаясь на свидетельство Шевченко: «Он окончательно разъяснил для нас ту истину, которую давно мы предполагали сами. Вот она... Малорусскому поселянину не было бы на волос легче, если бы все паны в Малороссии были малороссы,—напротив, было бы малороссу тяжелее от этого, как свидетельствовал нам Шевченко. Мы знаем, что очень многие из образованных малороссов не захотят признать этого мнения за истину: она противоречит национальному предрассудку... Но никакие голословные возражения не поколеблют нашего мнения, опирающегося на такой авторитет как Шевченко... Потому что Шевченко чрезвычайно хорошо знал быт малорусского народа»¹.

С другой стороны, и для Шевченко эти встречи имели огромное значение. «Поэт в лице Чернышевского,—справедливо пишет М. С. Шагинян,—впервые встретил законченный тип революционера-материалиста, отчетливо знающего, куда идти, умнейшего и острого политика. Такой человек не мог не оказать огромного, решающего влияния на завершение политических взглядов Шевченко»².

Совпадали взгляды Шевченко и Чернышевского на готовящуюся реформу.

О том, что готовится реформа, было известно всем. Александр II заявил в речи перед предводителями дво-

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 791—793.

² Шагинян М. Тарас Шевченко. М., 1964, с. 257.

рянства: «Намного лучше, чтобы это осуществилось сверху, нежели снизу». Было несколько проектов крестьянской реформы. Был создан тайный комитет по крестьянскому вопросу под председательством Александра II. В 1858 году образованы губернские комитеты и Главный комитет по крестьянскому вопросу.

Именно в этой обстановке 22 ноября 1858 года написано стихотворение «Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» Поэт, братья и сестры которого оставались крепостными, с душевной болью воспринимал все, что касалось реформы. Сердце Шевченко «как голодное дитя, чего-то ждет оно, рыдает...» За несколько лет до крестьянской реформы определил Шевченко ее крепостнический характер:

Доброго не жди,
Напрасно воли поджидаем:
Придавленная Николаем,
Заснула...

Ни на одно мгновение не допускал поэт мысли о возможности подлинного освобождения. Как и раньше, он стоит за революционное разрешение крестьянского вопроса:

...Чтобы разбудить
Беднягу, надо поскорее
Всем миром закалить обух
Да наточить топор острее —
И вот тогда уже будить.

(Перевод Н. Ушакова)

Характерно обращение к образам «обуха», «топора» — оружия восставших крестьян. Образы топора неоднократно встречаются в прокламации Герцена «Юрьев день!» (1858), в брошюре «Крещеная собственность» (1853). 1 октября 1858 года в «Колоколе» помещено обращение к крепостным крестьянам России, заканчивавшееся словами: «Заострите топоры — да за дело».

Из круга Чернышевского вышло напечатанное в «Колоколе» и подписанное «Русский человек» письмо к Герцену, в конце которого говорилось: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!.. Пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь»¹.

¹ Колокол, 1 марта 1860 г., № 64.

Мы не считаем, что образы «обуха» и «топора» у Шевченко явились исключительно под влиянием Герцена. Они могли явиться и непосредственно из народной речи. Нам важно отметить идейное созвучие поэзии Шевченко и нелегальной революционной литературы. Созвучие это можно проследить и в образах «будить волю», «византийства» и др. Кстати говоря, образ «византийства» еще до Герцена мы встречаем в письме Белинского к Гоголю.

Стихотворение «Я, чтоб не сглазить, не хвораю...» не предназначалось для печати и распространялось в списках. Известны списки П. Кулиша, И. Белозерского, И. Богданенко. Напечатано оно впервые в львовском издании стихотворений (1867) с купюрами.

13

Шевченко, еще находясь в ссылке, мечтал о новом издании своих стихотворений. Как мы уже говорили, получив в Нижнем Новгороде свои захалавные книжечки, он начал готовить стихи для публикации. В Петербурге он получил некоторые свои старые произведения, переписанные П. Кулишем, и снова вернулся к мысли о печати: «Каменецкий сообщил мне все мои сочинения, переписанные Кулишем, кроме «Еретика». Нужно будет сделать выбор и приступить к изданию. Но как мне приступить к цензуре?», — записывает он в «Дневнике» 4 апреля 1858 года.

Напомним, что в 1847 году произведения Шевченко, Костомарова и Кулиша были изъяты, Шевченко — запрещено писать и рисовать и, естественно, печататься. Необходимо было добиться снятия этого запрещения. 27 октября он обращается с письмом к начальнику III Отделения и шефу жандармов князю В. Долгорукову. Поэт прибегает к вынужденной лексике: он называет свои стихи «неосторожными», «преступными», он признает свои заблуждения. Поэт ссылался на то, что Костомарову и Кулишу, которым одновременно с ним было запрещено печатать свои сочинения, уже дано разрешение печататься. Упоминает и о том, что в России издаются произведения эмигранта А. Мицкевича. Просьбу свою он аргументировал также и тяжелым материальным положением, «следствием десятилетнего отсутствия».

На основании резолюции Долгорукова III Отделение представило ему справку о напечатанных прежде сочинениях Шевченко, в которой высказано соображение о возможности нового цензурного рассмотрения его сочинений.

Поскольку вопрос об издании решался теперь цензурой, Шевченко предложил книгоиздателю Д. Кожанчикову издать его сочинения за 2 тысячи рублей. Об этом говорилось в письме к Щепкину от 13 ноября 1858 года. В декабре поэт узнал, что III Отделение не против рассмотрения цензурой его сочинений и на этом основании обратился 23 декабря к попечителю Петербургского учебного округа И. Делянову с письмом, представив для рассмотрения в цензуре две книги «Кобзарь» и «Гайдамаки».

В январе 1859 года член главного управления цензуры А. Тройницкий, сделав замечания по поводу отдельных мест, признал в целом эти сочинения Шевченко годными для издания. Разрешение на издание должен был дать Петербургский цензурный комитет. Ознакомившись с отзывом Тройницкого и получив книги обратно, поэт представил в Петербургский комитет уже не книги, а рукопись: «Поезія Т. Швченка. Том I», куда вошли и некоторые новые, еще не печатавшиеся его сочинения. Рассмотрение рукописи цензурный комитет поручил цензору С. Палаузову, о котором мы уже упоминали в связи с поэмой «Неофиты». Заключение Палаузова, датированное 28 апреля, также содержало критические замечания по поводу отдельных мест, которые могут быть подвергнуты «вторичному рассмотрению главного управления цензуры», но в целом отзыв был положительным: «Остальные же пьесы не заключают в себе ничего противного общим правилам цензурного устава»¹. В таком же духе было и письмо министра народного просвещения в главное управление цензуры от 30 апреля. Главное управление цензуры снова направило рукопись на рецензию А. Тройницкому. Повторив и несколько расширив свои прежние замечания, цензор неожиданно пришел к отрицательному выводу: «Считаю нелишним присовокупить, что я вообще считал бы предпочтительнее разрешить второе издание напечатанных уже поэм г. Шевченко, нежели печатать ныне представленную рукопись с многочисленными предла-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 474.

гаемыми исключениями и, может быть, еще другими, которые встретила бы цензура, как, например, в недостающих в рукописных примечаниях к поэме «Гайдамаки»¹.

Этот неожиданный и печальный для Шевченко вывод мог быть вызван, в частности, и теми событиями, которые произошли в середине июля — арестом Шевченко на Украине.

Отзыв Тройницкого и последовавшая затем резолюция «приказано оставить» (то есть оставить в силе запрещение 1847 года) были большим ударом для поэта. Договор с Кожанчиковым пришлось расторгнуть.

Но вернемся к событиям 1858 года. Великий поэт жил одними мыслями со всей передовой общественностью России. Когда реакционный петербургский журнал «Иллюстрация» позволил себе в одной из статей антисемитский выпад, передовые общественные деятели выступили с протестом в газете «Санкт-Петербургские ведомости». Подписали его, в частности, Чернышевский, Тургенев и другие крупные писатели. Одновременно в журнале «Русский вестник» была помещена заметка «Поступок «Иллюстрации» и протест», а также «Список лиц, протестующих против поступка «Иллюстрации», где также были фамилии Чернышевского, Тургенева и других писателей. В следующем номере к этому списку присоединилась группа украинских писателей, среди них Шевченко, Марко Вовчок, П. Кулиш, Н. Костомаров и другие. Их имена были внесены в общий дополнительный список, где мы видим фамилии Щепкина и многих других артистов, писателей. Отдельное письмо украинских писателей, где также было имя Шевченко, помещено в журнале «Основа»².

С большим вниманием и любовью относился Шевченко ко всем национальностям, независимо от их языка, цвета кожи. В ноябре 1858 года в Петербурге начались гастроли известного во всем мире актера-негра Айры Олдриджа, имевшие колоссальный успех. Спектакли посещал и Шевченко. Особенно он восхищался исполнением шекспировских ролей. 6 декабря 1858 года он писал Щепкину: «У нас теперь африканский актер чудеса выделывает на сцене. Живого Шекспира пока-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 474. Отзыв датирован 25 июля 1859 г.

² Основа, 1861, № 9 с. 137. Текст был написан П. Кулишем.

зывает». Во время спектаклей Шевченко весьма эмоционально выражал свое восхищение. Ученик Шевченко В. Суханов-Подколзин в своих воспоминаниях рассказал, что его мать приглашала поэта и Н. Д. Старова в свою ложу. Оба они так страстно реагировали на игру Олдриджа, что неоднократно вызывали протесты публики, а сама Суханова-Подколзина вынуждена была оставить ложу. Они просили извинения, но в другой раз повторялось то же самое¹.

Вскоре Шевченко и Олдридж познакомились в семье Толстых. Об этом вспоминала Екатерина Толстая: «Помню, как оба они были взволнованы однажды вечером, когда я рассказала Олдриджу историю Шевченко, а ему перевела с его слов жизнь трагика... Оба они были художниками, а, следовательно, наблюдательными, у обоих были выразительные лица, а Олдридж жестами и мимикой просто передавал все, что хотел сказать»².

Подробнее о дружбе двух великих побратимов рассказал художник М. Микешин. Шевченко и Олдридж посещали друг друга. Когда поэт ждал друга, он старательно убирал у себя в мастерской. Не зная языков, они прекрасно объяснялись между собой. Особенно интересен эпизод, который воспроизвел Микешин в связи со спектаклем в Мариинском театре, где Олдридж выступал в пьесе Шекспира «Король Лир»: «Вот сижу я раз в Мариинском театре, ни жив ни мертв; Олдридж изображал короля Лира и кончил... Не помня себя от жалости, сдавившей мне сердце и горло, не знаю, как очутился я на сцене, за кулисами, и открыл двери уборной трагика.

Следующая картина поразила меня: в широком кресле, развалясь от усталости, полулежал «король Лир», а на нем — буквально *на нем* — находился Тарас Григорьевич; слезы градом сыпались из его глаз, отрывочные, страстные слова ругани и ласки сдавленным громким шепотом произносил он, покрывая поцелуями раскрашенное масляною краскою лицо, руки и плечи великого актера...»³

Шевченко написал портрет Олдриджа. О том, как писался портрет, вспоминала Е. Юнге (Толстая): «Мы

¹ См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 331, 332.

² Юнге Е. Ф. Воспоминания, с. 167—169.

³ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 314.

с сестрой уюстились с ногами на турецком диване, Олдридж — на стуле против Шевченко, и сеанс начался. Несколько минут слышно было лишь скрип карандаша на бумаге, но разве мог Олдридж усидеть на месте. Он начинал двигаться, мы кричали ему, чтобы он сидел спокойно... Шевченко сердито прекращал работу. Олдридж делал перепуганное лицо и снова сидел некоторое время неподвижно. «Можно петь?» спрашивал он вдруг. «Да ну его! пусть себе поет» говорил Шевченко. Начиналась трогательная, печальная негритянская мелодия, постепенно переходившая в оживленный темп, и заканчивалась неистовым джигом, который Олдридж вытанцовывал посреди мастерской... Тарас Григорьевич восхищался его веселием и пел ему мало-российские песни... Несмотря на то, что это веселое и интересное препровождение времени очень затягивало сеансы, портрет был все-таки окончен и вышел замечательным и похожим»¹.

В семье Толстых Шевченко и Олдридж встретили новый 1859 год. Гастроли Олдриджа имели колоссальный успех, и власти были чрезвычайно озабочены этим. Количество спектаклей было ограничено. Целый ряд выдающихся деятелей культуры обратился с письмами к министру императорского двора Адлербергу с просьбой продолжить гастроли Олдриджа. Под одним из этих писем есть и подпись Шевченко. Но царский сатрап наложил резолюцию: «Оставить без внимания». Олдридж вынужден был выехать из Петербурга².

Дружба двух великих людей весьма знаменательна. Е. Юнге отмечала в своих воспоминаниях: «Кроме сходства характеров, у этих людей было много общего, что вызывало у них глубокое сочувствие друг к другу; один в молодости был крепостным, другой принадлежал к пренебрегаемой расе; и тот и другой испытали в жизни много горького, оба горячо любили свой обездоленный народ»³.

Особая дружба связывала Шевченко с выдающейся писательницей Марко Вовчок (М. Маркович). Мы уже упоминали, как взволновали поэта ее «Народные рассказы». Он посвятил их автору стихотворение «Сон»

¹ Юнге Е. Ф. Воспоминания, с. 170.

² Єрофіїв І. Ф. З історії першого виступу Олдріджа на петербурзьській сцені.— Радянське літературознавство, № 16, 1952, с. 93—94.

³ Юнге Е. Ф. Воспоминания, с. 167.

(«На барщине пшеницу жала...»). Шевченко был инициатором коллективного подарка писательнице — золотого браслета, посланного ей от имени петербургской «Громады». Вместе с браслетом был послан и автограф стихотворения «Сон».

23 января 1859 года Марко Вовчок со своим мужем М. Марковичем приехала в Петербург и на другой же день познакомилась с Шевченко. Поэт посвятил ей стихотворение «Марку Вовчку. На память 24 генваря 1859». Знакомство переросло в дружбу. Шевченко познакомил писательницу с А. Плещеевым, она познакомилась с поэтом с И. Тургеневым. Он вспоминал: «Однажды на мой вопрос: какого автора мне следует читать, чтобы поскорее выучиться малороссийскому языку — он (Шевченко) с живостью отвечал: «Марка Вовчка! Он один владеет нашей речью!»¹.

В стихотворении «Марку Вовчку» поэт называет автора «Народных рассказов» «пророком», «кротким пророком», имея в виду ее службу народу, а эпитетом «кроткий» — обозначал ту ее черту, на которую указал позже И. Франко: «необыкновенная, подлинно женская деликатность в изображении событий»².

Но он называет ее также «обличителем жестоких и ненасытых». Этим подчеркивалась революционно-демократическая направленность произведений Марко Вовчок.

Шевченко подарил писательнице автограф поэмы «Неофиты» с надписью на украинском языке: «Моей единственной доченьке Марусе Маркович. На память 3 апреля 1859 г.», а также автопортрет.

Марко Вовчок посвятила Шевченко свой рассказ «Институтка», о котором поэт был очень высокого мнения. Биограф Шевченко М. Чалый писал: «Говоря об «Институтке», посвященной ему Вовчком, Тарас Григорьевич сделал довольно странное сопоставление, сравнив писательницу с Жорж Санд, которая, по его мнению, Марии Александровне «и в кухарки не годится»³. О высокой оценке творчества писательницы идет речь и в воспоминаниях В. Карташевской: «Тогда появилась малороссийская писательница Марко Вовчок (Маркович), Белозерский и Шевченко возносили ее до небес.

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 292.

² Нарис історії українсько-руської літератури. Л., 1910, с. 142.

³ Чалый М. К. Жизнь и произведения Т. Шевченко. Київ, 1882, с. 147—148.

Шевченко после каждого рассказа восклицал: «Шекспир, Шекспир!»¹

Шевченко был недоволен тем, как Кулиш редактировал рассказы писательницы. Об этом вспоминал сам издатель «Народных рассказов»: «Я слышал, что Тарас сетовал: как я смею поправлять Марку Вовчку его рассказы. «Он их опрозит!» — восклицал бедняга»².

В конце апреля 1859 года Марко Вовчок выехала за границу.

14

Круг знакомых Шевченко в Петербурге был весьма широк. Он был знаком с известным ученым-зоологом и путешественником Н. А. Северцовым и нарисовал его портрет. Всю жизнь портрет висел в кабинете ученого над его столом³.

10 марта 1859 года Шевченко был на торжественном обеде в честь выдающегося актера А. Мартынова. По записи в дневнике критика А. Никитенко он сидел между ним и поэтом Языковым. В альбоме, преподнесенном Мартынову, Шевченко расписался вместе с Чернышевским, Некрасовым, Добролюбовым, Л. Толстым, Салтыковым-Щедриним, Островским, Тургеневым, Гончаровым, Плещеевым, В. Курочкиным, Гербелем и др.

По заказу молодого ученого-минеролога П. Кочубея Шевченко выполнил рисунок «Русалки» для плафона в его доме. Для казака позировал его ученик Б. Суханов-Подколзин, а для русалки — крепостная князя Голицына Одарка Соколинна с Украины. По заказу П. Кочубея Шевченко нарисовал портрет его предка — генерального судьи Василия Кочубея, казненного по навету Мазепы.

Выполнил он и новый офорт по картине художника И. Соколова «Приятели».

16 апреля 1859 года Шевченко обратился в Совет Академии художеств с просьбой о присвоении ему звания академика гравюры. Он представил две гравюры: «Притча о работниках на винограднике» и «Приятели». В тот же день Совет признал его «назначенным в ака-

¹ Из воспоминаний В. Я. Карташевской о Т. Г. Шевченко. — Киевская старина, 1900, № 2, с. 63.

² Яворницкий Д. Матеріали до біографії Т. Г. Шевченка. Катеринослав, 1909, с. 13.

³ Северцева Л. Б. Алексей Николаевич Северцов. Биографический очерк. 1946, с. 36.

демики» и задал «программу на звание академика по гравированию на меди».

Написал Шевченко несколько новых стихотворений. Он снова обращается к библейской форме, создает несколько «подражаний». «Подражание 11 псалму», «Исайя. Глава 35», «Осии. Глава 14. Подражание». По сравнению с «Псалмами Давида» тут заметна бóльшая самостоятельность в использовании библейских образцов. (Редакция журнала «Основа», публикуя «Подражание 11 псалму», изменила название: «Прочитавши 11 псалом».) Во внешне библейской форме, очень отдаленной от мотивов библейского псалма, поэт критикует фальшивую, лицемерную мораль эксплуататорского общества:

Друг другу тайно цепь куют
В потемках сердца, а словами,
Медоточивыми устами
Целуются и часа ждут,
Не скоро ль брата под холстиной
От них на кладбище свезут?..

(Перевод М. Голодного)

Как и ранее, Шевченко применяет библейскую форму для защиты «людей закованных», «убогих нищих», «рабов и малых и немых», для пропаганды революционно-демократических идей.

Вполне понятно, что в этих образах поэт имел в виду угнетенный царизмом народ, крестьян-крепостных. Освобождению народа посвятил Шевченко свое поэтическое слово:

Как серебро, что гнуто, бито
И семикратно перелито
Огнем в горниле — словеса.

В силу слова, слова-оружия, закаленного в огне крестьянских восстаний, Шевченко глубоко верил. Этот образ слова-оружия подхватили и развили позже ученики Шевченко — Иван Франко, Леся Украинка, Павло Грабовский и другие поэты революционной демократии.

Благодаря библейской форме стихотворение «Исайя. Глава 35» было напечатано (вскоре после смерти Шевченко) в журнале «Основа» (1861, кн. XI—XII). Оно является как бы продолжением предыдущего. Это вдохновенный, исполненный пафоса гимн земле, гимн освобожденному народу. Освобождение придет после революционного переворота, когда высшая справедливость освободит «долготерпеливых», «убогих», будет судить «злодеев» и воздаст за зло. Вот тогда все переменится. Поэт рисует подлинную идиллию:

И ширь пустыни неполютой,
Водой целебною омытой,
Очнется к жизни. Потекут,
Взыграют реки, а озера
Вокруг лесами порастут,
Весельем птичьим оживут.
Оживут озера, степи,
И не столбовые,
А широкие, как воля,
Дороги святые
Опяшут мир...

(Перевод
П. Антокольского)

Это были смелые, оптимистические, романтические мечты о далеком будущем, о царстве социальной справедливости, мечты о преобразовании свободными людьми природы¹. Это были мечты многих революционных демократов. Позже, в стихотворении «Горе старого Наума» (1874) Некрасов писал:

Иных времен, иных картин
Провижу я начало

В случайной жизни берегов
Моей реки любимой:
Освобожденный от оков,
Народ неутомимый

Созреет, густо заселит
Прибрежные пустыни;
Наука воды углубит:
По гладкой их равнине

Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою,
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Это еще один пример общности идей у революционных поэтов-демократов.

Евангельский образ девушки-матери использовал Шевченко в стихотворении «N. N.» («Как ты, лилеею такую ж...»). По свидетельству Г. Н. Честаховского, стихотворение было посвящено дочери священника Крупицкого из Подольской губернии, которую он увидел на студенческом вечере в Медицинской академии. Поэту хочется, чтобы и эта девушка пронесла революционное

¹ На вдохновенные слова Шевченко написана торжественная кантата Миколы Лысенко «Радуйся, нива неполютая!».

слово над землей, но он сам сдерживает себя, понимая, что это связано с преследованиями и даже более того:

Распнут.
В Сибирь в оковах поведут.
И ты, мой беззащитный цветик...
Не вымолвить...

(Перевод Ф. Сологуба)

Переводы стихотворений Шевченко печатались в журналах «Русская беседа», «Московский вестник», «Народное чтение». Разрешения же на отдельное издание он долго не мог добиться. Возможно, что известным препятствием было и то, что уже осенью 1858 года в России стало известно о печатании в Лейпциге книги «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки» (1859)¹.

Шевченко решил предупредить события. 18 октября 1858 года он явился в III Отделение. Вот как записал об этом начальник III Отделения князь Долгоруков: «Шевченко живет в Академии художеств на квартире у графа Толстого. Он приходил сказать мне, что Головин намеревается печатать за границей его сочинения, и уверяет, что он рукописей никаких ему не передавал...². Мы не знаем точно, что говорил в действительности Шевченко, но говорить то, что записал Долгоруков, он не мог, так как никакой квартиры Ф. Толстой в Академии не имел, а художник жил в собственной мастерской на втором этаже. Что же касается Головина, то, конечно, Шевченко никаких рукописей ему для печатания за границей давать не мог. Иван Григорьевич Головин, как показал в названной работе Ф. Прийма, русский писатель-публицист, во время пребывания за границей издавал книги антимонархического направления. В частности, он был одним из инициаторов и редакторов серии «Русская библиотека», 8-м выпуском которой и была книжечка «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки», изданная в Лейпциге в типографии Вольфганга Гергардта³.

В нее вошли следующие произведения Шевченко: «Кавказ», «Холодный Яр», «Думка» («Как умру, похороните...»), «Разрытая могила», «Думка» («За думою

¹ Историю этого издания см.: Прийма Ф. Я. Шевченко і вільна російська преса.—Збірник праць п'ятої наукової шевченківської конференції. Київ, 1957, с. 171—176.

² Шевченко Г. Г. Документи та матеріали..., с. 456.

³ Збірник праць п'ятої наукової шевченківської конференції, с. 176, 177.

дума летит вылетает...»), «И мертвым и живым...» Поэма «Кавказ» напечатана с таким примечанием редактора: «Такие стихи были нам присланы на малороссийском языке с примечанием, что стихи Шевченко — выражение общих, накипевших слез: не он плачет об Украине, она сама плачет его голосом»¹. Хотя тексты Шевченко напечатаны со многими ошибками, это первое бесцензурное издание некоторых его наиболее революционных произведений из сборника «Три года». Именно из этого источника стихотворения «Завещание» («Как умру...»), «Кавказ», «Холодный Яр» были перепечатаны во львовских (тогда зарубежных) журналах «Мета» и «Вечерниці» в 1863 году.

Стихотворения Шевченко были изданы также отдельной брошюрой. На титульной странице значилось (воспроизводим по оригиналу): «Поезія Тараса Шевченка. Липськ. 1859». «Липск» — старинное украинское наименование Лейпцига (оно встречается в «Энеиде» Котляревского).

Книжечка «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки» была запрещена в России Петербургским цензурным комитетом.

О значении книжечки высказывались различные взгляды. Так, М. Драгоманов слишком резко и несправедливо назвал лейпцигское издание «шарлатанским»².

Иначе оценил издание революционный демократ М. Павлык: «Помещены там именно такие произведения, которые в России и теперь печатать нельзя... От произведений Шевченко повеял совсем иной дух... Там, на Украине, под влиянием свободного украинского прошлого и новейших социалистических взглядов русской литературы, более честная украинская интеллигенция, состоявшая из одних светских людей, писала не только на народном языке, но и очень сочувствовала народу. Особенно защищал простой народ Тарас Шевченко, сам из мужиков и крепостной»³.

В 1937 году Гослитиздат Украины осуществил фототипическое издание книжки «Новые стихотворения Пушкина и Шавченки».

¹ Цитируем по фототипическому изданию: Новые стихотворения Пушкина и Шавченки. Держлітвидав УРСР, 1937.

² Драгоманов М. Шевченко, українофіли й соціалізм. Львів, 1906, с. 24.

³ Про русько-українські народні читальні, зложив М. Павлик. Львів, 1887, с. 84, 85.

Давно мечтал Шевченко о поездке на Украину. Еще 25 марта 1859 года он писал М. Максимовичу, что как только к маю закончит дело с цензурой, то поедет через Москву на Михайлову гору, в Прохоровку (имение Максимовича). Но дело с цензурой затягивалось, и 5 мая он обратился в Академию художеств с просьбой выдать ему «вид» на проезд в Киевскую, Черниговскую и Полтавскую губернии на пять месяцев «для поправления здоровья и рисования этюдов с натуры». В тот же день вице-президент Академии Ф. Толстой обратился с соответствующим письмом к министру императорского двора графу Адлербергу. 20 мая временно исполняющий обязанности министра в свою очередь обратился к начальнику III Отделения князю Долгорукову.

10 мая, отвечая на письмо Марии Максимович, которое до нас не дошло, Шевченко с возмущением писал: «Раньше в столицу не пускали, а теперь из этой вонючей столицы не выпускают. До каких пор они будут издеваться надо мной?»

Бюрократическая машина действовала медленно. 23 мая Долгоруков наложил резолюцию и сообщил Адлербергу о согласии на выезд Шевченко.

28 мая Адлерберг сообщил об этом новому вице-президенту Академии художеств князю Гагарину. 25 мая, отвечая на письмо Марко Вовчок, Шевченко писал: «Я еще и до сих пор здесь, не пускают домой». Но, наконец, разрешение было получено, и Шевченко выехал поездом в Москву, где пробыл лишь один день. Отсюда вместе с Д. Хрущовым, членом Харьковского губернского комитета по «устройству крестьянского сословия», он выехал на Украину. Одновременно полицейская верхушка, не зная, куда точно едет Шевченко, направила Черниговскому гражданскому губернатору секретный циркуляр: «Сделать распоряжение к учреждению за Шевченком, во время проживания его во вверенной вам губернии, поминутного надзора, о последствиях которого меня уведомить»¹. Губернатор направил соответствующие инструкции нижестоящим инстанциям. Аналогичные циркуляры получили Киевский и Полтавский губернаторы.

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 483.

В последних числах мая Шевченко посетил в Орле своего давнего друга Ф. Лазаревского. Затем он проехал Сумы, Лебедин и в начале июня был уже в имении Д. Хрущова в селе Лихвин (теперь Лифино Лебединского района). Тут он написал два пейзажа под одним названием «В Лихвине». У Хрущова собралось довольно большое общество. Здесь, в частности, был воспитанник Харьковского университета Алексей Залесский и его брат Максим. Шевченко подарил ему офорт «Приятели» с шуточной надписью: «Вареничному архимастеру А. М. Залесскому на память 6 июня 1859 на Нови». Жене Хрущова Наталии Александровне он также подарил офорт «Приятели» и автограф стихотворения «Вишневый садик возле хаты...» 7 июня он написал стихотворение «Ой, на горе яр-хмель цветет...», которое позже в Петербурге посвятил Ф. И. Черненко. В нем выражены чувства обездоленного казака, спрашивающего, где его судьба: «Или в шинках с богачами, или в степях с чумаками»¹.

Из Лихвина Шевченко выехал в Пирятин, где написал лирическую песню «Ой, мама, мама, как я страдаю...». Остановился он у Петра Николаевича Мокрицкого-Таволги, который позже был уполномоченным Марко Вовчок в издании ее сочинений в Петербурге.

Из Пирятина Шевченко прибыл в Переяслав (ныне Переяслав-Хмельницкий). Остановился у старого друга А. Козачковского. Козачковский, переяславский городской врач, принимал участие в обсуждении вопроса «об улучшении быта крестьян». Его взгляды на предстоящую реформу не совпадали со взглядами Шевченко. «Грустное впечатление производил на него взгляд мой»², — отметил он позже в воспоминаниях.

Затем Шевченко отправился в Прохоровку, имение М. Максимовича. Здесь написал портреты самого М. А. Максимовича и его супруги.

Побывал Шевченко в селе Пекари и в Каневе, где написал пейзаж «В Каневе». В конце июня поэт в Городище посетил сахарный завод Яхненко и Симиренко. Он познакомился с Платоном Симиренко, который обещал ему материальную поддержку в издании его сочинений. Позже Платон Симиренко одолжил Шев-

¹ Подробнее см.: Сапухін П. Перебування Т. Г. Шевченка на Сумщині. Суми, 1956; Жур П. Третья встреча. Хроника последней поездки Тараса Шевченко на Украину. Л., 1973, с. 48 и след.

² Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 106.

ченко 1.100 рублей, договорившись, что поэт возвратит эту сумму частью тиража книги.

Остановился Шевченко у служащего фирмы, зятя Ф. Симиренко — А. Хропаля, с которым познакомился еще в 1845 году в Миргороде. В июле Шевченко посетил его хутор вблизи Млиева. У Хропаля собирались работники завода, и поэт читал им свои стихи из рукописной книжки.

От Хропаля Шевченко поехал к своим родным в Корсунь, посетил Варфоломея Шевченко (его сестра была замужем за братом поэта — Иосифом). Здесь он написал пейзаж «В Корсуне». Из Корсуни Шевченко поехал в Моринцы и Кирилловку, где встретился с родными братьями и сестрами — крепостными. Особенно волнующей была встреча с сестрой Яриной (по мужу Бойко). Она рассказывала впоследствии биографу Шевченко М. Чалому: «Была я на огороде — копала грядки. Гляжу — бежит моя девочка: «Мама, мама, вас какой-то Тарас кличет». — «Какой Тарас?» — спрашиваю, а сама не могу с места сдвинуться. Как вот и сам он идет. — «Здравствуй, сестра!..» — Вот сели мы с ним на лавочке. Он, горемычный, положил голову мне на колени да все просит меня, чтобы я ему рассказывала о своей жизни несчастной. Вот я ему рассказываю, а он, покойничек, слушает, да все приговаривает: «Да-да! Так, сестра, так! — наплакалась я вволюшку, пока не досказала до конца — как мой муж помер»¹. Позже, после ареста, в Черкассах Шевченко написал стихотворение «Сестре», в котором снова, в форме сна, воспроизвел эту встречу.

И вижу я — в саду тенистом
Одна под вишнею ветвистой
Моя родимая сестра,
Многострадальная, святая...
(Перевод В. Саянова)

Пробуждение от сна несет горькое разочарование: «И мы проснулись. Ты... на барщине, а я в неволе!.. Вот так с младенчества идти пришлось нам по колючим нивам!» Еще раз Шевченко выразил свою неразрывную связь с народом, с закрепощенным крестьянством.

Из Кирилловки Шевченко возвратился в Корсунь.

5 июля он прибыл в местечко Межирич, недалеко от Канева. Здесь жил помещик Парчевский. Местность

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 345.

вблизи села Пекари над Днепром очень понравилась Шевченко. Он написал пейзаж «В Межиричьи». Шевченко хотел приобрести участок земли и построить над Днепром хату. Он сам нарисовал план этой хаты, вел переговоры со служащими экономической конторы Парчевского о покупке участка и вместе с землемерами ездил в поле для его обмера. Здесь произошел инцидент, ставший причиной третьего ареста Шевченко. Как мы уже упоминали, полиция северных губерний Украины была предупреждена о приезде Шевченко заблаговременно. Когда поэт был еще в Городище и остановился у Хропаля, пристав Добржинский очень обрадовался, узнав о пребывании у него Шевченко:

« — Какой Шевченко? Может, академик?

— Да, академик!

Пристав подскочил как ужаленный.

— Вот спасибо, что сказали. Я только получил приказ от исправника следить за ним. Теперь я знаю, где он находится. Вот и отличусь перед начальством,— прибавил вполголоса, словно про себя»¹.

Шевченко выехал из Межирич в село Пекари, переправился на лодке через Днепр. Когда он пешком направился в имение Максимовича Прохоровку, его догнал становой пристав с десятскими и сотскими и арестовал. Поэта доставили в Мошны, где он находился под надзором в квартире станового пристава. Отсюда он написал письмо Максимовичу с просьбой переслать его вещи. Потом его перевели в уездный город Черкассы.

О причине третьего ареста мы узнаем из рапорта Черкасского земского исправника Табачникова Киевскому гражданскому губернатору Гессе: «Проездом через местечко Межирич 7-го июля я узнал, что 5 числа приехал сюда Тарас Шевченко... Сторонние люди, которых я спрашивал о поводах приезда Шевченка, объявили, что Шевченко имеет намерение поселиться в Межиричском имении... 12 июля дознано, что Шевченко... осматривал местность селения Пекарей... и избрал место для своей оседлости. При осмотре места находились дворяне Витольд Вольский, Козловский, Хилинский и варшавский житель Молендский... кроме того был карбовничий пекарской люки крестьянин Тимофей Садовый. По выборе места... Шевченко... показывая Садо-

¹ Чалый М. Посещение Т. Г. Шевченко сахарного завода Яхненка и Смиренка.— Киевская старина, 1889, № 2, с. 461.

вому оторванный тут же от липы лист... спрашивал его по малороссийски — *кто это дал?* И когда отвечал Садовый, что бог, — то Шевченко отозвался: *дурак ты, веруешь в бога...* затем назвал божью мать *покрыткою...* Между же официалистами Межиричского имения разнеслись толки, будто Шевченко, кроме богохульства, говорил еще бывшим около него означенным лицам, что не нужно ни царя, ни панов, ни попов... я распорядился оставить Шевченко в квартире пристава стана под особым надзором»¹.

Позже, на допросе в Киеве, Шевченко отрицал эти обвинения. Причиной ареста он считал конфликт с родственником землемера Козловским, который во время завтрака завел с ним провокационный богословский разговор². Весь инцидент поэт считал мезтью со стороны Козловского³.

В Черкассах Шевченко написал лирическое стихотворение «Я, глупый, размышлял порою...», в котором выразились грустные размышления в третий раз арестованного поэта. «О горяшко! о горе мне!» — пишет поэт.

Где спрятаться — и сам не знаю;
Везде пилаты распинают,
Морозят, жарят на огне.

(Перевод А. Ойслендера)

Худшим для себя он считает, если не оставит после себя никакого следа «на обокраденной земле».

Написал он также пейзаж «В Черкассах».

26 июля поэта привезли в Киев. Здесь генерал-губернатор приказал освободить его из-под ареста, а чиновнику особых поручений Андриевскому снять с него допрос, что и было исполнено 6 августа. Обо всем сообщено в III Отделение. 8 августа Шевченко обратился с прошением разрешить ему выезд в Петербург.

В условиях революционной ситуации в стране царские власти решили не раздувать инцидент и 11 августа Шевченко разрешили возвратиться в Петербург.

В Киеве поэт остановился у своего давнего знакомого по Петербургу фотографа И. Гудовского. Познакомились они еще в то время, когда Гудовский учился

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 493—495.

² Там же. с. 507, 508.

³ П. Жур убедительно опровергает это.

в Академии художеств и помогал ему распространять «Живописную Украину». Сохранились три фотографии, выполненные им. Встречался Шевченко не раз со своим старым другом И. Сошенко, познакомился со своим будущим биографом, учителем гимназии М. Чалым, которого назвал своим «большим приятелем киевским».

«14 августа вырвался я из этого святого Киева и скачу сейчас без оглядки в Петербург», — писал он Варфоломею Шевченко. Из Прилук он поехал в Переяслав к А. Козачковскому. Здесь он написал стихотворение «Если бы ты, Богдан...» Под влиянием ареста, все новых преследований Шевченко не смог объективно оценить историческую роль великого гетмана, хотя не раз оценивал его деятельность положительно, как «прославленного казачьего батька».

Побывал он в Качановке в имении В. В. Тарновского-младшего, который позже стал коллекционировать рукописи и вещи Шевченко, основал в Чернигове «Музей украинских древностей».

22 августа Шевченко был в селе Гиравка (ныне село Шевченково) Конотопского уезда в имении Лазаревских. Здесь написан портрет А. Лазаревской. Вместе с Федором и Иваном Лазаревскими они выехали в Кролевец, а оттуда через Севск, Кромы, Орел в Москву. 7 сентября 1859 года Шевченко вернулся в Петербург.

Хотя инцидент в Межирическом имении закончился для Шевченко без последствий, он был освобожден из-под ареста и ему разрешено возвратиться в Петербург, он оставался под подозрением. На секретном рапорте киевского генерал-губернатора Васильчикова шеф III Отделения Долгоруков наложил резолюцию: «Несмотря на все здесь изложенное, призвать Шевченко и, сделав ему строгое внушение, присовокупить, чтобы он был весьма осторожен; в противном случае, чтобы он не пенял на нас за те последствия, которым он может подвергнуться. 23 августа»¹. На документе имеется припис-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с 515.

ка карандашом: «Справиться, возвратился ли Шевченко и если возвратился, то пригласить в четверг 26 августа».

Но как мы знаем, Шевченко в Петербург не спешил. 26 августа он выехал из Кролевца и прибыл в Петербург только в первых числах сентября. Был ли он после возвращения приглашен в III Отделение, или об этой резолюции забыли, мы не знаем. В документах III Отделения вызов и разговор с поэтом не зафиксированы. Но продолжались цензурные мытарства, и, конечно, Шевченко вынужден был в своем творчестве прибегать к эзоповскому языку. 24 октября написано стихотворение «Во Иудее, во дни оны...». Читателям было ясно, что речь идет не об Иудее, и не о Риме, а о современной николаевско-александровской России. Об этом говорили слова: «царь... самодержавный государь!» и дальнейшие слегка зашифрованные образы: «Рабы, чьи с орденами груди, лакеи в золоте, не люди...», «мусор с помела его величества». Все эти характерные детали сразу вводили читателя в атмосферу общественной жизни Российской империи.

Высказывалось предположение, что расправа Ирода с «малыми детьми» — явный намек на преследования царизмом революционной, в частности студенческой молодежи.

В образе Ирода нетрудно узнать и Николая I и Александра II, не намного более трезвого и гуманного, чем его отец. Стрелы сатиры направлены не только против «пьяного царя-владыки», но против всей царской камарильи: «лакеев» в золотых мундирах и «рабов» с кокардами.

Стихотворение, хотя и с некоторыми цензурными купюрами, было напечатано только после смерти Шевченко в «Кобзаре» 1867 года.

В ранней, черновой редакции стихотворение заканчивалось строками, которые позволяли предположить, что оно должно было служить вступлением к поэме «Мария». Но при переписывании его в «Большую книжку» строки эти сняты.

Возможно, что замысел поэмы «Мария» возник давно, еще на Украине. Об этом говорит одно место из новогоднего письма к В. Репниной из ссылки в 1850 году: «Прежде когда-то думал я анализировать сердце матери по жизни святой Марии, непорочной матери Христовой, но теперь и это мне будет в преступле-

ние...» В письме от 7 марта того же года он почти повторяет свою мысль.

Вследствие ареста поэт не смог осуществить замысел, но и не забыл о нем. Частично он разработан в поэме «Неофиты» и полностью осуществлен в поэме «Мария» в период между 27 октября и 11 ноября 1859 года. Первоначальный замысел за эти годы значительно изменился. Правда, следует помнить, что мы знаем о нем только из письма В. Репниной, к тому же эти письма подлежали перлюстрации, о чем Шевченко не мог не знать.

В поэме «Мария» образ матери трактуется не в евангельском, религиозном плане, а в бытовом, Мария — обыкновенная женщина. Не случайно отсутствие таких выражений, как «богородица», «богоматерь» и т. п. Единственный раз в тексте поэмы возникает слово «Иисус», и то не как собственное имя: «Загудело в Вифлееме на площади: «Мессия! Иисус!.. Осанна!»

Известные элементы евангельской фабулы Шевченко сохраняет. Поэме предпослан эпиграф: «Радуйся, ты бо обновила еси зачатия студно» (Акафист пресвятой богородице. Икос 10). Во вступлении к поэме не раз употребляется евангельская лексика, образность («упование, «святая», «пренепорочная», «благая», «достойно петая» и т. п.). С одной стороны, такое вступление необходимо было к поэме с евангельской фабулой, а с другой — тут высказывались надежды патриархального крестьянства на какую-то высшую справедливость. Именно от лица угнетенного народа обращался Шевченко к Марии:

Возри, пречистая, на них,
И обделенных и слепых
Рабов...

(Перевод Б. Пастернака)

Поэт сохраняет и известные евангельские ситуации. События происходят в районе Ближнего Востока. Об этом говорят географические названия: Тивериада, Назарет, Иерусалим, Вифлеем, Иудея, Египет и т. д. Сохранен колорит в образах и деталях: бурнус, хитон, куца, оазис, кесарь, опресноки, протопресвитер, сфинкс и др.

Но отдав известную дань евангельской фабуле, деталям, Шевченко создал социально-бытовую и полити-

ческую поэму. Наряду с деталями, характерными для Ближнего Востока, мы видим множество деталей, характерных для Украины: Иосиф — «плотник или бондарь», «несет с торбой на плечах новую коновочку» (ведерко), «шапльчок» (деревянное ведерко), «медяничек» (медный пряник), «постолы» (лапти) и т. д. Мария — «наймичка», стоит себе под тыном и шерсть белую прядет».

В таком же бытовом украинском плане изображены и все другие персонажи: «одолжила вдова «півкопи» (30 коп.) на букварь», «дали кожух и свиту на дорогу» и т. д.

Таким образом, всем своим бытовым колоритом поэма была далека от евангельской легенды. Сюжет лишен религиозной мотивации. Все события происходят просто и логично, без вмешательства сверхъестественных сил. Нет и намек на «непорочное зачатие». У старика Иосифа Мария работает наймичкой. Их посещает молодой веселый гость. Мария увлекается им. Не прибегая к лишним натуралистическим деталям, поэт дает понять, что Мария должна стать матерью. Чтобы избежать позора, Иосиф предлагает ей обвенчаться.

Шевченко рисует жизнь обыкновенных, простых людей, обыкновенные человеческие чувства. Но в то же время он вкладывает в этот простой сюжет новое идейное содержание. В этом смысле интересен образ молодого гостя. Мария увлечена не так его внешностью, как его пламенной проповедью нового учения. Нет сомнений, что так же, как и в поэме «Неофиты», в слова гостя вложены не религиозные, а светские идеи. Новое учение должно служить освобождению народа. Поэтому с такой радостью воспринимают его трудящиеся люди. Господствующие классы преследуют новое учение и вскоре пророка казнят. Но Иосиф и Мария думают о том, что остался его сын, продолжатель справедливого дела.

И рад особо —
Старик, что девушки утроба
Скрывает праведную душу
За волю распятого мужа.

Из этих слов ясно, что гость был борцом за свободу. Угнетателей ждет суровая расплата: «Убьют, //

Зарежут вас, душеубийцы, // И в окровавленной кринице // Напоят псов». Иногда Шевченко сохраняет эпитет «правда божья», но она страшна только для угнетателей — «чтоб фараонам не дремать». Раз правда страшна «фараонам», следовательно, она народная, революционная.

Вырастая, сын идет по стопам своего отца: он поучает народ.

Как в свете жить, людей любить,
За правду стать, за правду сгнить.
Без правды горе...

За проповедь «нового» слова, слова правды, распинают и сына Марии. Мать, как и мать Алкида в поэме «Неофиты», продолжает дело своего погибшего сына. Она собирает павших духом учеников сына, воодушевляет их «дыханьем огненного слова». За это, пишет Шевченко, «хвала и слава ввек тебе, Мария!»

Завершается поэма концовкой, в которой идет речь о том, что угнетатели извращают новое учение и только «душой невольничьей», «убогой» воспринимается огненное слово правды.

Поэма «Мария» написана в пору надежд на серьезные общественные сдвиги, надежд на волю и правду: «А люди ждут чего-то».

Таким образом, поэма, сохраняя некоторые элементы евангельской фабулы, была наполнена революционным содержанием. Доказательством ее антирелигиозного характера является и то, что клерикалы со временем стали на путь ее фальсификации. Литератор и переводчик М. Лободовский сфальсифицировал и издал этот текст под названием: «Пересмотр поэмы «Мария» Тараса Григорьевича Шевченко и та же поэма по четвертой чьей-то рукописи» (1910). Никакого нового списка, который бы отличался своим идейным содержанием от оригинала, не было. Это — сознательная антихудожественная ремесленническая подделка.

Ценное исследование поэмы дал И. Франко: «Шевченковскую поэму «Мария» следует отнести к лучшим, наиболее глубоко задуманным и гармонически завершенным поэмам Шевченко. Она занимает выдающееся, а в некотором смысле даже первостепенное место между таких перлов поэтического творчества Шевченко, как «Княжна», «Ведьма», «Петрусь», «Сотник» и «Неофи-

ты»... Эта тема, однако, была у Шевченко лишь одной из многочисленных вариаций темы женщины-матери, которая начинается уже в его раннем творчестве украинскими поэмами «Катерина» и «Наймичка», русской «Слепой», а в «Марии» достигает вершины, какой могла достигнуть только фантазия поэта¹.

Но не со всеми мыслями Франко в этой статье можно согласиться, в частности, с мыслью о «необычайном подъеме религиозного духа». Сам Франко ранее давал более объективную оценку «религиозной» образности, лексики: «Шевченко никогда не доходит до такого мистицизма, как Кулиш, а слова «бог», «божий» и т. п. являются у Шевченко скорее поэтической фразой, образным выражением и не имеют никакого догматического, религиозного значения». Если поэму «Мария» воспринимать в контексте всего поэтического творчества поэта последнего периода, где антирелигиозность Шевченко достигает своей вершины, то и эта поэма является лишь формой выражения революционно-освободительных идей, направленных на свержение всего насквозь прогнившего феодально-крепостнического строя.

Шевченко и далее последовательно использует библейские формы, темы, сюжеты. Стихотворение «Подражание Иезекиилю. Глава 19», написанное 6 декабря 1859 года, также направлено против царей, помещиков, вельмож. Поэт предсказывает кровавую расправу с царизмом и крепостничеством:

И ваше злое своеволие
Купаться будет и тонуть
В своей крови.

(Перевод
А. Безыменского)

Все подражание направлено против царизма: в нем упоминаются «самодержавный владыка»; вдовствующая императрица — Александра Федоровна, «щенята» — Александр II, его братья и сестры.

В таком же плане написано и стихотворение «Осии. Глава 14», где в первой же строке речь идет об Украине. Посещение родного края еще раз напомнило поэту о жестоком социальном и национальном гнете. Отсюда —

¹ Шевченкова «Марія». — Записки Наукового товариства ім. Т. Шевченка, т. СХІХ—СХХ. Львів, 1917, с. 348.

резкие выпады против Богдана Хмельницкого и Петра I, как виновников этого гнета. Но главными виновниками он считает «господ, панов поганных». Против них направлена небывалая по силе гнева инвектива:

Пророчь лукавым о возмездье,
Что, злые, пропадут они,
Что их измена, и бесчестье,
И криводушие — огнем,
Кровавым пламенным мечом
Отмечены на душах тайно,
Что кара кличет неустанно,
Что не спасет их добрый царь,
Их кроткий пьяный государь,
Не даст наестся им, напиться,
Не даст коня вам, чтобы скрыться,
Чтоб ускакать; не ускакать,
Не скрыться вам! Ведь вас повсюду
Отыщет правда-месть, а люди
Подстерегут, чтобы поймать,—
Поймают и судить не будут:
Сковав, в оковах, не на суд —
На поруганье поведут
И на кресте потом, без ката
И без царя вас, бесноватых,
Распнут, на части разорвут
И кровью вашею, собаки,
Собак напоят!..

(Перевод М. Зенкевича)

Сила революционного гнева, пламенной ненависти ко всему строю, всем его порождениям, всему господствующему классу достигает здесь кульминации. Вопреки христианской морали — прощать врагов, поэт призывает к самосуду, к кровавой крестьянской жакерии, ибо чаша терпения народа переполнилась...

Подражание Осии носило и антирелигиозный характер. После отмены патриаршества главой православной церкви в России считался император, управлявший церковью через священный Синод, назначавший оберпрокурора Синода. Именно это имел в виду Шевченко, обличая господствующий класс:

Вы сами —
Своими грязными руками —
Кумир создали, говоря,
Что царь — ваш бог, надежда ваша...

Поэт выступает не только против православной церкви, но и против религии вообще: «Лгут все боги, все идолы в чужих чертогах».

И наконец, забыв о всяком «подражании», Шевченко славит новое революционное слово: «Не растленным ветхим словом, а словом вдохновенным, новым, как громом, грянет и спасет весь обокраденный народ от ласки царской». Таким образом, широко применяя церковнославянскую лексику, библейскую стилистику, Шевченко создавал неповторимые образцы своеобразной политической, революционной лирики.

Тесно связанный с польскими революционными кругами, Шевченко в том же 1859 году написал стихотворение «Подражание», посвященное Эдуарду Сове, то есть Желиговскому. Высказывалось предположение, что это подражание не Желиговскому, а польскому поэту Яну Чечоту, у которого имеется стихотворение, близкое по характеру образности¹. Но есть убедительно высказанная мысль, что Шевченко использовал песню сватов из ненапечатанной драмы Желиговского «Зорский»².

17

Сразу после возвращения с Украины Шевченко узнал, что ему разрешено печататься.

Официальное разрешение цензор Бекетов подписал 28 ноября. Как мы уже упоминали, Шевченко представлял в цензуру, кроме «Чигиринского кобзаря» и «Гайдамаков», еще и рукопись, в которой были отдельные стихотворения периода «Трех лет» и ссылки, но цензура не разрешила рукопись к печати. На титульной странице «Чигиринского кобзаря» и «Гайдамаков» Шевченко зачеркнул это название и написал: «Поэзия Т. Шевченка. Том I». Теперь ему пришлось отказаться от этого названия и возвратиться к старому: «Кобзарь».

В письме к Варфоломею Шевченко от 10 сентября 1859 года он писал: «Пришли мне маленькую книжку и листочки из нее, хоть перепиши; мне разрешили печатать, и потому книжка эта теперь мне нужна». К сожалению, мы не знаем, какая это была книжка. И. Айзеншток высказал предположение, что это была одна

¹ См.: Шевченко Т. Собр. соч., т. 2, Гослитиздат. М., 1955, с. 423—424.

² Мальдис А. И., Мартинова Е. М. Творча співдружність революційних демократів (Шевченко і Желіговський). — Радянське літературознавство, 1964, № 2.

³ См.: Шевченко Т. Собр. соч., т. 5, с. 602.

из «захалывных» книжечек³. Возможно и так, хотя в то время Шевченко уже закончил переписывание и переработку своих стихотворений периода ссылки и все новые произведения уже записывались в «Большую книжку». Во всяком случае, Варфоломей возвратил ему книжечку и при этом высказал свое мнение: «Вот что мне казалось, читая книжку: будто там слишком много жалобы за себя, если бы она не вся вместе... а то словно слишком уж разливается желчь!»¹

В ответном письме от 2 ноября 1859 года Шевченко с присущей ему скромностью согласился с мыслью Варфоломея: «Насчет той книжки ты сказал правду, спасибо тебе!»

В письмах Шевченко жаловался на строгость александровской цензуры. 26 ноября он пишет Хропалю: «Сегодня цензура выпустила из своих когтей мои бесталанные Думы, да так, проклятая, почистила, что я едва узнал своих деточек». В тот же день он писал П. Симиренко: «Сегодня получил я мои сочинения из Цензурного комитета, сильно пострадавшие от долговременной пытки».

Об издании книги поэт не смог договориться с А. Кожанчиковым и решил издать ее на свои средства. 1100 рублей ему, как мы уже говорили, одолжил Симиренко. Печатался «Кобзарь» в типографии П. Кулиша. Наблюдал за изданием Д. Каменецкий.

В «Кобзарь» 1860 года вошло семнадцать произведений: «Думы мои», «Перебендя», «Тополь», «Утопленная», «Порченная», «Течет вода в сине море...», «Ветер буйный...», «Тяжко-тяжко жить на свете...», «На что черные мне брови...», «К Основьяненко», «Иван Подкова», «Тарасова ночь», «Гамалия», «Катерина», «Наймичка», «Гайдамаки» и «Псалмы Давида». Шевченко внес в текст некоторые поправки, не замеченные цензурой. Кроме того, в части экземпляра были сделаны вклейки, на которых было отпечатано несколько не пропущенных цензурой мест (в частности в поэме «Катерина») ².

3 января 1860 года Шевченко писал П. Симиренко, что после выхода книги вышлет в покрытие долга часть тиража агенту фирмы в Москве С. Пурлевскому, а потом

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 170.

² Каменский Ф. Еще щепотка на могилу Шевченко. — Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 337. Экземпляр такого «Кобзаря» есть в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР.

приписал: «А нецензурный экземпляр вам доставит брат Варфоломей».

На титульной странице «Кобзаря» значилось: «Коштом (средствами) Платона Симиренка», чем Симиренко был недоволен¹.

Шесть произведений из «Кобзаря» были изданы отдельными миниатюрными книжечками — «метеликами» (мотыльками) в серии «Сельская библиотека» для распространения в народе: «Гамалия», «Тополь», «Тарасова ночь», «Катерина», «Наймичка» и «Псалмы Давида».

«Кобзарь» 1860 года имел огромный успех. Все рецензии и отзывы были положительными. Прежде всего, издание приветствовала революционно-демократическая критика. В третьей книжке журнала «Современник» появилась рецензия Добролюбова (без подписи). Главной чертой книги он считал ее подлинную, глубокую народность. «Он — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя»², — писал Добролюбов о Шевченко.

В четвертой книжке журнала «Русское слово» выступил с рецензией поэт, революционный демократ М. Л. Михайлов. Положительно оценила «Кобзарь» либеральная критика («Отечественные записки», «Время», «Русское слово», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русский инвалид», «Книжный вестник», «Черниговские губернские ведомости»).

Положительную оценку «Кобзарь» 1860 года получил и в польской прессе.

Вслед за украинским сборником вышел в свет «Кобзарь Тараса Шевченко в переводе русских поэтов». Цензурное разрешение — 28 апреля. Составителем и редактором его был старый знакомый поэта Николай Гербель. Русское издание по содержанию было даже несколько полнее украинского. Правда, в нем не было «Псалмов Давида», «К Основьяненко», а «Гайдамаки» были даны в отрывках, но зато туда вошли стихотворения: «Дума» («Проходят дни...»), «Не вернулся из похода...», «Песня», «Проторила я тропинку...», «Платок», «Жница» («На барщине пшеницу жала...»), «Покинутая избушка» («Ра-

¹ См. письмо В. Шевченко к поэту: Листи до Т. Г. Шевченка, с. 180.

² Добролюбов Н. А. Собр. соч. в 9-ти томах, т. 6. М., 1963, с. 142.

но утром...»), «Канун рождества» («Не домой...»), «Мы все живем» («Мне кажется...»), «Вечер» («Вишневый садик возле хаты...»), «Доля», «Козацкая доля» («Зачем мне жениться?..»).

Переводчиками, кроме Гербеля, были Н. Берг, В. Крестовский, Н. Курочкин, Л. Мей, М. Михайлов, А. Плещеев. С особенным вниманием относился к переводам Н. Курочкин. Об этом свидетельствуют его письма к Шевченко, в которых он предлагает варианты переводов отдельных строк стихотворения «Муза»¹.

Шевченко публиковал свои произведения в периодических изданиях. В альманахе «Хата» (1860) напечатаны десять его стихотворений под общим редакторским названием «Кобзарский гостинец». Многие названия стихотворений были редакционными: «Калина» («Зачем ты ходишь на могилу?..»), «Пустка» («Рано встали, выступали...»), «На рождество» («Не домой бреди средь ночи...»), «Козацкая доля» («Зачем буду я жениться?..»), «На Украину» («Нет хуже, чем в неволе...»), «Хатка» («Не молилась за меня...»), «К зоре» (вступление к поэме «Княжна»), «Песня» («Ой на горе яр-хмель цветет...»). Под авторскими названиями напечатаны лишь два стихотворения: «Платок» и «Доля».

В журнале «Современник» (1860, № 6) помещена рецензия на альманах «Хата», в которой дана положительная оценка стихотворениям Шевченко. Длительное время рецензия эта приписывалась Добролюбову и печаталась в собраниях его сочинений. Теперь установлено, что автором ее был А. Пыпин².

Альманах «Хата» в том же году вышел вторым изданием (цензурное разрешение 11 мая. Как указывал В. Доманицкий, «Кобзарский гостинец» имел и отдельные оттиски, до нас они не дошли³).

Шевченко принимал живое участие в петербургском прогрессивном журнале «Народное чтение». В этом журнале печатались Марко Вовчок, Н. Успенский, А. Плещеев, Н. Курочкин и другие. Здесь на украинском языке были напечатаны «Вишневый садик...» и «Платок» (1859, № 3), «Малороссийское стихотворение» («Мне б

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 211.

² Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова. М., Гослитиздат, 1953, с. 253.

³ Доманицкий В. Ще нові матеріали до «Кобзаря» Шевченка. — Рада, 1907, № 74, с. 3.

сапожки, я бы тоже...» — 1859, № 5), «Один другого вопрошаем...» (1859, № 6), «И богата я...», «Полюбила я...», «И широкую долину...», «Не вернулся из похода...» (1860, № 1), «Ой одна я, одна...» (1860, № 3) и другие. Некоторые из этих стихотворений были напечатаны одновременно с оригиналом в русских переводах, другие, не названные здесь, только на русском языке в переводах Н. Курочкина, Л. Мея и А. Плещеева.

Во второй книге журнала за 1860 год помещена автобиография Шевченко под названием «Письмо Т. Г. Шевченко к редактору «Народного чтения», датированная 18 февраля 1860 года. Только через четверть столетия стало известно, что текст, напечатанный в журнале, был отредактирован П. Кулишом, который сохранил и позже опубликовал автограф¹.

Текст, напечатанный в журнале, написан от первого лица и в несколько раз больше оригинала, написанного от третьего лица. Автограф написан просто, непосредственно, в типичном для прозы Шевченко стиле, с элементами иронии. Так, например, он писал об освобождении из ссылки: «И... всемилостивейше повелено ему быть под надзором полиции в столице и заниматься своим художеством». То, что Шевченко на первом плане упомянул секретный надзор, а затем занятия в Академии, было явной иронией, подчеркнутой словом «все-милостивейше».

О последней поездке на Украину Шевченко писал: «В 1859 году летом после долгой и тяжелой разлуки увидел он свою прекрасную родину, крепостных братьев, сестру и благополучно осенью возвратился в Академию художеств...» И здесь в слове «благополучно» явно звучала ирония, так как об аресте Шевченко было многим хорошо известно.

И наконец о «Кобзаре» 1860 года: «После долгих двухлетних проволочек Главный цензурный комитет разрешил ему напечатать только те из своих сочинений, которые были напечатаны до 1847 года, вычеркнувши из них десятки страниц («прогресс»)».

Кулиш, редактируя автобиографию, исключил из нее все, что могло казаться неприемлемым с точки зрения цензуры, и в то же время расширил ее. Письмо на-

¹ Кулиш П. Автобиография Т. Гр. Шевченка, написанная им для «Народного чтения». — Киевская старина, 1885, № 11, с. 431—435.

писано более официально, в несколько возвышенном стиле, не характерном для Шевченко. Но Шевченко считал этот текст своим¹.

Письмо получило широкий резонанс и сразу было перепечатано в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 66), помещено в «Кобзаре»... в переводе русских поэтов» и в последующих изданиях. Добролюбов полностью привел текст письма в рецензии на украинский «Кобзарь». Письмо было включено в хрестоматии для средних школ².

18

Шевченко не оставлял мысли о переезде на постоянное жительство на Украину. «В Петербурге я не усую, он меня задушит», — писал он в ноябре 1859 года Варфоломею Шевченко. Он просит его ускорить покупку участка земли у Парчевского. 29 июля 1860 года Шевченко выслал Варфоломею 1000 рублей, а еще раньше план хаты, которую собирался построить на купленной земле. Затем 25 августа он выслал второй план, несколько улучшенный. Но дело затягивалось, и поэт был этим очень огорчен. Подлинная причина задержки нам известна лишь теперь из архивных документов. Уже в секретном донесении в III Отделение киевского генерал-губернатора о разрешении Шевченко возвратиться в Петербург было ясно сказано: «...если бы Шевченко пожелал поселиться в здешнем крае, то я полагал бы отклонить его намерение. Водворение его здесь я не почитаю удобным не потому, чтобы он побуждал опасения прежним его политическим поведением, но по той причине, что он известен здесь как человек, скомпрометировавший себя в политическом отношении, поступки его и слова некоторые лица могут истолковать в ином смысле, придавать им особенное значение и возбуждать на него подозрения и обвинения, подобно описанному выше случаю»³. Это была главная и основная причина волокиты.

¹ В двух письмах — к В. Шевченко от 22 апреля 1860 года и к помещику В. Флиорковскому от 27 июля 1860 года — напечатанное письмо названо: «мое письмо», «в моем письме».

² Филонов А. Русская хрестоматия для высших классов средних учебных заведений, т. 2. СПб., 1863, с. 177—190.

³ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 514.

Таким образом, не осуществилась его мечта поселиться на Украине, над Днестром вместе с сестрой Яриной. Не осуществилась и его мечта о семейной жизни. Во время пребывания на Украине он познакомился с Харитиной Довгополенко, крепостной князя Лопухина, у которого Варфоломей Шевченко был управляющим. Она ему очень понравилась, и из Петербурга он писал Варфоломею, что хочет на ней жениться. Варфоломей советовал поэту найти себе более подходящую жену. 7 декабря 1859 года Шевченко отвечал: «Твой совет хорош, спасибо тебе. Ты одно забыл, а это знаешь: я по плоти и духу сын и родной брат нашего бесталанного народа, да и как же соединиться с собачьей панской кровью. И, кроме того, что это панночка воспитанная будет делать в моей мужицкой хате? От тоски пропадет, да и мой укоротит недолгий век...» Но брак этот не состоялся.

Неудачей закончилась и попытка уже в Петербурге соединить свою судьбу с Ликерией Полусмаковой, бывшей крепостной Н. Я. Макарова, служанкой Карташевских. Шевченко написал ее портрет и посвятил два стихотворения: «Л.» и «Ликерии». Неграмотная крестьянская девушка предпочла поэту парикмахера и только позже поняла, кем был Шевченко. После смерти мужа она переехала в Канев, часто посещала могилу поэта, приезжала в Москву на 50-летие со дня его смерти, где были записаны ее воспоминания¹.

Одновременно с подготовкой к изданию стихов Шевченко продолжал усиленно работать над гравюрами. По рисунку «Мангышлакский сад» им был выполнен офорт. Тогда же появляются сепия и офорт «Нищий на кладбище». Позже созданы офорты: «Вирсавия» (по картине К. Брюллова), «Дуб» (по картине А. Мещерского), «Натурщица» (по собственному рисунку). Сделал он несколько офортов-портретов художников-академиков Ф. Толстого, П. Клодта, Ф. Бруни и И. Горностаева.

Академия художеств присудила Шевченко звание академика. На предварительном заседании Совета Академии присутствовали вице-президент Г. Гагарин, ректор К. Тон, Ф. Бруни, П. Клодт, Н. Уткин, Н. Пименов,

¹ Широцький К. Шевченкова наречена (вспомини про Т. Шевченка Лікері Яковлевої. — В кн.: Спогади про Шевченка. Київ, 1958, Держлітвидав, с. 25.

Ф. Иордан, С. Воробьев и другие. Было принято решение: «Определено во уважение искусства и познаний в Художествах, доказанных исполненными работами, по заданной от Академии программы и по другим известным трудам, признать Академиками: ...по гравированию Тараса Шевченко и представить о сем на утверждение Общего Академического собрания»¹.

Общее собрание Академии художеств утвердило это решение, и Шевченко 31 октября был выписан диплом, а 5 ноября — свидетельство о том, что он имеет право на утверждение в звании титулярного советника. К сожалению, Шевченко не успел получить диплом, и его вручили после смерти художника М. Лазаревскому для передачи наследникам.

Историки искусства отмечают новаторскую роль Шевченко-гравера. Так, автор монографии «Офорт в России» полагает, что он начал новый период в развитии реалистического метода и усовершенствования техники офорта².

Шевченко хотел освободить из крепостной зависимости своих родных. Он просил Варфоломея назвать фамилию и адрес «кирилловского пана». 19 марта 1860 года, очевидно, по просьбе Шевченко, Комитет Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (так называемый «Литературный фонд») обратился с письмом к помещику В. Э. Флиорковскому, где было сказано:

«Уважаемый и любимый сочлен нашего общества, известный всей России поэт Тарас Григорьевич Шевченко имеет между вашими крепостными крестьянами... двух родных братьев, Никиту и Иосифа, и сестру Ирину. Он очень желает, чтобы они получили свободу, и горюет в разлуке с ними. Не откажите... великодушно исполнить это горячее желание Тараса Григорьевича... он готов даже, если вы потребуете, внести за них выкуп, лишь бы только скорее иметь их при себе...» Следуют подписи всех членов комитета...³

В сборнике, на который мы ссылаемся, подписи не перечислены, но в журнале заседания Комитета от 21 марта, где записано это решение, названы имена

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 534, 535.

² Корнилов П. Е. Офорт в России XVIII—XX веков. М., 1953, с. 55—56.

³ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 528.

председателя Е. Ковалевского, членов (по алфавиту): П. Анненкова, А. Галахова, А. Дружинина, С. Дудышкина, А. Краевского, И. Ламанского, И. Тургенева и Н. Чернышевского.

Началась длиннейшая волокита, публикация переписки в прессе и т. д. Живейшее участие в деле освобождения родных поэта принял Н. Новицкий, член общества «Земля и воля», позже генерал-лейтенант. Он в июле 1860 года специально выехал на Украину и лично вел переговоры с Флиорковским. Дело в том, что помещик согласен был отпустить крестьян, но без земли, да еще с условием уплаты 900 рублей. Шевченко предупредил родных, чтобы они не принимали этого предложения, но они 10 июля подписали предложенные условия. Не зная этого, Шевченко лично обратился с письмом к Флиорковскому¹.

За свою ошибку родные поэта дорого заплатились. После манифеста 19 февраля 1861 года они долго еще не могли добиться справедливости. Только после многих мытарств, в 1865 году они получили права на свою землю, но на общих основаниях — за выкуп!

Встречи с Чернышевским, близким к нему Н. Новицкий сыграли значительную роль в творчестве Шевченко последних месяцев его жизни. Мы уже ссылались на статью Чернышевского «Национальная бестактность», напечатанную вскоре после смерти Шевченко в седьмой книжке «Современника». Она свидетельствовала о близких контактах между Шевченко и Чернышевским, об их беседах. Известно, что Шевченко встречался также с Добролюбовым, Михайловым, Некрасовым. О встречах с переводчиками его стихов — Н. Курочкиным и А. Плещеевым — мы уже упоминали. До конца своей жизни поэт поддерживал дружественные, братские связи с польскими революционерами, жившими в Петербурге: Сераковским, Станевичем, Желиговским (Совой),

¹ «Письмо Тараса Григорьевича Шевченко к Валериану Эразмовичу Флиорковскому и ответ его на письмо». — Народное чтение, 1860, № 5, с. 170—175. Письмо Шевченко перепечатано также в газете «Санкт-Петербургские ведомости», 1860, № 66.

Огрызко и др. Лечащим врачом Шевченко в последние месяцы его жизни был Павел Круневич, бывший польский политический ссыльный в Оренбургском крае. Но тогда они не встретились и познакомились лишь в Петербурге.

Мы уже упоминали о встречах Шевченко с декабристами. Сохранилось письмо И. Тургенева к Шевченко: «Милый Тарас Григорьевич,— писал Тургенев.— Вы желали познакомиться со Спешневым: он у меня завтра обедает — приходите. Мы все (и он, понятно) будем очень рады видеть вас»¹. Речь здесь идет о петрашевце Н. Спешневе. Смертную казнь в свое время ему заменили десятью годами каторги.

Как и раньше, Шевченко следит за вольной русской прессой Герцена в Лондоне. После выхода «Кобзаря» 1860 года он передает экземпляр книги Н. Макарову, выезжавшему за границу, для передачи Герцену с таким письмом: «Посылаю Вам экземпляр «Кобзаря» на всякий случай без надписи. Передайте его А[лександр] И[ванович] с моим благоговейным поклоном». Макаров передал книгу Герцену. Книга сохранилась в библиотеке писателя с вложенным туда письмом Шевченко к Макарову.

Тогда же Шевченко послал за границу экземпляр «Кобзаря» с автографом на украинском языке: «Моей единственной доченьке — Марусе Маркович и родной, и крестный отец Тарас Шевченко»².

Революционная ситуация в стране, связи Шевченко с революционными кругами отразились в его творчестве последних месяцев жизни. Он продолжает последовательную борьбу против самодержавия. Заклеймив позором в предыдущих произведениях Николая I, Шевченко обратил теперь острие сатиры на «благополучно царствующего» сына — Александра II. Этой теме посвящено стихотворение «В былые дни, во время оно...». Собственно, к Александру II относились строки и в более ранних стихотворениях («Во Иудее во дни оны...», «Подражание Иезекиилю», «Я на здоровье не в обиде...»). Теперь же он выводит нового «царя-освободителя» в образе легендарного римского царя-законодателя Нумы Помпилия:

¹ Листи до Т. Г. Шевченка, с. 176.

² Этот экземпляр хранится в Институте литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР.

Тишайший, кроткий государь,
Уставши сочинять законы,
Пошел однажды в лес гулять,
Чтоб там, для отдыха поспавши,
Додумать, как бы заковать
Всех римлян в цепи...

(Перевод А. Миниха)

«Тишайшим, кротким государем», пекущемся о благе подданных, единодушно называла консервативная пресса Александра II.

Шевченко же, говоря о цепях, о петле «на чью-то шею», раскрывал подлинный характер подготовляемой крепостниками реформы. Интересно, что немного позже, в 1861 году, теми же словами оценил реформу Некрасов в стихотворении «Свобода...».

Знаю: на место цепей крепостных
Люди придумали много иных.

По воспоминаниям современников великий русский поэт сказал по поводу реформы: «Да разве это настоящая воля! Нет, это чистый обман, издевательство над крестьянами»¹.

Стихотворение «В былые дни, во время оно...» было напечатано после смерти Шевченко в «Кобзаре» 1867 года.

Против самодержавия направлено стихотворение «Молитва». Автографа не сохранилось. В «Большую книжку» оно записано рукой А. Лазаревского, но с поправками Шевченко. Четыре части этого стихотворения, написанные в продолжение недели,— это вариации на одну тему. Первая, вторая и четвертая вариации непосредственно направлены против царизма. Но и в третьей вариации в образе «злоначинающих» поэт имел в виду царей.

Призывая к ликвидации самодержавия, поэт во всех четырех вариациях проводит мысль, что все на земле должно принадлежать народу, трудящимся: «рабочим», «доброзиждущим»:

Работящим умам,
Работящим рукам,
Целину поднимать,
Думать, сеять, не ждять,
Что посеяно — жать
Работящим рукам.

(Перевод П. Карабана)

¹ Пантелеев Л. Ф. Из воспоминаний прошлого. Изд-во «Academia». М., 1934, с. 552.

Теперь принято считать, что четвертая вариация — «Ненасытным очам...» является самостоятельным произведением — свободным перепевом стихотворения В. С. Курочкина «Для великих земли»¹. (Так оно и напечатано в томе втором Полного собрания сочинений Шевченко. Киев, 1963.)

В стихотворении «Ни Архимед, ни Галилей...» Шевченко проводит мысль, что религия, поставленная на службу царизму, затормозила развитие науки. У поэта не было сомнений, что царизм падет, а вместе с ним и все его порождения: «Будет бито царями сеянное жито».

Против царизма и религии направлено стихотворение «Саул». Используя библейское повествование о первом израильском царе Сауле, Шевченко в образе деспота-царя заклеил Николая I.

Как вдруг сам черт царя несет
С мечом, с законом, с палачами,
С князьями, с темными рабами.

(Перевод Г. Владимирского)

Сатирически изображая паразитическую жизнь служителей различных религий, Шевченко вскрыл связь их с монархическим строем. Саулом называл царя и Герцен: «Во время совершенного помрачения духа нашего неевского Саула после февральской революции...»², — писал он в «Былом и думах». Двадцать первая глава мемуаров, в которой содержится эта фраза, была напечатана в сборнике «Полярная звезда» (кн. 4, 1858), которую, возможно, мог читать Шевченко.

Как и ранее, поэт недоволен пассивностью народа. Он называет «всеподданнейших голых» — «рабами темными»: «рабы молчали», «рабы немые поклонялись». Такова и концовка стихотворения:

...Горе наше!
Мельчают люди — и, смотри,—
Растут и высятся цари!

Но поэт не терял веры в революционные возможности народа: «...А люди тихо, без всякого лихого лиха царя

¹ См.: Івакін Ю. Стиль політичної поезії Шевченко. Глава «Шевченко і Курочкін». Київ. Вид-во АН УРСР, 1961, с. 246—279; Івакін Ю. Коментар до «Кобзаря» Шевченко. Поезії 1847—1861 рр. Київ, 1968.

² Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. IX, с. 199.

на плаху поведут»,— писал он в стихотворении «Хотя лежачего не бьют...». Стихотворение это написано 20 октября 1860 года, в день смерти вдовствующей императрицы Александры Федоровны, матери Александра II. (Напомним, что она сатирически изображена в поэме «Сон».) Образы в стихотворении — резко сатирические: «палач в юбке», «сука», ее дети — «раскормленные щенята».

Вечные проклятия обещает поэт покойнице:

...Тебя ж, о сука!
И сами мы, и наши внуки,
И люди миром проклянут!
(Перевод А. Суркова)

В день похорон императрицы написано стихотворение «О люди! бедные, слепые!..», вызванное реальным впечатлением: в осеннюю холодную слякоть девочек из детского приюта — покровительницей которого считалась Александра Федоровна — гонят на похороны «как овец отару». Конец стихотворения оптимистичен:

...Падет ли кара
На всех царят, на всех царей?
Придет ли правда для людей?
Должна прийти! Ведь солнце встанет,
Сожжет все зло, и день настанет.
(Перевод С. Вышеславцевой)

Шевченко понимал, что ответственность за национальный гнет, который испытывали все народы России, несут не только цари, но и украинские феодалы, помещики, которых поэт неизменно пригвождал к позорному столбу. К этой теме Шевченко возвращается в стихотворении «Сраженья были, распри — все бывало», написанном 26 ноября 1860 года. Напомним, что на эту же тему ранее написано стихотворение «Осии. Глава 14». Оба стихотворения связаны между собой, но теперь он уточняет адресатов своих инвектив: «Галаганы, и Кисели, и Кочубеи-Ногай». Имена эти названы не случайно. Это древнейшие украинские феодальные роды. Григория Галагана — потомка древнего рода — хозяина имения в селе Сокиринцы, Шевченко знал лично, бывал у него в имении. Имение это упомянуто в повести «Музыкант». После ссылки поэт встретился с Г. Галаганом на обеде у М. Максимовича. Виделись они и в Петербурге — об этом свидетельствуют записи в «Дневнике».

Знал Шевченко и потомка генерального судьи Кочубея, погибшего по навету Мазепы, Петра Кочубея, в доме которого он расписывал плафоны. Поскольку Кочубеи вели свой род от татар Ногайской орды, Шевченко назвал их «Кочубей-Ногай». Третий старинный род, названный в стихотворении, — Кисели — потомки Адама Киселя, сторонника польско-шляхетской ориентации, брацлавского, а потом киевского воеводы.

На почве критического отношения к реакционным и консервативным явлениям в истории Украины углублялись идейные расхождения поэта с либеральными кругами украинской интеллигенции, в частности с П. Кулишом. Это признал сам Кулиш в эпилоге к поэме «Настуся», напечатанной вскоре после смерти Шевченко. В концовке, названной «Вместо эпилога к поэме — брату Тарасу на тот свет», были такие строки: «Разошлись мы порознь детьми молодыми, встретились поздно между людьми чужими... братался с чужими, советовался с чужими... и на тот свет ушел из семьи чужой»¹. «Чужие» для Кулиша — русская прогрессивная общественность и более конкретно — революционные демократы.

На этой же почве возникали разногласия между Шевченко и Н. Костомаровым, хотя ставить Костомарова и Кулиша на одну доску никак нельзя. Но о спорах по многим принципиальным вопросам упоминал сам Костомаров².

Шевченко не отделял борьбу против самодержавия от борьбы против религии, православной церкви, как одной из основных опор царизма. Мы уже выше говорили об этом. Стихотворение «Умре муж велий в власнице...» написано по поводу смерти митрополита санкт-петербургского и ладожского Григория, мракобеса и реакционера. Острие сатиры направлено не так против умершего, как против живых обскурантов, прежде всего В. Аскоченского, журналиста, издателя одного из наиболее реакционных журналов — еженедельника «Домашняя беседа». Шевченко познакомился с ним еще в Киеве

¹ Основа, 1861, № 11-12, с. 12.

² См.: Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 143.

в 1846 году, очевидно, встречался в Петербурге и не скрывал своего отрицательного отношения к нему. Даже консервативно настроенные писатели были недовольны обскурантской линией «Домашней беседы»¹. После смерти поэта Аскоченский выступил с пасквильными воспоминаниями².

Вместе с тем Шевченко воздал должное и самому Григорию в словах: «муж велий в власянице», «об юбкоборце громче плачь». Первый образ связан с роскошной одеждой, которую носил иерарх, а второй — с таким эпизодом. Журнал «Сын отечества» вместе с номером девятнадцатым за 1858 год разослал картинки женских мод. Одно из женских платьев было украшено узором из крестов. Митрополит обратился с протестом к санкт-петербургскому генерал-губернатору графу Игнатьеву, в котором требовал запретить и шить, и продавать подобные платья.

Герцен, получив этот текст, опубликовал его в «Колоколе» в статье «О усердному, о пастырю благоревностному» с таким комментарием: «Касаясь всего крестом веры своея, он (митрополит) не побоялся и адской одежды Евы; высокопреосвященный владыко, разоблача по картинке женщину, власы плетушую и драгия ткани носящую, совлек с нее одежду соблазнительную, несмотря на то, что она лицемерно якобы отжениется знаменем креста от похоти греховной.

Газетборче, юбкоборче, модоненавистнику, землезнания гонителю, — моли бога о нас!»³.

Поскольку здесь высмеивалось духовное лицо, Шевченко широко использовал церковнославянскую лексику: «велий», «власяница», «воутрие», «глас» и т. д. Высказывалась даже мысль, что стихотворение написано на русском языке. На самом деле написано оно на украинском, но своеобразным фонетическим правописанием, которого придерживался Шевченко. Новое правописание, упорядоченное П. Кулишом, не стало еще тогда общепринятым, и каждый писатель писал по-своему (М. Максимович, Н. Костомаров, Марко Вовчок и др.). А если букву «ѣ» произносить за давней традицией как «и», то совершенно очевидно, что написано стихотворение на украинском языке.

¹ См.: Исторический вестник, 1882, № 8, с. 442.

² Аскоченский В. И мои воспоминания о Т. Г. Шевченко.— Домашняя беседа, 1861, вып. 33, с. 641—649.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30-ти томах, т. XIII, с. 347.

Сатирический, пародийный характер носило стихотворение «Гимн черниц». Написано оно в форме акафиста из четырех строф, каждая из которой заканчивалась возгласом: «Аллилуйя!» В акафисте монашенок выражены естественные чувства обманутых, обездоленных женщин. Используя религиозную лексику: «возопили», «аллилуйя», поэт выдержал все части гимна в легком, плясовом тоне.

Антирелигиозная направленность поэзии Шевченко последнего периода достигает своего апогея в стихотворении: «Свете ясный! свете тихий!» Состоит оно из двух частей. В первой поэт обращается к свету в значении просвещения, прогрессивных идей, закрытых от народа религией: («багряницами», «распятием»), во второй — выражены революционные настроения поэта. Завершается стихотворение резким антирелигиозным призывом:

Будем лучше
С багряницы драть онучи,
Из кадил табак курить,
Печь иконами топить,
И кропилом будем, брате,
Подметать пол в новой хате.
(Перевод А. Безыменского)

О печатании таких стихов в условиях цензуры не могло быть и речи. Распространялись они в списках. По этим спискам печатались за границей: во Львове, Праге, Женеве.

Наряду с пламенными революционными стихами, Шевченко пишет нежные лирические произведения песенного жанра: «Ой ты, темная дубрава», «Титаривна-Немиривна», «Над днепровскою водою» и др. Но и здесь довольно часто мы видим драматические, трагические ситуации, например, несчастливую судьбу девушки-служанки («Девушка мила, красива»). Незадолго до смерти написан такой лирический шедевр, как «Течет вода от явора...».

Новой модификацией жанра является «Подражание сербскому», написанное под влиянием сербских народных песен из сборника Вука Караджича¹.

¹ Айзеншток І. Я. Подражаніє сербському.— В кн.: Збірник праць восьмої наукової шевченківської конференції. Київ, 1960; Прийма Ф. Я. Джерело Шевченкового подражанія сербському.— Радянське літературознавство, 1964, № 6.

Знаменательным является стихотворение «Нет, бога я не упрекаю...». Здесь мы видим и горькую иронию, но главный и основной мотив — преданность народу и уверенность в том, что творчество его сыграет свою роль в будущем: «Пашу надел убогий... сею слово да урожая жду святого, вдруг соберу...».

Особое место в творчестве Шевченко занимает работа над переводом «Слова о полку Игореве». Еще из ссылки в письмах к Козачковскому и О. Бодянскому он делится своим замыслом перевести это выдающееся произведение на украинский язык, просит прислать ему русские переводы. Но осуществить свой замысел — и только частично — поэт смог незадолго до смерти. Он перевел лишь «Плач Ярославны» и центральный эпизод — кровавую битву на реке Каяле («З пересвіта до вечора...»). На фоне современных ему переводов «Слова» на украинский язык перевод Шевченко был новаторским. В свое время делались попытки переводить «Слово» в жанре и стиле украинских народных песен. Шевченко стремится использовать элементы украинской народно-песенной лексики, стиля и в то же время сохранить образность автора «Слова»: «зигзицею», «рукав бобряный» и др.¹.

Вот основные черты творчества Шевченко последних лет жизни. Его идейный антипод П. Кулиш в конце жизни пытался дать искаженное представление о творчестве великого поэта после ссылки: «Уже только огарок таланта Шевченко возвратился из Азии»², — писал он.

Но, как мы видели, его поэтическое творчество после ссылки достигает расцвета в идейно-художественном развитии. В годы революционной ситуации он дал глубокий анализ действительности, смог правильно определить крепостнический характер предстоящей реформы (манифест об освобождении появился после смерти Шевченко). Со всей непримиримостью обрушился Шевченко на всю систему феодально-крепостнического строя: царизм, религию, господствующие классы, не исключая и буржуазных либералов. Своими пламенными произведениями Шевченко будил народ, выводил его из состояния

¹ См.: Попов П. Н. «Слово о полку Игореве» в переводе Т. Шевченко. — Слово о полку Игореве, Изд-во АН СССР. М.—Л., 1950, с. 400—409.

² Кулиш П. А. Сочинения и письма, т. 1. Київ, 1908, с. 135.

рабского смирения. Используя различнейшие жанры, стилистические формы, в частности библейской поэзии, колоссальные богатства устной народной речи, фольклора, Шевченко пророчески утверждал революционные идеалы свободной, счастливой жизни после ликвидации эксплуататорского строя.

Именно поэтому произведения Шевченко имели такой колоссальный успех у читателей и слушателей. Так, известно, что 11 ноября 1860 года в Петербурге в зале Пассажа состоялся литературный вечер, в котором приняли участие выдающиеся русские писатели и Шевченко. Большой успех выпал на долю поэта. Сохранились воспоминания об этом вечере многих современников. Так, Л. Пантелеев, известный публицист, член общества «Земля и воля», приговоренный позже к шести годам каторги за поддержку польского восстания 1863 года, писал: «На первых чтениях участвовали все корифеи тогдашней литературы: Тургенев, Гончаров, Писемский, Достоевский, Островский, Некрасов, Шевченко, Майков, Полонский. Эти чтения были интересны для публики не только тем, что она могла видеть своих любимцев, но и потому, что большая часть тогдашних литераторов были отличные чтецы... Шевченко был встречен так задушевно, что, растроганный до глубины души и чувствуя, как изменяют ему силы, он ушел с эстрады; и только когда немного успокоился, он вернулся и приступил к чтению»¹.

Грузинский литератор и публицист Д. Кипиани, еще будучи студентом Петербургского университета, писал своей супруге в Грузию: «Позавчера был я на (публичном) чтении литераторов в Пассаже. Читали: Бенедиктов — прекрасно... Майков... прекрасно. Достоевский, Писемский, Шевченко, малороссийский поэт и художник, — чудесно. Зал был полным-полнешенький»².

Революционный демократ, офицер, сотрудник «Современника», друг и соратник Чернышевского Н. Обручев писал из Парижа Н. Добролюбову в Италию: «Было литературное чтение в Пассаже... Шевченко... приняли с таким восторгом, какой бывает только в итальянской опере. Шевченко не выдержал, прослезился и, чтобы

¹ Т. Г. Шевченко в воспоминаниях современников, с. 379—381.

² VI пленум правления ССП СССР, посвященный 125-летию со дня рождения Т. Г. Шевченко.— Бюллетень № 6, 1939, с. 31.

оправиться, должен был уйти на несколько минут за кулисы»¹.

О выступлении Шевченко подробно говорится в воспоминаниях знакомого поэта — литератора А. А. Ананьева: «Несмелый, взволнованный, стоял он перед аудиторией... Для всех было ясно, что перед ними не только великий поэт, но и измученный, больной человек, возвратившийся на волю после долгих, тяжелых лет ссылки и неволи... Огромный энтузиазм охватил аудиторию. Долго не смолкали возгласы; гром аплодисментов и взрывы восторга потрясали стены зала, никогда не видевшего таких оваций. Тарас Григорьевич, растерянный, растроганный, еще больше взволновался... Он несмело кланялся... наконец не выдержал — тяжкие рыдания подступили ему к горлу и слезы полились из очей. Дрожащими руками закрыл он лицо и бросился с эстрады... Все были глубоко взволнованы. Много было таких, что сами не могли удержаться от слез». Немного успокоившись, Шевченко вернулся на сцену: «Дрожащими руками вынул из внутреннего кармана фрака сложенную вчетверо серую бумагу, развернул и хотел читать. Зал замер. Настала полная тишина»².

О том, что слушатели из демократически настроенных кругов не преувеличивали успех выступления Шевченко, свидетельствуют воспоминания его современников из консервативного лагеря. Дочь архитектора, профессора Академии художеств, Е. А. Штакеншнейдер записала в своем дневнике: «Шевченку она <публика> так приняла, точно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. Едва успел он войти, как начали хлопать, топтать, кричать. Бедный певец совсем растерялся. Думаю, что неистовый шум этот относился не столько лично к Шевченку, сколько был демонстрацией. Чувствовали мученика, пострадавшего за правду»³.

Читал Шевченко «Думы мои...» и отрывки из поэмы «Гайдамаки».

¹ Письмо написано 11.XII.1860 г. См.: Княжнин В. Добролюбовский архив. — Заветы, 1913, № 2, с. 93, 94.

² Воспоминания Ананьева опубликованы его сыном. В переводе на украинский язык они напечатаны в журнале «Україна», 1930, № 3—4, с. 107.

³ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854—1886). Academia, 1934, с. 269.

Шевченко был революционером-просветителем. В последние месяцы жизни он очень много внимания уделял воскресным школам, возникшим в 1859 году в Киеве, Полтаве, Чернигове. 7 августа 1860 года поэт просит В. Тарновского (младшего) переслать 50 экземпляров «Кобзаря» в Чернигов организатору воскресной школы Роману Тризне. 11 августа того же года он послал 50 экземпляров в Киев М. Чалому с просьбой вырученные деньги передать в кассу киевских воскресных школ. В следующем письме 6 ноября поэт просит Чалого: «...напишите мне, что делается в ваших воскресных школах?» Не случайно Н. И. Пирогов связывал организацию воскресных школ в Киеве с именем поэта: «За создание воскресных школ взялись первые малоросы, искренние поклонники... Шевченко, лучшие из учеников проф. Павлова»¹.

Организация воскресных школ на Украине побудила Шевченко создать для них «Букварь». Мы уже упоминали, что поэт положительно оценил «Граматку» П. Кулиша. Но позже, в Петербурге, в процессе размежевания демократических и либеральных направлений он, видимо, мог и изменил свое мнение. Так, И. Айзеншток полагает, что критическая статья в одной из петербургских газет о втором издании «Граматки» принадлежала Шевченко².

Кроме «Граматки» Кулиша были и другие буквари: «Украинская азбука» Н. Гатцука, «Домашняя наука» В. Шейковского (1860). Шевченко назвал свой учебник «Букварь южнорусский». Слово «Букварь» напечатано церковнославянским шрифтом. Цена — 3 коп. Напечатан «Букварь южнорусский» не в типографии Кулиша, где печатался «Кобзарь» и другие произведения, а в типографии Гогенфельда и К°. На обороте титульного листа мелким шрифтом внизу: «Составил Тарас Шевченко». В букваре было 24 страницы. Шевченко давал обязательное тогда русское правописание: «ъ», «ѣ» (ять), «ѳ» (фита), «ѵ» (ижица). Для изучения слогов поэт использовал начало своего перепева 132-го псалма, призывающего к уничтожению имущественного неравенст-

¹ Пирогов Н. И. Соч., т. 2, 1887, с. 220.

² См.: Шевченко Т. Собр. соч., т. 5. М., Гослитиздат, 1956, с. 514. См. также: Збірник праць п'ятої наукової шевченківської конференції, 1957, с. 130 и след.

ва: «Есть ли что лучше, краше в мире, чем вместе трудиться, с братом добрым добро править и добром делиться». Как мы уже упоминали, перепев псалмов имел известный социальный смысл.

Использовал Шевченко в «Букваре» и другие свои революционные произведения. Из образцов фольклора он привел две народные думы: «Дума про пирятинского поповича Алексея» и «Дума про Марусю поповну Богуславку». На последних двух страницах — «Народные пословицы», также с определенным социальным содержанием: «Много панов, а на плотину и некому», или «Говорил пан: кожух дам — да и слово его теплое».

Таким образом, своим содержанием «Букварь» Шевченко основательно отличался от всех других начальных учебников того времени своей подлинной народностью¹.

Печатался «Букварь» на средства Шевченко (для того времени значительная сумма — 195 руб. 50 коп.) довольно большим тиражом (10 тыс. экземпляров). Вырученные деньги Шевченко предназначал воскресным школам.

В начале нового 1861 года Шевченко начал рассылать «Букварь» по Украине, но встречал большие трудности в его распространении. Так, он надеялся на приобретение «Букваря» для сельских школ. Поэт просил М. Чалого обратиться к киевскому митрополиту Арсению, «потому что это не мне принадлежит, а нашим убогим воскресным школам». Но Арсений только взглянул на обложку: «А, южнорусский!» — и отказался его принять и, более того, запретил распространение «Букваря» в Киевской епархии.

У Шевченко были планы издать позже арифметику, этнографию, географию и историю. Замыслы широкие, но осуществить их он уже не смог. В письме к Варфоломею Шевченко от 22 января поэт жаловался: «Плохо я встретил этот новый плохой год. Вторую неделю не выхожу из комнаты...»

13 января Шевченко получил от редактора В. Белозерского два экземпляра нового украинского журнала «Основа», который открывался стихами Шевченко под рубрикой «Кобзарь»: «Не для людей...», «Послание слав-

¹ См.: Чавдаров С. Х. Педагогічні ідеї Т. Г. Шевченко. Київ, 1953, с. 142—187.

ному П. И. Шафарыку при поэме «Иван Гус», или «Еретик», «Три широкие дороги...», «Пустка» (М. Щепкину) и «Чернец» (П. А. Кулишу).

В первом номере «Современника» появилась рецензия на этот журнал, написанная Чернышевским (возможно, Чернышевский познакомился с содержанием номера в верстке). Особо подчеркнул великий критик роль Шевченко: «Когда у поляков появился Мицкевич, им уже не нужны были поблажливые отзывы каких-нибудь французских или немецких критиков: не признавать польскую литературу означало бы тогда проявлять собственную дикость. Имея теперь такого поэта, как Шевченко, малорусская литература также не требует ничьей благосклонности. Да и кроме Шевченко пишут теперь на малороссийском языке люди, которые были бы не последними в литературе побогаче, нежели великорусская... А важнее является то обстоятельство, что сама малорусская нация пробуждается»¹.

29 января Шевченко писал Варфоломееву: «Так мне плохо, что я еле перо держу в руках». Предчувствуя близкую кончину, Шевченко написал 14 и 15 февраля 1861 года стихотворение: «Что ж не пора ли понемногу...». Поэт как бы подводит итог своему творчеству. Он обращается к музе с теплыми словами. Даже предчувствуя близкий конец, поэт полон жажды жизни и любви к широкому миру:

Посмотри же, моя доля,
Он такой широкий.
Он широкий и веселый,
Ясный и глубокий.

*(Перевод
К. Симонова)*

Как и ранее, Шевченко использовал античные мифы о подземном царстве (Лета, Стикс, Флегетон, Эскулап, Харон, Парки). Поэт чувствует, верит, что его стихи не утонут в реке забвения, что его ждет бессмертие:

Через волны мутной Леты
Сыщем переправу,
Переплывем, перенесем
И святую славу —
Неизменно молодую.

¹ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч., т. VII, с. 935, 936.

25 февраля (9 марта н. с.) — в день рождения поэта его посетили друзья и знакомые. Были получены приветственные телеграммы от земляков, от полтавского общества. Выслушав приветствия, Шевченко сказал: «Спасибо, что не забывают...».

Скончался поэт в воскресенье 26 февраля (10 марта нового стиля) в пять часов тридцать минут утра. В медицинском свидетельстве, подписанном доктором Эдуардом Бари, ординатором больницы Марии Магдалины, сказано, что Шевченко страдал органическим расстройством печени и сердца, в последнее время развилась водянка, от которой он и умер.

28 февраля гроб с телом Шевченко был установлен в церкви Академии художеств. На поэта возложили лавровый венок. Речи (на украинском языке) произнесли П. Кулиш, В. Белозерский, Н. Костомаров, украинские стихи прочитали А. Чужбинский и П. Таволга. Представитель польской общественности, участник революционного студенческого кружка Владислав Хорошевский сказал (на польском языке): «Пусть также польское слово, краткое, но сердечное, зазвучит около твоего гроба, знаменитый русинский поэт. Ты любил свой край родной, свой Днепр синий, свой люд сермяжный, ты того люда был могущественным певцом,— на слезы его ты всегда слезами отвечал, честь тебе!»

Не только церковь, все коридоры Академии художеств были заполнены людьми. За гробом шли члены украинского землячества, студенты, выдающиеся представители русской общественности: Некрасов, Достоевский, Шелгунов, Николай и Александр Серно-Соловьевичи, Салтыков-Щедрин, Лесков, Михайлов, Пыпин, Николай и Василий Курочкины, братья Жемчужниковы, Помяловский и многие, многие другие.

Во второй половине дня скорбная процессия направилась на Смоленское кладбище. Костомаров в письме к Е. Юнге 2 марта 1861 года писал: «Университет показал к нему чрезвычайное нежданное сочувствие. Аудитории тогда были почти пусты. Гроб Тараса несли студенты до самого Смоленского кладбища»¹.

¹ Юнге Е. Ф. Воспоминания..., с. 311. О том же писал сотрудник «Современника» Ф. Хартахай в письме от 28 февраля В. Гнилосоырову в Харьков, отметив, что от Академии до Смоленского кладбища «семь верст» (Україна, 1925, № 1—2, с. 146).

Взволнованные записи о похоронах оставили также Н. Лесков, Л. Жемчужников, П. Кулиш.

На кладбище выступил сотрудник «Современника» Ф. Хартахай. Речь произнес поэт Н. Курочкин. Он сказал: «Еще одна могила раскрылась перед нами! Еще одна чистая, честная, светлая личность оставила нас; еще один человек, принадлежавший к высокой семье избранных, высказавших за народ самые светлые его верования, угадавший самые его желания и передавший все это неумирающим словом,— окончил горькую жизнь свою, исполненную борьбы за убеждения, всякого рода страданий... Не о многих можно сказать, как о нем: он сделал в жизни свое дело! Счастье в жизни было не для него, — его ждет другое посмертное счастье — слава»¹.

После речи Курочкина полиция запретила дальнейшие выступления (должны были выступить Л. Пантелеев, П. Чужбинский и др.). «Похороны Шевченко,— писал Л. Пантелеев, — вышли грандиозные и даже превратились... в общественную манифестацию»². Он имел в виду волнения среди студентов, закончившиеся арестами и ссылкой. Волнения были и среди молодых узников Петропавловской крепости³. Некрасов написал стихотворение «На смерть Шевченко» (февраль 1861 г.).

Всё он изведal: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё — и раздольную степь Оренбургскую,
И её крепость...

.....
Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое,
Кончилось время его несчастливое,
Все, чего с юности ранней не выдывал,
Милое сердцу, ему улыбалось.
Тут ему бог позавидовал:

Жизнь оборвалась.

Друзья Шевченко, выполняя последнюю волю поэта, решили похоронить его на Украине.

¹ Основа, 1861, № 3, с. 14—15.

² Речь, 1911, 26 февраля.

³ См.: Збірник праць сьомої наукової шевченківської конференції. Київ, 1959, с. 159.

Специальное разрешение на перенесение праха Шевченко было получено лишь в конце апреля. 22 апреля друг поэта художник Г. Честаховский нарисовал могилу поэта на Смоленском кладбище (на рисунке изображен и поэт Н. Курочкин). 26 апреля на кладбище снова собрались друзья поэта. Поскольку гроб вначале был плохо запаян, тело Шевченко положили в новый свинцовый гроб, который, по старинной украинской народной традиции, покрыли красной китайкой. Процессия направилась через Васильевский остров, Адмиралтейскую площадь, Невский проспект к Московскому вокзалу. 27 апреля прах Шевченко прибыл в Москву и был установлен в Тихоновской церкви. Проститься с поэтом пришли многочисленные москвичи, в частности Н. Тихонравов, О. Бодянский и др.

Из Москвы на Украину гроб с телом Шевченко в сопровождении А. Лазаревского и Г. Честаховского везли почтовым трактом, через Серпухов, Тулу, Орел (здесь его встретили преподаватели и ученики гимназии), Волобуево, Кошелевку, Дмитровку, Севск, Есмань, Глухов, Кролевец, Батурин, Борзна (здесь среди многих встречавших был друг поэта В. Забила). Особо торжественная встреча была в Нежине, с участием преподавателей и студентов лицея. Описал ее поэт В. Толбин, знакомый Шевченко, сотрудник «Искры». «Печальная колесница, украшенная венками... ввезена была в ограду Преображенской церкви... Тогда же студенты нежинского лицея прикрепили ко гробу... новые венки и свежие цветы»¹.

6 мая в 7 часов вечера прах поэта прибыл в Бровары. У гроба выступили украинцы, русские, поляки. Серб выступал от имени всех южных славян². В Киеве друзья поэта хотели установить гроб в университетской церкви, но, боясь волнений, власти этого не разрешили, а указали на далекую от центра Рождественскую церковь на Почтовой площади у пристани.

Студенты, собравшиеся на левом берегу Днепра у Цепного моста, выпрягли лошадей и сами повезли гроб на Почтовую площадь. Процессия не раз останавливалась, звучали речи, читали стихи. Везде были усиленные наряды полиции, конные жандармы. В церковь мно-

¹ Збірник праць сьомої наукової шевченківської конференції, с. 159.

² Бернатович В. Похороны Тараса Шевченко. — Слово, 1861, № 49.

гих не допустили, были произведены аресты. Как сообщал биограф поэта М. Чалый, одна женщина в глубоком трауре возложила на гроб поэта терновый венец, но полиция убрала его.

Долго обсуждался вопрос, где хоронить Шевченко — в Киеве или в Каневе. Г. Честаховский, ссылаясь на завещание поэта, настоял на Каневе.

7 мая в 4 часа дня траурная процессия направилась к пароходу «Кременчуг». По пути с речами выступили: М. Чалый, студенты — Стоянов, В. Антонович, М. Драгоманов. На пароходе гроб Шевченко сопровождали его братья и сестра, М. Чалый, В. Забила, А. Лазаревский, Г. Честаховский и многие студенты Киевского университета. Среди них: М. Лысенко, М. Старицкий, Т. Рыльский, П. Житецкий и другие. 8 мая пароход «Кременчуг» прибыл в Канев. Разлив был большой, и пароход остановился далеко от берега. Собралась огромная масса народа. Гроб несли на руках и установили в Успенской церкви. Г. Честаховский настаивал, чтобы похоронили поэта над Днпром, на той земле, которую он хотел приобрести. Но это была земля помещицы, и пришлось хоронить поэта на городской земле — на Чернечьей горе, которую народ с той поры назвал Шевченковой. Похороны состоялись 10 мая (22-го по новому стилю). Весь день 9 мая пароходами и из окрестных сел прибывал народ. Могилу выкопали студенты и местные почитатели поэта. Гроб был опущен в семь часов вечера. Многие остались ночевать на Тарасовой горе. На другой день народ начал насыпать над могилой высокий курган (по-украински — «могилу»).

Власти были обеспокоены большим стечением народа. Генерал-губернатор князь Васильчиков дал шифрованную телеграмму шефу жандармов. Началось расследование: кто выступал и о чем говорил.. Шеф жандармов князь Долгоруков докладывал Александру II: «Честаховский был вытребован в Киев, и там генерал-губернатор сделал ему строжайшее внушение, приказав ему немедленно возвратиться в Санкт-Петербург, к месту служения, и с тем вместе обязал его подпиской не приезжать во вверенное ему, князю Васильчикову, управление, край»¹. Но волнения продолжались...

¹ Матеріали до вивчення історії української літератури, т. III. Київ, Радянська школа, 1960, с. 304.

Физической смертью поэта не завершается его жизнь. Об этом хорошо в свое время сказал Белинский: «Пушкин принадлежит к вечно живущим и движущимся явлениям, не останавливающимся на той точке, на которой застала их смерть, но продолжающимся развиваться в сознании общества. Каждая эпоха произносит о них свое суждение, и как бы ни верно поняла она их, но всегда оставит следующей за нею эпохе сказать что-нибудь новое и более верное, и ни одна и никогда не выскажет всего...»¹.

Относительно роли и места Шевченко в истории украинской литературы высказывались различные мнения. Даже еще в первые годы после Великого Октября многие историки литературы считали И. Котляревского основоположником новой украинской литературы. Ни в коей мере не преуменьшая большой исторической роли автора украинской «Энеиды» и «Наталки Полтавки» в становлении новой литературы, теперь все пришли к единому мнению, что настоящим и подлинным родоначальником и основоположником новой украинской литературы является только Тарас Шевченко.

Вся новая украинская литература пошла по пути, указанному Шевченко. Но развивалась она не единым потоком.

Демократическая, прогрессивная украинская литература во второй половине XIX—XX столетий развивалась под знаком Шевченко: Марко Вовчок, Панас Мирный, Иван Франко, Леся Украинка, М. Коцюбинский и многие, многие другие не раз отмечали колоссальную роль великого поэта в своем идейно-художественном становлении. Но наряду с этим было и эпигонство, и националистическая фальсификация творчества Шевченко.

Наследие Шевченко принадлежит не только украинскому, но и всем народам России, всему славянству, всему прогрессивному человечеству. Еще при жизни великого поэта, как мы не раз упоминали, его произведения начали переводить и издавать на русском языке, начали переводить на польский и чешский, позже на болгарский, сербский, словенский и другие языки. В 1865 году появилась первая биография Шевченко на польском языке, в 1870 году издан критико-биографи-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. V, с. 555.

ческий очерк Й. Обриста на немецком языке. В 1874 году выходит из печати биография Шевченко на русском языке В. Маслова. В 1878 году в Женеве вышла на французском языке брошюра М. Драгоманова «Украинская литература, запрещенная русским правительством», представленная им как доклад на литературный конгресс в Париже. Известно, что эта брошюра была в библиотеке К. Маркса — он ее читал и отчеркивал места, где шла речь о жизни и творчестве Шевченко.

Высоко оценил творчество Шевченко один из первых марксистов в России Г. Плеханов в рецензии (Социал-демократ, 1890, № 3) на женевское издание 1890 года «Поэзії Т. Гр. Шевченка, заборонені в Россіі».

В. И. Ленин еще в детские и юношеские годы был знаком с биографией и произведениями Шевченко. Интересен такой факт: журналист и книгоиздатель В. И. Яковенко напечатал в 1894 году биографию Шевченко, написанную с революционно-демократических позиций. Уезжая в 1900 году в эмиграцию, В. И. Ленин и Н. К. Крупская берут с собой самое необходимое, в том числе и брошюру Яковенко «Т. Г. Шевченко. Его жизнь и литературная деятельность». Н. К. Крупская в письме 12 февраля 1905 года советовала харьковскому большевику Л. Рошину шифровать свои письма к ней по этой книжке: «Пусть пишет по биографии Шевченко, издания Павленкова»¹.

Статьи о Шевченко печатаются на страницах дооктябрьской «Правды». Партия большевиков не раз использовала в своих подпольных прокламациях тексты Шевченко. В. И. Ленин и Н. К. Крупская 9 марта 1914 года были на шевченковском вечере в Кракове. В письме к М. А. Ульяновой 16 марта они писали: «Были на украинском вечере в честь Шевченко»².

После Великого Октября всенародное чествование памяти Шевченко становится государственным делом. По инициативе В. И. Ленина разработан план монументальной пропаганды. 24 июля 1918 года В. И. Ленин подписывает декрет о сооружении памятников выдающимся деятелям культуры прошлого. В списке, приложенном к декрету,

¹ Переписка В. И. Ленина и руководимых им зарубежных партийных органов с социал-демократическими организациями Украины (1901—1905 гг.). Сборник документов, Київ, 1964, с. 522.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 353. Отношение В. И. Ленина к творчеству поэта обстоятельно исследовано в кн.: Большаков Л. Н. Пошук заповітного. Київ, Дніпро, 1985.

мы находим и имя Шевченко. Первые памятники великому поэту были сооружены в Москве и Петрограде.

Наследие Шевченко, освобожденное от всех цензурных извращений, издается миллионными тиражами. Вырос новый раздел литературоведения — шевченковедение.

Традиции Шевченко, как и всей отечественной и прогрессивной мировой литературы, играют большую роль в развитии художественного слова новой советской эпохи. В 1939 году газета «Правда» писала: «У Шевченко училась и учится богатая украинская литература. Нет на Украине выдающегося поэта и писателя, который не испытал бы на себе могущественного влияния титана украинской поэзии. Он оплодотворяет литературу своего народа художественной силой и простотой слова, пламенной любовью к народу, революционной страстью. Советская украинская литература хранит и обогащает наследие своего великого учителя. Украинские писатели и поэты, известные всей Советской стране — П. Тычина, М. Бажан, А. Корнейчук, М. Рыльский, Ю. Яновский, А. Головка, П. Панч и другие, — ученики Тараса Шевченко, его наследники»¹.

Наследие Шевченко чтит все прогрессивное человечество. 24 ноября 1960 года Президиум Всемирного Совета Мира рекомендовал всем народам земного шара 10 марта 1961 года отметить 100-летие со дня смерти Шевченко. На Украине установлены Государственные премии Украинской ССР имени Шевченко в области литературы и архитектуры.

61-ая сессия Исполнительного совета ЮНЕСКО в мае 1962 года постановила внести в календарь знаменитых дат на 1964 год празднование 150-летия со дня рождения Шевченко и рекомендовала широко отметить юбилей во всех странах мира. В конце 1963 года Всемирный Совет Мира вынес решение о чествовании памяти Шевченко всем прогрессивным человечеством всех континентов.

29—30 мая 1964 года в Киеве проведен Международный форум деятелей культуры. В нем приняли участие деятели культуры, науки и искусства братских республик СССР и 43-х зарубежных стран. На форуме присутствовала делегация ЮНЕСКО.

Теперь каждый год на Украине проводятся шевченковские дни поэзии, куда приезжают поэты и дея-

¹ Шевченко Т. Г. Документи та матеріали..., с. 406.

тели культуры со всего Советского Союза и из разных стран.

Шевченко переведен на все языки народов Советского Союза, на языки народов всех социалистических стран, на подавляющее большинство языков народов мира. О мировом значении великого поэта в свое время А. Белецкий сказал, что Шевченко умел «оставаться самим собой — великим революционным поэтом, не повторяющим никого и не повторенным никем во всей истории мировой литературы. В истории мировой литературы Шевченко принадлежит свое, никем другим не занимавшееся место»¹.

¹ VI пленум Правления ССП СССР..., бюллетень № 3, 1939, с. 140.

СОДЕРЖАНИЕ

Начало	3
«Хотя и воли, сказать по правде, не было...»	24
«На Украине милой...»	63
Снова в Петербурге	75
«На нашей славной Украине...»	97
«Терзаюсь, мучаюсь... но все ж не каюсь!»	139
«Мы прямо шли, и ни зерна у нас неправды за собою...»	230

Кирилюк Е. П.
К 43 Тарас Шевченко. Критико-биографический очерк./Пер. с укр. Е. Кирилюка. — М.: Худож. лит., 1988. — 350 с.

ISBN 5—280—00400—6

Книга известного украинского шевченковеда, члена-корреспондента АН УССР, лауреата Ленинской премии Е. П. Кирилюка представляет собой обстоятельный рассказ о жизненном и творческом пути великого украинского поэта и художника Т. Г. Шевченко (1814—1861). На основе архивного, эпистолярного и мемуарного материала автор в популярной форме раскрывает становление таланта Шевченко, идейный облик пламенного революционера, его поэтическое мастерство, его роль в развитии украинской литературы.

Со страниц книги встает образ негибаемого борца против царской тирании, верного единомышленника Добролюбова, Чернышевского, Герцена, нежного лирика, автора бессмертного «Кобзаря».

К $\frac{4603010201-157}{028(01)-88}$ 204-88

ББК 83.3Р1

Евгений Прохорович Кирилук

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

Критико-биографический очерк

Редакторы

Е. ДЕЙЧ

Е. МЕЛЬНИКОВА

И. МАСУРЕНКОВА

Младший редактор

О. ХУЦИЕВА

Художественный редактор

С. БИРИЧЕВ

Технические редакторы

Л. ИЗГАРШЕВА

А. КАШАФУТДИНОВА

Корректоры

Б. ТУМЯН,

Т. ФИЛИПОВА

ИБ № 3393

Сдано в набор 09.06.87. Подписано к печати 15.02.88. А 02327. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 18,48 + 1 вкл. = 18,53. Усл. кр.-отт. 18,53. Уч.-изд. л. 19,24 + 1 вкл. = 19,28. Тираж 10 000 экз. Изд. № IX—772. Заказ № 1346. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882. ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Типография издательства «Калининградская правда», 236000, Калининград обл., ул. Карла Маркса, 18